

СУПЕРОБЛОЖКА

Сол Шульман

ВЛАСТЬ
И
СУДЬБА...

Сол Шульман

**ВЛАСТЬ
И
СУДЬБА...**

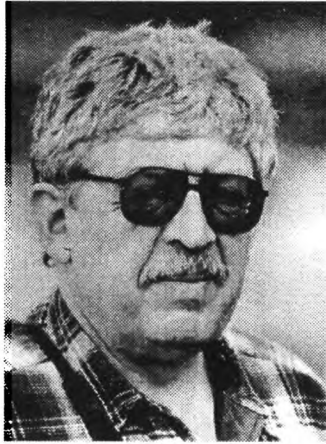

ФОРЗАЦ

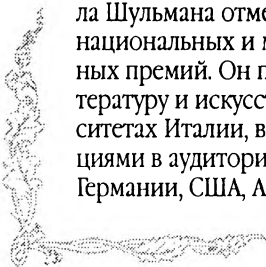
*Всякий народ имеет
такое правительство,
какого заслуживает.*

Жозеф де Местр

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Сол Шульман — известный писатель, драматург, режиссер. Родился в Белоруссии в семье врачей. По первой своей профессии — инженер. В 1966 году закончил второе высшее учебное заведение — институт кинематографии (ВГИК). Автор и режиссер свыше пятидесяти кинематографических работ. Его литературные и публицистические произведения изданы почти на всех основных европейских языках, а книги «Россия умирает от смеха» и «Инопланетяне над Россией» завоевали популярность у читателей многих стран мира. Работы Сола Шульмана отмечены рядом национальных и международных премий. Он преподавал литературу и искусство в университетах Италии, выступал с лекциями в аудиториях Англии, Германии, США, Австралии.

Сол Шульман

ВЛАСТЬ
И
СУДЬБА...

*Личные судьбы
правителей Кремля
от его основания до наших дней*

МОСКВА
1998

«Власть и судьба» — это полное драматизма документальное повествование, рассказывающее о *личных судьбах* правителей московского Кремля от его основания до наших дней. Впервые в рамках одной книги даны персональные портреты всех ключевых фигур российского государства, обитавших в Кремле и правивших им на крутых поворотах нашей истории. Судьба Кремля, во многом зависевшая от личных качеств этих людей, это сфокусированная в одной точке судьба всей России. Книга написана легким доступным любому читателю языком и не оставит равнодушными даже тех, кто до этого мало интересовался историей страны.

ISBN 5-86095-100-0

© Автор С. Шульман, 1998
© Художник Л. Дружинина, 1998
© Издательство «Остожье», 1998
© ИП ИПФ «Ставрополье», 1998

**ПАМЯТИ
Натана
Эйделямана**

замечательного писателя, талантливого историка и удивительного человека. Друзья называли его гением архивных розысков, человеком безошибочного выбора, мудрецом и оптимистом, творчество которого навсегда вошло в современную культуру России. Его литературными героями были люди, близкие ему по духу, такие как Александр Герцен, Иван Пущин, Михаил Лунин, Николай Карамзин...

Предлагаемая читателю книга задумывалась вместе с Натаном. Он должен был быть одним из ее авторов, но судьба распорядилась иначе...

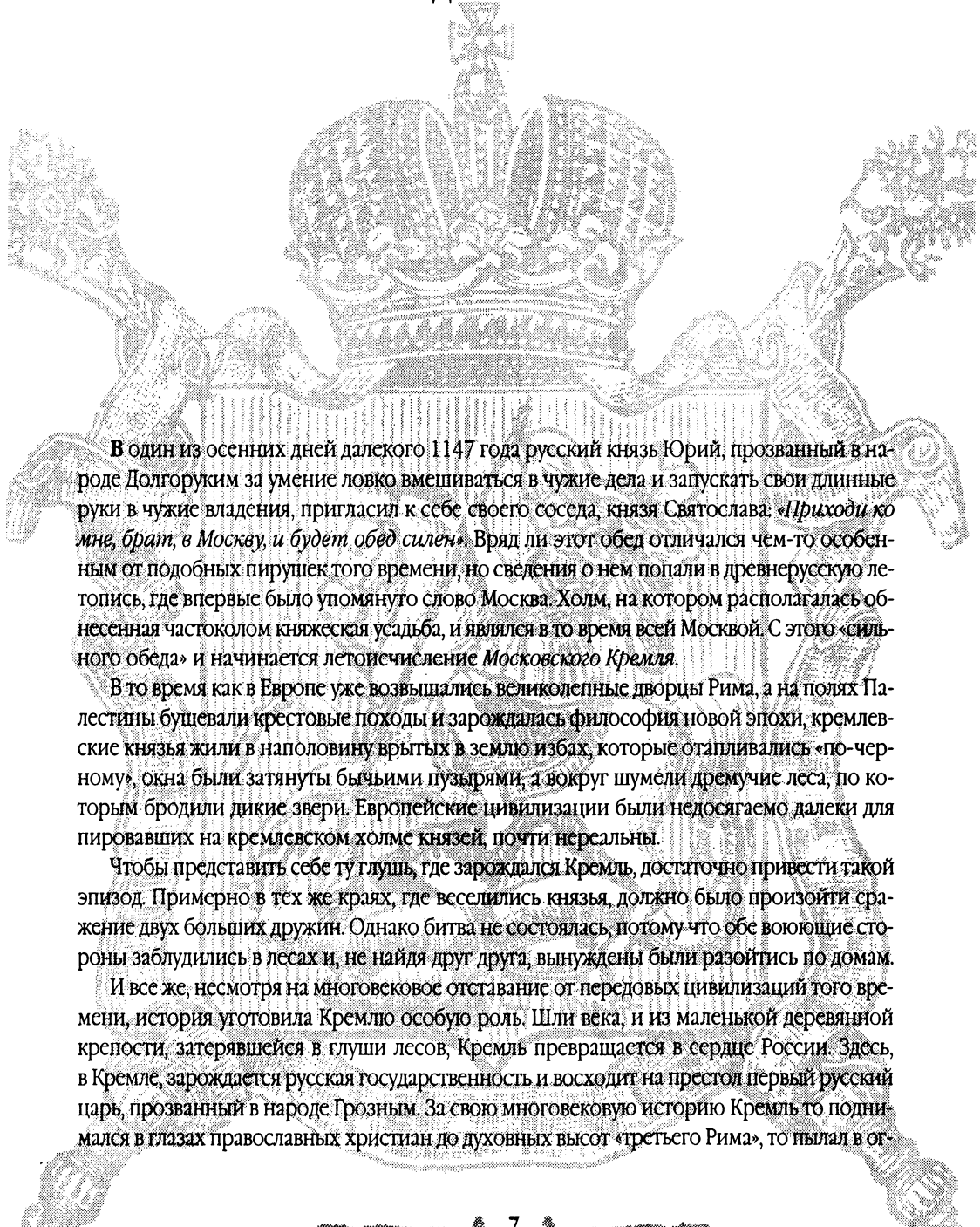
ОТ АВТОРА

Тайна — это многовековая традиция Кремля. Тем более, если речь идет о жизни его правителей. Предлагаемая работа не ставит перед собой никаких сложных академических задач и ограничена лишь очерками о личных судьбах людей, которые правили этой крепостью на крутых поворотах российской и советской истории. Впервые сделана попытка объединить эти судьбы в одной книге, что, по мнению автора, даст возможность читателю, в силу его собственного разума, лучше понять некоторые закономерности в сложной и нелегкой судьбе России. Книга рассчитана на самый широкий круг читателей, в том числе и на тех, кто до этого, возможно, и не интересовался жизнью и судьбами исторических личностей.

...

Автор выражает признательность друзьям и коллегам, помогавшим ему в осуществлении данной работы. В первую очередь это президент американской издательской ассоциации «Стюарт, Табори, Чанг» мистер Анджо Стюарт, стоявший у истоков замысла. Большую помощь советами и критическими замечаниями оказал мне мой друг писатель Игорь Гельбах. Фотоматериалами и личными воспоминаниями помог мне мой старый добрый приятель талантливый московский художник Борис Жутовский. Искреннее спасибо за советы и помощь моим друзьям — профессору искусствоведения Борису Бродскому и директору московского музея архитектуры Владимиру Резвину. И, конечно же, безграничная признательность моим близким, терпеливо выдерживавшим все перипетии этой работы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В один из осенних дней далекого 1147 года русский князь Юрий, прозванный в народе Долгоруким за умение ловко вмешиваться в чужие дела и запускать свои длинные руки в чужие владения, пригласил к себе своего соседа, князя Святослава: *«Приходи ко мне, брат, в Москву, и будет обед силен»*. Вряд ли этот обед отличался чем-то особенным от подобных пирушек того времени, но сведения о нем попали в древнерусскую летопись, где впервые было упомянуто слово Москва. Холм, на котором располагалась обнесенная частоколом княжеская усадьба, и явился в то время всей Москвой. С этого «сильного обеда» и начинается летоисчисление *Московского Кремля*.

В то время как в Европе уже возвышались великолепные дворцы Рима, а на полях Палестины бушевали крестовые походы и зарождалась философия новой эпохи, кремлевские князья жили в наполовину врытых в землю избах, которые отапливались «по-черному», окна были затянуты бычьими пузырями, а вокруг шумели дремучие леса, по которым бродили дикие звери. Европейские цивилизации были недостижимо далеки для приравнявших на кремлевском холме князей, почти нереальны.

Чтобы представить себе ту глушь, где зарождался Кремль, достаточно привести такой эпизод. Примерно в тех же краях, где веселились князья, должно было произойти сражение двух больших дружин. Однако битва не состоялась, потому что обе воюющие стороны заблудились в лесах и, не найдя друг друга, вынуждены были разойтись по домам.

И все же, несмотря на многовековое отставание от передовых цивилизаций того времени, история уготовила Кремлю особую роль. Шли века, и из маленькой деревянной крепости, затерявшейся в глуши лесов, Кремль превращается в сердце России. Здесь, в Кремле, зарождается русская государственность и восходит на престол первый русский царь, прозванный в народе Грозным. За свою многовековую историю Кремль то поднимался в глазах православных христиан до духовных высот «третьего Рима», то пылал в ог-

А. Васнецов, "Основание Москвы в 1147"

не войн и пожаров, чтобы опять возродиться. 850-летняя история Кремля — это сконцентрированная в одном фокусе история всей России, ее судьба и ее культура.

Время отняло могущество у многих великих цитаделей, обладавших некогда неограниченной властью, превратив их в великие, но всё же мертвые музеи человеческой истории. Афинский Акрополь навсегда останется для нас населенным древними греками, а Версаль — придворными в париках. И лишь два архитектурных ансамбля, которые принадлежат одновременно прошлому и настоящему, сохранились сегодня в мире. Это Ватикан и Кремль. Только они, являясь крупнейшими историческими центрами мировой культуры, тем не менее не превратились в мертвые музеи, а по сей день остаются центрами реальной власти.

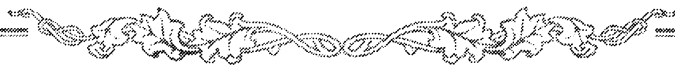
Вряд ли где-либо в мире найдется другой такой национальный центр, который так глубоко повлиял бы на судьбу своего народа, как влиял Кремль на судьбу России. Наполеон не покушался на Ватикан, захватив Рим. Он не разрушил Хофсбург в покоренной Вене. Но он попытался взорвать Кремль, ибо видел в ансамбле этой крепости воплощение души народа, с которым воевал. Император не без основания считал, что без Кремля история России должна будет потечь по другому руслу.

И он был прав. Недаром Кремль всегда, даже в «петербургский период», оставался местом коронации русских царей, ибо при слове «Кремль» в сознании русского человека включается механизм генетической памяти, самодержавной власти, код России...

Именно поэтому мы ограничили свою работу рамками Кремля. В ней мы не ставим задачу развернуть перед читателем всю историю Кремля и его политической жизни. Как раз наоборот, по возможности мы будем стараться не касаться политики и войн. В кратких очерках мы хотим нарисовать лишь персональные портреты ключевых фигур, живших в этой крепости и правивших ею на крутых поворотах нашей истории. Ибо, как уже было сказано, судьба Кремля, во многом зависевшая от личных качеств этих людей — это сфокусированная в одной точке судьба всей России.

◀ *Основатель Москвы
князь Юрий
Долгорукий*

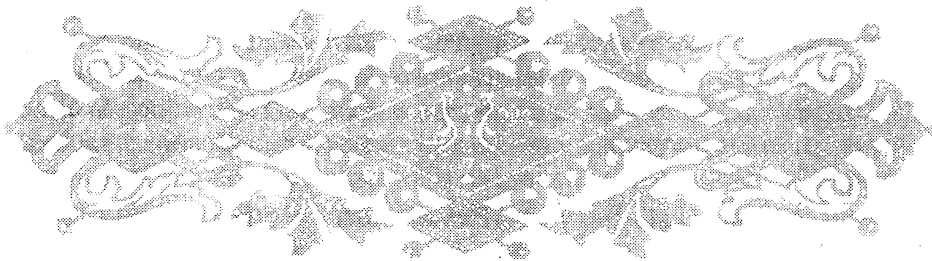

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Верещагин. Двери Тимура

РУСЬ БАСУРМАНСКАЯ

Одним из самых тяжелых был в русской истории век XIII. С востока, из закаспийских степей Средней Азии, в тучах пыли, с гиканьем и топотом, двигались на Русь орды монголо-татарских кочевников во главе с воинственным *Чингисханом*, сумевшим подчинить себе все кочующие азиатские племена. А с запада, под знамёнами крестоносцев, нависли над русской землёй закованные в латы германские рыцари. Это было время, когда решался вопрос о самом существовании Руси.

У монголов было правило — если противник покоряется, его щадят; если же он сопротивляется, то истребляют всех без разбора, от младенцев до стариков. Русь сопротивлялась отчаянно, а потому была опустошена до последней степени. Там, где побывали завоеватели, осталась в живых едва ли десятая часть населения. Как пишет историк:

*«Ужасное зрелище представляла русская земля после монголо-татарского погрома... Груды обгоревших развалин вместо городов и сёл, белеющие кости непогребенных людей, поля, заросшие сорной травой... Сотни тысяч убитых, десятки тысяч уведенных в плен... Живые завидовали спокойствию мертвых...»**

Двести сорок лет (1240-1480) была Русь под монголо-татарским игом. Все русские люди, от князей до крестьян, считались рабами хана, а сам хан считался царем русских земель *«Божьей милостью»* (т.е. сам Бог вручил ему это царство). Русские же князья правили в своих землях *«ханской милостью»*. Хан сажал их *«на княжество»* и давал власть, возвышая над другими князьями.

Задачей дальновидного русского политика того времени было пройти по *«острию ножа»* и, умом и хитростью, так сбалансировать взаимоотношения Руси с врагами, чтобы сохранить её существование. Человек, который принял на себя эту задачу, был новгородский князь *Александр Невский*. Он прекрасно понимал, что разорённая, залитая кровью Русь в настоящее время не может и помышлять вырваться из-под власти монголов силою оружия. Ей предстоит другая историческая дорога. А пока надо отдаться на волю победителя, тем более, что сам *хан Батый* требовал Александра к себе, обещая *«посадить на княжество»*.

Пребывание в стане Батыея и наблюдение за жизнью монголо-татар вблизи многое разъяснило Александру в их характере и укладе. Монолитная сплочённость, беспрекословное подчинение старшему, полное безразличие к судьбе отдельной личности, фанатизм и жесточайшая свирепость ко всему сопротивляющемуся — вот те качества, которые делали их великими завоевателями. И в то же время они были весьма терпимы к покорившимся и признавшим их власть, никогда не притесняли чужую веру и обычаи, и даже освобождали от податей церкви и монастыри. Церковные вещи были объявлены ими неприкосновенными, а за надругательство над православной верой полагалась лютая смерть.

Умный Александр понял, что покорность не только поможет спасти Русь, но принесёт русским князьям даже выгоды, которых они не имели раньше. Никогда русские князья не были единоличными владельцами своих княжеств. Они были правителями, а не государями, и по древней русской традиции должны были делить власть с народным собранием — *«вече»*. С приходом же монголов ситуация изменилась. Хану было легче управлять завоеванными землями через покорившихся ему князей, чем через непредсказуемое народное собрание. Поэтому он как мог помогал усилению княжеской власти и ослаблению *вече*. В этом княжеские и ханские интересы совпадали. Каждый прибывавший в ставку хана русский князь *«бил челом»* и получал от хана во владение своё княжество, становясь, таким образом, его единовластным хозяином. Постепенно княжеская

* Все библиографические источники помещены в конце книги. — С.Ш.

власть подавила древнее вечевое право. Заимствованное от монголов жесточайшее самовластие теперь уже надолго укоренится на Руси.

После смерти Александра Невского в 1263 году, у него осталось четыре сына. Младший, *Даниил*, был еще ребёнком. Ему в наследство достался самый незavidный удел — Москва, бывшая тогда маленькой деревушкой. Князь Даниил умер в 1303 году, оставив Москву своему сыну *Юрию*. В 1315 году по приказу хана Юрий отправляется в Орду — центр ханской власти. В Орде он прожил два года, вошел в милость к хану и женился на его сестре. Вернувшись на русские земли, Юрий становится Великим Князем, т.е. старшим из всех русских князей, и поселяется в городе Новгороде, уступив Москву своему младшему брату Ивану, получившему за свое скопидомство прозвище *Калиты*, что значило — мешок с деньгами.

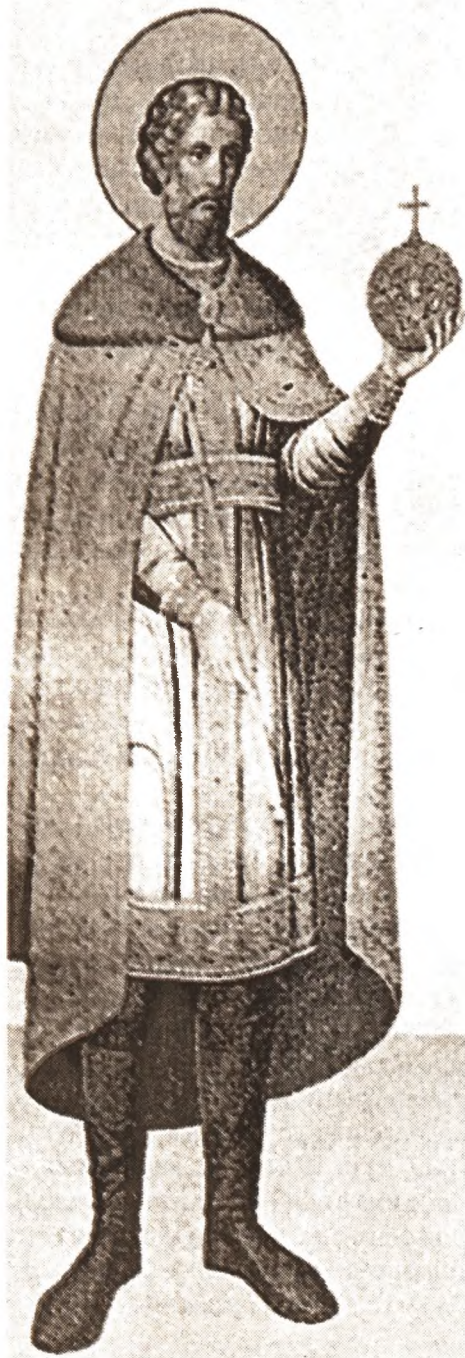
Восемнадцать лет правления Ивана Калиты было временем первого возвышения Москвы над другими русскими княжествами. Этому способствовало не только выгодное географическое положение города — на высоком холме, в месте слияния двух судоходных рек, окруженный другими русскими областями, что защищало его от внезапного нападения чужеземцев — но и то, что Иван Калита умел ладить с ханом.

Если до Ивана Калиты Кремль фактически представлял собою всю Москву, то теперь за пределами его стен раскинулся обширный район с пристанью, торговыми лавками, купеческими амбарами. В базарные дни сюда съезжаются крестьяне из окрестных деревень, выносят свои изделия ремесленники, подплывают к пристани ладьи с товарами из других русских городов. Шумно на Москве-реке, до глубокой осени снуёт по ней торговый люд.

Видя быстрое усиление московского княжества, многие бояре, имевшие право переходить от князя к князю и, естественно, желавшие жить там, где побогаче и получше, покидают своих князей, переходя к московскому. Они получают от него земли за обязательство служить. За боярами тянутся вольные люди, годные к ратным делам. И, наконец, в Москву начинают переселяться даже иноземцы, включая и татар. Они принимают православие и становятся русскими. Так, кстати, появился на московской земле мурза Чет — родоначальник фамилии Годуновых, из которых в будущем выйдет царь Борис Годунов.

Ко времени своей кончины в 1341 году Иван Калита, кроме Москвы, уже владел пятью городами и множеством сел. К сожалению, досталось все это богатство людям малоспособным. Старший сын Калиты *Симеон*, княживший в Москве с 1341 по 1353 год, ничем особым свое имя в историю не вписал, а младший — *Иван II*, княживший с 1353 по 1359, вообще был личностью ничтожной. И лишь авторитет покойного отца и традиционная благосклонность к нему хана кое-как еще поддерживали престиж Москвы во времена правления этих двух князей.

« Князь Димитрий Донской

Преемником Ивана II становится девятилетний Димитрий, вошедший в историю под именем *Димитрия Донского*. В это время у татаро-монголов происходят сильные политические взрывы, что в конечном итоге и становится началом конца их могущества. В результате убийств и переворотов, ханский трон шесть или семь раз меняет своего хозяина. Начинается деление татаро-монгольского ханства. Во главе одной из его половин становится будущий *хан Мамай*.

Само собой разумеется, что ослабление ханской власти влечет за собой активизацию освободительного движения на русских землях. Во главе этого движения становится Московское княжество, поддержанное большинством русских князей. 8-го сентября 1380 года на берегу реки Дон на Куликовском поле происходит величайшее по тому времени сражение между русскими и монголо-татарами, вошедшее в историю под названием *Куликовская битва*. Как утверждает летопись, под русскими знаменами собралось огромное по тому времени количество воинов — 150.000, а монголо-татар была «тьма». Сначала князь Димитрий не хотел переходить Дон, чтобы дать сражение на противоположном берегу, но бояре уговорили его. Они посоветовали князю перейти Дон, чтобы у русских воинов не было никаких надежд на отступление. «*Одолеем татар — будет тебе, князь, и всем слава, а если они перебьют нас, то все умрём одною смертью!*»

День начался пасмурно, но потом тучи рассеялись и выглянуло солнце. Сеча началась к полудню. Как рассказывает летопись, такого сражения Русь еще не знала. Кровь лилась как дождевые потоки, а труп валился на труп — татарин на русского, русский на татарина. Когда уже казалось, что битва для русских проиграна, исход сражения решил сидевший в засаде отряд, ударивший татарам в спину. Разгром был полный. Сам тучный хан Мамай бежал, потеряв коня.

Хотя эта победа и не имела решающего значения и монголо-татарское иго продолжалось на Руси ещё ровно сто лет, но она имела огромное моральное значение. Впервые за полтора века рабства и унижений русское самосознание смогло поднять голову. За эту битву на реке Дон князь Димитрий получил прозвище Донского.

В советское время историография из патриотических соображений всегда оценивала фигуру Димитрия Донского только положительно, возведя его в ранг национального героя, к чему есть немало оснований. Однако, некоторые русские историки оценивают эту фигуру более осторожно. Вот, например, что пишет о нем классик русской исторической науки Н.И.Костомаров:

«Личность великого князя Димитрия Донского представляется по источникам неясною... смешение отваги с нерешительностью, храбрости с трусостью, ума с бестактностью, прямотушия с коварством...»

По-видимому, какую-то роль в этих выводах Костомарова сыграли страницы из древнерусского литературного памятника «Повесть о Мамаевом побоище», где описывается Куликовская битва. Хотя сам Костомаров и заявляет, что эта повесть никак не может считаться достоверным историческим документом, но все же какие-то выводы он из нее черпает. В ней, в частности, рассказывается, будто перед битвой Димитрий надел свою яркую великокняжескую мантию на своего приближенного, а сам облачился в одежду простого воина, якобы для того, чтобы сражаться наравне со всеми. В действительности же, как говорит «Повесть», он попросту струсил. Одетый в его мантию приближенный был убит в бою, а Димитрий после сражения был найден лежащим под срубленным деревом, прикрытый его ветками, еле дышащий от страха, но без ран.

Что в этом правда, что вымысел — трудно сказать. История имеет свои причуды и по своей прихоти выбирает героев. Но, вне зависимости от личных качеств князя Донского, Куликовская битва была и остается гордостью и важнейшей вехой русской, а, возможно, и европейской истории, поскольку она положила начало освобождению русских земель от татаро-монгольского ига и этим приостановила их проникновение на Запад. Как писал великий русский поэт Александр Блок в своей знаменитой поэме «Скифы»: «...Мы, как послушные холопы, | держали щит меж двух враждебных рас — | Монголов и Европы!..»

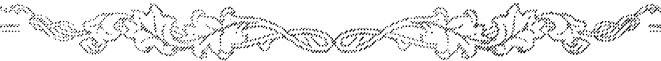

Димитрий Донской скончался в 1389 году на сороковом году жизни, оставив свое княжество сыну *Василию* (1385-1425), который, как утверждает летопись, был поумнее и поизворотливее отца. При нем происходило бурное расширение Московского княжества, в то время как ханское княжество из-за внутренних междоусобиц продолжало слабеть и распадаться. Москвичи даже прекратили платить хану дань, считая себя независимыми, но в 1408 году к стенам Кремля неожиданно подошло татарское войско. Кремль они взять не смогли, но сильно опустошили и сожгли соседние города и села, показав этим, что у них еще достаточно сил для набегов и разорений.

Преемником князя Василия стал его старший сын, тоже Василий, получивший в будущем прозвище *Тёмный*. Умом и волею он не блистал, зато был известен как человек коварный. В это время на Руси разгорелась междоусобица. В 1446 году, при посещении монастыря, князь Василий был захвачен другим князем, брошен в заточение и ослеплён (отсюда и прозвище *Тёмный*). Но народное возмущение, которое на Руси всегда становится на сторону обиженного, вырвало его из темницы и вернуло на княжество. Как отмечает летопись, если зрячий Василий был правителем совершенно никчемным, то с потерей зрения его правление приобретает ум, волю и решительность. Скорее всего это объясняется тем, что с потерей зрения князь Василий стал больше нуждаться в помощи и прислушиваться к умным советчикам.

Слепой князь берет к себе в соправители своего старшего сына Ивана, который наравне с отцом получает титул великого князя. В 1462 году Василий *Тёмный* умирает, оставив сына, вошедшего в историю под именем *Ивана III*, единовластным правителем. Историки нередко называют его еще *Иваном Великим*, и в этом есть большой смысл. Иван III — фигура сложная, противоречивая, далеко не всегда положительная, но никак не мелкая. Он был человеком холодным, расчетливым и жестоким — достойным дедом своего будущего внука — *Ивана Грозного*. Не зная историю правления *Ивана III*, невозможно понять дальнейшее развитие России, ибо он положил начало многим общественным явлениям — как положительным, так и омерзительным, — которые укоренятся на русской земле не на один век.

По мере усиления могущества *Ивана III* возрастает и его жестокость. Заполняются тюрьмы, страшные пытки становятся явлением повседневным, появляется не известная в древней Руси позорная *торговая казнь* — сечение кнутом на площади. Со временем из *Ивана III* вырабатывается классический азиатский деспот, не гнушающийся даже своим покоренным соотечественникам отрезать для устрашения носы и губы. Самые знатные придворные страшились хоть в мелочи ослушаться сурового князя — по одному его взгляду голова уже лежала на плахе. Летопись утверждает, что женщины падали в обморок от одного его гневного взгляда. Случалось, что на пирах высокие сановники государства просиживали по несколько часов в гробовом молчании, боясь пошевелиться или кашля-

нуть, чтобы не вызвать гнева у задремавшего князя, раболепно дожидаясь его пробуждения, когда он откроет глаза и прикажет им опять веселиться...

Во времена Ивана III происходит и окончательное освобождение русских земель от татаро-монгольского владычества. Причем происходит это более-менее мирным путем, без крови, от полного упадка и разложения ханского княжества. Правда, для окончательного освобождения намечалась еще одна, слава Богу, не состоявшаяся битва...

Хан Ахмат, чтобы восстановить потерянное влияние, двинулся на Москву. Хотя это было уже далеко не то устрашающее татаро-монгольское войско, как прежде, да и русские полки закалились в боях и вряд ли уступали врагу в силе, но тем не менее князь Иван всё же сильно нервничал. Да и в народе носились слухи о всяких зловещих предзнаменованиях. Люди рассказывали, что ночью в Москве сами по себе звонили колокола и рухнул купол одной из церквей.

Иван поддается панике, оставляет выступившее навстречу врагу русское войско на своих военачальников, а сам возвращается в Москву. Народ, который и так не любил Ивана, а лишь боялся его, увидя князя в столице, а не в войске, приходит в ярость. *«Ты, государь, княжишь нами так, что пока тихо и спокойно, то обираешь нас понапрасну, а как придет беда, так ты в беде покидаешь нас...»* *«Ты боишься смерти, — гневно говорит ему архиепископ, — но ведь ты не бес- смертен!.. Если боишься, то передай своих воинов мне. Я хоть и стар, но не пощажу себя, не отверащу лица своего, когда придется стать против татар».*

В действительности же татары боялись русских больше, чем русские татар. Хан ушел, не приняв сражения. Этот момент и принято считать окончательным освобождением Руси от татаро-монгольского ига.

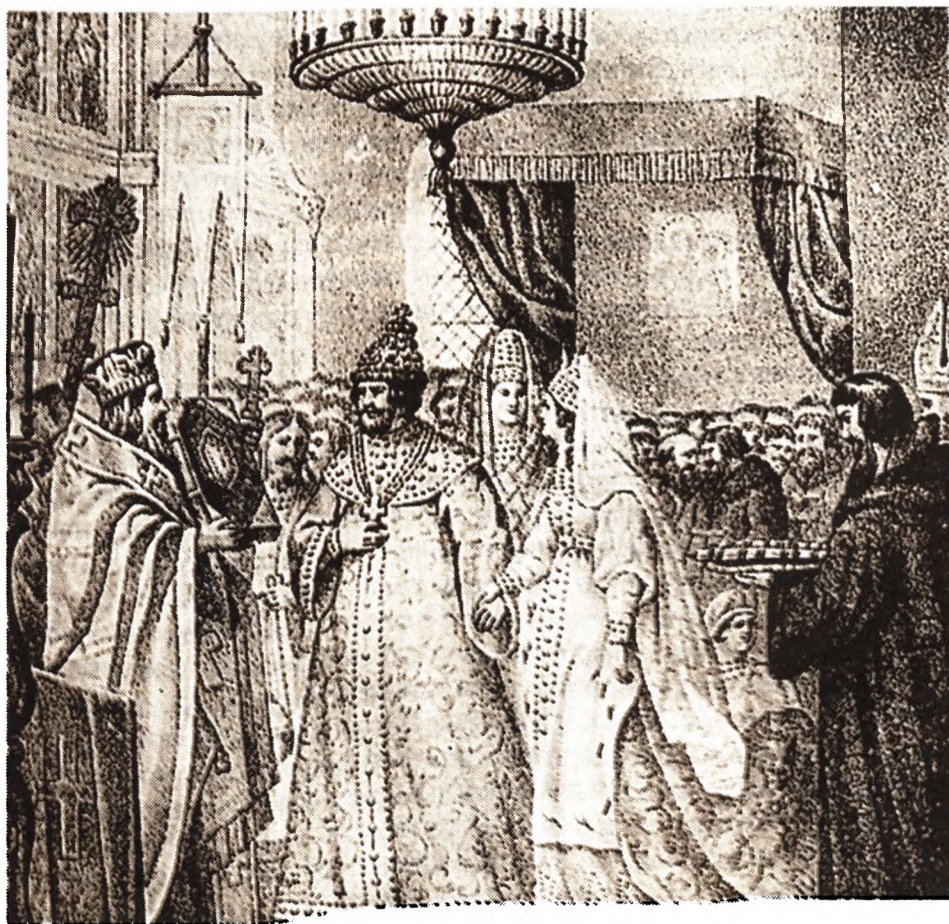
Сегодня, оглядываясь назад с дистанции почти пяти веков, мы, если говорить разным языком, видим лишь небольшую, заросшую бурьяном, траншею — историческую царапину на гигантском теле России, оставленную двумя с половиной веками татаро-монгольского ига. А ведь эта «царапина» когда-то была зияющей, уходящей далеко за горизонт времени, исторической пропастью, протянувшейся от края до края на двести сорок лет. Внутри этого временного пространства рождались и умирали целые поколения русских людей. Многие из них лишь по легендам и сказаниям туманно могли представить себе далекие времена *дотатарской* воли и уж никак не могли заглянуть за горизонт будущего, до которого было еще много десятилетий...

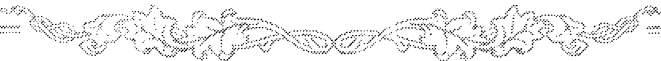
Чтобы лучше понять то историческое время, перенесемся в Европу. Её сотрясают междоусобные войны. Появляются такие фигуры, как Лютер (Luther) и Кальвин (Calvin). Их революционные идеи, отвергающие роль церкви как посредника между Богом и рядовым христианином, набирают силу. Пустеют храмы. Потрясенная до самых основ, церковь вооружает всех, от нищего монаха до Папы, для защиты своих пошатнувшихся устоев. Площади европейских городов покрываются эшафотами. Священники и солдаты, князья и крестьяне заглушают во-

енными кличами голос свободы, раздавшийся с высоты Вартбургской крепости, где укрылся Лютер. И лишь Москва в своем вековом захолустном одиночестве остается чуждой этим европейским бурям. Она их вовсе не замечает, и лишь изредка до нее доносятся глухие отзвуки далекой борьбы.

Но тут на горизонте вырисовывается новая опасность — ислам готовится к наступлению на христианский мир. В страхе перед этой новой угрозой Рим и Вена, Венеция и Женева ищут себе союзников и обращают взгляд на мало известную им Москву. Европейские дипломаты начинают стараться перебросить мост к далеким варварским племенам россиян. Но это нелегкое дело, так как русские тоже смотрят на Европу как на неведомую и презираемую ими землю. И лишь случай помогает обеим сторонам.

В 1471 году Иван III овдовел, и папа римский решает посватать ему племянницу византийского императора *Софью Палеолог (Sophia Palaeologus)*. В 1453

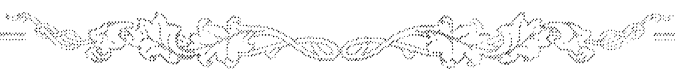

году турки взяли штурмом Константинополь и тысячелетняя византийская империя пала. Софья была последним членом императорской семьи Палеологов. В Италии, где укрылась царица, она получила хорошее образование, была умна и дипломатична. У папы были все основания считать, что этим браком он перебросит прочный мост между Римом и Москвой. Конечно, он не мог предвидеть, что этот брак даст впоследствии русским царям основание провозгласить Москву *«третьим Римом»*...

...Хотя из сокровищ византийских императоров удалось спасти лишь малую часть, тем не менее приданое, которое везла Софья своему жениху в Кремль, было немалым. Но, пожалуй, самым драгоценным в этом приданом была великолепнейшая византийская библиотека редчайших рукописных книг в массивных золотых переплетках. Как повествует «Ливонская хроника», такой библиотекой не располагал ни один двор Европы, и сравнить ее можно было лишь со сгоревшей в пожаре Птолемеевой (Александрийской) библиотекой — самой богатой в древнем мире. Так, например, во всей Европе имелось лишь 35 томов «Истории» Тита Ливия, а в привезенной в Кремль библиотеке их насчитывалось 140. Слава римского поэта Кая Кальвуса соперничала в античном мире со славой Цицерона, но ни одной строчки его творений не имели библиотеки Европы, в то время как в византийском собрании были все его тома полностью. Из 12 книг Тацита, привезенных в Кремль, в Европе были известны лишь 4. Эти литературные сокровища были помещены в специальный внутренний зал Кремля, куда, как рассказывает хроника, почти сто лет не допускался ни один иностранец. И лишь уже во времена Ивана Грозного с этой библиотекой было разрешено ознакомиться ученому человеку, магистру Иоганну Ваттерману, от которого до нас и дошли подробные сведения о ней.

Дальнейшая судьба этой библиотеки является еще одной тайной Кремля. В 1571 году крымские татары осадили и подожгли Кремль. Пожар был столь страшен, что, как повествует хроника тех лет, *«церкви каменные от жара оседали, а прутья железные перегорали и переламывались»*. По одной из версий, в Кремле и вокруг него погибло около восьмидесяти тысяч человек, но библиотеку удалось спасти. По приказу Ивана Грозного она была замурована в каком-то подземном тайнике Кремля, о котором знали лишь несколько приближенных к царю людей. Но люди эти погибли в огне, а царская семья покинула Кремль и на ряд лет переселилась в подмосковную резиденцию. Это был тот период жизни Ивана Грозного, когда он особенно рьяно предавался кровавым оргиям и пьяному разгулу. Ему было не до книг на непонятных иностранных языках, и о библиотеке забыли. А когда, спустя много лет, Кремль был восстановлен и на его пепелищах выросли новые дворцы, тайник, где была замурована библиотека, был утерян. Поиски ее продолжают по сей день, и археологи все ещё не теряют надежды найти её...

◀ *Венчание Ивана III с византийской принцессой Софьей Палеолог. 1472 год*

Женитьба Ивана III на византийской принцессе ещё больше возвышает его в глазах окружающих. Теперь к своему гербу Георгия Победоносца он присоединяет ещё и герб восточной Римской империи — *Двуглавого Орла*, а к своему титулу великого князя слова — «Божьею милостью». Полное же освобождение от таттаро-монгольского ига даст ему возможность прибавить также слово «*самодержец*», что значит — правитель, не зависящий ни от какого другого правителя.

С появлением в Кремле Софьи сюда входят византийская роскошь и новые обычаи. Устанавливается правило целовать князю руку и кланяться до самой земли. Завязываются более тесные контакты с Западом, особенно с Италией. Хотя надо сказать, что устанавливать эти контакты было не так-то просто. Этому мешало отсутствие достаточного количества людей, которые могли бы достойно представлять русское посольство за границей. Нравы россиян были столь грубы, что, отправляя посольство, князю приходилось писать им в наказе — не пьянствовать, не драться между собой и тем не срамить земли русской.

Москва того времени была фактически не городом, а большой деревней. Каждый из зажиточных граждан обносил свой участок высоким забором, а внутри этого участка «рубил» жилую избу, хлев и прочие хозяйственные постройки. Запах навоза и крики домашних животных разносились далеко вокруг. Само собой разумеется, что привыкшей к римским красотам Софье и прибывшим с ней иностранцам это не могло нравиться. Они рассказывали князю о великолепии европейских городов, и ему тоже захотелось архитектурных перемен. Успенский собор в Кремле, построенный еще при Калите, к тому времени уже так обветшал, что мог обрушиться в любую минуту. Решено было строить новый. Отовсюду были приглашены русские мастера, которые заложили фундамент и даже возвели стену, но когда довели ее до высоты свода, она рухнула. Можно лишь догадываться, в какой гнев пришел грозный князь и сколько полетело голов.

Иван III дает поручение своему послу найти в Италии зодчего, который бы умел строить церкви. В Италии никогда не было недостатка в зодчих, но кому охота ехать в далекую неизвестную землю. После долгих поисков, за жалованье в десять рублей в месяц (немалое по тому времени), наконец-то согласился архитектор из Болоньи по имени *Рудольфо Фиоровантти*, который, кроме архитектурных дел, умел также лить пушки, колокола и чеканить монеты. За ум и великие знания его прозвали Аристотелем. Это был первый итальянский зодчий, прибывший в Россию и открывший туда дорогу многим европейским мастерам...

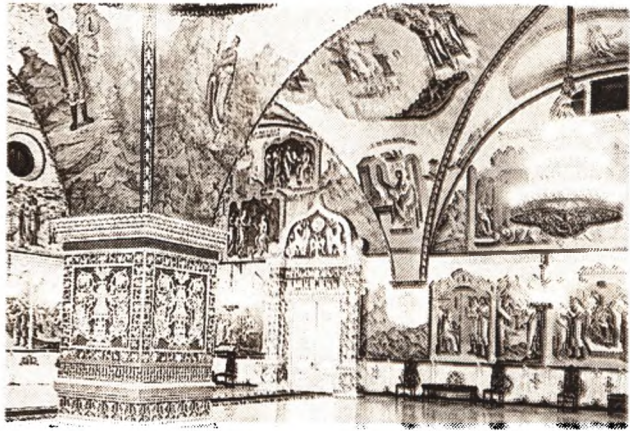
После освящения в 1479 году построенного Рудольфом Фиоровантти Успенского собора, где в дальнейшем проходят все коронации русских царей, в Кремле начинается бурное строительство. Возводится в 1489 году Благовещенский

1 - Русское посольство в Западной Европе. XVI век;

2 - А. Васнецов. На крестце Китай-города ►

собор, игравший роль домово́й церкви Ивана III. Кремль обносится новой каменной стеной с великолепными воротами и башнями. На месте старой обветшалой церквушки поднимается новый Архангельский собор — место захоронения царствующих особ. Строится новый каменный дворец великого князя и, наконец, очередной шедевр Кремля — сохранившаяся до наших дней Грановитая палата, место торжественных собраний и приемов иностранных послов.

По распоряжению Ивана III в Москву приглашают не только градостроителей, но и лекарей, ювелиров, строителей стенобитных машин, мастеров рудного дела, мастеров по чеканке и литью колоколов, пушкарей... Итальянец *Дебосис* отливал в 1482 году знаменитую царь-пушку, которая хоть никогда и не стреляла, но по сей день удивляет посетителей Кремля своей огромностью. (Её красавица, но бесполезность нашла отражение даже в языке: под выражением «*очередная царь-пушка*» подразумевается что-то дорогостоящее, но бесполезное.)

К сожалению, жизнь иностранных специалистов в Москве была не особо завидна. Приехав добровольно на заработки, они нередко оказывались в положении пленников, рискующих головой. Так, например, когда заболел старший сын Ивана III и лекарь из Венеции по имени Леон не сумел его спасти, хотя и обещал это князю, то на сороковой день после смерти сына князь приказал отрубить ему голову. Другой врач-немец по имени Антон, долго пользовавшийся благосклонностью великого князя, не сумел вылечить находящегося в Москве татарского князя, и за это был «выдан с головой» сыну этого князя. Сын помучил бедного лекаря, взял с него большой выкуп и хотел отпустить, но князь Иван III настоял, чтобы татарин убил лекаря. Как рассказывает летопись, исполняя волю великого князя, татарин вывел лекаря под мост на лёд Москвы-реки и зарезал его там ножом, как овцу.

Такие события не могли не напугать Фиоровантти, и он начал проситься назад домой, в Италию. Разгневанный Иван, который считал, что каждый находящийся на его земле является его рабом, велел отобрать у зодчего все заработанное им добро, а самого бросить в тюрьму. Спустя время Фиоровантти был выпущен из тюрьмы, чтобы продолжить свою подневольную службу в России. Есть неподтвержденные сведения, что в конце концов он все же был казнен.

◀ Грановитая палата в Кремле, построенная во времена Ивана III

Само собой разумеется, что деспотические наклонности Ивана III и его бесцеремонное обращение с иностранцами не способствовали привлечению в Москву образованных людей. Достаточно сказать, что после падения Византии, когда по Европе расселилось большое количество греков, неся туда свою древнюю культуру, сыгравшую далеко не последнюю роль в процессе европейского Возрождения, в России, которая претендовала быть преемницей Византии, где исповедовалась греческая вера и женой правителя была гречанка, образованных греков поселилось относительно немного и их влияние на русскую культуру было значительно меньшим, чем того следовало бы ожидать...

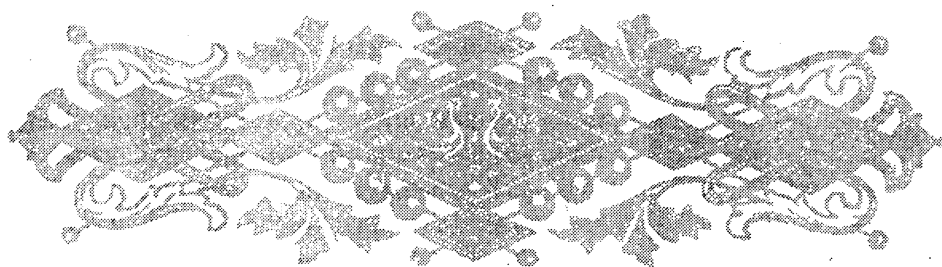
В 1503 году умирает царица Софья, а Василию — сыну Ивана III и Софьи — между тем приходит время жениться. По совету одного из придворных греков, выбор производится по византийскому образцу. Во дворец свозят 1500 лучших девиц. Первый отбор делают старые бояре со своими женами, затем очередь повивальных бабок, разглядывающих девиц на предмет здорового плодоношения, и уж самых лучших и проверенных показывают жениху. Василий выбирает престелную *Соломонию Сабурову*, дочь незнатного дворянина.

Брак Василия III с Соломонией Сабуровой оказался неудачным — княгиня бесплодна. После двадцати лет семейной жизни Василий приказывает постричь свою супругу и заточает ее в монастырь, а сам женится на дочери литовского дворянина *Елене Глинской*. Сохранилось красочное описание свадьбы Василия и Елены. Комната, в которой готовилась постель для новобрачных, называлась «сеник», а сама постель стелилась на «тридевяти снопах». По четырем углам постели втыкались пики, на каждой из которых висело по сорока соболиных шкур, а рядом на лавке ставился жбан с пивным мёдом. Конь, на котором ездил князь, передавался специальному придворному, и он должен был на протяжении всей первой брачной ночи ездить на нем с обнаженной саблей вокруг спальни.

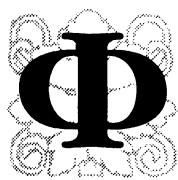
Красивая, заботливая, но в то же время властная, Елена обвораживает Василия и даже подчиняет его себе. В угоду ей Василий сбривает бороду, что было для русской действительности того времени поступком почти революционным. Брак обещает быть счастливым, но проходят долгие пять лет, а наследника все нет. Похоже, что и вторую жену уже 50-летнего Василия ждет монашеское одеяние. Но тут небо смилостивилось над ней. По всей России бьют колокола и прокатывается радостная весть — царица беременна. А 25 августа 1530 года Русь получает долгожданного наследника. Конечно, никто тогда не мог и подумать, что войдет он в историю под страшным именем Ивана-мучителя, Ивана Грозного.

*Портрет Ивана Грозного,
жонированный с портрета его отца
князя Василия*

ДИКИЕ МОТИВЫ ДАЛЁКИХ ВРЕМЕН

Фигура царя *Ивана IV*, прозванного за свою жестокость *Грозным*, является одной из самых великих загадок русской истории, раскрыть которую попытается уже не одно поколение историков. Одни считают его личностью прогрессивной для своего времени и даже гениальной, удвоившей владения России и впервые создавшей на славянских землях крепкую государственную власть. Другие, наоборот, считают его душевнобольным человеком, даже дегенератом, превзошедшим по своей жестокости *Нерона* и *Калигулу* и уничтожившим в русском народе зародыш присущего европейцам свободолобия, что отбросило Россию на много веков назад в её социальном развитии и ощущается по сей день. Как бы там ни было, страшная тень *Ивана Грозного* уже много веков преследует эту многострадальную страну, вселяя «вдохновение» в очередных тиранов. Сделав гигантский

◀ *Иван Грозный, портрет на дереве. XVI век*

четырёхвековой виток, история почти в точности повторила эту фигуру в обличии Иосифа Сталина, для которого Грозный был образцом и учителем.

По описанию современников, царь Иван *«был росту огромного, лица страшного и умного, ума хитрого и великого, к блуду весьма склонен, а в жестокости и кровопролитии неумён»*. Он прекрасно владел пером, претендуя на лучшего писателя своего времени, и даже сочинял музыку. Недавно среди древних рукописей были найдены произведения духовной музыки, сочиненные самим царем. По мнению одних, это *«бесмысленное мычание, концерт для топора и плахи»*, но другие находят в ней дикую прелесть тех далеких мотивов. Легенда рассказывает, что в день рождения Ивана IV по всей стране слышались раскаты грома. Пусть легенды останутся легендами, а мы обратимся к фактам.

Через три года после рождения сына Василий III умирает. И хотя наследником престола формально считается малолетний Иван, но в действительности все бразды правления берет в руки его энергичная и честолюбивая мать. Правление женщины было для России того времени явлением не только необычным, но и оскорбительным, так что не приходится удивляться, что спустя несколько лет, согласно одной из исторических версий, Елена была отравлена своими придворными. Восемилетний Иван остается сиротой. В Кремле начинается жесточайшая борьба за власть между боярами. Уже через неделю после смерти матери на глазах восьмилетнего ребёнка умерщвляют его любимого опекуна, а затем и кормилицу, заменявшую ему мать. И лишь дикий антагонизм между рвущимися к власти соперниками и их жестокое взаимоистребление спасают жизнь самому Ивану. Все это не могло не сказаться на характере и без того впечатлительного подростка. Страх перед боярами и ненависть к ним сохраняются у Ивана на всю жизнь и впоследствии будут стоить России много крови.

В атмосфере этой жестокой борьбы созревал будущий царь-деспот — мстительный, нервный и жестокий. Уже в играх и забавах со своими сверстниками Иван проявлял бесчеловечность, царившую, впрочем, во всей той среде, которая его окружала. Одним

Иван Грозный, скорее всего шарж. Художник неизвестен ▶

из его любимых увлечений было сбрасывать с высоких кремлевских башен собак и кошек и смотреть на их предсмертные судороги. Окружавшие его придворные не только не мешали ему предаваться подобным забавам, но и поощряли их, не понимая, что скоро, очень скоро очередь дойдет и до людей.

С возрастом менялись и забавы. В четырнадцать лет будущий царь, окружив себя сверстниками, уже скакал по улицам и рынкам, избивая народ и насилуя попадавшихся на его пути женщин. Задолго до Людовика XIV он уже мог сказать: «Государство — это я!»

В конце 1546 года, в возрасте 16 лет, Иван объявляет, что намерен жениться и короноваться на престол. Причем он намерен возложить на себя не титул великого князя московского, какой носили его дед и отец, а титул *царя*.

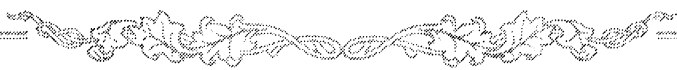
Тут необходимо сделать пояснение, что для русского человека того времени такое изменение в титуле имело огромное значение. В церковных славянских

книгах читателю уже давно намеками навязывалась мысль, что кремлёвские правители есть прямые исторические преемники правителей Римской империи и Византии. Особенно эта идея укрепилась после женитьбы деда Ивана Грозного, Ивана III, на последней византийской принцессе Софье Палеолог. Другими словами, подспудно навязывалась мысль, что после падения Великой Римской империи, а затем Византии, носившей титул «Второго Рима», центр мирового христианства должен переместиться в Москву — в «Третий Рим». Эта гордая мечта давно жила в славянском мире и уко-

◀ *Бояре*

ренялась в сознании народа. Превращение Москвы в «Третий Рим» тормозилось, по мнению народа, лишь тем, что кремлевские правители не были императорами. И вот теперь молодой хозяин Кремля возлагал на себя титул первого русского царя. А поскольку в славянском языке слова «царь» (от «цезарь») и «император» синонимы, то казалось, что исторический сон становится реальностью. Поэтому в глазах православных христиан молодой царь оказывался в ореоле такой славы и величия, какого не знал ни один из его предшественников. Как заявил гордый русский монах: *«...Два Рима пали, третий стоит, а четвертому Риму не бывать!»*

В январе 1547 года Иван официально коронуется царем, и сразу же после этого в Кремле пышно празднуют его свадьбу. Как и при его отце, со всего государства в Кремль собирают более тысячи красивых благородных девиц в царском вкусе (обычно полных, ибо таков был вкус россиян того времени). Иван выбирает красивую и ласковую *Анастасию Захарыну*, которой только что исполнилось пятнадцать лет. По позднейшим воспоминаниям самого Ивана, из всех его семи или восьми жен Анастасия была самой любимой, имевшей на него хоть какое-то влияние. Казалось, что эта жена-ангел удержит царя от вспышек гнева и даст покой его подданным. Но этого, к сожалению, не произошло. Женитьба не изменила характера Ивана. Если он и смягчился, то на весьма короткое время...

Медовый месяц молодых был внезапно нарушен страшным пожаром, разразившимся в Кремле. Сгорело все, что мог сожрать огонь. По Москве поползли слухи, что виновниками пожара являются чародеи из бояр, которые вынимали у мертвецов сердца, мочили их в воде и этой водой кропили кремлевские постройки, отчего и возник пожар.

Окружив временную резиденцию, куда переехала царская семья, разъяренная толпа начала угрожать царю, требуя жестоко наказать виновников пожара. Как и все люди того времени, Иван был человеком суеверным и, возможно, сам верил в подобную причину пожара, но скорее всего, это был для него лишь хороший повод учинить кровавую резню среди бояр, которых он ненавидел и боялся с детства. И несомненно, что такая резня произошла бы, если бы того же не требовала угрожавшая ему толпа. В этом вспыльчивый молодой царь видел посягательство на свои права, навязывание ему чужой воли. Этого он перенести не мог. И Иван решает показать себя. Как сказал летописец: *«Тиран, которого уже знали, превращается в государя, которого должны были узнать!»* Красная площадь перед Кремлем покрывается срубленными головами, но пока это еще головы из толпы.

Тем не менее это событие ускорило решение Ивана освободиться от опеки бояр и окружить себя «простолюдинами», которых он сам выведет из «ничтожества» и которые будут преданы ему с головой. Не следует, однако, забывать, что Московское государство того времени было неизмеримо более окостенелым в

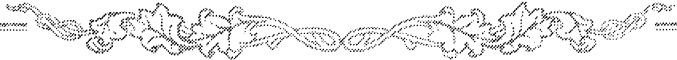
своих традициях, чем любая европейская держава. С отдельными лицами царь мог делать все, что хотел, но поднять руку на существующие традиции было нелегко даже такому жестокому правителю, как Иван Грозный. Вскоре, однако, еще один случай подтолкнул его к этому.

Спустя несколько лет после описываемых событий Иван заболел. Трудно сказать, насколько опасна была его болезнь, но, зная любовь Ивана к театральным эффектам, можно предположить, что ситуация была им драматизирована. Ссылаясь на возможность скорой смерти, он решает назначить себе преемника в лице недавно родившегося у него первенца, и требует от бояр присяги своему малолетнему сыну. Наследование престола в порядке первородства было установлено в России сравнительно недавно и еще не имело твердых традиций, поэтому бояре колеблются, тем более, что на престол претендует и двоюродный брат царя. Иван приходит в ярость, когда на его глазах большинство бояр становится на сторону его брата.

В конце концов Иван выздоравливает, но то, что произошло, было, по-видимому, последней каплей для его ранимого самолюбия. Тем более, что сразу же после выздоровления царя, когда он, выполняя данный при болезни обет — среди лютой зимы отправляется на богомолье в далекий монастырь — простудившись, умирает его первенец. А несколькими годами позже умирает и любимая жена. В гневе Иван несправедливо обвиняет бояр в отравлении царицы и клянется жестоко отомстить за нее. С этого момента и начинается не прекращавшаяся уже до конца его жизни *«работа топора и плахи»*...

3 декабря 1564 года удивленные москвичи становятся свидетелями странно и даже загадочного зрелища. Без всякого предупреждения из кремлевских ворот выезжает царский обоз в несколько сот телег, окруженный многими тысячами ратников и слуг, и направляется неизвестно куда. Дело не в том, что царь покидал Кремль — такое бывало и раньше, — но сейчас он увозил с собой весь свой скарб и несметные сокровища — золото, иконы, кресты, драгоценные сосуды. Вместе с царем уезжала и его новая жена, дочь черкесского князя, *Мария Темрюкова*, о которой шла молва, что она такая же вспыльчивая, жестокая и развратная, как и сам Иван.

Некоторое время никто в Москве не знал, куда и зачем уехал царь. Спустя еще какое-то время до Москвы доползли слухи, что царский обоз расположился в сотне верст от столицы, неподалеку от древнего русского города Владимира. Место это называлось Александровой слободой. Но и это известие не разъяснило загадочного события. Наконец, спустя месяц после отъезда, в Москву прибыл царский гонец с письмом к митрополиту. В своем письме царь пространно говорил о всевозможных злодеяниях, учиненных против него боярами и высшим духовенством, а также сообщал, что *«опалился»* на всех своих подданных, от первого до последнего человека. «Опалой» в то время называлось нечто вроде отлу-

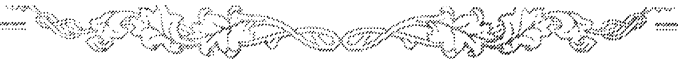

чения от царских милостей, царская неблагосклонность. Человек, подвергшийся опале, фактически терял все гражданские права и был беззащитен перед произволом. В заключение царь сообщал, что покидает свое государство, отказывается от престола и поселится там, «где Бог укажет».

В русском характере всегда была склонность к театральным эффектам, так что москвичи поняли, что надо делать. Царь, по-видимому, разъярился на некоторых лиц и готовит против них нечто зловещее, но пока он создаёт театральную обстановку. Москва решила поддержать эту зловещую комедию. Бояре пришли в смятение, а народ волновался. Митрополиту было поручено уговорить царя сменить гнев на милость и «*взять назад своё государство*». В Александрову слободу была направлена делегация. Царь, конечно же, милостиво дал уговорить себя, но заявил, что срубит головы всем своим недругам, а в Кремль вернется лишь тогда, когда организует свою *опричнину*.

Слово *опричнина* непереводимо ни на один иностранный язык, да и для современного русского языка оно тоже не понятно. Это что-то вроде отборного карательного войска с неограниченными правами, подчиняющегося только царю и набранного из самых кровожадных молодчиков. Вступавший в опричники должен был дать клятву отречения от отца и матери. Обязанностью опричника было выслеживать и истреблять недругов государя. Формой их был черный кафтан, ездили они только на вороных конях с чёрной сбруей, а к седлу были привязаны метла и собачий череп, знак того, что опричники должны выметать измену с русской земли и, как верные псы, грызть государевых врагов. Никакие жалобы на опричников царём не принимались, а осмелившихся жаловаться ждало суровое наказание. Обидеть опричника было смертельно опасным преступлением. Пользуясь полной безнаказанностью, они так издевались над народом, как не позволяли себе даже татаро-монголы во времена их владычества на Руси. За добрую службу царь награждал опричников поместьями и землями, отнятыми ими же у прежних владельцев. Зато за малейший признак сострадания к кому бы то ни было опричнику грозило пожизненное заключение, а то и смерть. И хотя, согласно официальной истории, опричнина просуществовала на Руси не более десяти лет, но в действительности, после учреждения её Иваном Грозным, она уже никогда не исчезала с русской земли.

Среди русских читателей прошлого века был весьма популярен исторический роман графа Алексея К. Толстого «Князь Серебряный», рассказывающий о жизни Ивана Грозного в Александровской слободе. Герой романа, князь Серебряный, возвращается со своей дружиной в Россию после долгого пребывания в Литве. Он еще не знает, какие события произошли на родине за время его отсутствия. По дороге он встречает отряд вооруженных людей, по внешнему виду и повадкам похожих на разбойников. На глазах князя они грабят деревню, насилюют женщин и убивают мужиков. Князь вмешивается в побоище. Вскоре, однако,

его самого хватают. Разбойники оказываются царскими людьми — опричниками, а их бесчинства узаконены самим царем. Князя привозят в Александрову слободу, где он видит ужасные сцены. На царском дворе дикими голодными медведями травят народ. Наконец, будучи помилован и избежав пытки, князь попадает на царский пир, где сидят переодетые в монахов палачи-опричники, у каждого из которых под рясой кинжал, и насмерть перепуганные бояре. Сам царь, зловеще усмехаясь, преподносит некоторым из бояр кубки с отравленным вином. А когда человек падает замертво, на лице царя появляется удовольствие и он изрекает одну и ту же фразу: *«Боярин пьян, вынести его вон...»*

Ноги пирующих скользят по лужам крови. Воздух насыщен опьяняющим запахом бойни. Гул веселых голосов хмельных опричников сливается с воплями жертв, которых пытаются тут же, за стеной. Царский дом напоминает ад или бойню. Вот один из бояр, не позволивший надеть на себя шутовской наряд, по приказу царя умерщвлен тут же за столом. Еще одного старого боярина Иван заставляет выпить залпом огромный кубок вина, и когда тот не в состоянии этого сделать, Иван отправляет его в подвал для удушения со словами: *«Вот так-то ты желаешь добра своему государю! Не захотел пить, ступай же в погреб, там есть разное питье. Там напьешься за мое здоровье».*

Рисую эти картины, автор романа не создавал их своим воображением, а заимствовал из подлинных исторических фактов. Более того, в предисловии к книге автор пишет, что щадя нервы читателя и уважая искусство, он даже смягчал все те ужасы, которые были изложены в документах хроники.

С появлением опричнины начинается самый кровавый период правления Ивана Грозного. По воспоминаниям английского дипломата, находившегося в это время при русском дворе, Иван являл собой в этот период ярчайший образец лукавого и алчного азиатского деспота. Он был до такой степени вспыльчив, что при малейшем раздражении *«покрывался пеной, как конь»*. Жалость или сострадание в нем совершенно отсутствовали, а в искусстве пыток и умерщвления он был непревзойденным виртуозом. Летописи сохранили немало примеров его кровавых оргий, учиненных над собственным народом. Вот, например, как описывает хроника (в нашем пересказе) одну из многих расправ, учиненную Иваном на Красной площади перед Кремлем.

Жертв было около трехсот человек. К удивлению выехавшего из кремлевских ворот царя, площадь была пуста. Зрителей больше не привлекали ни жаровни, ни раскаленные клещи, ни железные когти и иглы, ни веревки, которыми перетирала тела пытаемых, ни котлы с кипящей водой и смолой. Зрелище это в последнее время стало повторяться слишком часто, и народ в страхе начал прятаться. Царь разослал по городу глашатаев, выкрикивавших: *«Идите! Не бойтесь! Никому ничего не будет!»* Из подворотен и чердаков начали появляться необходимые царю зрители... Одного из казнимых, московского дьякона, повесили за но-

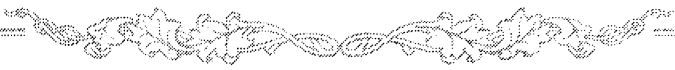

ги и разрубили на части, как мясную тушу... Молодого боярина, обвиняемого в измене, посадили на кол. Он мучился на нем пятнадцать часов, а перед его глазами царские ратники насильовали его мать, пока она не умерла... Другого шестидесятилетнего князя положили на дерево между двумя огнями и жгли. Летопись утверждает, что сам Иван своим царским жезлом подгребал пылающие угли к телу страдальца... Еще одному старому воеводе предстояло умереть вместе с сыном, семнадцатилетним юношей. Оба они шли к месту казни без страха, спокойно, держа друг друга за руки. Сын не хотел видеть казни отца и первый склонил под меч свою голову. Родитель отстранил его от плахи, сказав с умилением: «Да не увижу тебя мертвого!» Юноша уступил ему первенство, взял отсеченную голову отца, поцеловал ее, взглянул на небо и с лицом веселым отдал себя в руки палача... Лейб-медика, который не смог вылечить одного из царских придворных, поджарили на специально отлитой огромной сковороде... Сыну своего бывшего друга Иван приказал обезглавить отца... Грудного ребенка царь сначала взял на руки, целовал и ласкал, а потом зарезал ударом кинжала и бросил под копыта своей лошади... Бывшего казначея обливали поочередно то кипятком, то ледяной водой, пока кожа с него не сошла, как с угря. Но и этого Ивану показалось мало. По его приказу была схвачена молодая жена казначея и на глазах ее пятнадцатилетней дочери она голая была посажена верхом на натянутую между двумя столбами веревку и протянута по ней несколько раз от одного конца до другого... Несколько дней тела казнённых не разрешали убирать с Красной площади, и они лежали, терзаемые собаками.

Законом всякого террора является его прогрессивное возрастание. Разгорающиеся страсти вместе с притупившейся восприимчивостью требуют все более сильных и ужасных эффектов. В этом плане Иван превзошел не только всех своих предшественников, но и полудиких азиатских ханов, славившихся свирепостью.

Спустя короткое время после описываемых событий, Иван со своими опричниками совершает еще более жуткую расправу над жителями старинного русского города Новгорода. Горожан приводили сотнями, пытали, жгли на малом огне, затем почти всех приговаривали к смерти и везли топить. Окровавленные жертвы привязывали головами к саням, везли к берегу реки Волхов — туда, где река не замерзала зимой — и по крутому откосу сбрасывали в ледяную воду целыми семьями. Младенцев топили, привязывая к матерям. Царские ратники ездили по реке на лодках с копьями, баграми и секирами и рассекали на части тех, кто всплывал. Избиение длилось много недель, и ежедневно на тот свет отправляли по тысяче человек и более. По одной из исторических версий, всего было замучено около шестидесяти тысяч человек. Цифра страшная, если еще учесть,

- 1 - В. Шварц. Пир у Грозного; 2 - Подвешивание за ребро и зарывание в землю;
3 - Отдых после посещения Пыточного двора; 4 - Колесование*

что во всей России тогда насчитывалось не более 9-10 миллионов жителей... Как повествует летопись, когда не стало кого убивать, ярость Ивана обрушилась на животных. *«Слон от шаха персидского не пожелал перед царем на колени стать и был по приказу царскому зарезан».*

Что это — сумасшествие, патология или «историческая необходимость»? Спор об этом не утихает в России вот уже четыре века. В последующие времена ряд ученых пришли к выводу, что в ту пору решался для России важнейший вопрос — каким путём пойдёт её дальнейшая история: путём самоуправления и демократии или путём рабства и жесточайшего абсолютизма. Страшный диагноз ставит русский историк — как отразилось на последующих поколениях России кровавое правление Ивана Грозного. *«Террор губительной рукой касался будущих времён. Туча доносителей-клеветников, как туча гладоносных насекомых, исчезнув, оставила после себя злое семя в народе...»*, которое не погибло и дало ядовитые всходы.

Полвека назад всемирно известный кинорежиссер Сергей Эйзенштейн по заказу Сталина снял фильм «Иван Грозный». Как ни старались создатели фильма в угоду Сталину приукрасить фигуру царя Ивана, их герой все равно выглядел отвратительным зверем. Это чуть не стоило режиссеру головы, ибо Сталин с годами все больше и больше любил Ивана Грозного, находя в нём идеал твердого правителя и упрекая лишь за то, что тот *«недостаточное количество голов срубил...»*

Великий итальянский психиатр Ломброзо как-то сказал, что жажда крови и чувственная любовь нередко сплетаются друг с другом, вызывая половую страсть. За кровавыми сценами часто следует проявление самого неистового разврата. Эта мысль Ломброзо как нельзя лучше характеризует поступки Ивана Грозного. Его кровавые оргии всегда сочетались с не менее жестоким развратом. Как рассказывает летопись, женщин хватили в их домах, тащили к царю для удовлетворения его похоти и похоти его сподвижников. Потом их душили, волокли обратно в их дома и вешали на целые недели над столом, за которым их мужья и близкие обязаны были обедать...

Справедливости ради следует отметить, что жестокость Ивана не была чем-то исключительным для того времени. Не только отсталая полудикая Россия, но и передовые по тому времени европейские страны грешили этим. Достаточно вспомнить костры инквизиции в Испании, Варфоломеевскую ночь во Франции, казематы и виселицы Генриха VII Английского. А знаменитый праздник, на котором приглашенные мужчины должны были узнавать своих раздетых донага жен, лица которых были закрыты масками?! Тех, кто ошибался, казнили...

Таких примеров можно привести немало. Так что, если принять во внимание разницу уровней культур, на которых стояли Европа и Россия, то зверства Ивана уже не кажутся столь уж оторванными от своего времени. Другое дело, что ев-

Царь Иван Грозный. Рисунок 1672 года ►

ЦРЬ ІВЕЛІКІ КІЗЫ

ІОА БАСИЛЬСКИ
КСЕД РУСІИ

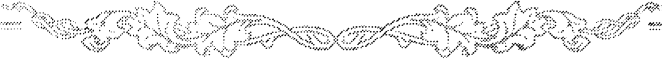

ропейцы всегда находили в себе силу в критический момент дать отпор зарвавшемуся монарху, а русский народ смотрел на своего монарха другими глазами. Для него он был наместником Бога на земле, любые деяния которого были непререкаемы. По-видимому, именно в это время возникло выражение — *«об этом одному Богу да государю известно...»* — когда говорилось о чем-то сомнительном. И что, пожалуй, еще более поразительно — простой народ не только терпел Ивана, но и любил его. В народных песнях и сказаниях царь Иван не наделен отрицательными чертами. Наоборот, он выглядит строгим, но справедливым и даже великодушным. В предисловии к своему роману Алексей К. Толстой пишет: *«...при чтении источников книга не раз выпадала у меня из рук и я бросал перо в негодовании, не столько от мысли, что мог существовать такой зверь, как Иван IV, сколько от того, что могло существовать такое общество, которое могло смотреть на него без негодования».*

Садизм, чередующийся с жестоким самобичеванием, явление не такое уж редкое. Кровавые оргии Ивана обычно сменялись молитвенным смирением и богобоязнью. И тогда, на коленях, в рваной монашеской рясе, по пять-шесть часов подряд, истязая себя до изнеможения, царь со своими опричниками отбивал земные поклоны Богу, замаливая свои грехи. Молился Иван так рьяно, что лоб его покрывался ссадинами и кровоподтеками от ударов об пол. В эти минуты он обычно вопил, заливаясь слезами и называя себя *«псом смердячим»*, *«зверем, пожирающим человеческое мясо»* ...А затем, без всякой паузы, направлялся на «Пыточный двор», чтобы насладиться видом пыток, а то и собственноручно принять участие в дроблении костей или сдирании кожи с очередной жертвы. В эти минуты его угрюмое лицо становилось счастливым, а веселый хохот сливался с воплями истязаемого. Возвращался он оттуда всегда в хорошем настроении, много шутил и садился обедать. После обеда он шел в спальню отдыхать, где трое гусяров пели и рассказывали ему нравоучительные библейские истории. Он слушал их и засыпал сном праведника...

На первый взгляд может показаться, что человек, проливающий реки крови и с презрением относящийся к жизни людей, должен обладать хотя бы личным мужеством. В действительности же это не так. Как Иван Грозный, так и его верный последователь Иосиф Сталин были патологически трусливы. Не будем утверждать, что это закономерность и что она прослеживается во всех случаях, но тем не менее у российских тиранов эта черта весьма устойчива.

Вот как описывает древняя хроника поведение царя Ивана в момент битвы между русскими и татарами за город Казань. К Ивану, который в этот момент молился, запыхавшись прискакал один из русских князей: *«Государь, время ехать. Твои люди вступают в сражение с татарами. Твои полки ждут тебя».* Иван ничего не ответил, продолжая молиться. Через какое-то время прискакал новый гонец: *«Государь, наше войско ослабевает, татары берут верх, твое присут-*

ствие необходимо для поднятия духа». Иван испустил тяжелый вздох, из глаз его потекли слезы, и он начал просить Небо пощадить его жизнь. В конце концов приехавший князь вынужден был почти силой усадить его на коня, взять царскую лошадь под узду и повести ее к месту сражения...

...В XVI веке Кремль представлял собой маленький городок, где на сравнительно небольшом пространстве располагалось до двух десятков церквей, а рядом с ними теснились монастыри, дома царских придворных, лавки и мастерские. После пышных европейских столиц Кремль в глазах иностранцев выглядел скорее убогим, нежели величественным. Но впечатление резко менялось, когда иностранец переступал порог царского двора. Пышностью и численностью прислуги двор Ивана Грозного превосходил все, что иностранец мог видеть в других землях. Множество придворных в золоте и драгоценных камнях толпилось в палатах, в сенях, наполняя пространство дворца. По выражению английского дипломата Флетчера, побывавшего в Кремле того времени, Иван Грозный был *очень богатым царем очень бедной страны*. Флетчер глазам своим не поверил, когда увидел сокровища Ивана. Целые кучи жемчугов, изумрудов, рубинов, горы золотой посуды, сотни золотых чаш с драгоценными камнями. Все эти богатства хранились в специальных кладовых и извлекались оттуда лишь в редких случаях, чтобы поразить воображение иностранных послов.

В обыденной же жизни царский быт был примитивен и убог. Даже для царских покоев кровать была роскошью — спали на грубо сколоченных деревянных лавках. Полуслепые окна были затянуты слядой. Температура во дворце доходила до нуля, так что за обеденным столом в бокалах замерзала вода. В отличие от дорогих, шитых золотом одежд, в которые царь и придворные облачались для официальных выходов, в своих личных покоях они для экономии донашивали старые и даже латанные платья.

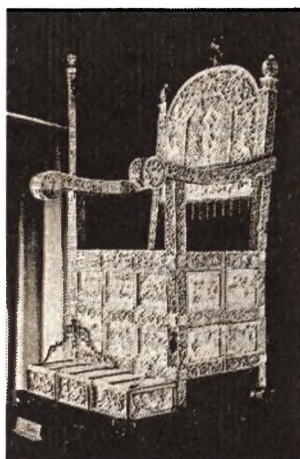
За пиршескими столами рассаживались в порядке старшинства, *«по роду и по чину»*. Как ни грозен был царь Иван, как ни трепетали перед ним окружающие, но редкий пир проходил без ссоры из-за места. Ни опала, ни возможность мучительной смерти не могли заставить боярина сесть на место, которое он считал для себя неподобающим. Дело в том, что место за столом на пиру соответствовало его месту при дворе. Потеря места за столом означала понижение служебного ранга не только для него самого, но и для его родичей и потомков. Если царь признавал его претензии беспочвенными, то боярин уходил с пира. Если же его возвращали силою, то он сползал под стол. Вот как описывает Алексей К. Толстой начало пира:

«Наконец, загремели трубы, зазвенели дворцовые колокола и медленным шагом вошел сам царь Иван.... Он был высок, строен и широкоплеч... Большой узорный крест висел у него на шее на золотой цепи. Высокие каблучки красных сафьяно-

вых сапог были окованы серебряными скобами. Правильное лицо всё еще было прекрасно; но черты обозначались резче, орлиный нос стал как-то круче, глаза горели мрачным огнем, и на челе явились морщины, которых не было прежде. Ивану было отроду тридцать пять лет, но ему казалось далеко за сорок. Выражение лица его совершенно изменилось. Так меняется здание после пожара: ещё стоят хоромы, но украшения упали, мрачные окна глядят зловецим взором, и в пустых покоях поселилось недоброе...»

Пир обслуживали 200-300 человек, одетых в золотую или серебряную парчу. Но, несмотря на всю эту роскошь, для европейца тут было много неудобств. Не было ни тарелок, ни приборов, а о салфетках и говорить не приходится. Русские пользовались теми ножами и ложками, которые каждый из них постоянно носил за поясом. Вилка в Кремле вообще не было, ибо вилка считалась предметом безнравственным. Гости брали из блюда заранее нарезанные куски. Блю-

◀ *На этом троне, сохранившемся до наших дней, восседал Иван Грозный*

да подносились также по старшинству. Тот, кто сидел «выше», мог «бесчестить» сидящего «ниже», не позволяя ему брать кусок из «своего» блюда.

Обед продолжался обычно шесть-восемь часов и состоял из ста и более блюд. На столы подавались жареные лебеди на золотых подносах, павлины с распущенными хвостами, в клювах которых красовались изумруды, зайцы, кабаны, медвежьи и лосиные окорока, жаворонки, перепела и многое другое. Но гвоздем программы обычно были исполинские рыбы, пойманные в Северном море. Их привозили живых в огромных бочках специально к обеду. Путешествие это занимало несколько недель. Рыбы едва умещались в гигантских золотых тазах, которые несли пять-шесть человек. Они были так разделаны и положены на блюда, что напоминали крылатых змеев с разинутыми пастьями. На сладкое подавали сахарные торты по пять-шесть пудов, вылитые в виде Кремля. Тщательнейшим образом были отделаны не только стены Кремля и каждая его башенка, но даже конные и пешие фигурки людей. Вокруг этих исполинских тортов ставили деревья из сахара, на ветвях которых висели пряники и сладкие пирожки. Под деревьями располагались сахарные фигурки медведей, львов, орлов и прочих зверей...

Время от времени царь приказывал передать кому-нибудь из присутствующих кусок пищи или кубок с вином со своего стола. Имя, кому передавался кусок с царского стола, громко называл служитель, перечисляя все его титулы. Гость должен был встать и поклониться сначала царю, а затем и всем остальным гостям. После этого вставали все присутствующие и кланялись царю и гостю. Флетчер подсчитал, что однажды ему пришлось вставать и кланяться за вечер 96 раз!

Необходимость сидеть за столом по шесть-восемь часов, пить и есть со всех посылаемых царем блюд и чаш доводила до иступления даже самых выносливых. Кроме того, было в обычае еще посылать после пира самым почетным гостям еду домой. Так, по воспоминаниям одного посла, вернувшись с такого пира домой, он вдогонку получил от царя: восемь блюд жареных лебедей, столько же журавлей, несколько блюд петухов, жареных кур без костей, глухарей, рябчиков в сметане, уток с огурцами, гусей с рисом, зайцев с лапшой, лосиных мозгов, пироги с мясом, орехи в сахаре, желе и сто кубков с разными винами.

◀ *Престольная*

Кроме этого, был еще обычай напоить посла до потери сознания. С одной стороны, это означало оказать ему уважение, а с другой — унижить и посмеяться над ним. Не говоря уж о том, что это просто было развлечением для царя. Если посол напивался до бесчувствия, то слуги уносили его домой. Если же он еще держался на ногах, то ему предстояло в кромешной тьме кремлевской ночи искать своих лошадей. Но не успевал он добраться домой, как к нему вваливался посланник царя с выпивкой и едой. Гость наливал два огромных кубка, провозглашал тост за иноземного государя, выпивал кубок до дна и опрокидывал его над головой, показывая тем, что кубок пуст. Поскольку отказ посла выпить означал бы неуважение к своему собственному государю, то в конце концов царский посланник уезжал, убедившись, что посол все же напоен до бесчувствия.

Вообще пир с его ужасным обжорством и пьянством был одним из самых любимых развлечений царского двора. Кроме обжорства, развлекались также охотой, шутами, ручными и дикими медведями, картами и шахматами. Последние были запрещены церковью, и нарушать этот запрет осмеливался только царь. Развлечения же с медведями были как раз по характеру Ивана. Диких медведей он нередко выпускал на ничего не подозревавшую гуляющую толпу, и редко это развлечение обходилось без жертв.

Не менее опасной была служба шута. Многие из них заплатились жизнью за свои шутки. Так, однажды, Иван для забавы вылил на голову своему любимому шуту миску горячего супа. Тот закричал от боли. Тогда Иван, будучи в пьяном состоянии, всадил ему нож в горло — тоже для шутки — а затем сам переживал потерю любимца. Вообще следует сказать, что шут при дворе выполнял некую социальную роль. Своими острыми речами, дозволенными ему в определенных пределах, он удовлетворял необходимость в критике и сатире, свойственную всякому обществу.

И, наконец, женщины, страсть к которым занимала в жизни Ивана Грозного важнейшую роль. Некоторые из современных историков даже считают, что он был половой маньяк. Разврат, в котором жил Иван, нередко принимал сверхжестокие отвратительные формы. За несколько дней до смерти он попытался изнасиловать даже жену собственного сына. А еще утверждает людская молва, что свою похоть царь удовлетворял не только с женщинами, но и с приближенными воинами...

Семейная жизнь Ивана была столь же странна, причудлива, а временами чудовищна, как и его «общественная жизнь». Первая его жена Анастасия умерла в 1560 году в возрасте 28 лет, загубив свое здоровье ранним браком и непрерывными родами. Она родила шестерых детей, из которых в живых остались лишь двое — старший сын Иван и младший Федор.

Федор был тихим слабоумным ребенком с простодушным лицом и слабым здоровьем. Как выразился английский посол, *«ума в нем было мало, а скорее всего его*

вообще не было». Выросший среди кровавых разгулов, Федор все свободное время либо молился, либо звонил в колокола. Но именно ему, совершенно не приспособленному к власти, судьба уготовила место на троне после смерти отца...

Старший сын Иван, наоборот, и физически и нравственно во всем повторял отца, не уступая ему ни в жестокости, ни в разврате. Он был ближайшим другом отца по диким разгулам и кровавым оргиям. Они даже менялись своими любовницами, а любимым развлечением обоих были пытки. К тридцати годам Иван-младший уже был трижды женат. Последняя его жена, Елена Шереметева, была беременна, когда во дворце разыгралась трагедия, повлиявшая на дальнейшую судьбу царя и всей русской истории. Зайдя как-то в покои сына, царь Иван встретил там свою беременную невестку, внешний вид которой показался ему недостаточно пристойным. Оскорбленный неподобающим видом невестки, царь начал избивать ее посохом, причем с такой силой, что она тут же и родила мертвого ребенка. На крики жены прибежал Иван-младший. Пытаясь остановить отца, он бросился на него. Разгневанный царь нанес сыну смертельный удар посохом в висок.

Преступление было совершено без умысла, но оно все же перешло даже ту меру, к которой привыкли современники. Иван был в отчаянии. Он проводил целые ночи в слезах, вопил от горя и даже решил отказаться от престола и уйти в монастырь. Он предложил боярам выбрать нового царя из своей среды, но бояре боялись, понимая, что как только уляжется горе, их головы могут лечь на плахи. Что было близко к истине. Как пишут современники — из всех событий, связанных с царствованием Ивана Грозного, смерть сына больше всего поразила народное воображение, а сам царь, чтобы заглушить горе, предался еще более необузданному злодейству и разврату.

...При всей любви Ивана к своей первой жене Анастасии, уже через восемь дней после её смерти он сватается к польской принцессе Екатерине. Сватовство не уда-

лось, и год спустя он женится на черкешенке Марии, которая, как мы уже говорили, была столь же распутна и жестока, как и сам Иван. В 1569 году Мария умирает, и Ивану опять мерещится отравление её недругами. Страх обуревает его. всюду он видит заговоры и

◀ **И. Репин. Иван Грозный и сын его Иван**

измену. К этому времени относится его письмо английской королеве Елизавете, в котором он просит предоставить ему убежище в Англии, поскольку здесь, в России, его подстерегают убийцы. Королева отвечает, что московский царь может приехать в Англию и жить там сколько угодно *на всём своём содержании*...

Но вместо побега в Англию Иван в третий раз собирает в Кремле около 2000 девиц и выбирает из них дочь купца, красавицу *Марфу Собакину*. Однако через две недели после свадьбы молодая жена умирает. Иван утверждает, что ее тоже отравили, причем отравили раньше, чем она стала его женой, т.е. она якобы умерла девственницей. (Этим царь хочет оправдать свое намерение вступить в четвертый брак, который был запрещен церковью.) Людская же молва говорит, что Марфа зачала или сама покончила с собой из-за того, что любила другого. По приказу царя ее хоронят в Кремле, тайно, без почестей. Пройдут века, и уже в наше время, при раскопках на территории Кремля, найдут лестницу, ведущую куда-то

◀ В. Шварц. Иван Грозный у тела сына

вниз. Как рассказывают археологи — когда открыли потайную дверь, на мгновение они увидели совершенно живое прекрасное лицо девушки. А в следующую секунду видение исчезло, лицо рассыпалось в прах. Ученые не были готовы к этому, не имели под рукой фотоаппарата, и это чудо исчезло навсегда. Загадка заключалась в том, что тончайшая фата, покрывавшая усопшую, как фотография повторила черты ее лица. Свежий воздух извне проник в помещение, которое было наглухо закупорено в течение четырех веков, и изображение исчезло.

По церковным правилам царь не мог вступить в четвертый брак, но не в характере Ивана было подчиняться чьим-то правилам. Церковь вынуждена была уступить, но она наложила эпитимию на этого неукротимого жениха, запретив ему переступить порог храма Божьего. Это было тяжелое наказание, так как по обычаю царь должен был начинать и заканчивать день в церкви. Нарушение этого обычая лишало его загробного блаженства. Иван вышел из этого тупика весьма остроумно. Он приказал построить лестницу, ведущую прямо с улицы на галерею храма. Таким образом, он мог присутствовать на богослужении, не переступая порога храма.

Четвертой женой Ивана становится *Анна Колтовская*, но и этот брак продолжается недолго. Через год Анна уже надоела мужу и была заточена им в монастырь, где и окончила свои дни. После этого Иван приближает к себе сразу двух наложниц — *Анну Васильчикову и Василису Мелентьеву*. Вокруг них создается много легенд в народе, а их судьбы вдохновили многих поэтов и романистов. В конце концов Анна была убита по приказу царя, а с Василисой он расстался со словами: *«Ты похудела, я не люблю худых...»*

В спальне царя появляется очередная жена — *Мария Долгорукая*. Однако после первой же ночи царь в ярости бросает ее, утверждая, что она оказалась не девственницей. По царскому указу ее сажают в коляску, запряженную дикими лошадьми, и вместе с колесницей топят в пруду. Как заметил английский дипломат Горсей: «Этот пруд была настоящая геенна, юдоль смерти, подобная той, в которой приносились человеческие жертвы; много жертв было потоплено в этом пруду; рыбы в нем питались в изобилии человеческим мясом и оказывались отменно вкусными и пригодными для царского стола».

Пока Иван устраивал свои любовные дела, польский король Баторий отвоевывал у него город за городом. Иван отправляет в Польшу посольство, прося Батория приостановить военные действия на время его очередной свадьбы. В ответ Баторий пишет Ивану:

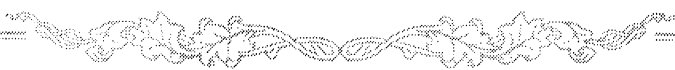
«...Ты не государь своего народа, а палач; ты привык повелевать над подданными, как над скотом, а не как над людьми! Самая величайшая мудрость: познать

самого себя; и чтобы ты лучше узнал самого себя, посылаю тебе книги, которые во всем свете о тебе написаны... Ты думаешь: везде так управляют, как в Москве? Каждый король христианский, при помазании на царство должен присягать в том, что будет управлять не без разума...»

Проглотив эту горькую пилюлю, Иван опять, в шестой или седьмой раз (тут история сбивается со счета!), собирает в Кремле девиц и выбирает себе в жёны — *Марию Нагую*. Она рождает ему *царевича Димитрия*, который был младше своих братьев на тридцать лет. Трагическая судьба Димитрия, о которой речь пойдет позже, роковым образом повлияет на дальнейшую историю России...

Но и это еще не конец в любовных похождениях царя. Согласно английским источникам, под конец своей жизни Иван просит у английской королевы Елизаветы прислать ему в жёны её племянницу, сероглазую красавицу Мэри Гостингс.

В этот момент царь, правда, ещё женат, но в любую секунду готов отправить свою супругу в монастырь или на тот свет. Елизавета прямо не отказывает, но и не торопится с ответом, жалея племянницу.

Византийский вариант выбора жены «стадным способом», начатый отцом Ивана Грозного, Василием III, и продолженный сыном, способствовал закрепощению русской женщины, чего, в общем-то, не было в прошлом. Если раньше государи и правители женились на равных себе, а при выборе невесты учитывались не только и не столько её внешние данные, но и родовитость, связи, богатство, что заставляло считаться с ней в семье, то теперь на неё смотрели только как на самку, обязанную производить потомство. Ни о каком равном браке речь уже не шла. Взятая из какой бы то ни было семьи, жена государя обязана была отрешиться от своих близких. Отец не имел права называть ее дочерью, брат — сестрой. Она принадлежала только государю, причем и как жена, и как его подданная, что делало её двойной рабыней. Государь выбрал её по своей прихоти, по своей прихоти мог и прогнать. Заступиться за нее было некому. Но будучи рабыней, она в тоже время была и царицей. Ей не было равных вокруг, с которыми она могла бы на равных общаться. Она всегда была одинокой несчастной затворницей своего положения. А поскольку в монархических государствах мода и нравы двора тут же перенимаются подданными, то такое семейное порабощение женщины быстро распространилось по всей Руси.

...С годами Иван становится еще более нервным и подозрительным. Он уже не доверяет даже своим верным псам — опричникам. Уже пять или шесть раз он меняет всех своих приближенных, большей частью казня их. Теперь его новым доверенным лицом становится умный и хитрый боярин *Борис Годунов*, на сестре которого, *Ирине Годуновой*, женат наследник престола, слабоумный сын Ивана — Фёдор. Хорошо зная характер Ивана, Годунов понимает, что его влияние на царя, как и влияние его предшественников, кратковременно, а жизнь в опасности. И, согласно одной из исторических версий, он решает действовать, тем более, что к началу 1584 года у царя появляются симптомы тяжелой болезни. Тело его распухает и издаёт нестерпимое зловоние. Врачи находят, что это заболевание крови...

По свидетельству английского дипломата Горсея, Борис Годунов обращается к придворным астрологам, чтобы они указали дату смерти царя. Причем, он предупреждает, что если их предсказания не сбудутся, то их сожгут заживо. Это равносильно назначению премии за убийство царя. Астрологи извещают Ивана, что он умрет 18 марта 1584 года в возрасте 54 лет. Слух об этом распространяется по Москве. Иван верит и не верит в предсказание, но все же готовится к смерти.

◀ *Т.Седов. Иван Грозный любит Василисой Мелентьевой*

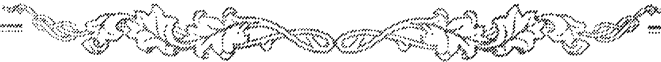
Горсей описывает необыкновенную сцену, свидетелем которой он был. Умиравший царь, пригласив с собой Горсея, приказывает нести себя в сокровищницу, где хранятся его драгоценности, с которыми он теперь вынужден будет расстаться. Взяв в руки несколько камней бирюзы, он обращается к Горсею: «Видишь, как она изменяет цвет, она бледнеет. Это значит, что меня отравили. Это предвещает мне смерть». Затем царь приказывает подать скипетр из кости единорога, которая считалась исцеляющей. Взяв эту кость, царский лекарь чертит ею на столе окружность, внутрь которой сажают несколько пауков. Насекомые тотчас же околевают. «Поздно, — говорит Иван, — теперь меня не спасет и единорог». После этого он опять возвращается к камням. «Взгляни на этот алмаз, — говорит он Горсею. — Это лучший и драгоценнейший из всех камней Востока. Алмаз умиротворяет гнев и гонит сладострастие... Он дает человеку власть над собой и целомудрие... Я никогда не ценил его по достоинству... Худо мне...»

Летопись утверждает, что перед кончиной своей Иван проявляет необычную для себя мягкость к окружающим. Сыну Федору он наказывает править благочестиво, с любовью к людям, освободить пленных и заключенных. Но та же самая хроника рассказывает и о том, что порочная натура Ивана так и не утихомирилась до самого конца. Буквально за несколько дней до смерти он пытался изнасиловать свою невестку, жену Федора, Ирину Годунову...

Наступает предсказанный астрологами день. Иван между тем чувствует себя хорошо, принимает ванну и начинает издеваться над неудачными прорицателями, обещая вскоре сварить их в котле за несбывшиеся дурные предсказания. Они в свою очередь отвечают: «...*день только наступил, а кончится он солнечным закатом*». После ванны, в большом зале, при многих собравшихся, полуодетый Иван начинает расставлять шахматные фигуры, приглашая Бориса Годунова сыграть с ним партию... И вдруг падает. По одной из исторических версий, подбежавшие бояре, заранее отобранные Годуновым, быстро придушили подушками потерявшего сознание царя, вызвали духовника и, как собирался сделать сам Иван, постригают будто бы умирающего, а в действительности уже мертвого царя в монахи...

Итак, версия для общественного мнения готова: предсказание астрологов сбылось, смерть произошла на глазах многих свидетелей, воля царя исполнена — перед смертью он пострижен в монахи и теперь может «предстать перед Господом...» В действительности же, как утверждают некоторые историки, в то утро придворный врач по приказу Годунова подсыпал царю медленно действующий яд... Таков был конец первого царя всея Руси...

Эпилогом этой истории является вскрытие гробницы Ивана Грозного, проводившееся в Архангельском соборе Кремля в 1963 году известным советским антропологом Михаилом Герасимовым. По черепу и костям Герасимову удалось

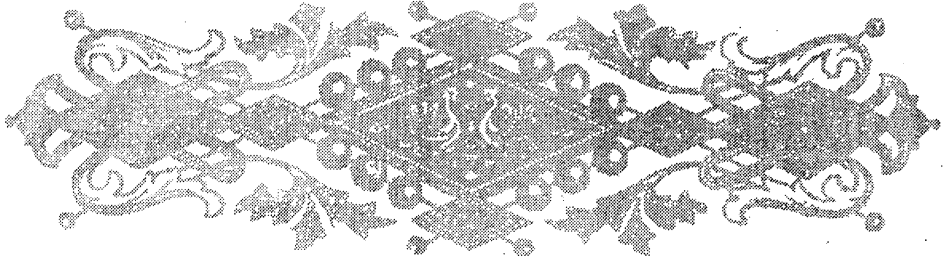
более-менее точно восстановить облик царя Ивана. Перед нами предстает высокий человек с располневшим, одутловатым лицом, выглядевший значительно старше своих 54 лет. Кости царя были покрыты толстым слоем отложившихся солей, что затрудняло его движения и, конечно же, дурно влияло на его настроение. Одной из загадок было присутствие большого количества ртути в организме царя. То ли это были следы старинного лечения, то ли яда отравителей. Второй удивившей всех загадкой было положение правой руки Ивана. Она была поднята вверх, будто взывая к Богу. Как это могло произойти — неясно, ибо руки покойника в то время всегда складывали крестом на груди и в этом положении тело пеленали и перевязывали жгутом. В связи с этим возникло даже предположение, что в спешке Иван был похоронен заживо и метался в гробу...

Изучив царское захоронение, ученые вернули кости Ивана в саркофаг, положив туда запечатанную капсулу с пергаментным протоколом экспертизы. И так, после четырех веков сна и краткого появления перед потомками, Иван Васильевич Грозный опять почил на века...

ЦАРВИЧЬ

ДИМИТРИЙ
ЮДННОВИЧЬ

ЛЖЕ-КОРОЛИ

Чтобы разобраться в запутанном наследии Ивана Грозного, истории следовало бы посадить на кремлевский трон незаурядную личность, по крайней мере не уступающую покойнику по силе характера и темпераменту. Но судьба распорядилась иначе. После смерти старшего сына, убитого самим отцом, законным наследником престола становится его младший брат, добрый, но слабоумный Федор. Печать явного вырождения лежала на облике этого 27-летнего царя. Хилое тело венчала непропорционально маленькая головка с ястребиным носом на всегда бессмысленно улыбающемся лице. Походка была нетвердой, а речь невнятной. Сам отец когда-то прозвал его *звонарем*, за единственную страсть, владевшую им — звонить в колокола.

Вот как иронически описывают иностранные послы обычный день царя. Фёдор вставал в четыре утра. Покончив с одеванием, он посылал за духовником и

◀ Царь Федор, сын И.Грозного.
(Портрет конца XVI века)

становился на молитву. Четверть часа царь усердно клал земные поклоны. Совершив эту первую утреннюю молитву, он посылал справиться о здоровье царицы. Затем они вдвоем отправлялись в домовую церковь к заугрене, которая продолжалась около часа. После этого царь шел в приемную палату и, сидя в кресле, принимал бояр. К десяти часам утра царь отправлялся на колокольню и сам звонил к обедне. Обеденная молитва занимала еще часа два. По окончании молитвы царь шел обедать, а затем — три часа обязательного дневного сна, без которого не об-

ходился ни один уважающий себя русский вельможа того времени. После сна царь шел на вечернюю молитву. Остальное время до ужина посвящалось вполне заслуженному отдыху. Царь с супругой развлекались, выслушивая болтовню шутов и наблюдая за кувырканием карликов. После ужина царь снова молился со своим духовником и, получив его благословение, отходил ко сну.

Таков был новый хозяин Кремля. В народе такой тип человека назывался *блаженным*, т.е. тихим безобидным существом, которого Бог лишил разума и тем самым взял под свое покровительство. Само собой разумеется, что такой царь не мог самостоятельно управлять страной, поэтому еще при жизни отец назначил ему опекунов-советчиков, одним из которых был тридцатидвухлетний Борис Годунов, на младшей сестре которого, Ирине, был женат Фёдор.

По свидетельству современников, Ирина была женщиной привлекательной, с ясным умом и твердым характером. Она была ровесницей Федора, детство про-

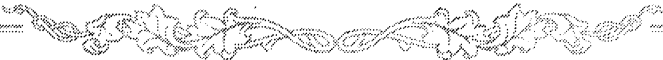
вела с ним во дворце, и поженились они задолго до того, как Федор стал царем. За годы совместной жизни она приобрела неограниченную власть над своим слабоумным супругом, и хотя из-за хилого здоровья Федора совместное с ним ложе разделяла весьма редко, зато в делах государственных была его первым и главным советчиком. Царица нежно любила своего старшего брата, так что с ее помощью после воцарения Федора на кремлевском троне Борис Годунов быстро оттесняет остальных опекунов и становится главной фигурой при царе, фактическим правителем России.

Единственной темной тучей, висевшей над царской четой, было отсутствие детей. Все беременности Ирины заканчивались неудачей. В то время, когда еще был жив старший сын, бездетность Фёдора не очень волновала Ивана Грозного, и даже наоборот, это соответствовало государственным интересам, так как избавляло престол от дополнительных претендентов в будущем и возможных междоусобных войн. Однако со смертью старшего сына ситуация резко изменилась. Теперь наследником становится Фёдор, и бесплодие Ирины грозит царской династии полным исчезновением. Иван Грозный решает развести сына с женой, но тут неожиданно слабохарактерный Фёдор оказывает отцу сопротивление. Он и слушать не хочет о разводе. Произойди это до убийства старшего сына, можно представить, какой гнев излил бы вспыльчивый царь на голову Фёдора. Но теперь, надломленный горем, он не решается поступить жестоко с младшим сыном и уступает. С воцарением Фёдора на престол проблема бездетности становится еще острее. Опекуны, которых Борис Годунов оттеснил от трона, понимают, что одним из путей отстранения его от власти является развод царя с Ириной Годуновой. Но если даже страх перед отцовскими побоями не заставил Фёдора сделать это, то теперь у противников Годунова было еще меньше шансов. Тихий Фёдор был так разгневан, что некоторые из тех, кто толкал его на развод, заплатились головой. И тогда один из опекунов царя, главный противник Годунова, придумал новый ход.

Фёдор был сыном Ивана Грозного от первого брака, но, кроме него, в Кремле жил еще и его младший брат Димитрий со своей матерью Марией Нагой — последней женой Грозного. И вот противники Годунова, ссылаясь на умственную отсталость Фёдора и его неспособность управлять государством, задумывают выставить малолетнего Димитрия соперником царя. Затея эта была не из легких, ибо русская православная церковь признавала законными лишь

*Царевич Димитрий. Целовальная икона.
Архангельский собор в Кремле ▶*

первые три брака. Все остальные считались незаконными, и дети от них вряд ли могли претендовать на престол. Тем не менее ситуация была щекотливой и при определенных обстоятельствах могла привести к дворцовому перевороту.

Под влиянием Бориса и Ирины Фёдор решительно расправляется с заговорщиками. Некоторые из бывших опекунов отправляются в далёкие ссылки, а Димитрий с матерью вынуждены покинуть Кремль и переселиться в старинный русский город Углич, в двухстах верстах от Москвы, который был завещан Димитрию его покойным отцом. При всем том, незлобивый Фёдор не таит зла против своего младшего брата и его матери, время от времени посылая им в Углич дорогие подарки, а они, в свою очередь, шлют ему в Кремль пироги и сладости. В то время никто еще не мог предвидеть, что судьба предопределила малолетнему Димитрию быть главным действующим лицом великой национальной драмы России, вошедшей в ее историю под именем *смутного времени*.

Несмотря на то, что дворцовый переворот не удался, Борис Годунов тем не менее прекрасно понимал, что его карьера всецело зависит от положения сестры. Отсутствие наследника и слабое здоровье Фёдора, которому предсказывали короткую жизнь, как дамоклов меч постоянно висели над Борисом. Вопрос о правах Димитрия на престол мог в любой момент опять всплыть на поверхность, тем более что уже в первый год своего царствования Фёдор тяжело заболел и едва не умер. Рассчитывать же на то, что после смерти мужа Ирина сохранит трон, не приходилось, так как для россиян того времени царствование женщины было явлением невозможным. В такой ситуации Димитрий, несмотря на незаконность своего рождения, становился единственным кровным наследником Ивана Грозного.

Борис лихорадочно ищет выход из этого положения. Он тайно предлагает Вене обсудить вопрос о заключении брака между Ириной и австрийским принцем, с последующим возведением принца на кремлевский трон. Одновременно с этим он отправляет в Лондон посла с просьбой прислать в Москву повивальную бабу, в надежде, что она поможет Ирине наконец-то родить наследника. Как считал Борис, рождение наследника снимет вопрос о Димитрии и упрочит его положение при дворе. Однако все эти тайные поручения вскоре получили огласку и вылились в грандиозный скандал. Слухи о том, что Годунов обратился к «иноверцам и еретикам» и что «еретическая дохторица» должна помочь появлению на свет православного царевича, вызвали бурю в Кремле. А сватовство Ирины при живом муже до глубины души оскорбило выздоровевшего Фёдора. Безоблачные до того отношения между ним и Борисом омрачились, и кроткий царь в дальнейшем не раз прибегал к палке, чтобы проучить шурина.

Говорят, что до наших дней в Сибири сохранился один узник, сосланный туда еще в 1591 году. По законам того времени, ссыльных увечили. Им рвали ноздри, отрезали уши, а то и вырывали язык. Это был способ отметить их преступное прошлое на всю жизнь и лишить надежды на побег. Ссыльный, о котором идет речь,

◀ **Борис Годунов**

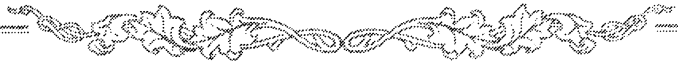
не избежал этой кары. Ему обломали уши и вырвали язык. Родом он был из древнерусского города Углича, а вина его заключалась в том, что 15 мая 1591 года он громким боем известил горожан о смерти семилетнего царевича Дмитрия. Ссылным этим был колокол...

Углич, куда был сослан малолетний Дмитрий со своей матерью, Марией Нагой, был центром анти-годуновской оппозиции. Родственники Марии понимали, что после смерти бездетного Фёдора у Дмитрия будет много шансов занять кремлевский трон, и готовили его к этому. Они внушали царевичу ненависть ко всем приближенным царствующего брата, и в первую очередь к Борису Годунову, который, как они не без основания считали, был главным препятствием на пути к трону.

Эти внушения падали на благоприятную почву, поскольку характер Дмитрия, хотя он и был еще ребенком, полностью повторял все черты характера покойного отца. Он был вспыльчив, мстителен, жесток. Его любимым занятием было отрывать головы у цыплят. А зимой, играя со своими приятелями, он лепил из снега человеческие фигуры, давал им имена приближенных своего старшего брата, не забывая, конечно, и Бориса Годунова, а затем с криками и остервенением рубил эти фигуры саблей, приговаривая: «Вот что вам будет, когда я стану царем!»

Все это, конечно же, не вызывало большого восторга в Кремле, тем более у Бориса. По слухам, исходившим из Углича, он уже не раз пытался отравить опасного соперника, но родственники царевича были начеку, учитывая такую воз-

Все это, конечно же, не вызывало большого восторга в Кремле, тем более у Бориса. По слухам, исходившим из Углича, он уже не раз пытался отравить опасного соперника, но родственники царевича были начеку, учитывая такую воз-

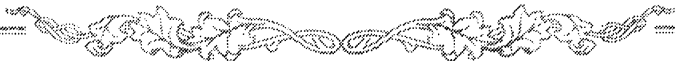
можность. И вот 15 мая 1591 года по России прокатилась весть, что царевич Дмитрий погиб при таинственных обстоятельствах. Не то случайно упал на нож, не то — зарезан. Как и во все времена, люди в таких ситуациях обычно задают себе один и тот же вопрос: кому это было нужно и выгодно? Выгодно это было Борису Годунову..

Смерть Дмитрия была настолько важным событием во всей истории России и, как мы увидим ниже, настолько повлияла на дальнейшую ее судьбу, что на ней мы должны остановиться подробнее.

Есть несколько версий смерти царевича. По первой, официальной, записанной в «следственном деле», которое велось по приказу Бориса Годунова — это несчастный случай. Во время игры с приятелями «в ножики» у царевича произошел припадок эпилепсии, которой он страдал. Падая, ребенок наткнулся горлом на нож, который держал в руке. Рана оказалась смертельной. По второй версии, широко бытовавшей в народе — царевич был зарезан людьми Годунова. Во время игры во дворе к нему подошел один из подсланных Годуновым убийц и попросил показать ожерелье, которое было на шее у царевича. Ребенок запрокинул голову, чтобы показать ожерелье, и в этот момент убийца всадил ему в горло нож.

Дальше события разворачивались с нарастающей стремительностью. Нянька и кормилица царевича, которые также находились во дворе, с воплями бросаются к пострадавшему. Царевич еще жив, хотя и потерял сознание. На крики женщин выбегает мать. И тут происходит первая странность. Следовало бы ожидать, что мать бросится на помощь к своему ребенку, но вместо этого она хватается поленом и с гневными криками начинает избивать им няньку. Сын няньки, который был одним из приятелей царевича и играл с ним во дворе, пытается защитить свою мать. Тогда царица набрасывается на него, крича, что он убийца царевича. Всю эту сцену видит церковный сторож, который случайно оказался на колокольне, и начинает бить в набат. Сбегается народ и вместе с ним прибегают два брата царицы, один из которых, по выражению летописи, «мертвецки пьян». Среди сбежавшихся есть и люди Годунова, с которыми у царицы и ее родни давняя вражда. Один из братьев царицы указывает на них, крича, что они убили царевича по приказу Годунова. Ничего не понимающая, но разъяренная толпа бросается на них. Сына няньки, который пытался спрятаться в церкви, убивают прямо у алтаря, что по законам того времени считалось одним из самых тяжелых преступлений. Всего было убито около пятнадцати человек.

А что стало с царевичем среди этой сумятицы и резни? По словам летописи, «его еще долго било» на руках у кормилицы. Когда он умер? Неизвестно. Кто убедился в его смерти? Тоже неизвестно. Тело его перенесли в церковь и с непонятной поспешностью похоронили. А в Москву был отправлен гонец, чтобы сообщить о случившемся.

Кремль не заставил себя ждать. По приказу Годунова в Углич прибыла комиссия. Как мы уже сказали, вывод её был однозначен — несчастный случай. А за кровавую резню последовала не менее кровавая расправа. Царицу постригли в монахини. Двести граждан Углича погибли в пытках. Другим отрезали языки и отправили в Сибирь. Туда же поехал и несчастный колокол, вина которого заключалась в том, что он начал звонить не ко времени...

Пятнадцать лет спустя, уже после смерти Годунова, церковь причисляет Дмитрия к лику святых. Его могилу в Угличе вскрывают и тело переносят в Кремль. Как рассказывает летопись, Дмитрий лежал в гробу «как живой». В одной руке он держал платок, а в другой — окрашенные кровью орешки. Ну, выражение «как живой» относится, по-видимому, к литературным изыскам летописца. Или может быть, в гробу лежала кукла? Что касается окрашенных кровью орешков, то вряд ли можно поверить, что за пятнадцать лет лежания в земле орешки могли сохраниться, да на них еще была видна кровь. Да и откуда вообще взялись эти окровавленные орешки, которые как бы подчеркивали версию убийства!? Скорее всего эти размалеванные орехи были подложены уже после вскрытия гроба. Но тогда возникает еще один вопрос: кому это было надо и зачем?

Если учесть, что Годунов к этому времени был уже мертв, а в Кремле сидели люди, люто ненавидевшие бывшего правителя и желавшие любыми путями опорочить его имя, укрепив версию убийства царевича, то все становится на свои места. По законам церкви даже нечаянный самоубийца не мог быть причислен к лику святых, поэтому-то в гроб и были подложены орешки. Якобы никакого самоубийства не было, было убийство. А «кровь» на орешках давала дополнительный эффект мученической смерти.

И тут мы должны сказать об еще одной, *третьей версии*, упоминаемой Костомаровым, хотя и поддерживается она не многими историками. Версия эта заключается в том, что царевича никто не убивал. Он был увезен и спрятан своими родственниками, а вместо него был похоронен совершенно другой ребенок. Все это представление было организовано родственниками Дмитрия для того, чтобы спасти его от надвигающейся, как они считали, опасности со стороны всемогущего Годунова, а заодно и опорочить своего врага перед народом. Если принять эту версию, то многие события, о которых пойдет речь ниже, станут гораздо более понятными.

В мировой истории есть фигуры, которые, пройдя через века, обретают силу общечеловеческих символов добра или зла, величия или низости. Подобные фигуры ставят перед нами моральные проблемы, которые человечество пытается решить силой ума или силой искусства. К таким фигурам относятся, например, Моцарт и Сальери. На примере их взаимоотношений история вот уже два века пытается решить вопрос — совместим ли гений со злодейством?! К таким

загадочным фигурам истории относится и Борис Годунов, жизнью которого были заинтригованы не только историки, но и великие писатели, поэты, художники и композиторы России...

6-го января 1598 года, на сорок первом году жизни, умирает, не оставив после себя законного наследника, царь Фёдор, а вместе с ним прекращает свое существование и род Ивана Грозного. Страна, где воля правителя приравнивалась к воле Божьей, остается без хозяина. Воспользовавшись этим, Борис Годунов организует несколько народных шествий к Кремлю. Народ умоляет его спасти страну, сделаться царем. Дважды Борис эффектно отказывается от трона, а на третий раз соглашается. Новый царь, которому только что исполнилось 47 лет, дает торжественный обет — в течение пяти лет не проливать крови...

По описанию современников, Борис Годунов был удивительным оратором, чему способствовали не только его острый ум и звонкий голос, но и манера держаться, красота лица и неизменная приветливость. Обладая несокрушимой волей, Годунов в то же время производил впечатление очень мягкого и даже сентиментального человека. Он готов был делать добро, если оно не мешало его личным планам, но и перед злом не останавливался, если считал его полезным для себя. Был ли он лжив? Не в большей и не в меньшей степени, чем всё тогдашнее московское общество, всегда обладавшее этим пороком, но удесятирившее эту свою черту во времена Ивана Грозного, который сам был олицетворением лжи. Годунов поражал современников также своим постоянством в семейной жизни

◀ **В. Головин. Федор Шляпин в роли Бориса Годунова**

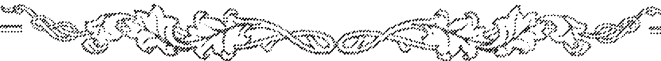
и привязанностью к детям. И что уж было совсем необычным для россиян, это отвращение к пьянству.

И тем не менее, при всех этих добродетелях, современники приписывали Борису Годунову множество злодеяний, от отравления Ивана Грозного до убийства царевича Димитрия. Даже когда у царя Фёдора и Ирины родилась дочь, умершая через несколько месяцев, то и в её смерти молва винила Годунова. Однако многие сегодняшние историки считают эти обвинения вымыслом. По их мнению, Борис Годунов был человеком выдающегося государственного ума. Он умело вел внешнюю политику страны, и если бы удача сопутствовала ему, то за сто лет до Петра Великого он мог бы вывести Россию в европейскую цивилизацию. Борис Годунов мог заслужить славу одного из лучших правителей мира, если бы в его венах текла кровь не мелкого боярина, а царская, дававшая, по законам того времени, право считаться «наместником Бога на земле» и безгранично распоряжаться «головами народа». Однако «неприродный» царь, каким был Борис Годунов, таких прав в глазах народа не имел. Тысячи казней, учиненных Иваном Грозным, не вызывали в народе и малой доли того негодования, которые вызывали отдельные расправы Бориса. Когда начался страшный голод и Борис попытался раздачей зерна помочь населению, все равно народ роптал, что голод этот послан небом за то, что на троне сидит царь-убийца, незаконный царь. Чего бы доброго ни делал царь Борис, народ все равно подозревал его в двуличии и коварстве. Любую смерть толпа немедленно приписывала его злой воле.

Как назвать все это? Скорее всего, это особая форма рабства. Особая форма народной нравственности. «Законному» царю, царю «по крови», народ прощает любые злодеяния, так как видит в нем исполнителя воли Божьей. «Незаконному» царю народ не прощает ничего, и, даже наоборот, приписывает ему все земные преступления. Эта ситуация, сложившаяся между народом и царем Борисом, занимала лучшие умы России — Пушкина, Толстого, Достоевского, Мусоргского... Многие поколения театральных режиссеров пытались воплотить эту ситуацию на сцене. Она была важна для них не только и не столько как часть русской истории, а как вечная тема добра и зла. В этой ситуации решались такие извечные вопросы, как цель и средство, кровь и благо, цена прогресса... Русская литература и искусство приняли версию, что именно Борис является убийцей царевича Димитрия, а отсюда и все дальнейшие несчастья, выпавшие на долю его царствования.

В опере Мусоргского «Борис Годунов», написанной на слова одноименной драмы Пушкина, великий русский актер Фёдор Шляпин, исполняя партию Бориса, поет:

*...Как молотком стучит в ушах утрёк,
И всё тоинит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...*

Разумного и твёрдого правителя, каким был Борис Годунов, не пугает злобная клевета, но его гнетёт раскаяние. Тринадцать лет подряд ему снится убитое дитя. Муки совести невыносимы... Тут и начинается великая трагедия Бориса Годунова. Против огромной власти, которой он обладает, встает всего лишь призрак, призрак убитого ребенка...

...По стране поползли слухи, что царевич Димитрий не погиб. Чудо спасло его. И теперь, спустя более десяти лет после его мнимой смерти, он с польским войском движется на Кремль, чтобы занять своё законное место.

История *Лже-Димитрия* принадлежит к числу самых драматических эпизодов своего времени. Кем был этот новый претендент на кремлевский трон? На этот вопрос по сей день нет окончательного ответа. Согласно версии, выдвинутой сторонниками Бориса Годунова, он был беглым монахом. Противники же Бориса, наоборот, поддерживают версию о чудесном спасении царевича Димитрия. Как бы там ни было, но человек, назвавший себя царевичем Димитрием и вошедший в историю под именем Лже-Димитрия, появился в Польше.

Это был хорошо сложенный молодой человек со смуглым лицом и аристократической осанкой. Кроме обаяния, связанного с его таинственным прошлым и тем будущим, которое может открыться перед ним, он обладал также отвагой, мужеством и ловкостью. В Польше самозванец быстро находит себе покровителей, которые готовы воспользоваться сложившейся ситуацией. Одним из его покровителей становится влиятельный шляхтич, в дочь которого, *Марину Мнишек*, влюбляется самозванец.

Марина считалась красавицей, хотя дошедшие до нас портреты подчеркивают скорее сухость ее характера: ястребиный нос, острый подбородок, тонкий рот, плотно сжатые губы, которые были созданы явно не для приманивания поцелуев. И лишь красивые миндалевидные глаза и грациозно выгнутые брови несколько смягчали ее сухое чопорное лицо. Зато, что сразу бросалось в глаза — ее невероятное честолюбие. Да, она готова отдать свою руку этому сомнительному русскому, но сначала пусть он станет царем.

Итак, с двумя тысячами воинов, набранными среди вольных польских рыцарей и искателей приключений, Лже-Димитрий пересекает русскую границу. Первые слухи о появлении самозванца не взволновали Бориса Годунова. Подобные слухи возникали и раньше, особенно в периоды болезни царя, неурожаев и народных волнений. Борис как бы смирился с тем, что тень царевича Димитрия — его удел, что это рок, от которого ему никогда не избавиться, да и он сам не мог бы с полной уверенностью сказать, что Димитрий мёртв. Малочисленное войско самозванца не могло представлять большой угрозы. По приказу Бориса в Польшу был отправлен гонец с письмом, в котором разъяснялось, что самозванец есть не кто иной, как беглый монах, приговоренный судом за

кражу. Однако, как показало время, враг оказался значительно опаснее, чем думали в Кремле.

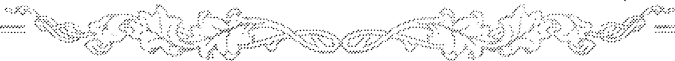
Предшествовавший этим событиям трехлетний из-за неурожая голод, какой не помнили ни деды, ни прадеды, доводивший целые области до людоедства, вверг страну в состояние апатии. Причина этого ужасного неурожая опять же приписывалась тому, что на троне сидел незаконный царь, царь-убийца. Другими словами, слухи о чудесном спасении царевича Димитрия попали на благоприятную почву. Народ ожидал чуда. Ходили слухи о всевозможных предзнаменованиях. В одном месте ураганный ветер опрокинул колокольню, в другом исчезли птицы, женщины и домашние животные начали рожать уродов, кто-то видел на небе два солнца и, наконец, летом 1604 года на небе появилась комета (что, кстати, было правдой).

Несмотря на то, что малочисленное войско самозванца было разбито, к нему уже стекались добровольцы со всех сторон, города открывали ему ворота, а посланные против него отряды переходили на его сторону. Положение становилось очень серьезным, и Борис Годунов понимал это. По его приказу была даже сделана попытка отравить самозванца, но монахи, которым это было поручено, попались с ядом в руках, и попытка сорвалась. Тогда Годунов приказал привезти из далекого монастыря в Кремль мать царевича Димитрия, Марию Нагую. Если бы она выступила перед народом с заявлением о том, что ее сын умер у неё на руках тринадцать лет назад, то это резко приостановило бы успехи самозванца. Об этом и просил ее Борис. Но Мария молчала, отвечая, что не знает, жив ее сын или нет. А ее молчание в этой ситуации было равносильно признанию самозванца. Как рассказывает летопись, при одном из таких допросов разъяренная жена Годунова бросилась к вдове Ивана Грозного и огнем свечи чуть не выжгла ей глаза. И в этот момент та якобы закричала: «Он жив!»...

Слухи о том, что сама мать признала в самозванце своего сына, разнеслись по Москве. В домах простолюдинов уже открыто пили «за здоровье Димитрия!» Положение усугублялось еще и тем, что самого царя Бориса охватила апатия. Его одолевала болезнь. Физические и духовные силы его угасали. Он уже почти перестал покидать дворец. 13 апреля 1605 года он почувствовал себя лучше и даже поднялся на колокольню, с которой нередко обзирал всю Москву, но вскоре поспешно спустился вниз, говоря, что чувствует дурноту. Побежали за доктором, но было уже поздно. Борис потерял сознание, из ушей и носа у него пошла кровь, и через несколько часов он скончался. Целый день боялись объявить народу о его кончине и сообщили о ней лишь на следующие сутки. Сразу же поползли слухи, что, страшась прихода Димитрия, Борис Годунов отравился в припадке отчаяния...

По сей день перед историками стоит вопрос: что в этих слухах истина, а что вымысел? Смерть Бориса в столь сложное для России время — простая случайность, убийство или самоубийство?!

У Бориса Годунова осталось двое детей — 16-летний сын Фёдор и дочь Ксения. Фёдор был интересным, умным и способным молодым человеком, получившим отличное по тому времени образование. Отец выписывал для него иностранных учителей и рано начал приобщать к государственной власти. Ксения, славившаяся своей красотой, также получила великолепное воспитание. Сразу после смерти Бориса кремлёвский трон перешел к Фёдору. Москвичи присягнули ему безропотно, но между собой шептались, что не долго, мол, царствовать годуновским детям. Вот придет царь Димитрий... И действительно, процарствовать Фёдору довелось всего лишь один месяц.

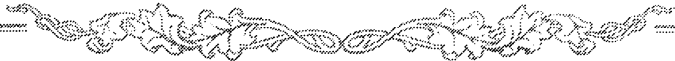
Между тем Лже-Димитрий медленно приближался к Москве, посылая вперед гонцов с письмами к столичному населению. Москва гудела как улей, ожидая «истинного царя», истинного сына Ивана Грозного. Фёдор Годунов, его мать и те из бояр, кто еще остались верны ему, «полумертвые от страха закрылись в Кремле». Если кто-то из народа еще колебался — верить или нет, то последнюю точку в этом поставил бывший опекун царевича Димитрия, всенародно поклявшись, что Борис Годунов посылал убить царевича, но его не убили. Он сам лично спас сына Грозного. «Долой Годуновых! — заревела толпа. — Всех их искоренить! Нечего жалеть их, когда Борис не жалел законного наследника!»

6-го июня 1605 года стены Кремля сделались свидетелями еще одной трагедии. Чернь, руководимая боярами, перешедшими на сторону самозванца, хлынула в Кремль. Царь Фёдор сидел на престоле в Грановитой палате. Рядом с ним с образами в руках стояли мать и сестра. Сильный и смелый молодой царь упорно боролся за свою жизнь, но в конце концов ему размозжили голову дубиной и задушили подушками. Вдова Бориса Годунова была убита вместе с сыном. Ксения приняла яд, но ей вовремя дали противоядие, чтобы спасти для более тяжелой доли. Её сохранили «для потехи повелителя». Как рассказывает летописец, Ксения была настоящей русской красавицей с белой кожей, ярким румянцем, алыми губами и длинными волосами, которые косами спадали ей на плечи. «Её тело было словно сливки, — говорит восторженный летописец, — а брови сходились дугой.» Лже-Димитрию уже давно донесли о её прелестях, и вот теперь этот трофей ждал его в Кремле.

Тело Бориса Годунова было извлечено из Архангельского собора Кремля, где он был похоронен два месяца назад, и вместе с трупами остальных членов его семьи, зарыто на заброшенном сельском кладбище. Так бесславно закончилось правление еще одного русского царя.

Любопытно, что свою драму «Борис Годунов» Пушкин сначала кончал словами: «Да здравствует царь Димитрий!», заставляя народ кричать здравницу ново-

1 - Лже-Димитрий. Портрет польской работы XVII в.; 2 - Невеста Лже-Димитрия — Марина Мнишек; 3 - Венчание Лже-Димитрия и Марины Мнишек в Кремле

му царю. Но уже перед самой сдачей рукописи в печать, великий поэт переменял конец драмы. Вместо финального восклицания он вставил фразу, которая сделалась очень заметной в русской культуре и общественной мысли. Теперь драма оканчивалась репликой — *«Народ безмолвствует!»*

Народ безмолвствует, и в эти секунды происходит важное событие в его нравственном восприятии. Только что он целиком был против прежней власти, активно поддерживая нового царя. Теперь же пролита кровь, новая власть расправляется с юным сыном Годунова так же жестоко, как некогда Годунов расправился с юным Димитрием. И тем самым торжествующий победитель начинает рыть себе могилу...

20 июня 1605 года нарядно одетые москвичи заполняют крыши домов и грядьями висят на деревьях. Бьют колокола. Все ждут въезда в столицу нового царя. «Челом бьем нашему красному солнышку!» — несется со всех сторон. — «Дай Бог тебе здоровья!» «Солнышко» приближается в сиянии величия и могущества. Лицо его не было красивым — широкий нос, рыжие волосы, но зато он был прекрасно сложен, а из-под великолепного лба светились умные глаза. На нём было шитое золотом платье с богатым ожерельем на шее, а восседал он на превосходном коне, убранном драгоценной сбруей.

На глазах всей России и всей Европы происходит событие, превосходящее все авантурные романы: под ликующие крики толпы самозванец въезжает в Кремль. Более того, к нему ведут «его мать», царицу Марию Нагую — полуслепую, полубезумную. Её настраивают, уговаривают, убеждают, и она при всем народе признает в молодом, закованном в латы рыцаре своего некогда погибшего сына!.. А сам рыцарь, сойдя с коня, идет пешком рядом с каретой, целуя руки «матери». Оба они плачут. Народ тоже проливает слезы умиления. А в Архангельском соборе Кремля, припав к гробу Ивана Грозного, самозванец плачет так горько, что ни у кого уже нет сомнений, что он и есть законный наследник. После этого происходит коронация нового царя, которая своей пышностью превосходит все, что видел Кремль. «Я не царём вам буду, а отцом, — говорит Лже-Димитрий. — Все прошлое забыто. Во веки не помяну, что вы служили Борису и его детям. Буду любить вас, буду жить для пользы и счастья моих любимых подданных.»

В отличие от прежних русских царей, невзыскательных в повседневном быту, новый царь повелевает отделать свои кремлевские покои с не виданной до того в России роскошью. Стены были обиты дорогой тканью, гвозди и цепи позолочены, а печные решетки отлиты из серебра. Ежедневное многочасовое выстаивание церковной службы прекратилось. Перестал соблюдаться обычай послеобеденного сна, который был связан с глубокой русской стариной и без которого москвичи не могли представить себе жизнь важного человека. Если прежде появиться при оружии во дворце значило нанести оскорбление царю, то теперь в покои царя начали входить при шпагах, как это делалось на Западе. И, на-

конец, невзирая на удивление и неодобрение народа, из Польши было выписано сорок музыкантов и в Кремле заиграл оркестр.

Вскоре в Кремль прибыла и будущая хозяйка всей этой роскоши, польская красавица Марина Мнишек — невеста царя. А бедная Ксения Годунова, лишившись своих прекрасных волос, исчезла за стенами монастыря, где спустя какое-то время родила сына.

Марина прибыла в Москву с двухтысячной польской свитой, в красной карете с позолоченными колёсами, сидя на подушке, унизанной жемчугом, в белом атласном платье, осыпанном драгоценными камнями. Звонили колокола, гремели пушечные выстрелы. Своим пышным появлением она ослепила будущих подданных, но в то же время причинила им и некоторые огорчения. Здесь, у ворот азиатской столицы, встретились два народа, далеко не всегда проявлявшие дружелюбие друг к другу. Трескучие приветственные раскаты московских трубачей больно терзали изнеженные польские уши. В свою очередь, мелодия популярной польской песни, которую грянул польский оркестр и которую подхватила свита царицы, не очень ласкала слух москвичей.

Серия цветных гравюр рассказывает, как в Успенском соборе Кремля проходило бракосочетание царя. Пока будущая царица восседала на сохранившемся до наших дней золотом стуле, выложенном шестьюстами алмазами, шестьюстами изумрудами и шестьюстами рубинами, её польская свита, развалясь на полу храма, демонстративно выражала свое пренебрежение к русским обычаям и святыням. Да и сама Марина не могла скрыть своего прохладного отношения к старомодным русским ритуалам. А когда пришлось прикладываться к иконам, то неумелые польки целовали изображения святых в уста, поражая тем православных.

...Никогда еще москвичи не видели такого царя. Пирь и забавы не мешали ему заниматься делами. Все дивились его уму, сметливости и той скорости, с которой он решал самые сложные дела. Он удвоил жалованье служилым людям. Облегчил участь крестьян, постановив, что помещик теряет право на крестьянина, если не кормит его во время голода, и запретил судить холопа за побег, если со времени побега прошло более пяти лет. Всем без исключения дал право заниматься свободной торговлей и промыслами. Приказал строго наказывать за взятки. Вернул из ссылки всех сосланных Годуновым бояр, пожаловав им новые чины и поместья. Дважды в неделю принимал на царском крыльце народ, и каждый бедняк мог обратиться к нему с жалобой. Каждый гражданин мог свободно выехать за пределы государства и вернуться обратно. Новый царь терпеть не мог доносчиков, если кто-то при нем ругал Годунова, он тут же обрывал: «Вы ему кланялись, когда он был жив, а теперь, когда он мёртв, хулите...» Как писал английский посол — это был первый царь в Европе, который сделал свою страну такой свободной...

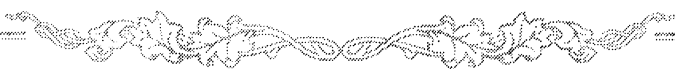
Удивлялся народ и привычкам молодого царя. Перед обедом не молится, а после обеда не спит. Ходит гулять пешком по улицам, заглядывает в лавки и мастерские, раз-

«Лже-Дмитрий»

говаривает со встречными людьми, чего никогда не делали прежние цари. Если прежние цари выбирали себе тихих смиренных лошадей и медленно, торжественно двигались на них, то этот, наоборот, любит вскакивать на диких, необъезженных и нестись во весь опор. Когда прежние цари садились на лошадь, им подставляли скамеечку, а то и чью-то спину, а этот — ухватится за гриву и уже в седле. Во время городских забав новый царь не сидит, как прежние, на возвышении, наблюдая за схватками московских молодцов с дикими голодными медведями, а сам хватает рогатину и идет один на один на зверя...

Всем был хорош молодой царь, только вот католичку в жены взял, да и обычаи, отцов, видимо позабыл в чужих краях! Больно уж любит иноземцев... Это народу не нравилось, тем более что расквартированные по частным домам москвичей прибывшие с царицей поляки зачастую, особенно в пьяном виде, вели себя нагло по отношению к русским женщинам... Проходили недели и месяцы, а царь и не думал возвращаться к традициям отцов. А в один из дней, к ужасу москвичей, у новых царских покоев появился шедевр европейских механиков — огромный медный трехглавый пес-цербер с бряцающими челюстями, оскаленными металлическими зубами и страшными когтями. Но и это ещё не все. В Кремле появилось множество женщин, которые не прятали лиц, не скрывали своих фигур, а за стол садились вместе с мужчинами... Все это было вопиющим нарушением вековых патриархальных обычаев страны. Народ роптал. Поползли слухи: «А впрямь ли он царский сын?»

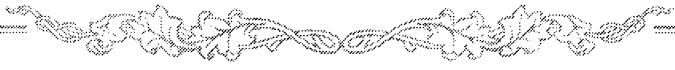
Негодование разгорелось еще сильнее, когда москвичи узнали, что в числе свадебных празднеств в Кремле готовится маскарад. По русским понятиям того времени, надеть маску, т.е. *«менять личину»*, значило служить дьяволу. Православному царю это подобало меньше всего. Среди бояр возник заговор. На растало подстрекаемое ими народное возмущение. Об этом донесли Димитрию. «Я этого слышать не хочу, — заявил он. — Не терплю донощиков и буду наказывать их самих». На следующий день об этом же сообщили ему несколько иностранцев, но Димитрий резко оборвал их: «Всё это вздор...»

В ночь на 17 мая 1606 года, когда царь давал в своём дворце очередной танцевальный бал, сопровождаемый сорока польскими музыкантами, в Кремле ударили колокола. На Красной площади начал собираться народ. Царский дворец окружила толпа. Заговорщики распустили слух, что поляки хотят разграбить Кремль и убить царя. Разъяренная толпа, смяв немногочисленную охрану, ворвалась во дворец. Первым ворвался отряд заговорщиков. Царь, обладавший незаурядной физической силой и ловкостью, крикнув — *«Я вам не Борис!»* — начал защищаться, но силы были явно неравные, и он попытался спастись бегством, справедливо считая, что если ему удастся добраться до народа, который все-таки любил его, и рассказать правду, то народ спасёт его от заговорщиков. К несчастью прыжок из окна с десятиметровой высоты на брусчатку оказался неудачным. Царь сломал себе ногу и потерял сознание, а заговорщики добились его, сообщив толпе, что он, якобы, перед смертью признался в обмане, что он не сын Грозного.

Окровавленное тело того, кто вчера еще считался «Солнцем России», протащили на веревке по мостовой Кремля и бросили на Лобное место в центре Красной площади. Над убитым все время измывались. Даже женщины занимались непристойным поруганием мертвого тела. Лицо покойника покрыли клоунской маской, а к груди привязали дудку — не царь, а презренный шут. К месту расправы опять привели Марию Нагую, требуя от нее ответа: «Твой ли это сын?» Говорят, что обезумевшая женщина закричала: «Чего вы не спросили у меня об этом раньше? Теперь он уж точно не мой!»

Несколько дней труп валялся на площади, потом его сожгли, пеплом зарядили пушку и выстрелили на Запад, в сторону Польши — туда, откуда пришел. Так закончилось одиннадцатимесячное царствование самозванца, вошедшего в русскую историю под именем Лже-Димитрия...

Так был ли он «лже» или не был? Как мы уже сказали, этот вопрос много веков занимает историков, но всё ещё остается без ответа. По утверждению Н.И. Костомарова, в одном из монастырей была найдена хозяйственная книга с подписью того самого беглого монаха, который, по официальной версии Бориса Годунова, скрывался под именем Димитрия. Как утверждает историк, эта подпись ничего общего с подписью Димитрия не имеет. И еще — если бы Димитрий был бедным безродным монахом из простолюдинов, то никак не сумел бы за два года пребыва-

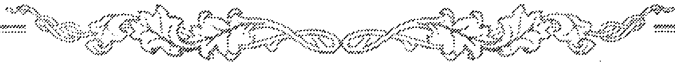
ния в Польше (а именно такое время пребывания там отводит ему официальная хроника) блестяще усвоить светские манеры польской шляхты: танцевать балльные танцы, великолепно сидеть в седле, отлично владеть оружием, в совершенстве знать польский язык и даже по-русски говорить не без акцента. Люди также заметили, что в день прибытия в Москву, прикладываясь к образам, Димитрий делал это неумело и не теми приемами, которые приняты были на Руси. В этом не мог бы ошибиться монах. И, наконец, еще один довод против того, что монах и Димитрий одно и то же лицо. Если допустить, что царевич Димитрий был спасен своими родственниками, то вряд ли они допустили бы, чтобы его детство и юность прошли в нищете, в хождении по монастырям и, что самое главное, в ежесекундной опасности быть узанным и убитым. Скорее всего, они сразу же отвезли бы его куда-нибудь за границу, подальше от Годунова, в ту же Польшу...

Исходя из таких соображений, многие считали, что он, скорее всего, был все же не беглым монахом, а выходцем из Польши. Как бы там ни было и кем бы он ни был, он был человеком новой формации и, возможно, если бы он процарствовал дольше, то Россия начала бы свои преобразовательные реформы задолго до Петра I.

Самозванцы! Они известны во многих веках и в разных странах: лже-Нерон в Риме, несколько лже-императоров в Византии, португальские лже-короли... Однако смело можно утверждать, что не только ни в одной стране мира, но и во всех странах, вместе взятых, не было такого количества самозванцев, как в России XVII-XVIII веков. Чем это объяснить? Отчего примерно сотня самозванцев в разное время называли себя «царь Димитрий», «царь Петр», «царь Константин»? Неужели все дело лишь в обмане, жульничестве? Но отчего же тогда великие русские мыслители, такие, как Пушкин, Толстой, Достоевский, интересовались этими «оборотнями»? Если бы это был лишь обман, то вряд ли бы он их заинтересовал.

И тут мы сталкиваемся с самыми современными проблемами психологии, самовнушения, массового гипноза. Дошедшие до нас исторические летописи свидетельствуют, что многие самозванцы уже на первом этапе обмана считали себя как бы благословленными свыше. (Подобно тому, как Жанна Д'Арк слышала голоса ободрявших её духов.) Повторяя — «я царь Димитрий», «я царь Петр» — эти люди и сами начинали верить, что в них вселился царский дух. И эта вера передавалась даже скептикам: «А Бог его знает, он, конечно, не сын Грозного, но что-то в нем все же есть!» В драме Пушкина «Борис Годунов» самозванец так и заявляет: *«Тень Грозного меня усыновила!»* Над этими проблемами размышляют многие современные историки. Решить эту загадку — это значит приблизиться к разгадке той тайны, которая давно уже называется *«загадкой русской души»*. Хотя, как сказал классик, может быть, самая великая тайна природы заключается именно в том, что никакой тайны нет...

После смерти Лже-Димитрия опять поползли слухи, что он не погиб. Народ хотел верить, что погиб не настоящий царь, а настоящий, тот, который являет-

ся истинным сыном Ивана Грозного, спасся. И вот уже в одном краю России поднимается войско во главе с Лже-Димитрием II и движется на покорение Кремля, в другом краю поднимается Лже-Димитрий III... Честолюбивая Марина Мнишек, уцелевшая во время ночного побоища в Кремле, спрятавшись, благодаря своему маленькому росту, под широкой юбкой горничной, теперь вдруг объявляет, что муж её не погиб. Она признает в Лже-Димитрии II своего супруга, живет с ним, рождает ему наследника. Однако вскоре и этот «царь» гибнет, так и не покорив Кремль. Марина ищет других покровителей, которые помогли бы ей сесть на кремлёвский трон. Покровители находятся. Марина переходит из рук в руки, пока её не заточают в монастырь, где она много лет живет со своим несчастным сыном, пока, по одной из версий, не умирает там от голода.

В Кремле же за это время сменяется несколько скороспелых правителей и в конце концов там запирается польский гарнизон. Кажется, что развал России неизбежен. Страна распадается на множество мятежных центров. Похоже, что само Небо мстит этой земле за зверства Ивана Грозного, за убийство царевича Димитрия, за обман и самозванцев...

На Красной площади вблизи Кремля воздвигнут памятник двум русским героям. Один из персонажей стоит, призывая на битву второго, который из-за ран вынужден сидеть. Это *купец Минин* и *князь Пожарский*. Эти два человека сыграли в русской истории такую же роль, что и Жанна Д'Арк во Франции...

Россия в разорении, Кремль оккупирован поляками, царя нет. И вдруг, в это тяжелое *«смутное время»*, русский купец Минин жертвует своё состояние на освобождение родины. Страстными речами он вдохновляет сначала жителей родного города Нижнего Новгорода, где он был земским старостой, а затем и других русских городов. Каждый обязан отдать на нужды родины пятую часть своего состояния, а кто ничего не имеет, идет в кабалу к тому, кто готов за него заплатить. Эти деньги идут на формирование добровольческой русской армии.

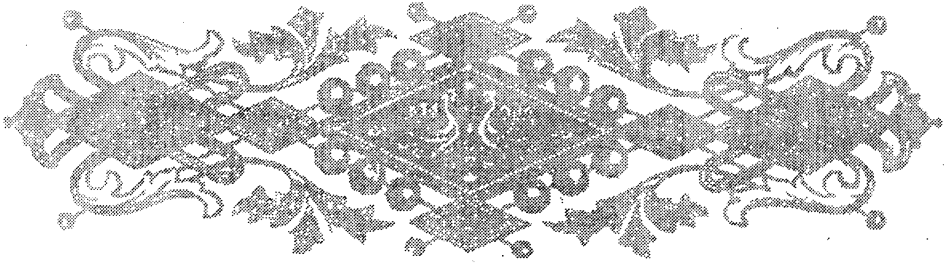
Добровольческие полки под предводительством князя Пожарского движутся к Кремлю. Поляки готовятся к тяжелой осаде. Летопись рассказывает, что уже через несколько месяцев осады в Кремле начинается мор. Осажденные пускают в пищу даже греческие рукописи, вываривая пергамент и добывая из него растительный клей. Люди сходят с ума от голода. В конце концов поляки вынуждены открыть ворота Кремля...

Подобно тому, как Жанна Д'Арк преподнесла Францию Карлу VII, так же Минин и Пожарский преподнесли Россию новой царской династии в лице шестнадцатилетнего *Михаила Романова*...

*Второй царь из династии
Романовых — Алексей*

НАЧАЛО РОМАНОВЫХ

Истрадавшийся за «смутное время» русский народ требовал мира и порядка. По некоторым сведениям, в это время под Москвой проходят несколько собраний, на которых стоит вопрос об избрании нового царя. Говорят, что по всей Московской земле даже служили молебны, чтобы выборы эти прошли не по законам человеческих интриг, а по воле Божьей. Претендентов на кремлёвский трон было немало — от иноземных династий до знатных отечественных боярских родов, но все они были отвергнуты. Слишком много бедствий перенёс народ за последние десятилетия, и ему хотелось видеть на троне человека, который сам был бы обижен предыдущей властью и понимал его страдания. Таким обиженным и в то же время достойным родом, по мнению народа, был род Романовых.

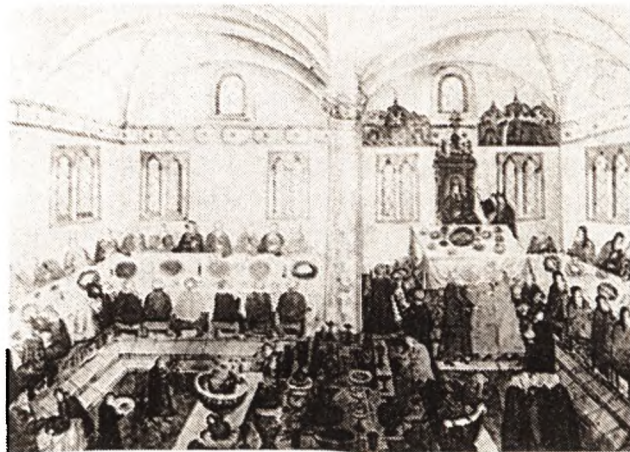
**Палаты бояр
Романовых в Москве** ▶

...Основателем рода Романовых был выходец из Пруссии Андрей Кобыла. К этому роду принадлежала и первая, самая любимая жена Ивана Грозного, царица Анастасия, славившаяся в народе своим мягким характером и заступничеством. Такую же добрую

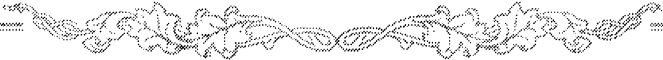
память оставил по себе и её брат Никита Романов, спасший от плахи немало людей. Отец будущего царя, Фёдор Романов, был уже четвертым поколением этого рода. Фёдор Романов был человеком большого ума и способностей, всегда приветлив, любознателен, знал латынь. И вообще, как рассказывают современники, не было в Москве большего щеголя, красавца и лучшего наездника, чем он. Если московский портной шил кому-нибудь платье и хотел похвалиться своей работой, то обычно говорил: «Теперь ты точно как Фёдор Романов». Во времена Бориса Годунова Фёдор Романов был насильно пострижен в монахи и получил имя *Филарет*. После восшествия на престол Лже-Дмитрия Филарет был приближен к трону и получил сан митрополита...

Не только простой народ, но и бояре и прочие «важные люди» тоже благосклонно смотрели на избрание царя из рода Романовых. В их памяти еще сохра-

нялся страх от кровавого правления Ивана Грозного, и они не хотели повторения. Они требовали гарантий, что новый царь не будет отправлять их на плаху по самодурству без суда и следствия, что он не будет править самовластно, не советуясь с ними. А

◀ **Избрание на престол
Михаила Романова**

чтобы было именно так, считали они, надо выбрать царя из незнатного и несильного рода, которому неоткуда будет ждать поддержки, и он вынужден будет опираться на них в государственных делах. Род Романовых идеально подходил к этим требованиям, а сам шестнадцатилетний *Михаил Романов*, которого прочили в цари, способностями, по мнению бояр, не блистал, так что без их советов не обойдется.

Итак, в «неделю православия» в Москве на Красной площади перед Кремлём собрались бояре и весь выборный народ от городов русских и волостей, а также просто множество москвичей. Высшее духовенство поднялось на Лобное место, чтобы спросить у выборных — каково их последнее решение по избранию царя. Но прежде чем те успели ответить, вся Красная площадь уже кричала: «Хотим Михаила Романова!!! ...Хотим Михаила Романова!!!...»

Шестнадцатилетний подросток, а с 11 июля 1613 года уже венчанный царь всея Руси, Михаил Романов был по природе человеком мягкосердечным, кротким и даже меланхоличным. Он не отличался какими-то особыми способностями, но был неглуп, хотя и не получил достаточного воспитания и образования. При вступлении на престол он едва умел читать.

Время, когда Михаил Романов сел на кремлёвский трон, было тяжелейшим для России. Повсюду бродили шайки разбойников, грабившие народ, насиловавшие женщин, сжигавшие поместья. Голод бушевал во многих областях страны, доводя до людоедства. Поля стояли необработанные. В опустевших избах лежали непогребенные мертвые тела. Города, некогда многолюдные, теперь едва насчитывали по несколько сот человек. В казне не было денег. Но, пожалуй, самым страшным бедствием было то, что, по меткому выражению матери царя, «*народ измалодушествовал*», т.е. потерял нравственные устои — исчезли такие понятия, как честь, совесть, законность, патриотизм, самопожертвование. Продажным было всё, даже правосудие. Воровство, казнокрадство, взятки стали явлением нормальным и повседневным. Все, кому было доверено управление страной, грабили её. Лихоимство, позволяемое себе начальниками, не имело предела. Шестнадцатилетнего царя окружили люди, отличавшиеся не умом и энергией, а лживостью и корыстолюбием. Голландец Масса, наблюдавший вблизи российскую жизнь того времени, пишет:

«...Надеюсь, что Бог откроет глаза юному царю, как то было с прежним царем Иваном (Грозным); ибо такой царь нужен России, иначе она пропадёт; народ этот благоденствует только под дланью своего владыки и только в рабстве он богат и счастлив...»

Дело даже не в том, насколько глубок анализ иностранца, сделанный почти четыре века назад, и каков в нём процент истины. Стыдно и обидно, что этот процент всё же есть...

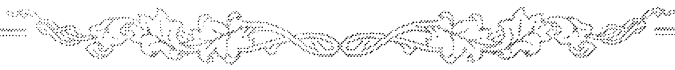
«Прежняя печальная история русского общества приносила горькие плоды, — пишет Костомаров. — Мучительства Ивана Грозного, коварное правление Бориса, наконец, смуты и полное расстройство всех государственных связей выработали поколение жалкое, мелкое, поколение тупых и узких людей, которое мало способно было стать выше повседневных интересов...»

Когда сегодня, под занавес XX века, читаешь вышеприведенные строки, написанные век назад известным русским историком, становится не по себе. Как уныло повторяется наша история, как мало учимся мы на ошибках прошлого...

В то время, когда Михаил Романов избирался на престол, его отец, митрополит Филарет, находился в польском плену. Вернулся он в Москву из плена лишь в июле 1619 года, через шесть лет после коронации сына. Сын встретил отца за городом, низко поклонился ему в ноги, а Филарет поклонился сыну-царю. Оба они лежали на земле обнявшись и плакали. А спустя десять дней Филарет получает сан Московского патриарха.

В самом внешнем облике Филарета было что-то властное, повелительное. Если раньше правление Михаила отличалось кротостью, мягкосердечием и даже безволием, и уж никак не самовластием, то теперь, с появлением Филарета, в поступках молодого царя появилась твёрдость и решительность. Было ясно, что за

ним встала волевая фигура отца. Без благословения Филарета из-под царского пера теперь не выходило ни одного указа. Он был строгим духовным пастырем, старавшимся восстановить пошатнувшуюся мораль российского общества.

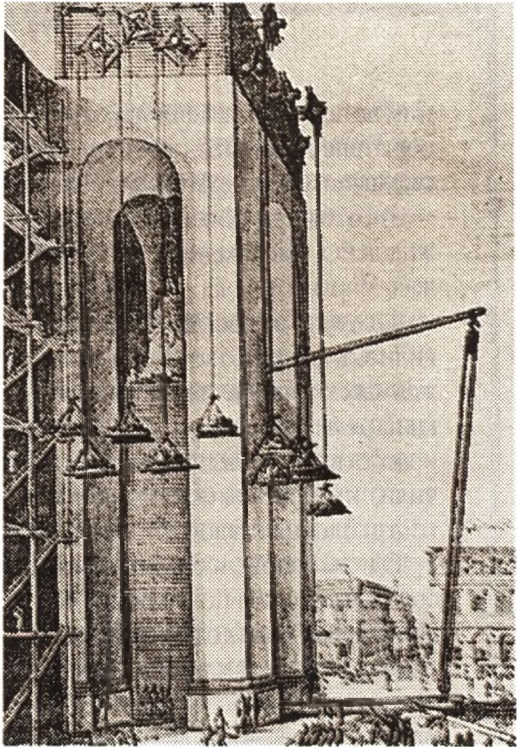
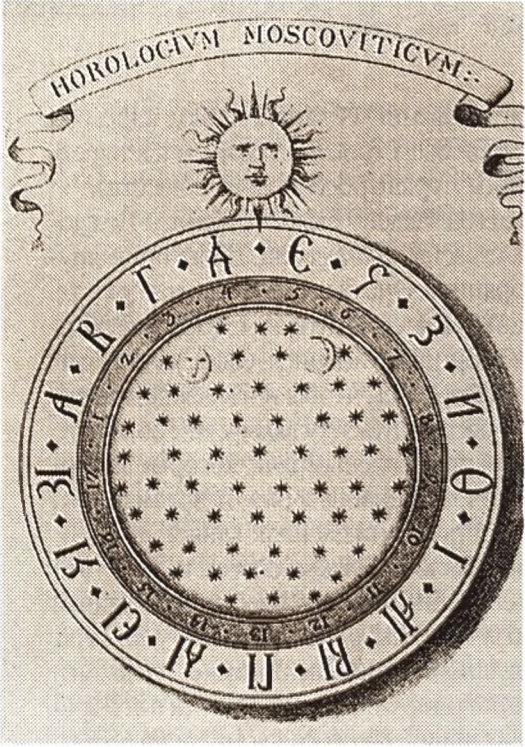
В 1616 царю Михаилу пошел двадцатый год. Решено было его женить. По сложившейся уже традиции, в Кремль была свезена толпа девиц. Царю приглянулась Марья Хлопова, дочь небогатого дворянина. Она была «поднята наверх», т.е. её поселили во дворце и нарекли «царской невестою». По всей стране уже готовились к свадьбе, но тут в игру вступили дворцовые интриги. Один из приближенных к трону влиятельных боярских родов, боясь, чтобы новые родственники царя не оттеснили их от власти, решил расстроить эту свадьбу, тем более что невеста в этот момент заболела. К ней были приглашены врачи, которые заключили, что болезнь не опасна, скоро пройдет, а произошла она от чрезмерного употребления сладостей. На деторождаемость она никак не повлияет.

Однако царю, и особенно матери царя, было доложено совсем иное — что болезнь опасна и неизлечима, девица не способна «служить радостям государя». Мать потребовала от сына, чтобы он отказался от свадьбы с Марьей и удалил её. Влияние суровой матери на мягкого, послушного царя было огромно, он не смел ослушаться её, тем более что его отец, митрополит Филарет, находился в это время ещё в польском плену. Марья была удалена из царского дворца и вместе со своей роднёй сослана в их далекое имение.

В сентябре 1624 году царь, против собственного желания, и опять же по воле матери, женится на *Марии Долгорукой*, дочери князя. Но брак этот продолжался недолго. Уже на следующий день после свадьбы царица заболела, а к январю скончалась. Спустя год после её смерти царь вступает во второй брак с дочерью незнатного дворянина *Евдокией Стрешнёвой*, будущей матерью царя Алексея.

...Разоренная «смутным временем» страна требовала стабильности и спокойствия. Главной заботой нового правительства было наполнение казны и усмирение разбушевавшегося бандитизма. За убийство и разбой полагалась смертная казнь. За первое и второе воровство отсекали руку, за третье — смерть. Что касается наполнения казны, то здесь способов было много, но для нас любопытны те из них, которые сохранили свою актуальность и сегодня. Так, например, спаивание народа. Была введена государственная монополия на винокурение и продажу вина. Кабаки строились повсюду и росли как грибы. Правительство делало всё, чтобы люди больше пили. Этим достигались сразу две цели — пополнение казны и отвлечение от реальных тягот жизни...

Весной 1642 года царь Михаил отправляет в Данию посла с намерением посватать свою дочь Ирину за датского королевича Вальдемара. Послам было дано распоряжение — если Вальдемар пожелает увидеть «личность» (т.е. портрет)

- ◀ 1 - Циферблат часов на Спасской башне - солнце и звезды. XVII век;
2 - Подъем колокола в Московском Кремле; 3 - А.Васнецов. Кремль конца XVII в.

царевны, то ему в этом следовало отказать. Зато послы должны были устно расхваливать невесту, отмечая такие её достоинства, как то, что она «скромная и разумная во всем, за всю жизнь ни разу не была пьяна!»

Надо сказать, что в то время Россия представлялась Европе страной дикою, внушающей страх, так что охотников отправиться туда было не так уж много. Тем не менее датский король решает все же принять предложение русского царя, выговорив предварительные условия: королевича не будут принуждать менять веру, он будет подчиняться только царю и никому больше, а также ему будут выделены обширные земли, которые станут наследственными. Русский царь принимает эти условия, предлагая в подарок будущему зятю несколько старинных русских городов, и королевич отправляется в Москву.

Москва встречает его пышно и тепло. Царь первый навещает королевича и даёт пир в его честь. Царица присылает ему несколько дюжин полотенец, имеющих символический смысл свадебного подарка. Всё идёт великолепно и никаких осложнений не предвидится, как вдруг царь передает королевичу, что до свадьбы требуется выполнить ещё одну формальность — принять греческую веру. Королевич поражен и наотрез отказывается, ссылаясь на предварительную договорённость, но царь настаивает. Тогда королевич требует отпустить его домой в Данию, но получает отказ. Потеряв, наконец, терпение, он пытается покинуть Россию тайно. Кончается это тем, что, убив одного из охранников, он сам был жестоко избит. Теперь он становится царским узником, к которому относятся вежливо и почтительно, развлекают, устраивают ему королевскую охоту, но следят за каждым его шагом. Подосланные «доброжелатели» нашептывают ему и страшные, и сладкие слова, что он может закончить свою жизнь в Сибири, если будет упорствовать, и что его невеста прекрасна. Но королевич твёрд в своём решении. Он готов расстаться с жизнью, но не с верой отцов..

Трудно сказать, чем бы окончилась вся эта история, не делающая чести русской короне, но в июле 1645 года царь Михаил умирает, на престол садится его сын Алексей, который и отпускает королевича с миром на родину.

Царствование первого Романова не относится к выдающимся эпохам русской истории, и сам он остался в ней как фигура весьма бесцветная.

* * *

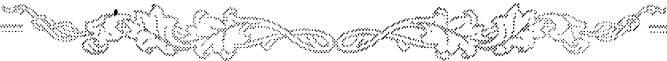
Алексей Романов получил в народе прозвище «*Тишайшего*». Он, как утверждают историки, был самым добрым из всех русских царей. Внешне это был склонный к полноте, но весьма привлекательный высокий мужчина весёлого нрава с красивой окладистой бородой, крепкого телосложения и с приветливым добро-

Господи

6*

*Шахматы — любимая игра царей
Эти принадлежали Алексею Романову*

душным взглядом. Он считал, что Бог хочет, чтобы люди были веселы, и если они в печали, то этим оскорбляют Бога.

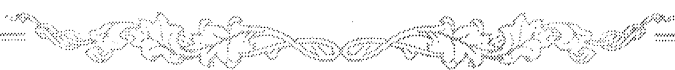
Даже недруги не могли бы упрекнуть его в непорядочности. Он был прекрасным семьянином, умеренным в питье, с добрым сердцем и поэтичной душой. Его любимым чтением были богословские книги, а в области соблюдения постов он был непревзойден. По понедельникам, средам и пятницам он питался только ржаным хлебом с водой. В вербное воскресенье царь собственноручно вёл под узду патриаршего коня, изображавшего иерусалимского осла, и получал за это от патриарха сто дукатов, которые откладывал на погребение, как «заработанные своим трудом». А перед большими праздниками царь посещал тюрьмы, миловал преступников, выкупал должников и ходил по богадельням, наделяя нищих щедрой милостыней. А иногда даже приглашал толпу нищих к себе во дворец и садился с ними обедать, а то и сам обслуживал их, подавая еду. Правда, тут следует заметить, что заигрывание с нищими — явление весьма распространенное во все времена. Если по своей природе люди любят хвастаться друг перед другом богатством и значимостью, то нищий как бы подчеркивает эту их значимость. По неписанным церковным законам, он пользуется своего рода «обрядовым уважением» — за небольшую подачку вымаливая у Бога прощение для богатого.

Доброта и человеколюбие царя Алексея вошли в народные сказания. Хроника рассказывает о посещении государем госпиталя, где стоял такой ужасный запах, что сопровождавшим его лицам становилось дурно. Но государь терпеливо переходил от койки к койке, расспрашивал больных о жизни и целовал их в уста. В другой раз, переданный ему на утверждение смертный приговор дезертиру царь отказался подписывать, заявив: «Бог не даёт мужества всем людям».

Конечно, все эти добродетели «тишайшего царя» надо рассматривать в контексте того времени. При всей своей доброте царю ничего не стоило отлупить палкой разгневавшего его боярина или оттащить последнего за бороду. А то и вырвать у него часть бороды и прогнать ударом ноги под зад. Правда, гнев царский проходил быстро и пострадавший обычно получал щедрые подарки в знак примирения.

Развлечения царя были традиционны — шахматы, соколиная охота, рассказы дряхлых стариков о былых временах, карлики-шуты, а зимой, особенно по праздникам, бои охотников с дикими медведями. В круг, обнесенный стеной, входил охотник с рогатиной, а затем туда запускали голодного дикого медведя. И тому и другому бежать было некуда, надо было бороться. Медведь яростно ревел, становился на задние лапы и с разинутой пастью шел на охотника. Но и охотники подбирались отважные, так что далеко не всегда побеждал медведь. Но уж если он побеждал, то раздирал человека на куски.

На сколько шахматы глубоко вошли в быт русского двора, говорит хотя бы тот факт, что в Кремле была специальная мастерская, изготовлявшая и ремон-

тировавшая их. То же относится и к старикам-рассказчикам. Некоторым из них было по сто лет и более. Их специально содержали при дворе. В длинные зимние вечера царь призывал их в свои комнаты, где собиралась вся царская семья, и старики рассказывали о дальних странах, где им довелось побывать, об иноземных нравах и русской старине. А под конец своей жизни царь Алексей увлёкся драматическим театром — тем западным нововведением, которое в то время начало робко вступать в Россию.

И ещё одна страсть одолевала русского монарха — страсть к пышности и ритуалам. Все иностранцы, посетившие Москву того времени, восхищались блеском двора и раболепным преклонением перед царем. Перед его каретой мели улицу, а встречные всадники слезали с коней и падали ниц. Не только к царскому крыльцу, но и к царскому двору нельзя было подъезжать на лошади. Люди младших чинов сходили с лошади далеко от дворца и обязаны были идти пешком, несмотря ни на какую погоду. А простолюдины снимали шапки и шли с непокрытой головой, даже издали завидя Кремль. Одним словом, царь становился олицетворением нации.

«Царский двор» того времени представлял собой картину весьма экзотическую. Кремль всегда — и чем дальше, тем больше — был нагромождением прилепившихся друг к другу зданий, теремов, церковей разных эпох, соединенных между собой открытыми и закрытыми проходами, галереями, ходами. Женские терема под понятие «царского двора» не попадали, это было явлением чисто мужским. Все «служилые люди», проживавшие в Москве, — а это не одна тысяча человек, — должны были ежедневно являться в Кремль ко дворцу, как бы отдавая себя в распоряжение государя. Так что «двор» был изрядно перенаселен. Нередко здесь возникали драки, но никто не обнажал сабель, так как вход с оружием был воспрещен. Дуэль в её западном виде еще не вошла в обычай, так что споры решались кулаками и кровью из носа. Ну, а если противники особо горячились, то можно было получить и кирпичом по голове. Причем дрались они как пьяные сапожники, хотя разодеты зачастую были, как короли.

В 1647 году Алексей решает жениться. И опять в Кремль собирают сонм девиц, из которых царь выбирает дочь одного мелкого помещика. Всё шло к браку, но когда невесту впервые одели в подаренные ей царём одежды, то одевавшие женщины перестарались и так перетянули бедняжку, что она упала перед женихом в обморок. Это было принято за падучую болезнь, и брак не состоялся. Как скрывшую свою болезнь, её вместе с родней отправили в далекую сибирскую ссылку.

Происшествие так подействовало на молодого царя, что он несколько дней отказывался от еды. Его воспитателю, боярину *Борису Морозову*, приходилось отвлекать его от горьких мыслей пирами и охотой. Однако народ, который всегда всё знает, шептался, что происшествие с невестой было не случайным, а подстроено самим Морозовым. Чтобы упрочить свое положение, у Морозова созрел план женить царя на одной из дочерей своего подчиненного, а на другой жениться само-

му, и таким образом породниться с царем. В один из дней, будучи вместе с царем на молебне в Успенском соборе в Кремле, Морозов показывает ему этих двух сестер. Царю понравилась одна из них, и он нарекает её своей невестой. А 16 января 1648 года Алексей Романов сочается браком с *Марией Милославской*.

Брак этот был счастливым. Он подарил царю восемь дочерей и пять сыновей. Но не по задуманному плану разворачивалась дальнейшая судьба Морозова. Женившись на второй сестре, с которой у него была большая разница в годах, они, по народному выражению, породили не детей, а ревность, так что молодой жене пришлось испытать на себе немало плетей, отпущенных ревнивым мужем.

После свадьбы царя Морозов начинает выдвигать на выгодные посты родственников молодой царицы, которые теперь являются и его родственниками тоже. Все они были людьми небогатыми, жадными, стремящимися к обогащению. Путь к быстрому обогащению был один — взятки. Особенно опротивели народу двое из них, которые не просто промышляли взятками, а занимались вымогательством. Их подручные писали на людей доносы, обвиняя в вымышленных преступлениях, затем обвиняемых хватили и вымучивали у них взятки за освобождение. Никакие жалобы до царя не доходили, всё решал сам Морозов.

В народе началось брожение. Толпа решила при случае силой остановить царский экипаж и потребовать от царя наказать вымогателей. Такой случай подвернулся в мае 1648 года, когда царь возвращался из монастыря. Царь был напуган таким поворотом событий и ласково просил народ ра-

« В.Рябушкин. Московская девушка XVII века

зойтись, обещая разобраться и наказать виновных. Народ тоже ответил ему добрыми словами, и на этом инцидент мог бы закончиться, если бы сразу же после отбытия царя подручные Морозова не набросились на людей с палками и руганью. Толпа пришла в бешенство и бросилась к Кремлю, требуя выдачи ей на казнь двух вымогателей. Тогда, пытаясь успокоить людей, к толпе вышел сам Морозов, но в ответ полетели камни и крики: «Мы и тебя хотим взять!» Испуганный Морозов укрылся в Кремле. Толпа бросилась к его усадьбе и стала крушить её. Всё было разграблено, а молодую жену Морозова пощадили лишь потому, что она была сестрой царицы. В вишнях погребях люди ходили по пояс в вине, а некоторые так перепились, что угонули в нём.

После учиненного погрома ослепленная яростью толпа опять бросилась к Кремлю, требуя выдачи двух негодяев. Ситуация накалялась. В Кремле решили пожертвовать этими двумя и выдали их толпе. Они тут же были насмерть забиты палками, но толпа не расходилась, требуя теперь выдачи самого Морозова. Трудно сказать, чем бы это окончилось, но тут в городе вспыхнул пожар, отвлекший внимание толпы. Горел постоянный двор и окружавшие его кабаки. Толпа бросилась к кабакам, разбивая бочки с водкой и черпая её пригоршнями и папками.

Все эти события напугали молодого царя. Не то чтобы он стал менее добродушен, но он стал осторожнее и менее доверчив. Рассказывают, что однажды с испугу он собственноручно убил невинного просителя, который каким-то образом случайно приблизился к карете, а потом тяжело переживал это. Именно эти и подобные события подтолкнули в дальнейшем царя на учреждение Приказа Тайных Дел — своего рода тайной полиции, которая в русской истории была как бы продолжением «опричнины» Ивана Грозного.

После описанных выше событий и обещания, данного царем народу — ввести законное правосудие, в октябре 1649 года в России вводится *Уложение* — сборник законов — впервые оформившее в закон то, что обычно совершалось по обычаям, традициям или по воле сильного. Говоря современным языком, это был шаг в сторону «правового государства».

За умышленное убийство Уложение предусматривало шесть недель тюрьмы и пыток, а затем отсечение головы. За первое воровство — два года тюрьмы и отсечение одного уха. За второе воровство — тюрьма, ссылка и отсечение второго уха. Жену, отравившую или убившую мужа, закапывали по шею в землю и держали так до смерти...

Эти жестокие наказания соответствовали нравам того времени, зато Уложение облекало их в форму закона, пытаясь, таким образом, прекратить самовольную расправу. Каждый теперь знал, что ждет его за совершение того или иного преступления.

◀ *Первая жена Алексея Романова — Мария Милославская*

Но вместе с этим Уложение узаконило в России и дикое правило, получившее название «государево слово и дело». Кстати, нечто подобное уже было и в ряде европейских стран. Суть этого правила заключалась в том, что каждый, вне зависимости от богатства, сословий и рангов, обязан был донести на каждого, если заподозрил его в злых умыслах против государя. Уличный нищий мог указать пальцем на знатного боярина и выкрикнуть фразу — «Государево слово и дело!». Это значило, что у него есть против этого человека тяжелое обвинение. Обоих хватали и вели на дознание. Если обвиняемый не признавал себя виновным, то его подвергали пытке. Если и под пыткой он отвергал обвинение, то той же пытке подвергался тот, кто его обвинял. Если обвинитель не выдерживал пытки и признавался в ложности своих обвинений, его казнили. Но стоило ему трижды выдержать пытку — и обвинение считалось доказанным. (Вообще надо сказать, что не только по русской, но и по европейской «юридической этике» того времени, человека не принято было судить и тем более казнить, пока он сам под пытками не признавался в приписываемом ему преступлении.)

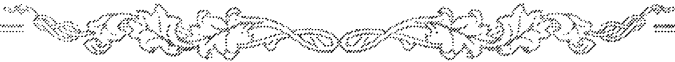
Недонесение каралось не менее жестоко. Даже жена и дети обязаны были донести на отца и мужа, если подозревали его в злом умысле против государя, иначе они сами подвергались смертной казни. Естественно, что всякий, услышавший нечто насторожившее его, спешил донести, чтобы самому не подвергнуться наказанию. По всей стране расползлись шпионы и доносчики. Они были на свадьбах и похоронах, на гулянках и дружеских сходках...

Царствование Алексея Романова — это яркий пример того, как огромная власть, данная бесчестным тупым чиновникам, может превратить в ад правление даже такого мягкого человека, каким был царь Алексей.

...1669 год был для царской семьи трагическим. При родах умирает царица. А через несколько месяцев, почти подряд, скорпостижно умирают оба сына-царевича. Это была серия страшных ударов для впечатлительной души царя, но тем не менее к концу года он уже оправился и возымел желание всту-

*Вторая жена Алексея Романова,
мать Петра I — Наталья Нарышкина* ▶

пить во второй брак. 23 января 1671 года Алексей Романов сочетается браком с *Натальей Нарышкиной*, а 30 мая 1672 года у них рождается царевич Пётр, будущий император России.

Царица Наталья была дамой светской, с передовыми по тому времени взглядами. Если первая жена царя, Мария Милославская, соблюдая древние традиции, даже в церковь из дворца ходила специальными коридорами, чтобы её случайно не осквернил посторонний взгляд, то Наталья позволяла себе ездить в открытой карете и показываться народу.

Не без ее участия в Кремле был заведен театр и приглашена странствующая группа немецких актеров, а затем даже построена специальная *«комедийная палата»*, которая имела полукруглую сцену, декорации, занавес, специальное место для оркестра, ложу для царя... Короче, настоящий театр. Вначале здесь ставились только пьесы, связанные содержанием с Библией, но мало-помалу начали переходить и к современной тематике. Хотя во Франции к этому времени уже блистал театр Мольера, а шекспировским *«Гамлету»* и *«Королю Лиру»* исполнилось более полувека, но для России театр — это было явлением почти революционным. Не надо забывать, что за *«пляску с музыкой»* в Кремле Лже-Димитрий потерял в свое время не только трон, но и голову.

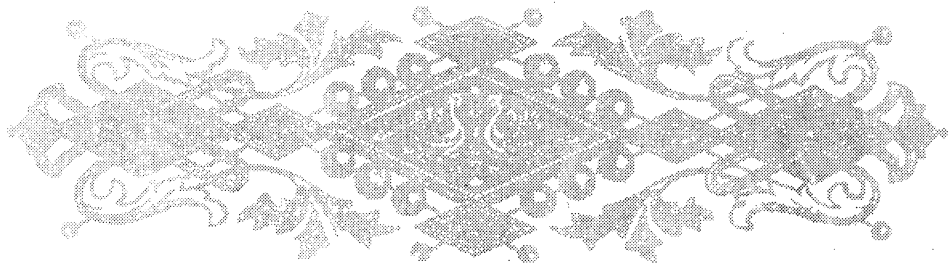
Нововведения начали проникать и во внутренние покои дворца. Мебель по-прежнему еще состояла из деревянных лавок и сундуков, а в окнах была слюда, но кое-где между лавками уже можно было встретить редких гостей из Европы — серебряные и золоченые стулья и кресла, обитые бархатом. На стенах появились картины, в основном на библейскую тематику, а в самых укромных местах, стыдливо спрятавшись за занавеской, уже висели зеркала — новинка, по российской морали того времени, весьма двусмысленная. И наконец, в довершение всего, в клетках болтали яркие заморские попугаи.

При всём своем внушительном внешнем виде, царь Алексей Романов был человеком хрупкого здоровья, а тучность ещё и подорвала его. И когда возраст стал приближаться к пятидесяти, силы его начали убывать. 28 января 1676 года он благословил на трон своего старшего сына Фёдора, приказал выпустить из тюрем всех узников, простить людям все казенные долги, выкупить тех, кто сидел за долги частные, причастился и утром 29 января тихо отошел в мир иной, в возрасте 47 лет. Так закончилось правление самого доброго из всех русских царей.

«Восковая персона» скульптор Растрелли

ВЕЛИКИЙ ШКИПЕР

Четырнадцатый ребенок Алексея Романова, казалось, не имел никаких шансов на престол, а между тем этим четырнадцатым был не кто иной, как *Петр Великий* — один из самых знаменитых правителей России.

Во времена рождения Петра, Кремль походил скорее на укрепленный лагерь, чем на царское жилище. Узкие комнаты с низкими сводами, темные коридоры, мерцающие в темноте лампы, железные решетки на окнах, вооруженные люди у дверей... Везде толпы солдат и монахов. Дворец царя прилегал с одной стороны к церкви, с другой — к монастырю и мало чем от них отличался. Из-за толстых стен дворца, соборов, монастырей доносились глухие звуки, сливающиеся в один общий гул: монотонное чтение молитв, песни запертых в теремах женщин, отзвуки оргий, тайно совершающихся в каком-нибудь углу дворца, громкие крики пытаемых в

застенках заключенных. И в то же самое время кругом царила тишина: все говорят шёпотом, все едят осторожно, все наблюдают друг за другом. Всё это было нечто среднее между гробницей, гаремом и тюрьмой. Вся Россия сконцентрировалась здесь. И хотя она уже имела за плечами многовековую историю, но всё ещё оставалась наивной, наглухо отделённой от соседней Европы, которая её игнорировала.

В такой атмосфере родился Пётр — младший из восьми сыновей и шести дочерей Алексея Романова. И физически и духовно он резко отличался от своих братьев и сестёр — хилых и слабых. В отличие от них Пётр обладал богатырским ростом (выше 2-х метров), железной мускулатурой и избытком здоровья. Как мог отец Петра, уже подточенный смертельным недугом, передать сыну такое здоровье? По этому поводу в Кремле ходило немало сплетен. По одной из них, немец-врач, работавший при дворе, заменил своим сыном девочку, родившуюся у царя и его новой молодой жены. По другим слухам, сам Пётр как-то спросил одного из придворных, отличавшегося могучим телосложением:

— Чей я сын? Не твой ли? Не бойся, говори, а то удушю..

— Батюшка, — смутился придворный, — не знаю, что сказать... Я был не один...

Алексей Романов умер, оставив трон своему старшему сыну, 14-летнему *Фёдору*, который был образованным, интеллигентным, но от рождения больным ребенком. Он мог ходить, лишь опираясь на палку, а шапку у него с головы должна была сниматься прислуга. Естественно, что власть в его руках была только номинальной.

Как-то летом 1680 года Фёдор увидел на крёстном ходу девицу, которая ему очень понравилась. Это была дочь незнатного дворянина польского происхождения, *Агафья Грушецкая*. Не нарушая традицию отцов, Фёдор приказал собрать в Кремле девиц и выбрать из них Агафью. А 18 июля 1680 года состоялась их свадьба.

Боярская площадка в Кремле ►

◀ 1 - Царь Федор; 2 - Царевич Петр в возрасте 10-ти лет; 3 - Правительница Софья

С приходом молодой царицы в Кремль начинают проникать польские обычаи и польский язык. Сам царь неплохо говорил по-польски и читал польские книги. Но всё это продолжалось недолго. В июле 1681 года царица вместе с младенцем умирает при родах.

Царю между тем становилось все хуже и хуже. Чтобы поддержать в нём дух жизни, окружающие подбадривают его и советуют вступить во второй брак. В январе 1682 года Фёдор вступает во второй брак с *Марфой Апраксиной*. Но брак этот продолжался всего два месяца. 27 апреля 1682 года царь Фёдор скончался, не дожив до 21 года.

После смерти Фёдора престол должен был перейти к следующему сыну Алексея Романова — *Ивану*, которому к этому времени исполнилось пятнадцать лет. Но почти слепой Иван, с постоянно открытым ртом и текущими слюнями, был безобидным, но душевно больным человеком. Поэтому после смерти Фёдора бояре единогласно высказались за передачу престола Петру, которому тогда исполнилось десять лет.

Кроме восьми сыновей, у Алексея Романова было еще шесть дочерей, но имя лишь одной из них, *Софьи*, вошло в историю. Софья была родной сестрой Ивана (от одной матери), и шел ей в это время двадцать шестой год. Вот как описывает её французский дипломат: «Уродливое тело непомерной толщины, широкая, как котел, голова, покрытое волосами лицо и шишки на ногах». Русский историк пытается смягчить краски: «Некрасивая на взгляд иностранцев, Софья могла казаться привлекательной москвичам того времени, которые не считали тучность недостатком». Но в одном сходятся все летописцы без исключения: «Насколько тело ее было коротко, широко и грубо, настолько тонок и развит был ее политический ум».

До 1682 года жизнь Софьи в Кремле была такой же, как и жизнь всех русских девушек того времени. Царские дочери жили затворницами в своих теремах. Кроме близких родственников, их никто не имел права навещать, и тем более они не могли появляться где-либо публично. Даже врач допускался лишь в

случае очень серьезной болезни. Когда он входил, ставни закрывались, и он мог шупать пульс больной только через какую-нибудь ткань. Потайные ходы вели из терема в церковь, где царица и царевны скрывались за красными занавесками от любопытства остальных молящихся.

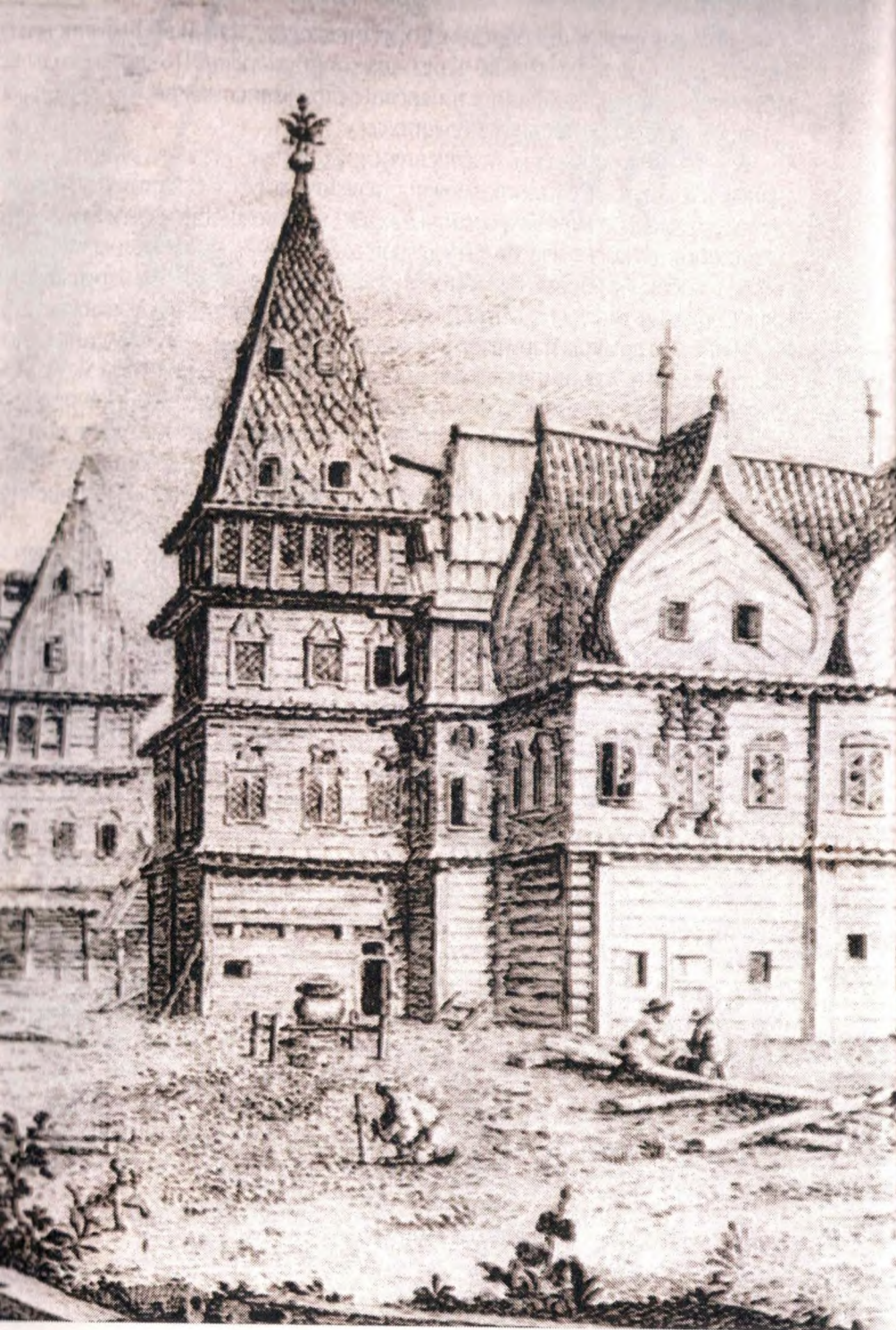
Боязнь греха, соблазна, искушения, страх порчи — все это заставляло держать царевен взаперти. Не имея возможности выйти замуж за простого смертного в силу своего высокого происхождения и не имея возможности выйти замуж за заморского принца, поскольку он был другой веры, они были обречены на одиночество, без любви, без брака, без материнства. Таков был закон. Не нарушая этих правил, Софья не смогла бы сыграть ту роль, которая ей была уготована историей.

И она эти правила нарушает, влюбившись в одного из приближенных. Поскольку царствовать женщине на Руси было невозможно, то заветной мечтой Софьи становится выйти замуж за своего возлюбленного, возвести его на престол и таким образом стать царицей. Острый ум подсказывал ей, что этот замысел может быть осуществлён в том случае, если сейчас на престоле будет не Пётр, а слабоумный Иван. Больной брат будет нуждаться в советах своей старшей сестры, и это откроет ей путь к трону.

Спустя месяц после того, как десятилетний Пётр был провозглашен царём, Софья организует бунт среди той части придворного войска, которое называлось *стрельцами* (пехотинцами). Среди них распространяются слухи, что родственники Натальи — матери Петра — хотят отравить царевича Ивана. 15 мая 1682 года стрельцы врываются во дворец. Три дня идет резня, в которой погибают почти все родственники Петра по материнской линии. На глазах десятилетнего ребёнка стрельцы на куски рубят его близких, бросают эти куски собакам, сбрасывают людей из окон дворца на копья стоящих внизу, пытаются. Эти страшные три дня на всю жизнь врежутся в детскую память Петра и толкнут его в будущем на не менее жестокую месть. В конце концов, по требованию стрельцов, царями провозглашают Ивана и Петра вместе, причем Иван становится старшим царём, а Софья правительницей при малолетних братьях.

Самой собой разумеется, что десятилетний Пётр был смертельно напуган теми событиями, которые разыгрались на его глазах. Вместе с матерью он покидает Кремль и переселяется в подмосковное село. Это изгнание стало для него благодатной свободой от консервативной кремлевской жизни и изменило весь внутренний мир будущего преобразователя России.

После той страшной резни Пётр невзлюбил Кремль и теперь наезжает сюда лишь в случае крайней необходимости, когда малолетним царям необходимо присутствовать на какой-нибудь официальной церемонии. Для этой цели из Голландии был даже привезен специальный трон, на котором малолетние бра-

тъя сидели рядом, а Софья стояла за их спинами, подсказывая, что надо говорить...

Итак, мечты Софьи сбываются. Она со своим возлюбленным на вершине власти. Именно она и он являются теперь действительными правителями России. В свободное от государственных дел время Софья увлекается сочинением

пьес для кремлевского театра, в которых сама же и играет. Слабоумный Иван не мешает ей править страной, а малолетний Пётр фактически находится в изгнании, в селе, где занимается своими детскими забавами.

История имеет привычку приукрашивать биографии великих людей. Так, например, про Петра говорили, что в одиннадцать лет он уже высказывал оригинальные мысли по военному искусству. Все это не более чем выдумки. Как раз наоборот, великий преобразователь России и физически и умственно развивался очень медленно. В три года у него еще была кормилица, а в одиннадцать лет он еще не умел ни писать, ни читать. Даже к шестнадцати годам он еле овладел письмом и лишь двумя правилами арифметики. Что касается личной храбрости, то он никогда не проявлял ее, легко поддаваясь панике и унынию. В детстве Пётр не получил систематического образования и был типичным самоучкой, хотя и с повышенной детской любознательностью.

Проживая в селе, вдали от кремлевской знати, десятилетний царь приобрел себе приятелей из среды окружавшей его прислуги. Это были дети конюхов, скакавшие вместе с ним на неоседланных лошадах, поваряга, дети прачек и судомоек. Предоставленный сам себе, он проводил с ними все время и, конечно же, командовал ими, играя в солдаты, строя земляные укрепления и штурмуя их. Так в форме игры зарождалось то, что впоследствии стало называться «*потешным войском*».

Как-то Петру попадает на глаза гниющий в сарае старый английский бот. Его ремонтируют и спускают

◀ *Царствующие малолетние братья - Иван и Петр*

◀ Ф.Алексеев. Красная площадь

на воду. С этого времени катание на воде становится любимым занятием молодого царя, его страстью. Он никогда не видел моря и начинает мечтать о нем. Позднее историк скажет: «Пётр дал России флот раньше, чем дал ей море».

Не только будущая армия и флот создавались в этих буйных забавах пылкого юноши. Скоро вся обветшалая Россия начнет рушиться под ногами его и его дерзких друзей, вышедших из кухонь и конюшен и превращенных им в графов и фельдмаршалов. У этой поворождённой знати были все пороки русского общества того времени, но чего в ней точно не было — это бездарности и лени.

Воспринятое от простолюдинов чувство товарищества навсегда сохранится в характере царя. Он навсегда останется их хорошим товарищем и собутыльником. Но в нем также сохраняются и их грубые манеры и циничный кабацкий дух.

Шлю время, и военные игры молодого царя начинают приобретать весьма внушительные размеры. Игрушки превращаются в оружие. Возле села на берегу реки была выстроена настоящая крепость, в которой палили из пушек, а на воде разыгрывались настоящие морские сражения. Все это волновало царя Наталью, поскольку сын полностью ускользал из-под её контроля, не говоря уж о том, что он не раз подвергал себя серьезной опасности, так как в этих играх нередко происходили тяжелые несчастные случаи. Так, однажды, взорвавшаяся ручная гра-

**Евдокия Лопухина,
первая жена Петра,
мать царевича Алексея ▶**

ната опалила ему лицо. Чтобы положить этому конец, мать прибегает к старому испытанному средству. Она решает женить своего семнадцатилетнего сына.

27 января 1689 года Пётр вступает в свой первый брак с *Евдокией Лопухиной*, от которого рождается его старший сын Алексей. И хотя брак этот продолжался всего три месяца, он, тем не менее, был роковым для честолюбивых замыслов Софьи, поскольку по русским понятиям того времени женатый человек считался совершеннолетним. Этим Пётр получал в глазах народа полное право избавить себя от опеки старшей сестры.

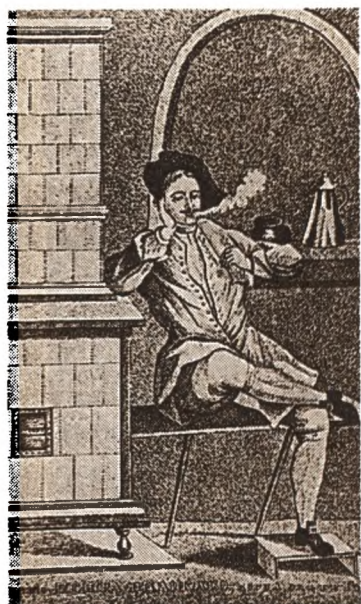
Все это прекрасно понимает Софья, чье честолюбие и жажда трона достигают к этому времени своего апогея. И она решает идти навстречу судьбе. В ночь с 7-го на 8-е августа 1689 года Пётр внезапно был разбужен прибежавшими из Кремля доносчиками, которые предупредили его, что Софья собрала стрельцов, чтобы напасть на село и убить его.

Пётр бежит. Прямо в нижнем белье, босиком, он бросается в конюшню, вскакивает на неоседланную лошадь и прячется в соседнем лесу. Вскоре туда с одеждой примчались несколько конюхов и его друзья из «потешного войска». Все они галопом мчатся в подмосковный Троицкий монастырь — надежное убежище царской семьи. А на следующий день туда прибывают и верные Петру гвардейцы «потешного полка», который давно уже стал не «потешным», а представлял собой вполне грозную силу.

Игра Софьей проиграна. По приказу Петра её лишают власти и поселяют в монастыре. Слабоумный и добрый Иван не прекословит младшему брату, а в 1696 году он вообще тихо уходит в мир иной. С падением Софьи начинается фактически единовластное правление Петра, а вместе с ним наступает и новый период в истории России.

...Аккуратный немецкий наблюдатель записал в своем дневнике, что 25 августа 1698 года в Москву из Европы вернулся инкогнито царь Пётр и, не пожелав заехать в Кремль, удалился в свое село, где весело проводил время среди солдат. Много в этой записи невозможного и прежде не мыслимого для России. Ни один русский царь никогда прежде не ездил в Европу и тем более инкогнито. Пётр же провел там больше года под именем офицера Петра Михайлова. В Голландии он учился корабельному делу, работая простым плотником на верфи, а вечерами проводя время в винных погребах, чокаясь и горланя песни с портовыми матросами. До сих пор сохраняется там домик Петра, где высечено его изречение: *«Для великого человека нет малого дела»*. В Германии русский монарх наблюдает в му-

**1 - Петр I в Голландии. Отдыхает после работы на корабельной верфи;
2 - П.Пикарт. Петр I в костюме голландского матроса; 3 - Петр I учится кораблестроению в Голландии; 4 - Петр в Сорбонне перед памятником кардиналу Ришелье** ▶

«*Петр I (Литография с портрета Ж.Натье)*»

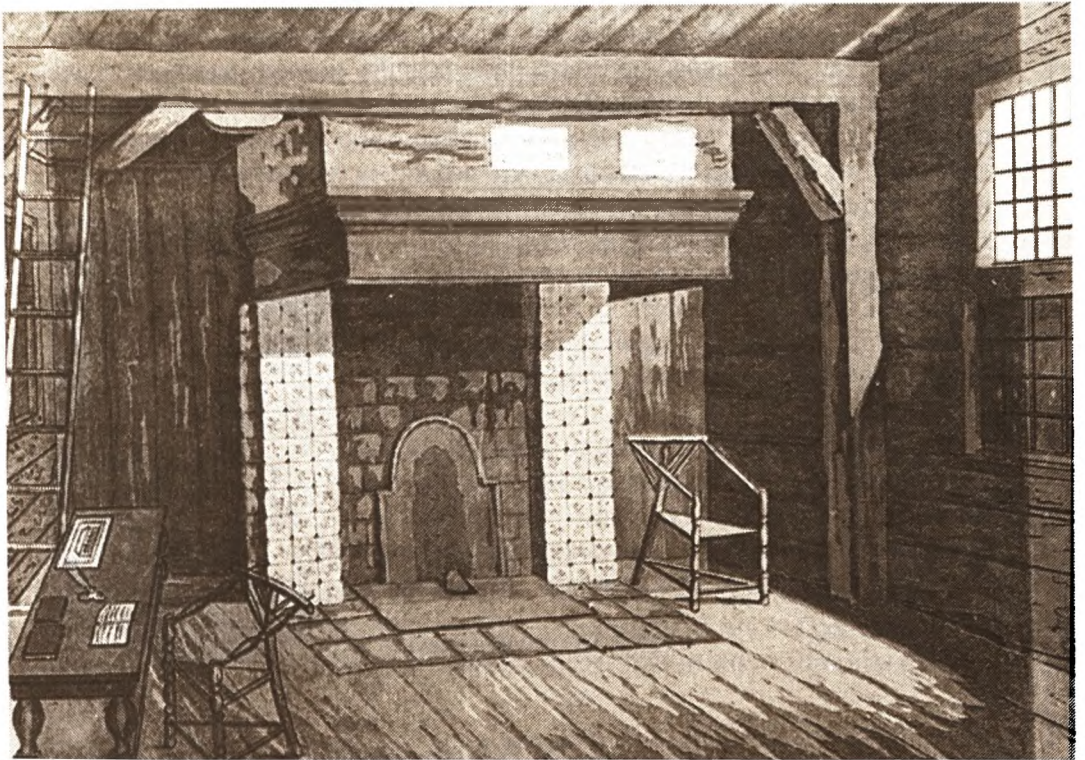
зее заспиртованный человеческий зародыш и приходит от этого в такой экстаз, что выхватывает экспонат из банки и целует его. Этот милый дикарь, сидя за столом, не знает, куда деть салфетку, которой он никогда в жизни не пользовался, а танцуя с дамой, принимает её корсет за натуральное тело и удивляется, что у немецких женщин спины такие твердые. В Дании он пытается обсудить с королём, сколько должна стоить уличная девка, и приходит к выводу, что за три объятия надо платить не более одной копейки. Во Франции, на могиле Ришелье, этот

странный русский офицер восклицает: «*О великий кардинал! Я отдал бы тебе половину своего царства, чтобы ты научил меня управлять второй его половиной*». А в стране флотоводцев — Англии, этот фанатичный поклонник моря заявляет, что «*звание английского адмирала предпочел бы званию русского царя*». Дальше путь замаскированного монарха лежал в Венецию, где ему уже готовили достойную встречу, но тут дурные вести с родины заставили его бросить все и стремительно вернуться в Москву. Именно поэтому царь проскал мимо Кремля прямо к себе в село под защиту своих любимых «потешных полков».

Дело было в том, что пока Пётр путешествовал, ненавистные ему стрельцы, подстрекаемые Софьей, опять попытались свергнуть царя-реформатора и вер-

1 - Дом в Саардане (Северная Голландия), в котором жил Петр в 1697 году;

2 - Внутренний вид дома ▶

◀ **Петр с малолетним Людовиком XV на руках**

нуть к власти его старшую сестру. Но верные Петру гвардейские полки разбили и захватили стрельцов, и теперь сам царь явился для суда и расправы.

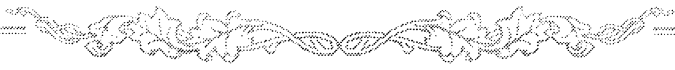
На другой день после приезда он созывает в своем селе гостей и устраивает большой пир, на котором водка льётся рекой. Многих прибывших бояр царь целует и тут же собственноручно ножницами отрезает им бороды, приказывая отныне принять европейский вид и носить короткое платье. Он издевается над усердными богомольцами, как бы пытаясь сразу, одним ударом, нанести поражение всей патриархальной русской старине. Сегодня трудно себе представить, каким шоком было для старорежимных бояр остаться без бороды, оголить лицо. В их среде считалось, что человек без бороды теряет подобие Божие. Это сравнимо лишь с тем, как если бы современного пуританина вдруг выставили голым на многолюдной площади большого города. Но бояре помалкивали, опасаясь бешеного царского гнева и его любимых офицеров — «птенцов гнезда Петрова», готовых исполнить любой царский приказ.

Эти «птенцы», поднятые Петром из самых низов, теперь фельдмаршалы и генералы. Вот, например, бывший слуга пирожника, Алексашка, а ныне *Александр Меншиков*, «человек №2» в государстве, первый министр Петра. Он совершенно неграмотен, умеет лишь нарисовать свою подпись, но умен, хитер, деятелен. При помощи опытных секретарей управляет городами и армиями. Он единственный неграмотный, ставший членом Британского Королевского Общества. Сам Исаак Ньютон подписал его диплом, за что небогатый гений получил драгоценный перстень от сказочно богатого Меншикова. Впрочем, как раз на этом балу, несмотря на его положение, увидев, что «первый министр» нарушает европейские правила и танцует, не отстегнув шпаги, пьяный Пётр угощает его такой затрещиной, что у министра хлынула кровь носом. Но и это не беда, водка всё примирит...

Вероятно, под влиянием выпитого и непрерывных разговоров о стрельцком заговоре, Пётр вдруг прямо с бала, ночью, скачет в Кремль, чтобы проведать своего восьмилетнего сына Алексея, которого, как ему говорили, стрельцы хотели душить. Тогда царю

Князь Александр Меншиков ▶

еще и в голову не могло прийти, что ровно через двадцать лет он сам приговорит своего сына к смерти, а его мать — первая жена Петра — закончит жизнь в тюремной камере, переполненной крысами. Но это потом, а пока, поцеловав сына и покидая ночной Кремль, царь в гнев обещает скорую и страшную смерть стрельцам.

Расправа началась через месяц. Около двух тысяч стрельцов было свезено в московские тюрьмы. Допросы проходили в царском селе. Подсудимых сначала пороли кнутами, а затем кляли на раскаленные угли. По свидетельству современников, ежедневно разжигалось до тридцати костров, на которых поджаривали мятежников. И вот наступило 30 сентября — «утро стрелецкой казни». Несметная толпа народа собралась, чтобы посмотреть, как повезут стрельцов на казнь. Длинные вереницы телег потянулись из села к Кремлю, где на Красной площади уже стояли приготовленные виселицы. На каждой телеге сидело по два стрельца. В руках у них были зажженные свечи. За телегами с раздирающими душу воплями бежали жены и дети осужденных. На Красной площади их вешали, ломали им ноги и руки, рубили саблями и топорами. Сам царь, как говорят, собственноручно срубил пять стрелецких голов, и то же приказывал делать своим приближенным, злясь, когда они проделывали это со страхом и неумело. Тела казнимых вешали на зубчатые стены Кремля. В назидание царским недругам они висели всю холодную зиму, до весны, расклеиваемые воронами. И лишь к весне было разрешено их зарыть.

Этому событию посвятил одну из лучших своих работ — *«Утро стрелецкой казни»* — великий русский художник Суриков. А во времена жесточайшего сталинского террора замечательная русская поэтесса Анна Ахматова писала в своём «Реквиеме»: *«буду я, как стрелецкие женки, под кремлёвскими стенами вить.»*

По приказу Петра Софья на этот раз была насильно пострижена в монахини и заперта в монастыре, а на ставнях её монастырской обители были даже повешены несколько стрельцов, так что при желании она могла коснуться их рукой. Здесь она промучилась до конца своей жизни и умерла в 1704 году.

Казалось, что в ярости Пётр расправляется не только с мятежниками, но и с ненавистным ему Кремлём, с Москвой, со всем старым миром. Ему шел тогда двадцать шестой год. Как писал французский посол: «Черты лица у него довольно красивые, в нем даже проглядывается доброта, и, глядя на него, трудно поверить, что он собственноручно срубает головы своим подданным, вызвавшим его неудовольствие».

Имея очень высокий рост, Пётр всегда выделялся из толпы, а свою от природы огромную силу он развил ещё тем, что постоянно работал молотом или топором. Пальцами он мог свернуть в трубку металлическую миску. Правда, со временем его красивое лицо портит появившийся нервный тик, судороги и тряс-

ние головы, причиною которых, видимо, были нервные потрясения детских лет и позднейшие попойки. Поскольку Пётр никогда не умел владеть собой, то появлявшийся на его лице гнев вызывал не просто страх у окружающих, а нередко даже обмороки у дам. Походка царя была стремительной. Он широко размахивал правой рукой и стремительно двигался вперед, так что сопровождавшим нередко приходилось бежать за ним. И вообще, сидеть на месте он не мог, у него было что-то вроде болезненной тяги к смене мест.

Но вот манера одеваться была у Петра совсем не царская. Один из самых богатых монархов Европы ходил в толстых заштопанных шерстяных чулках и очень грязных стоптанных башмаках. Это дополнялось столь же неряшливым костюмом, который нередко мало чем отличался от крестьянского. Дома он принимал своих посетителей в рваном халате. Ездил в скверном кабриолете на старой кляче и лишь в редких, особых случаях одалживал у кого-нибудь приличную карету. Да и жилье его было не царским. По древнерусской привычке, он не любил высоких потолков и приказывал строить себе комнаты-клетушки. Только однажды Пётр позволил уговорить себя надеть парадный костюм, вышитый серебром. Это было на коронации его второй жены Екатерины. Но и на этот раз он остался в своих любимых башмаках — грязных и стоптанных.

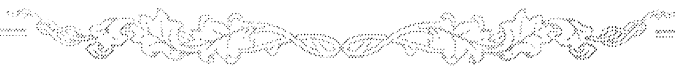
Не только одежда, но и вся манера поведения Петра напоминала скорее заведомая портового притона, чем обитателя дворца. Посланник польского короля, хорошо знавший Петра, как-то записал в своем дневнике, что, обедая с царем в Берлине у наследного принца, он был приятно удивлён, что на этот раз Пётр вёл себя почти прилично. *«Он не рыгал за столом, не пердел и не ковырялся в зубах...»*

Пьянство и работа — вот две страсти Петра. *«Он не пропускал ни одного дня, чтобы не напиться»*, — писал о нем современник. Вставая очень рано, обычно в 5 утра, царь начинал свой день с того, что выпивал стакан водки. В обществе женщин, к которым он никогда не относился равнодушно, царь больше всего ценил вульгарный разврат. Ему доставляло удовольствие видеть их пьяными. Нежные молодые девушки по его приказу вынуждены были выпивать гренадёрские порции водки. Сама будущая императрица Екатерина — *«перворазрядная пьяница»*, по выражению современника, добилась благосклонности царя в какой-то степени благодаря именно этому своему качеству. Любимыми собутыльниками Петра были капитаны кораблей, голландские купцы, а то и лакеи дворца. Со стаканом в руке он нередко засиживался с ними далеко за полночь, чередуя похабные анекдоты с шутками и взрывами гнева. Тот, на кого прогневался царь, в наказание должен был залпом осушить огромный кубок водки, после чего обыч-

1 - М.Нестеров. Патриарх просит Петра о помиловании стрельцов;

2 - В. Суриков. Утро стрелецкой казни

но скатывался под стол. Большим удовольствием для Петра было также затевать драки между своими собутыльниками. До конца жизни Петр так и не изменил свои мужицкие вкусы и не потерял своей природной дикости.

Был ли Пётр жестоким дикарем? Современники считают именно так. По их мнению, невозможно объяснить многие поступки Петра иначе, как тем, что неприятности и зло, которые он причинял, доставляли ему удовольствие. Он часто присутствовал при пытках и был там не только наблюдателем. Вольтер описывает случай, который рассказал ему Фридрих Великий и который, якобы, произошел во время обеда Петра с прусским посланником. По словам посланника, во время этого обеда Петр развлекался тем, что срубил головы двадцати стрельцам и выпил такое же количество стаканов водки, предлагая своему гостю последовать его примеру. Скорее всего, это лишь исторический анекдот, но тем не менее он все же базируется на слухах, которые окружали русского царя. Другой современник рассказывает, что в его присутствии царь убил дубинкой слугу лишь за то, что тот недостаточно быстро снял перед ним головной убор. Однако ходит и другой рассказ. Какой-то фанатик попытался убить царя во время сна. Он произвел два выстрела, но оба раза пистолет дал осечку. Охваченный ужасом убийца разбудил царя: «Видимо, Бог послал меня дать государю знамение своего заступничества, — сказал он. — Теперь убей меня, государь». — «Послов не убивают», — спокойно сказал Пётр и повернулся на другой бок.

Пётр был совершенно лишен сентиментальности. Он мог войти в тюремную камеру, где находился его бывший любимец, и спокойно объявить несчастному, что, к сожалению, вынужден его завтра повесить. Перед тем как казнить свою бывшую любовницу, он на ступенях эшафота поцеловал её, а затем взял её отрубленную голову и начал объяснять окружающим её анатомическое строение. При всем при том, не кто иной, как Пётр дал России основу уголовного права, написав в своем регламенте: *«Лучше помиловать десять виновных, чем осудить на смерть одного невинного!»* Для того жестокого времени это был совсем неординарный шаг.

Жажда деятельности и любознательность сохранялись у Петра до конца жизни. Он был, по-видимому, единственным монархом Европы, который лучше или хуже, но овладел четырнадцатью ремесленными профессиями и хвастался мозолями на руках. Вместе с плотниками он строил корабли и самолично проводил хирургические операции. Кстати, он считался лучшим корабельным мастером в России и сам мог построить весь корабль, от начала до конца. Его любознательность была настолько же неуемна, как и лишена чувства меры. Когда умерла вторая жена его старшего брата Фёдора, Петр решил проверить слухи о том, что болезненный Фёдор был сексуально беспомощен, но жена тем не менее ни-

когда ему не изменяла, даже после его смерти. Для этой цели царь сам произвел вскрытие трупа и, кажется, остался доволен добродетельностью своей невестки.

Служащим госпиталей было приказано сообщать царю о каждом интересном больном, нуждающемся в операции. Пётр не только присутствовал на операциях, но нередко и сам брал в руки хирургический нож. Справедливости ради надо сказать, что операции его не часто заканчивались благополучно. Приближенные царя, заболевая, приходили в ужас, что Пётр узнает об этом и явится со своими услугами. По возвращении из Голландии Пётр всегда носил при себе набор зубоврачебных инструментов и не упускал случая пустить их в дело. В музее Санкт-Петербурга по сей день сохранился мешок зубов, вырванных руками царя. Лучшим способом угодить государю считалось обратиться к нему за помощью, чтобы вырвать себе зуб. Кстати, по слухам, царь нередко вместе с больным зубом вырывал и здоровый.

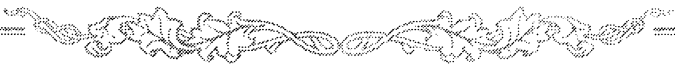
В Копенгагене царю очень понравилась мумия, выставленная в музее, и он вознамерился приобрести её. Смотритель музея доложил об этом своему королю, и тот вежливо отказал, сославшись на то, что «мумия эта отличается особой красотой... Второй такой нет...». Разгневанный Пётр вторично отправился в музей, схватил мумию, оторвал ей нос, всячески изуродовал её и ушел со словами: «Пусть теперь она у вас остается».

О буквально запойной страсти Петра к работе ходило немало рассказов. Говорят, что прусскому посланнику пришлось взобраться на вершину мачты, чтобы вручить царю свою верительную грамоту, так как государь в это время был занят укреплением снасти и ни за что не соглашался прервать работу и спуститься вниз. Это скорее всего легенда, но вот то, что царь после пьяной ночной оргии, когда было выпито уже немало стаканов водки, мог, заслышав звуки пожарного колокола, вскочить на лошадей и мчаться на другой конец города и там много часов подряд трудиться как простой пожарный, — это уж точно. Это горожане знали наверняка. Посетив однажды завод, Пётр смешался с рабочими и несколько часов подряд трудился вместе с ними с молотком в руках. После этого он потребовал от хозяина плату за свой труд. После скрупулезных подсчетов оказалось, что царь заработал 54 копейки. Получив их, Пётр был весьма доволен и заявил, что купит на них новые башмаки, так как старые совершенно развалились.

Еще одним любимым детищем Петра была тайная полиция. Имея в своем распоряжении целую армию сыщиков и шпионов, царь тем не менее и сам любил заниматься этим делом, прогуливаясь между столами во время пирушек и подслушивая, о чем болтают пьяные языки. Говорят, что он не гнушался подслуши-

1 - И.Ретин. Царевна Софья (в заточении); 2 - Петр I; 3 - Екатерина, вторая жена Петра; 4 - Царевич Алексей, старший сын Петра, погибший под пытками по повелению отца ►

вать и под окнами горожан, для чего отправлялся на такие прогулки поздно вечером, а то и ночью. Почти к каждому из знатных придворных был приставлен тайный осведомитель, то в виде секретаря, то в виде денщика. Под страхом тяжелого наказания гражданам было вменено в обязанность доносить друг на друга. Для этого было достаточно выкрикнуть роковую фразу: «Государево слово и дело». Это значило, что у выкрикнувшего есть информация, достойная царского уха. Как, например, некто плохо отозвался о царе или его семье, скрыл от казны драгоценности или просто произнес какое-то неосторожное слово, задевающее власть.

Арест одного обвиняемого нередко влек за собой аресты десятков, а то и сотен других. Чаще всего это были совершенно случайные люди, которых обвиняемый назвал под пыткой как своих сообщников. А бывало и так — обвиняемого водили по улицам, и он должен был *«узнавать своих сообщников»*. И тогда улицы мгновенно пустели, народ разбегался с криками — *«Язык! Язык!»* Так называли обвиняемого, который теперь становился смертельно опасен для каждого прохожего, так как мог указать на него.

Так на двух столпах — просвещении и зверстве — возводил Пётр новую Россию. Топорами он рубил головы и топорами рубил леса, строя Санкт-Петербург — новую столицу на Балтийском море, или, как говорили, *«прорубал окно в Европу»*. Именно тогда перед Россией был поставлен вопрос, который стоит перед ней по сей день: что возьмет верх в русской жизни — просвещение без зверства или зверство без просвещения!?

Как известно, Пётр был большим любителем женщин, но относился к ним неразборчиво. Так, например, в Копенгагене он потребовал, чтобы ему привели портовую проститутку. Есть описание драки Петра с садовником, когда последнему пришлось граблями отгонять пьяного царя от работающей в поле крестьянки. Или вот еще эпизод, произошедший за царским столом с некой Варварой, которая, по описанию, была весьма некрасива. Петр сказал ей: «Не думаю, чтобы кто-нибудь польстился тобою, бедная Варвара. Ты слишком дурна собой. Но я не дам тебе умереть, не испытав любви». И тут же при всех повалил ее на диван и исполнил свое обещание. Нравы того общества были таковы, что этому эпизоду можно вполне доверять.

История утверждает, что незаконнорожденное потомство Петра по количеству не уступало потомству Людовика XIV. Почти все четыреста незамужних дам, находившихся при дворе и исполнявших роль горничных, кухарок и прачек, носили на руках богато разодетых малышек и на вопрос, чьи это дети, с почтением отвечали: «Царь почтил меня...»

Но все это были лишь «мелкие шалости» по сравнению с тем, что произошло 2 мая 1712 года. В этот день царь празднует брак со своей второй женой *Ека-*

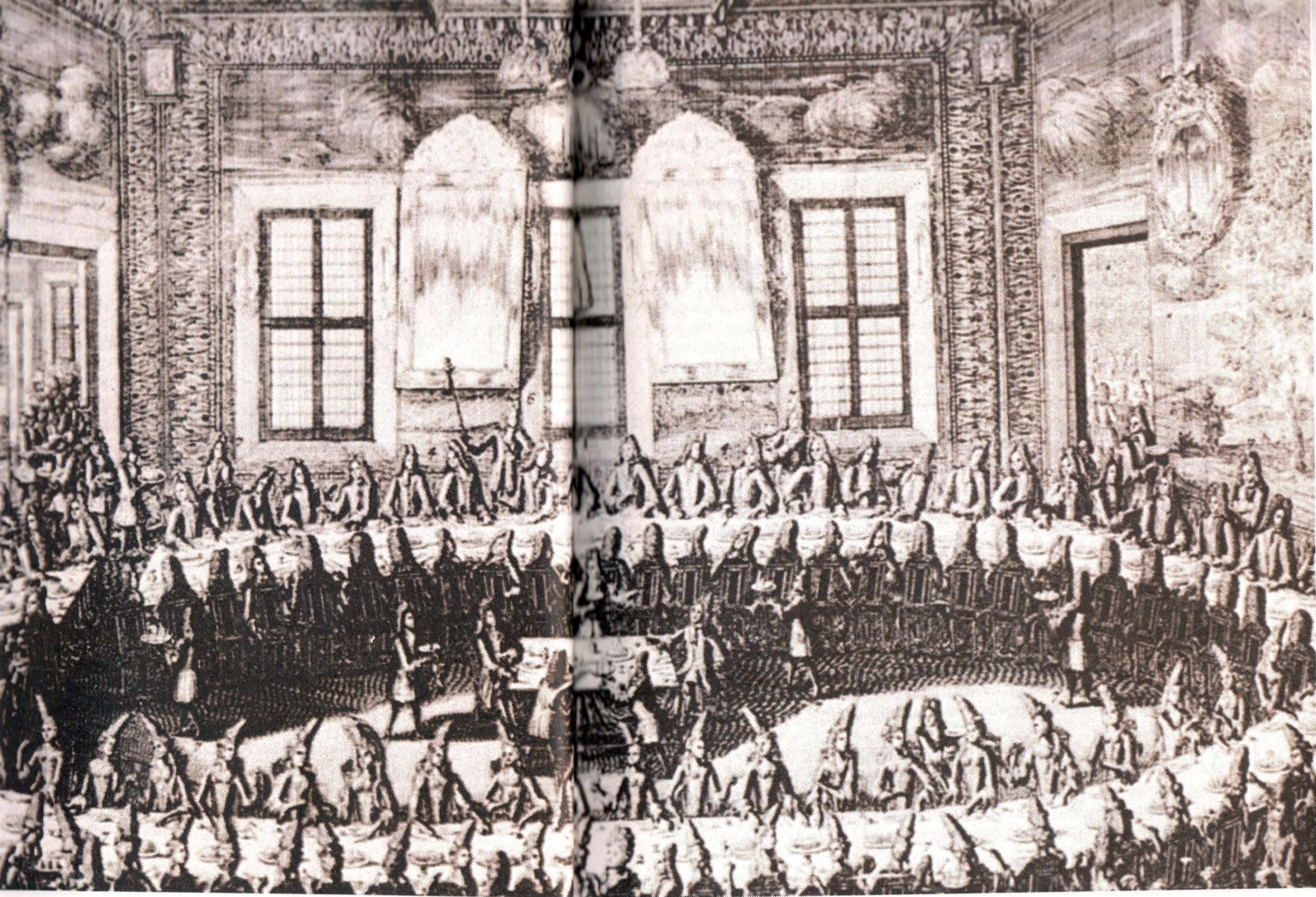
◀ Екатерина I

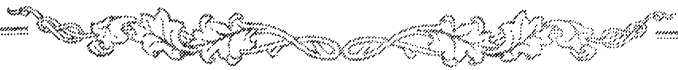
териной — бывшей пасторской служанкой и «солдатской девкой». История вознесения Екатерины на российский престол — это воплотившаяся в реальность сказка из «Тысячи и одной ночи». Такая удивительная судьба не выпадала на долю ни одной женщины в мире. Екатерина родилась в окрестностях Риги в семье простых крестьян. В 12 лет она осиротела, и её подобрал местный пастор. Пастор

содержал пансион, в котором и стала работать Екатерина. По воспоминаниям постояльцев этого пансиона, Екатерина была экономна и делала очень маленькие бутерброды, зато в другом отношении рано начала проявлять большую щедрость. В 16 лет у неё даже родилась дочь, которая, однако, умерла через несколько месяцев.

История умалчивает, как она впервые попала в русское войско и стала услугой солдат. У солдат её отнял унтер-офицер, а затем она стала любовницей самого главнокомандующего. От него она попадает в дом «первого министра», Александра Меншикова, который взял её к себе, «чтобы стирать рубашки». В доме Меншикова впервые и увидел её Пётр. Рассказывают, что, зайдя к Меншикову, Пётр удивился идеальной чистоте его дома и спросил, как он достигает этого. На что Меншиков, смеясь, открыл дверь в другую комнату, и царь увидел девушку с голыми ногами, в фартуке, которая, напевая, перескакивала со стула на стул, вытирая окна. Говорят, что за первую ночь, проведённую с Екатериной, Пётр одарил её одним дукатом.

Как и когда созрело у Петра решение сделать пасторскую служанку своей женой? Говорят, что это произошло во время одного из военных походов. Своей преданностью, храбростью и присутствием духа в критические минуты Екатерина победила последние колебания царя. В период с 1704 по 1723 год она принесла своему любовнику, а в дальнейшем мужу, одиннадцать детей, большинство из которых умерло в раннем возрасте. Частые беременности проходили для

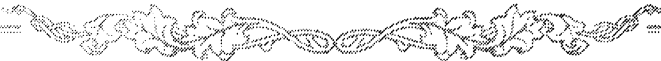

неё почти незаметно, не мешая сопровождать царя во всех его странствиях. Она была настоящей «походной женой офицера», по силе, выносливости и темпераменту не уступавшая самому Петру, но будучи значительно уравновешеннее его. Она могла жить в палатке и совершать двойные и тройные переходы верхом на лошади. Всё это не могло не пленить Петра, хотя по внешнему виду его избранница никак не претендовала на красавицу. По описанию современников, она «была небольшого роста, плотная, очень смуглая и не отличалась красотой и грацией. Достаточно было увидеть её, чтобы угадать в ней низкое происхождение. По странному наряду её можно было принять за актрису провинциального театра...» или за «служанку немецкой гостиницы».

Но у неё было ещё одно качество, которое, по-видимому, сыграло не последнюю роль в этом браке. С раннего детства Пётр был подвержен частым приступам «сильных мозговых припадков», которые сопровождались страшной головной болью. Эти припадки приводили его на целые часы в такое тяжёлое состояние, что он не мог выносить присутствия не только посторонних, но даже лучших друзей. В эти минуты он, казалось, был близок к безумию, и все бежали от него. Одна лишь Екатерина подходила к нему без всякого страха, заговаривала с ним своим ласковым, но твердым голосом, который действовал на царя успокаивающе. Она брала его голову и тихонько ласкала, проводя рукой по длинным, до плеч волосам. Вскоре царь успокаивался и засыпал, положив голову ей на грудь. Так неподвижно она сидела часами, дожидаясь его пробуждения. Просыпаясь, Пётр был опять свеж и бодр и безмерно благодарен своему «доктору». Все это, конечно же, усиливало влияние Екатерины на Петра.

Но, несмотря на всю привязанность к Екатерине, несмотря на всю ту огромную власть, которой обладал Пётр — к тому времени уже не царь, а Император России, его брак с бывшей «солдатской девкой», которая не умела даже начертать своей подписи, был невыносим ни для России, ни для Европы и мог повлечь за собой непредсказуемые последствия. Надо было на что-то решаться, тем более, что у них уже подрастали две незаконнорожденные дочери. И Пётр решается. Он совершает не только этот невыносимый для того времени шаг, но и идет дальше, чтобы в случае его смерти сохранить за Екатериной власть и обеспечить будущее своих дочерей. В Успенском соборе Кремля он венчает свою избранницу титулом первой русской Императрицы, самолично возлагая на её голову корону. Стоя на коленях перед алтарем, Екатерина плачет, обнимая ноги своего супруга...

Но не прошло и полугодия со дня коронации, как во дворце разыгрывается драма, ставящая на грань пропасти благополучие императорской четы. Вернувшись из очередной поездки, Пётр узнает, что между Екатериной и одним из придворных завязалась подозрительная дружба. Разгневанный император устраивает засадку и ловит свою супругу в беседке с любовником. Само собой разумеется, что

любовник лишается головы, которая по приказу Петра помещается в сосуд со спиртом и выставляется в спальне императрицы. Екатерина сохраняет хладнокровие, что вызывает еще большее бешенство Петра. Говорят, что он разбил в её присутствии кулаком великолепное венецианское зеркало, закричав: «Так будет и с тобой!» На что она спокойно возразила: «Вы уничтожили одно из лучших украшений вашего дворца. Разве он стал от этого лучше?!»

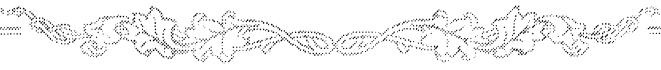
Все считали, что Екатерина погибла, что Пётр устроит ей страшную месть. Но счастливая звезда и на этот раз не оставила свою избранницу. Не прошло и месяца, как Петра не стало, он умер внезапно, от обычного воспаления легких, унеся с собой в могилу затаенную злобу и, быть может, разработанный план мести. Шел в это время 1725 год.

Все двадцать лет жизни с Петром внутренние пружины императрицы были сжаты до предела, сдерживая её природные наклонности и инстинкты. И теперь, в час смерти мужа, они ослабевают. Когда-то она сама усердно оберегала его от ночных оргий, а теперь, увековечивая его память, предается беспробудному пьянству и разгулу со своими любовниками, которых меняет каждую ночь. Этот разгул будет продолжаться почти все шестнадцать месяцев её правления. Именно на столько она переживет своего великого супруга...

В советское, особенно сталинское время, образ Петра I, как и образ Ивана Грозного, приобрел некое иконное значение. И это понятно, ведь из деяний и поступков этих двух исторических фигур Сталин много черпал для себя, зачастую повторяя их буквально. Никто, в том числе и история, давшая Петру титул «Великий», не оспаривает его значения для России, но та же история, если она объективна, не может умолчать и о диком деспотизме этого царя, от которого началась страна. В исторической перспективе этот деспотизм был направлен как бы на благо России, но в реальной жизни он выливался в муки и страдания народа. Благие цели любой ценой — традиционный путь многих тиранов.

Царствование Петра было одним из самых тяжелых для России. Желая расширить пределы государства, он вёл многочисленные войны, которые разоряли и без того нищий народ. Будучи слепо влюблен в Европу, Пётр хотел одним прыжком преодолеть ту многовековую пропасть, которая отделяла Россию от Запада. Причем делал это в присущей ему манере — круто, бесцеремонно, жестоко. Даже такой неласковый лидер, каким был Ленин, в будущем скажет, что реформы Петра проводились варварскими методами в варварской стране.

Чего стоит, хотя бы, строительство Санкт-Петербурга, которое можно сравнить разве что с возведением египетских пирамид. На это строительство Пётр поднимает буквально всё государство, требуя от обнищавшей страны не только средств, но и жизней. Город возводится там, где не было ни земли, ни камня, ни леса — сплошные болота. Их засыпали, таская землю в подолах собственных платьев. Так

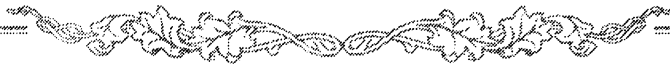

были насыпаны целые острова. По приказу царя каждый, кто появлялся здесь, вне зависимости от рангов и сословий, обязан был везти, нести, тащить за собой из глубин России камень для строительства. Ослушание грозило жестоким наказанием. Были даже расписаны нормы — сколько должен нести пеший, сколько конный, сколько на возу. Со всех концов России гнали на строительство сотни тысяч мужиков. Их вели под конвоем, как преступников. С теми, кого забирали на строительство, близкие прощались как с покойниками — навсегда. Чтобы удержать людей от побегов, вводится новый варварский закон — убежал один, но головой отвечает вся бригада. Кругом болота, так что бушует голод — еду надо доставлять на телегах и по рекам за тысячи вёрст. И летом и зимой люди живут в шалашах на болотах. Малейшая непогода — и шалаш становится могилой. Мрут беспрестанно и равнодушно — смерть легче жизни. На костях народа строил Пётр свою новую столицу. По подсчётам современников, только при основании Петропавловской крепости там полегло около *ста тысяч человек*.

Пётр умел всех заставить работать. Так, главную магистраль города, Невский проспект, мостили пленные шведы, а одну из Санкт-Петербургских аллей прорубали даже иностранные гости под руководством самого царя. Но, построив, надо было ещё заселить город. А кому охота сниматься с насиженного теплого места, скажем, с той же Москвы, и двигаться на болота!? И тогда выходит новый строжайший указ царя — со всех краев России переселять сюда *добрых по праву* людей. И опять список: столько-то дворян, столько-то купцов, столько-то ремесленников и мастеровых... За непослушание — жестокое наказание и разорение. Указы сыпались, как из рога изобилия. Всем тем, кто производит в городе беспорядок или грязнит его, полагалось строжайшее наказание. Тем, кто в Неву сбросит мусор — каторга. Бродягам и нищим — тюрьма. Извозчикам за неосторожную езду — в первый раз сечение, при повторном нарушении — каторжные работы. Так поднималась из болот Северная Пальмира.

Одним из своих лютых врагов, мешающих реформам, Пётр считал приверженцев старой веры — *«старообрядцев»*. Тюремь были переполнены ими. Спасаясь от преследований и пыток, они убегали в дремучие леса, где создавали свои тайные поселения — *скиты*. Но и там их настигали каратели. Нередко, чтобы не попасть в руки царя, старообрядцы устраивали массовые самоожжения, когда на костёр — *«за веру»* — шло добровольно по 800-1000 человек. Но еще большее число их убегало из отечества на чужбину. В 1714 году вышел указ переписать всех «старообрядцев» (которых ещё называли *«раскольниками»*), и, чтобы их можно было отличить от прочего населения, они должны были носить пришитый на груди *«козырь из желтого сукна»*.

Само собой разумеется, что всё это не могло быть по душе народу. Он не любил Петра, называя его антихристом. Ходило даже множество выдумок, что из

Европы вернулся не русский царь Пётр, а похожий на него иноверец. А настоящего русского царя немцы заколотили в бочку и бросили в море.

Даже передовые люди того времени, понимавшие пользу петровских реформ, не были его сторонниками, так как считали, что реформы эти проводятся чересчур резко и жестоко. Естественно, что взоры недовольных должны были обратиться к царевичу Алексею — старшему сыну Петра. С его воцарением связывали возможность возвращения к старым обычаям и порядкам. Хотя сам Алексей по своему характеру и не мог быть ведущей фигурой, но его имя могло быть использовано, тем более что он тоже был не согласен с реформами отца. Поэтому-то вокруг него и концентрируются недовольные.

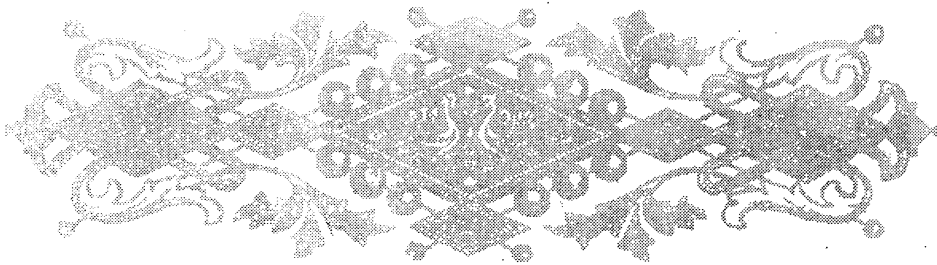
Пётр круто расправился со своими противниками. Царевич Алексей умер под пытками, а его сторонники были казнены. После этого Пётр издает указ, по которому престол уже не автоматически наследуется старшим сыном, а престолонаследника должен благословить сам царь по своей воле.

Как мы уже сказали, Пётр Великий умер внезапно, не выполнив собственного указа — не успев благословить на трон своего престолонаследника. Но еще в 1712 году, задолго до своей кончины, он переносит столицу России из не любимой им Москвы в далекий Санкт-Петербург. Центр русской истории на два с лишним века перемещается из Кремля к берегам Балтийского моря. Но по законам исторического провидения этому центру будет суждено опять вернуться в Кремль. Однако между двумя этими датами будет в русской истории еще один «кремлёвский год».

Наполеон в Кремле

НАПОЛЕОН В КРЕМЛЕ

Впервые за шесть веков Кремль перестал быть центром государственной власти, а Москва — столицей. Теперь столица переместилась на север России. Правда, умный Дидро по этому поводу саркастически заметил, что не может сердце организма находиться в кончике пальца. Тем не менее это произошло. Впрочем, когда менялась власть на престоле, то коронации все же происходили не в Петербурге, а по-прежнему в Москве. Здесь устраивались иллюминации, гремели салюты, а на Красной площади били фонтаны вина и на многие сотни метров вытягивались столы с пирогами и закусками. Неисчислимые толпы народа, давка, шум, крики, кураж, озорство, всплеск эмоций и страстей. Вот как описывает коронацию Александра II в 1856 году лондонский корреспондент Россель:

1 - Кремль. Красное крыльцо; 2 - Теремной дворец ▶

«Торжество было во всех отношениях величественное и поразительное: богатство огромного Царства было выставлено напоказ с восточной роскошью, и последняя на этот раз соединилась со вкусом образованного Запада. Вместо тесной сцены зрелище разыгрывалось в древней столице самого огромного Государства, какое когда-либо существовало в мире; вместо мишуры и блесков горело чистое золото, серебро, драгоценные камни... Вряд ли кто-нибудь из чужестранцев видел что-нибудь подобное... Великолешие карет и мундиров, ливрей и конских сбруй было достойно римских цезарей или знаменитейших властелинов Востока».

После окончания обряда венчания на царство император в сопровождении свиты шествовал в Архангельский собор Кремля для поклонения гробам предков. Потом он в одиночестве отправлялся в Благовещенский собор, откуда поднимался на Красное крыльцо, чтобы поприветствовать собравшихся при звуках орудийных салютов. После этого в Грановитой палате устраивался праздничный обед духовенству и высочайшему дворянству.

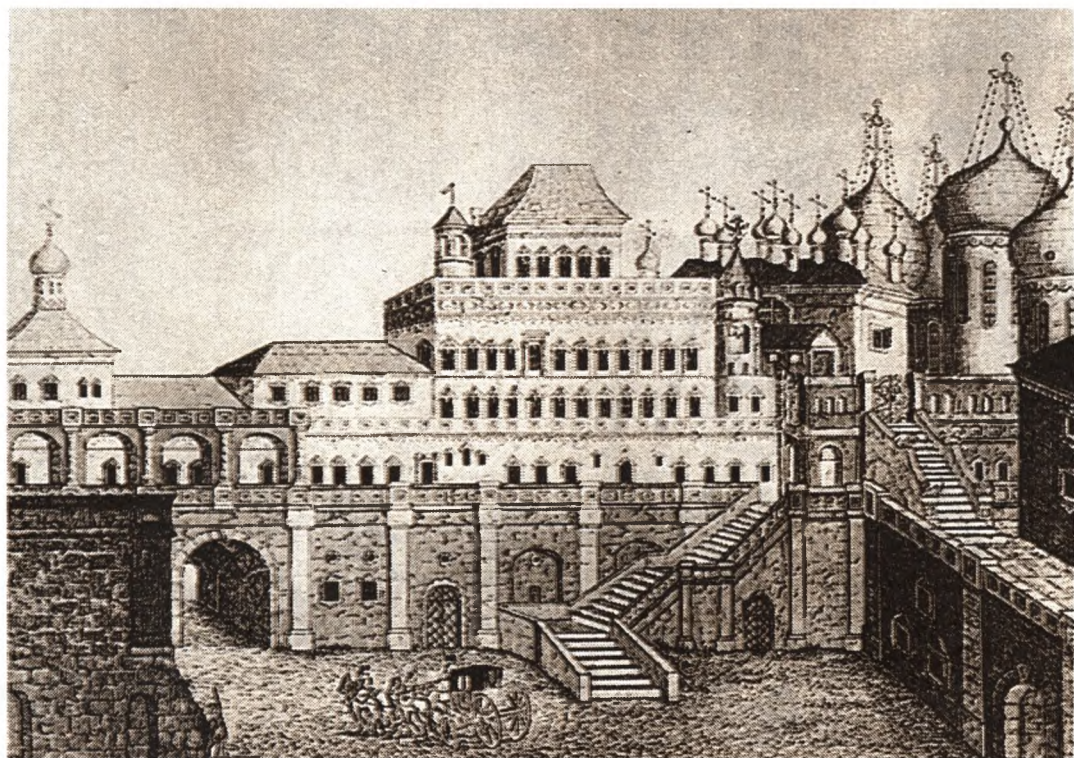
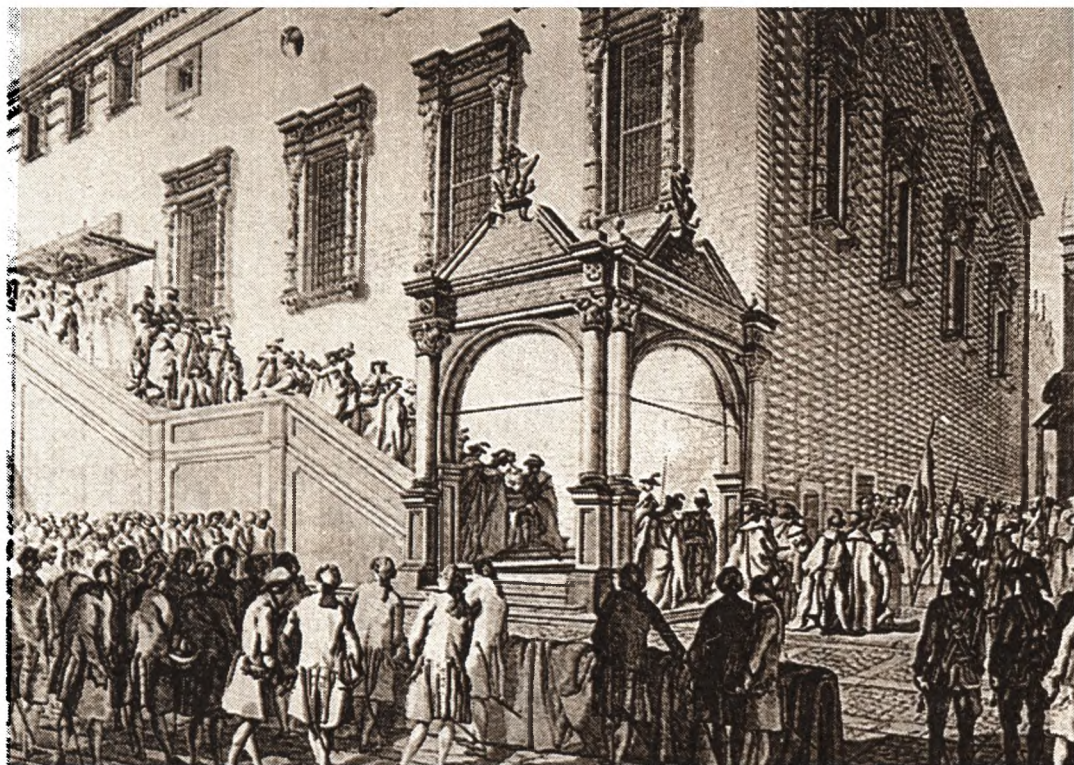
Коронационные торжества продолжались от нескольких дней до нескольких месяцев. Много необыкновенного и странного мог увидеть в это время приезжий иностранец. Так, один очевидец сообщает другому: *«В Москве во время коронации задавили мужиков на восемь тысяч рублей!»* Любопытная, не имеющая, по-видимому, аналогий в мировой практике статистика жертв. Но кончалась коронация, уезжали на север знатные гости — и Москва опять превращалась в провинцию, которая лишь по слухам и с большим опозданием узна-

вала о государственных событиях, новых модах и успехах просвещения...

Однако великий город не затихал. Под звуки мелодичной музыки, льющейся из кремлёвских курантов, шумно торгуют на Красной площади лавки, палат-

**Коронация Николая I
◀ в Москве**

Водовоз. Первая половина

ки, шалаши. Площадь кишит, как людской муравейник. «В одном месте, — рассказывает А. Казиветтер, — тянется ряд погребков, где продают вина, звенят стаканчики, покупатели... закусывают миндалем и изюмом...; в другом выложено на продажу астраханских осётров и стерлядей многие сотни...; дальше разные товары разложены на санях, и сани скучились так тесно, что пройти невозможно и постоянно приходится перелезать через оглобли; потом — птичий рынок, за ним — меховщики, сапожники, шорники, пирожники... Посреди площади возвышается новая «комедийная хранина». У входа толпится народ... Начинается пьеса — немецкая или русская, и на сцене водворяется чуть ли не такой же шум и гомон, который незадолго до этого стоял в зрительном зале...»

Здесь собрано удивительное разнообразие лиц и одеяний. Кажется, что разные века и даже тысячелетия сошлись вместе. Рядом с длинными старомодными крестьянскими одеждами, с людьми, обутыми в лапти и носящими пышные русские бороды, гуляют люди, как будто принадлежащие совершенно другой эпохе: французские парики, кафтаны, декольте... Ни в одной стране мира, вероятно, не было такого резкого разделения одного и того же народа, как это было в России. Старинная русская речь и язык «благородного сословия» — сначала немецкий, а затем французский...

На Красной площади ►

◀ 1 - Императорский дворец в Кремле; 2 - Красная площадь в 1830-е годы

Но, несмотря на то, что Москва превратилась в провинцию, не только русские люди, но и враги ощущали, что сердце России всё же остается здесь, в Кремле. В войне 1812 года Наполеон пошёл всё-таки не на Петербург, а на Москву, уверенный, что именно здесь, в Кремле, решится исход этой войны. *«В Москве не царь, в Москве Россия!»* — воскликнет позднее лучший русский поэт Александр Пушкин.

Главное сражение между русской и французской армиями произошло под Москвой, на Бородинском поле. В наше время мы редко удивляемся огромности жертв. Но всё же каким страшным было это сражение, если без танков, самолётов и пулемётов русская армия потеряла 47 тысяч человек, а французы 57 тысяч! Русские отошли, сдав Москву. Солдаты плакали, а тяжело раненный генерал Багратион, узнав, что французы уже в Кремле, вскочил, сорвал с себя повязки и умер, истекая кровью. Тот, кто видел в Кремле лишь «военный объект», ничего не понимал в России. Видимо, такие сооружения, как Кремль, аккумулируют энергию многих поколений, и лишь в минуты опасности становится ясным, сколь они важны и необходимы для нации. Полвека спустя Лев Толстой опишет все это в своем гениальном романе «Война и мир».

15 сентября Наполеон въехал в Кремль. Огромный, почти лишённый жителей город встретил французов гигантским пожаром. Он горел, подожжённый самими москвичами. Вначале, когда Наполеону доложили о пожаре, он не обратил на это особого внимания, но через сутки начался сильный ветер, пожар усилился. Море пламени охватило центр города близ Кремля. Утром 17 сентября Наполеон обошел Кремль. То, что он увидел — потрясло его. По рассказам сопровождавших его офицеров, император побледнел и долго молча смотрел на пожар, а потом произнес: «Какое страшное зрелище! Это они сами подожгли... Какая решимость! Какие люди! Это скифы!»

Между тем пожар стал угрожать самому Кремлю. Из некоторых ворот уже нельзя было выйти, они были в огне. Окружавшие Наполеона офицеры умоляли императора покинуть горящий Кремль, но он колебался. Какое-то время он даже сам участвовал в борьбе с огнем, но вскоре от этой попытки пришлось отказаться. Когда Наполеон со свитой выходил из Кремля, дышать уже было трудно, искры дождем осыпали их. «Мы шли по огненной земле, под огненным небом, между стен огня», — говорит один из сопровождавших императора офицеров.

Нездолго до смерти, уже на острове Святой Елены, французский император писал: «Никогда все поэты, изображавшие сказочный пожар Трои, не могли в своём воображении представить что-либо похожее на пожар Москвы. Океан огня, горы пламени... Это величайшее и поразительное, и в то же время ужаснейшее зрелище, которое мне когда-либо приходилось видеть». Согласитесь, что Наполеон кое-что повидал на своем веку, так что его слова стоят немало.

По воспоминаниям участников похода, в Москве Наполеон пережил одни из самых тревожных дней своей жизни. Им то овладевало бешенство, то долгими часами он хранил полное молчание, тяжело задумавшись о чем-то. Всё в этой дикой стране было не по правилам. Кремль захвачен, Москва горит, победа в руках, а приходится отступить.

Наполеоновские интенданты не только осквернили Кремль, устроив в его дворцах стойла для лошадей, но и без стеснения разграбили его. Отступая, они даже не успели стереть написанные на стене Успенского собора подсчеты: «Собрано 288 килограммов золота и 5200 килограммов серебра». По приказу императора с самой высокой колокольни Кремля — с колокольни Ивана Великого — был снят золотой крест и отправлен в Париж для украшения Дома Инвалидов.

После месяца пребывания в пустой горящей Москве Наполеон начинает выводить войска. Как-то император сказал: «Я никогда не делаю бесполезных вещей». Но именно сейчас он отдает не только бесполезный, но и варварский при-

◀ Наполеон покидает Кремль

каз — взорвать Кремль. Саперы подкладывают взрывчатку под стены и бапни. Можно подумать, что Кремль своим зловещим молчанием раздражает французов и они хотят ему отомстить. Фитили зажжены, французы уходят. Но судьба опять благоволит к этой древней русской святыне. Начиается ливень, фитили отсыревают, затухает пожар...

И снова все тихо. Пройдет еще долгий век до того, как Кремль опять обретёт власть и теперь уже зловещее могущество.

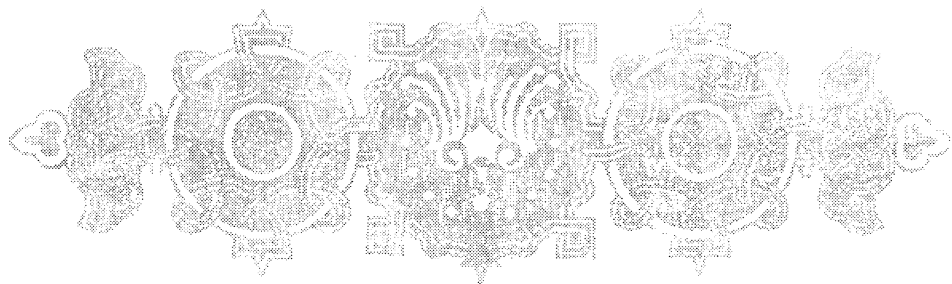

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

На прогулке. 1914 г.

ВОЖДЬ ОКАЯННОГО ВРЕМЕНИ

Итак, после более чем двухвекowego прозябания в ранге провинции, Кремль опять становится центром государственной власти. 11 марта 1918 года специальный поезд перевозит из Петербурга в Москву новое большевистское правительство во главе с *Владимиром Лениным*, год назад захватившим власть в России.

Этот перенос центра власти в древнюю резиденцию русских царей вызвал немало толков и догадок среди интеллигенции. Зачем это было нужно большевикам? Для этого существовал ряд причин. Во-первых, Петербург, куда легче проникали западные веяния и демократические идеи, за прошедшие два века стал городом гораздо более образованным, чем патриархальная Москва, и оказывал большевикам сильное сопротивление. Его строительством Петр Великий старался прорубить «окно в Европу», а новая власть, предвидя длительную конфрон-

тацию с Западом, будет теперь пытаться это «окно» закрыть. Кроме того, в сознании русского народа, особенно многомиллионного крестьянства, Кремль всегда играл особую, священно-патриотическую роль, символизируя собой законную власть России. Учитывая народные чувства, большевики этим переездом как бы пытались внушить народу законность своей власти, её преемственность и избавление от «иностранщины», символом которой был Санкт-Петербург.

Новым хозяином Кремля становится Владимир Ленин. Нарисовать правдивый портрет этого человека — задача «архисложная», как любил выражаться он сам. И не только потому, что многие материалы его подлинной биографии лишь только сейчас начинают появляться на свет из совершенно секретных архивных папок, но и потому, что за три четверти века большевистского правления образ этого человека подвергся такой трансформации, что уже трудно установить, что в нем подлинное, а что ложь. Советская эпоха создала жесткий стереотип этого образа, от которого русским людям старшего поколения предстоит еще долго и болезненно избавляться.

Согласно этому иконному образу, это был человек, совершенно не похожий на нас с вами. Невозможно было даже представить, что он, как и все люди, ел, а, возможно, при этом даже и чавкал, чесал под мышкой, переругивался с женой, засматривался на ножки проходивших мимо женщин, и тем более хитрил или обманывал.

За шепоток на ухо о том, что Ленин якобы болел сифилисом — не то наследственным, не то приобретенным где-то за границей — в самые легкие времена давали десять лет тюрьмы, а то и расстрел. Между прочим, в воспоминаниях сына немецкого профессора Ферстера, который был приглашен к Ленину в последние годы его жизни, есть такая любопытная запись, сделанная со слов одного высокопоставленного итальянского дипломата. Будучи близким другом советского полпреда в Италии господина Воровского, этот дипломат как-то спросил его на одной из вечеринок: «Так что же все-таки собой представляет ваш вождь?» На что Воровский, будучи уже в сильном подпитии, усмехнувшись, якобы ответил: «По сути своей — это провинциальный школьный учитель немецкого языка, которого сифилис наградил крупными гениальности до того, как окончательно убить.»

Долгое время строжайшим государственным секретом была даже девичья фамилия матери Ленина — Бланк, которая говорила о не чисто русском происхождении вождя, что было абсолютно недопустимо. А о том, что по материнской ли-

1 - Дед Ленина по матери - Александр Бланк; 2 - Фрагмент большой групповой фотографии. Сидят — сестра Ленина Анна и мать — Мария Александровна Бланк-Ульянова. Симбирск 1885 год; 3 - Эссен Е. Родная сестра рано умершей бабушки Ленина Анны Гросскопф; 4 - Семья Ульяновых. В центре отец — Илья Ульянов и мать — Мария Александровна. Крайний справа — Володя Ульянов ▶

нии Ленин имел шведские и немецкие корни, мало кто знает в России даже сегодня.

Ещё одной тайной до недавнего времени были последние годы жизни вождя. Чем он болел? Как умер? Правда ли, что его смерть ускорил Сталин?

И наконец последний, но, пожалуй, самый главный вопрос: какова роль этого первого большевистского хозяина Кремля во всей последующей кровавой истории Советской России?

Мы попытаемся кратко ответить на эти вопросы, но не можем взять на себя ответственность за возможные ошибки. За них отвечает та власть, которая скрывала и уничтожала подлинные документы о жизни этого несомненно незаурядного человека, оставившего глубокий след в истории XX века.

Владимир Ульянов, известный под псевдонимом Ленин, родился в маленьком провинциальном городке Симбирске на реке Волге 10 апреля 1870 года. Симбирск того времени — сонный речной городок-порт, пропахший рыбой, зерном, шерстью, селитрой — насчитывал тридцать-сорок тысяч жителей. Много было чувашей, мордвы и прочих «инородцев», которые работали грузчиками, добывали себе хлеб бурлацким трудом. Одной ногой городок стоял на низком азиатском берегу Волги, другой — на европейском. Европа встречалась здесь с Азией. Есть какая-то в этом символика — евроазиатское происхождение самого Ленина.

По сей день неясно, откуда произошел псевдоним «Ленин». По одной версии, в студенческие годы Володя Ульянов был увлечен своей сокурсницей по имени Лена, а по другой — этот псевдоним взят им по имени сибирской реки Лены. Хотя непонятно, какое отношение он имеет к этой сибирской реке, если родился на Волге?!

Его отец, Илья Николаевич Ульянов (1831-1886), происходил из рода русских крепостных крестьян. Отец отца, дед Ленина, получив волю, переехал в город Астрахань в устье Волги, и занялся портняжничеством. Его мать, бабушка Ленина, была калмычкой, отсюда и ярко выраженный азиатский тип ленинского лица. Дворянство Илья Ульянов получил в соответствии с занимаемой им должностью инспектора губернских гимназий, которая приравнивалась к генеральскому званию.

Мать Ленина, Мария Александровна Бланк (1835-1916), была дочерью крещёного еврея, полицейского врача Александра Бланка, и Анны Гросскопф, родословная которой начинается от шведского ювелира Карла Фридерика Эстедт, переехавшего в Санкт-Петербург в 18 веке. В России эта разветвлённая шведско-немецкая семья занималась ювелирными делами, шитьём шляп и купеческим промыслом. Хотя официозные советские историки никогда не признавали шведских

Старший брат Ленина — Александр Ульянов ►

корней Ленина, трудно предположить, что сам Ленин не знал об этом, так как в доме его матери нередко говорили по-шведски и по-немецки. Да и сама бабушка Ленина, Анна Гросскопф, до конца своих дней так и не научилась сносно говорить по-русски и сохраняла лютеранское вероисповедание.

Как пишет профессор Волкогонов — «...в происхождении Ленина слышен голос русской судьбы: славянское начало и азиатские просторы, еврейский элемент национального интеллекта и немецкая, западная культура. От этого никуда не уйти, да и уходить не надо. Россия — страна по сути своей евразийская, и благодаря случаю или Божьему промыслу Владимир Ульянов отразил в своей личной судьбе всю сложность и национальную противоречивость одной из последних великих империй нашей планеты».

Из восьми детей семьи Ульяновых (двое умерло в раннем возрасте) Володя был четвертым по рождению ребенком. Отец был человеком твердой крестьянской закалки, да и весьма занятой, много ездивший по губернии в силу своей инспекторской должности, так что всё воспитание детей ложилось на плечи матери, вышедшей из более образованной, чем отец, среды, женщины глубоко религиозной, знавшей иностранные языки и любившей музыку. Внутренняя жизнь семьи была, по-видимому, не столь безоблачна, как описывали официальные историки, из-за непростого характера отца, требовавшего от детей твердой дисциплины и нередко вступавшего в конфликты с начальством. Многие внешние и внутренние черты отца унаследовал Володя Ульянов. У обоих были высокие лбы, лысые головы, рыжие бороды, короткие ноги и поразительно схожий сухой смех. Оба не выговаривали букву «р», обладали огромной трудоспособностью, неумемной энергией и плохо ладили с людьми. Оба умерли примерно в одном и том же возрасте от схожих недугов. Отец — от кровоизлияния в мозг, сын — от склероза мозга.

Трудно сейчас сказать, какими особыми талантами отличался Володя в школьные годы, но одно бесспорно — он был волевым ребенком, приученным к самодисциплине и усердию. Повышенное честолюбие, острый язык и любовь к злым насмешкам не делали его популярным среди сверстников, так что в школьные годы близких друзей, кроме семьи, у него не было.

В 1886 году Володя с золотой медалью заканчивает школу и готовится к поступлению в Казанский университет. Но тут на семью обрушиваются подряд два несчастья. В январе скорострительно, в возрасте 54 лет, от кровоизлияния в мозг, умирает отец. По-видимому, это был результат какой-то наследственной бо-

лезни, ибо спустя годы с теми же симптомами и в таком же возрасте умирают и сам Ленин, а затем и младшая сестра Мария.

Не успевает семья оправиться от первого горя, как её поражает новый удар. В мае 1887 года, за подготовку покушения на жизнь царя Александра III, в возрасте 21 года повешен старший брат Ленина, Александр Ульянов, студент Петербургского университета.

Об участии Александра в террористической организации из всей семьи знала только старшая сестра Анна, которую, кстати, тоже арестовали по этому делу, но потом выпустили за отсутствием улик. На всех же остальных событие это в буквальном смысле слова обрушилось. «О Государь! — писала в своем прошении царю мать обвиняемого. — Умоляю, пощадите детей моих. Возвратите мне детей моих. Если у сына моего случайно отуманился рассудок и чувство, если его душу закралась преступные замыслы, Государь, я исправлю его: я вновь вос-

крешу в душе его лучшие человеческие чувства и побуждения, которыми он так недавно ещё жил. Милости, Государь, прошу милости».

Царь готов был простить Александра Ульянова, и об этом дали знать матери. Александру надо было лишь подписать прошение о помиловании, но он отказался. Как рассказывает юрист, присутствовавший на последнем свидании матери с сыном, Александр сказал: «Представь себе, мама, двое стоят друг против друга на поединке. Один уже выстрелил в своего противника, другой ещё нет, и тот, кто выстрелил, обращается к противнику с просьбой не стрелять. Нет, я не могу так поступить!»

Как бы ни был не прав Александр Ульянов в своих намерениях, но он показал себя мужественным человеком, человеком чести. Его последняя просьба к матери — принести томик стихов Гейне.

Александр и Владимир Ульяновы никогда не были близки. Они резко отличались друг от друга и по характеру, и по этическим принципам, и даже по внешнему виду. Более того, Александр недолюбливал младшего брата, и на вопрос, как-то заданный сестрой — почему ты его не любишь? — уклончиво ответил: «Так!»

Во второй половине 1887 года Володя Ульянов поступает в Казанский университет на юридический факультет. Однако проучиться там ему довелось всего лишь несколько месяцев. В это время по России прокатываются студенческие волнения, которые захватывают и Казань. Причиной волнений было введение правительством некоторых жестких мер, связанных с недавней попыткой покушения на царя, в которой участвовали почти одни студенты, в том числе и Александр Ульянов.

В начале декабря в актовом зале университета происходит бурное собрание студентов, в результате которого сорок человек было арестовано и исключено из университета. Среди них и Владимир Ульянов. После двух дней содержания под арестом он был сослан за сорок километров от Казани в имение своего деда Александра Бланка, где должен был прожить год.

Для российского читателя, хорошо знакомого с советскими порядками, такое наказание — тем более для родного брата недавно повешенного террориста — покажется странным. Но что делать, таков был «зверский царский режим», как именовала его советская история.

Не проходит и года, и наказание с Ульянова снято. Он возвращается в Казань, но восстановиться на учёбу в университет не удаётся. Впрочем, вскоре ему разрешают экстерном сдать экзамены за юридический факультет, после чего он устраивается на работу помощником адвоката.

В 1893 году Ульянов переезжает в Петербург, где и начинается его «революционная деятельность». Он посещает марксистские кружки и становится их чле-

◀ *Ленин среди членов кружка «Союз борьбы...». Февраль 1897 г.*

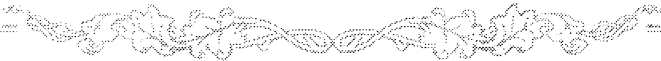
◀ *Надя Крупская в студенческие годы.
Такой ее встретил Володя Ульянов*

ном. А в 1894 году, в одном из таких кружков, Володя знакомится со своей будущей женой — *Надеждой Крупской* (1869-1939), учительницей «воскресной народной школы». Собственно говоря, он тогда познакомился с двумя подругами — *Надей Крупской* и *Аполлинарией Якубовой*. Вторая произвела на него большее впечатление и, спустя время, он даже сделал ей предложение, но получил категорический отказ. Симпатичную девушку, видимо, оттолкнул его внешний вид. Как пишет хорошо знавший его Александр Потресов, Володя Ульянов, которому тогда не исполнилось ещё и 25 лет, «был молод только по паспорту. На глаз ему можно было дать никак не меньше сорока — тридцати пяти лет. Поблекшее лицо, лысина во всю голову, оставлявшая лишь скудную растительность на висках, редкая рыжеватая бородка, хитро и немного исподлобья прищурено поглядывающие на собеседника глаза, немолодой сиплый голос... У молодого Ленина, на мой памяти, не было молодости... Его... звали «стариком», и мы не раз шутили, что Ленин даже ребенком был, вероятно, такой же лысый и «старый»...».

Получив отказ от Аполлинарии, Володя переключает своё внимание на *Надю*, которая была на год старше его. *Надя* была единственной дочерью отставного офицера царской армии *Константина Крупского* и *Елизаветы Тистровой*, хорошенькой сиротки, выпускницы института благородных девиц, работавшей гувернанткой в богатой семье. Четыре первых года супружеской жизни отца и матери прошли счастливо, и ничто не предвещало перемен, если бы отец не увлекся революционными идеями. Это увлечение не прошло незамеченным для начальства, и он был уволен со службы. С увольнением пришла нужда. *Надя* росла в любви, но без достатка, хотя, даже в этом положении, отказывая себе во многом, родители определяют ее в одну из лучших женских гимназий Петербурга. Не унаследовав красоту своей матери, *Надя* росла доброй независтливой девушкой, радовавшейся любовным успехам подруг;

»*Старик» в 27 лет. («...Мы не раз шутили, что Ленин даже ребенком был, вероятно, такой же лысый и «старый»...»)»* ▶

чего сама не имела. Контакты с друзьями отца, революционерами-народниками, начинают формировать ее сознание. Однажды она прочитала в газете обращение графа Льва Толстого к интеллигенции — помочь образованию народа, заняться адаптацией сложной классики, чтобы ее мог осилить читатель из народа. Надя пишет графу письмо и получает от него первое «партийное» поручение — «переделать» роман Александра Дюма «Граф Монте-Кристо».

На одной из вечеринок, куда её пригласили друзья, Надя знакомится со странным «волжанином». На вечеринке было много разговоров о том, как помочь народу. Большинство сходилось на том, что надо начинать с «малых дел». И тут, вспоминает Крупская, я услышала сухой злой смех «приезжего волжанина»: «Кто хочет спасти отечество в комитете грамотности, что ж, мы не мешаем...»

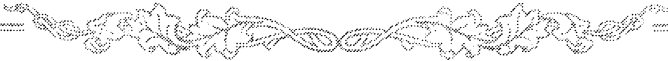
В следующий раз они столкнулись на выходе из библиотеки и пошли погулять. После этого «волжанин» начинает наносить ей воскресные «визиты в семью». Они вместе занимаются, читают марксистскую литературу, а мать Нади, подозрительно поглядывая на рано облысевшего жениха, молча готовит им чай. Конечно, мог бы быть и повыше, и покрасивее, но что делать, дочь ведь тоже не красавица. По воспоминаниям друзей, до конца своей жизни мать Нади была открытым критиком своего зятя, не занимающегося «настоящим делом».

Спустя несколько лет, будучи уже в ссылке, Ленин пишет Наде письмо, в котором просит стать его женой. «Что ж, женой так женой», — лаконично отвечает она. В этом «что ж» читается не безразличие, а согласие идти с ним по жизни в любом качестве — женой, подругой, товарищем...

В 1895 году, после перенесенной простуды, Ленин едет лечиться на несколько месяцев за границу, в Швейцарию. Новые заграничные друзья просят его захватить с собой обратно в Россию несколько нелегальных газет и книг. Будучи человеком весьма осторожным, Ленин колеблется, но друзья настаивают. Литература была уложена в чемодан с двойным дном. Обычно халатные таможенные чиновники почти не рылись в багаже пассажиров, но родной брат казненного террориста был всё же фигурой заметной, так что его чемодан основательно просмотрели и простучали. Таможенники, по-видимому, определили в нём двойное дно и сообщили об этом полиции, но пассажира почему-то не задержали. Видимо, полиция хотела проследить дальнейшее движение нелегальной литературы.

После этого за Лениным устанавливается слежка, а 9 декабря 1895 года он был арестован. Формальной причиной ареста послужило его участие в нелегальной организации, которая объединяла в себе марксистские кружки Петербурга и выпускала под редакцией Ленина антиправительственные листовки.

Официальная советская историография всегда описывала революционную деятельность Ленина и его соратников как цепь беспрерывных подвигов. Они ловко обманывали царскую полицию, ежедневно рисковали жизнями, стоиче-

ски переносили страдания в тюрьмах и ссылках, совершая оттуда героические побеги. В действительности же всё это далеко от истины. Проследившая историю большевистского движения в России, скорее надо удивляться не «героизму» подпольщиков, а поразительной либеральности и даже халатности царского режима по отношению к ним. Особенно это видно сейчас, с дистанции времени, когда русский народ на себе познал ленинско-сталинское КГБ и прочие атрибуты советской карательной системы. По сравнению с ней царская полиция выглядела скорее ленивым дядей, чем устрашающим карательным органом. А её тюрьмы и ссылки по сравнению со сталинскими были «домами отдыха», где происходило самообразование революционеров.

Ниже мы пересказываем описание тюремного периода жизни Ленина, сделанные его сестрой Анной Ульяновой и невестой — Надеждой Крупской.

...Ленин был посажен в дом предварительного заключения. Свидания здесь разрешались два раза в неделю: одно личное и одно общее. При некоторых ухищрениях говорить на этих свиданиях можно было обо всём. Передачи еды принимались три раза в неделю, книги — два раза. Книг можно было передавать сколько угодно. Они подвергались довольно поверхностной проверке. Разрешалось передавать даже еженедельные журналы. Таким образом, отрыва от жизни, что являлось одной из самых тяжких сторон заключения, фактически не было никакого. Кроме того, в тюрьме была богатая библиотека, так что многие заключенные, особенно из рабочих, серьёзно пополняли здесь своё образование. Как рассказывает старшая сестра Ленина: мать приготавливала для Володи и приносила ему в тюрьму три раза в неделю диетическое питание, которое советовали врачи. Кроме того, он имел специальный платный обед и молоко. Так что даже его не совсем здоровый желудок, относительно которого он советовался за границей с известными швейцарскими врачами, был за год сидения в тюрьме в значительно лучшем состоянии, чем на воле.

Ленин сумел устроить свою жизнь в тюрьме так, что весь день был заполнен перепиской с товарищами и работой над собственными сочинениями. Писал он для конспирации молоком. Когда молоко на бумаге высыхало, оно становилось невидимым, но стоило смочить листок водой — и оно опять проступало. Чернильницы делал из хлеба и туда наливал молоко, так что, как только щёлкал замок камеры, он эту молочную чернильницу отправлял в рот. «Сегодня съел шесть чернильниц», — писал он родным. Тут же в камере он работал над одним из своих капитальных трудов, а когда его выпустили из тюрьмы, то он даже пошутил: «Жаль, рано выпустили, надо бы ещё немножко доработать книжку...»

Таков был «драконовский режим» царской тюрьмы. Пройдут годы — и многие из соратников Ленина окажутся в сталинских тюрьмах. Там, избитые, голодные, полуживые, потерявшие человеческий облик, они будут вспоминать о царской тюрьме как о «земном рае».

Около года провёл Ленин в тюрьме, после чего его должны были отправить на три года в ссылку в Восточную Сибирь. Мать Ленина буквально засыпала власти письмами и прошениями, чтобы они, «ввиду слабого здоровья» сына, разрешили ему ехать в ссылку не как всем — по этапу под конвоем, а как вольному, за свой счет, и разрешили ему остановиться на несколько недель в Петербурге, а затем в Москве. Чтобы местом ссылки они назначили не тяжелые северные районы Сибири, а более легкие южные, и так далее. И что, пожалуй, самое удивительное — все её просьбы были удовлетворены.

Царское правительство обеспечивало ссыльных пособием в размере 8 рублей в месяц. Сумма эта по тем временам была более чем достаточная. Как вспоминает Надежда Крупская, за эту сумму Ленин снял в семье местного крестьянина комнату с полным пансионом, включая стирку и починку белья, и то считалось, что он платит дорого. Жильё было чистеньким, полы устланы самоткаными дорожками, стены выбелены и украшены свежеспахнувшей пихтой. Правда, продолжает Крупская, обед и ужин были простоваты. Одну неделю постояльцу покупали барана и изо дня в день кормили бараниной, а на другую неделю покупали говядину и кормили котлетами. Молока и овощей было вдоволь. Короче говоря, еды было предостаточно и для жильца и для его охотничьей собаки.

Спустя год к нему приезжает его невеста, Надя Крупская, со своей матерью. Переступив порог и увидев располневшего на казенных харчах жениха дочери, будущая теща удивленно восклицает: «Эк вас разнесло!» Теперь, сняв жильё по просторнее и наняв прислугу, они зажили по-семейному. А спустя пару месяцев состоялось их официальное венчание, которое, по твердому настоянию тещи, прошло «как у людей» — в церкви. С этого дня Надежда Крупская становится «тенью Ленина», его самой верной на всю жизнь подругой.

В сознании моего поколения образ Крупской абсолютно не совместим с понятием — женщина. Товарищ, соратник; друг — да, но женщина — никак! И дело даже не в том, что официальные портреты подают нам её как существо бесполое, мало заботящееся о своем внешнем виде — выпученные глаза, неряшливая прическа, одутловатое лицо, никогда не знавшее косметики. Правда, добрый утомленный взгляд несколько скрашивает эту картину, но этого все же недостаточно для образа женщины. Повторяем, дело не только и не столько в этом тоском портрете, а в том, как десятилетиями советская пропаганда подавала супружескую жизнь этой пары: революционная борьба, рука об руку, верность долгу... Ну, а о «мещанских» радостях жизни, не говоря уж о сексе, и речи не могло быть. Вождь выше этого!

Бесспорно, что это была не совсем обычная пара, и их связь была скреплена в первую очередь глубоким идейным родством, но ведь не только этим?! Именно в ссылке, после замужества, распускается женский букет Нади Крупской. «...В

ней проснулась могучая, страстная женщина, и она хоть запоздало, но наслаждалась всем сразу: и природой, и любовью, и духовным общением со своим идолом... Вот когда стала она настоящей красавицей — щеки горели, тоненькая фигурка и скромные, но петербургские, платья вызывали восхищенные взгляды деревенских девушек. Косу длинную, пушистую она выпускала из женского кокетства, чтобы все видели, какая она хорошая, какая прекрасная, какая молодая, хотя и тридцать лет... Все... в один голос восхваляли ее прелести... В нее влюблялись». (Л. Васильева) Более того, она даже увлекла и сама увлеклась одним ссыльным, но платонически. Володя мог не волноваться...

Ленин был страстным охотником, вспоминает Крупская. Он купил себе кожаные штаны и лазил с ружьём и собакой по болотам, выслеживая дичь. Иногда с приятелями ездил на острова, где зайцев была тьма-тьмушная. Деться с острова им некуда, вот они и бегали по кругу, как овцы. Возвращался Володя с охоты обычно с полной лодкой убитых зайцев.

Нередко ездили повидаться с ссыльными товарищами в другие сёла, вёрст за 50-100, или принимали гостей у себя. Такие поездки полиция разрешала для встречи Нового года, празднования свадеб и дней рождения. Но можно было ездить и чаще, сославшись, например, на здоровье и необходимость показаться врачу. Время в таких поездках, как писал Ленин, проходило «очень весело». Летом гуляли, купались, отправлялись на охоту. Зимой катались на коньках по замёрзшей реке, играли в шахматы, обсуждали политические вопросы...

В длинные зимние вечера Володя обычно читал книжки по философии — Гегеля, Канта, французских материалистов. А когда уставал — читал Пушкина. «Помнится... был также «Фауст» Гёте на немецком языке... и томик стихов Гёйне». Вообще жизнь в тихом селе, продолжает Крупская, создавала много удобств для занятий и самообразования. Ничего не отвлекало. Почта приходила два раза в неделю. Присылали книги, газеты, письма. Переписка была обширной, как с друзьями из России, так и из-за границы. Часто приходили посылки из дома. Присылали то, что Володя заказывал — костюм, белье, соломенную шляпу и даже лайковые перчатки. Однажды он хотел попросить, чтобы ему прислали охотничью собаку, но потом передумал и приобрел ее на месте. Короче говоря, заключает Крупская, ссылка прошла неплохо. Это был год серьезной учебы...

А теперь, уважаемый читатель, прошу тебя — сними с полки книгу Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и прочти из неё хотя бы несколько страниц, касающихся ссыльных уже советского периода. После этого тебе не потребуются ни разъяснений, ни комментариев. По-видимому, даже сам Ленин тогда

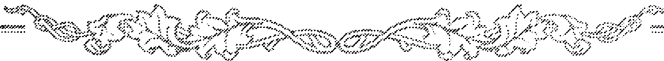
◀ **У М. Горького на Капри. Ленин играет в шахматы со своим приятелем, врачом А.А. Богдановым. Апрель 1908 г.**

ещё не мог представить ту пропасть, в которую он толкнёт эту многострадальную страну через семнадцать лет...

После освобождения из ссылки в январе 1901 года, Ленин, а спустя год и Крупская, переезжают за границу, где, с небольшими перерывами, проживут до 1917 года. Мюнхен, Лондон, Париж, Цюрих, Женева, Краков... Здесь Ленин продолжает заниматься своими сочинениями и издаёт газету «Искра», которая нелегальным путём переправляется в Россию. Мы не будем касаться теоретических воззрений Ленина и его революционных занятий, так как это лежит в стороне от задач этой книги. Нас интересует Ленин как человек, как характер, как фигура без маски. Поэтому предоставим слово людям, которые тесно соприкасались с ним в этот период его жизни.

Одним из таких людей был молодой тогда большевик (подчеркиваем, не противник Ленина, а его единомышленник) Николай Валентинов, который проживал в это время в Женеве и почти год близко общался с Лениным. «Обычно около 4 часов (без 5 минут! Ленин был крайне пунктуален!) он выходил гулять, и мы в течение получаса и более ходили, — рассказывает Валентинов. — Нельзя сказать: «Мы говорили». Говорил один Ленин. Я только слушал... С чужими взглядами он вообще почти не считался... Ленин был страстный и пристрастный человек. Его речи во время прогулок были злыми, ругательскими (относительно политических противников). Он не стеснялся в выражениях, буквально исходя желчью... В нормальном же состоянии Ленин тяготел к размеренной, упорядоченной жизни... с точно установленными часами приёма пищи, сна, работы, отдыха. Он не курил, не выносил алкоголя, заботился о своем здоровье, для чего ежедневно занимался гимнастикой... Каждое утро, перед тем как начать читать газеты, писать, работать, Ленин с тряпкой в руках наводил порядок на своём письменном столе. Плохо держащуюся пуговицу на пиджаке или брюках укреплял собственноручно. Пятно на костюме старался вывести немедленно бензином. Свой велосипед содержал в такой чистоте, словно это был хирургический инструмент...»

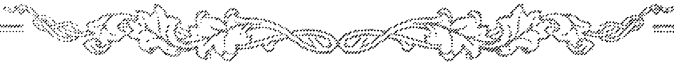
Но такое «нормальное» состояние было у него лишь до той поры, пока не наступала очередная «кампания». Кампания за идеологическое истребление своих противников, кампания за поражение России в первой мировой войне, кампания за захват власти... В такие моменты «Ленин, как заведенный мотор, развивал невероятную энергию... Прищуриив свои маленькие монгольские глаза, он бешено ненавидел своих идеологических противников, хотел «дать им в морду», оскорбить, затоптать, оплевать... Перед ним была лишь одна идея, одна цель, как закрытая дверь, в которую он иступлённо колотился, чтобы открыть или сломать...»

Пожелав как-то узнать побольше о Ленине, Валентинов решил завести с ним разговор о литературе. Своим намерением он поделился с одним из своих коллег, уже упоминавшимся нами Воровским, проживавшим тогда в Женеве. «Поисследовать Ленина хотите, — усмехнулся Воровский. — Ну что ж, попробуйте. Он всех нас исследует, займётся и мы им... Но предупреждаю, Ленин очень часто любит делать «глухое ухо». Я хотел однажды узнать, читал ли он Шекспира, Байрона, Мольера, Шиллера. В ответ — ни да, ни нет не получил, но всё же понял, что никого из них он не читал и дальше того, что слышал в гимназии, не пошёл. Он прочитал в подлиннике лишь «Фауста» Гете и даже выучил наизусть несколько тирад Мефистофеля. Вы здесь недавно, поживете подольше — непременно услышите, как в полемике с кем-нибудь Ленин пустит стрелу оттуда. Но кроме «Фауста», он ни одной вещи Гете больше не читал. Он делит литературу на нужную ему и ненужную, а какими критериями при этом пользуется — мне не ясно. Для чтения всех сборников «Знания» он, видите ли, находит время, а Достоевского игнорирует. Говорит — «на эту дрянь у меня нет свободного времени...»

Такую «избирательность» ленинских интересов косвенно подтверждает и Крупская, рассказывая о том, что его было трудно затащить даже в самые лучшие музеи Лондона или Парижа. Ну, а если ей все же удавалось это, то больше десяти минут он там провести не мог, начинал скучать. На выставки и в концерты Ленин вообще не ходил, а модернизм терпеть не мог. Став главой государства, он срежет бюджет Большому театру, заявив, что «это кусок чисто помещичьей культуры». Единственным исключением был, пожалуй, музей Французской революции в Париже, в котором ему не надоедало. Одна из приятельниц Ленина вспоминает, что как-то в Италии они поднялись на высокую гору. Восхождение было очень трудным, карабкались, цепляясь за кустарник, тяжело дыша, обливаясь потом. Зато с вершины перед ними открылся великолепный, божественный вид Италии. Рассказчица уже было настроилась на лирический лад, собиралась читать стихи, как вдруг Ленин задумчиво произнес: «Да, здорово гадят нам меньшевики».

Одной из многочисленных тайн Ленина, о которой советская «лениниана» стыдливо умалчивала, была тайна его доходов. Чтобы свободно разъезжать по Европе, безбедно жить, выпускать газету и держать в узде своих товарищей, которые финансово всецело зависели от него, Ленину требовались немалые деньги. В то время Валентинов вряд ли мог знать, что финансовым источником Ленина была «партийная касса», которой распоряжался лично он. Пополнялась она разными путями. Одним из них было ограбление российских и иностранных банков, почтовых отделений, железнодорожных касс, поездов, пароходов. Эти грабежи проводили специально подготовленные «боевики», одним из которых был Иосиф Сталин. В лексиконе большевиков слово «ограбление» было заменено более интеллигентным — «экспроприация», которое потом переросло в ло-

зунг — «Грабь награбленное!». Одна из самых напумевших «экспроприаций», со стрельбой и убийствами, закулисным организатором которой, по слухам, был сам Сталин, произошла 26 июня 1907 года в Тифлисе на одной из центральных площадей города. Как только направлявшиеся в банк два экипажа с банкнотами появились на площади, прогуливающийся со скучающим видом человек в офицерской форме подал сигнал и, как из-под земли, появилась банда экспроприаторов. Полетели бомбы. Три солдата охраны были убиты, много ранено. Нападение продолжалось три минуты. Похищено было 340 тысяч рублей — сумма огромная по тому времени. К несчастью для грабителей, все банкноты оказались крупного пятисотрублевого достоинства и разменять их было не так-то просто, ибо банки знали их номера. Несколько разменщиков арестовали, а остальные купюры пришлось сжечь, чтобы не попасться. История эта станет впоследствии широко известна и принесёт большевикам много хлопот. А во времена сталинского правления само упоминание о ней будет равносильно самоубийству.

Кроме грабежей, «партийная касса» пополнялась ещё и за счет пожертвований. Каким бы диким это сегодня ни казалось, но находились такие миллионеры-жертвователи, как, например, глава богатейшей русской купеческой династии Савва Морозов и его брат Иван. Не брезговали большевики и мошенничеством. Так, после смерти русского текстильного магната Николая Шмидта, племянника Саввы Морозова, его состояние унаследовали две его сестры. И тогда Ленин со товарищами придумали такую нехитрую авантюру. Двум единомышленникам было дано партийное задание жениться на сестрах, завладеть деньгами и передать их в «кассу». Операция была проведена безупречно, правда, один из женихов, став миллионером, отказался отдавать деньги, но его все же заставили отдать хотя бы часть. Худо-бедно «касса» получила еще 280 тысяч золотых рублей.

И, наконец, не следует забывать, что вдова Ульянова тоже имела неплохое состояние и регулярно снабжала сына деньгами. «Ленин из прекрасного и безопасного европейского далека, — пишет его американский биограф Луис Фишер, — призывал Россию к насильственной революции, но принимал от матери золотые рублики, источником которых была царская пенсия и доходы с поместья дедушки...». Короче говоря, «борец за дело рабочего класса» жил за границей весьма безбедно и имел возможность отдыхать на дорогих курортах.

В 1910 году в Париже Ленин знакомится с привлекательной француженкой *Инессой Арманд*. Ему в то время было сорок, ей — тридцать пять. Инесса родилась в Париже в семье известного оперного певца Теодора Стефана. Её рано умершая мать, Натали, полуфранцуженка-полушотландка, была учительницей пения. Образование Инесса получила в Москве, куда попала вместе с бабушкой и тётёй — преподавательницей музыки и французского языка. Инесса свободно говорила на французском, русском, английском, великолепно играла на фортепьяно и

была очень похожа на своего красавца-отца. В 19 лет она вышла замуж за трогательно влюбленного в неё Александра Арманда, сына богатого русского купца. Жили они под Москвой в посёлке Пушкино. За восемь лет счастливого брака у них рождается четверо ребятишек. Все кажется безоблачным и вечным, но тут приходит неожиданное. Инесса влюбляется в младшего брата своего мужа и уходит к нему. Правда, этот романтический брак продолжался недолго. Второй муж умирает в Швейцарии от туберкулёза, оставив Инессе ещё одного ребенка.

Ко времени знакомства с Лениным Инесса была уже матерью пяти-рых детей. Как вспоминают её друзья, она была смелой, сильной женщиной, неукротимой мятежницей, склонной к терроризму. А в личной жизни — яростной сторонницей «свободной любви». Её самым нелюбимым литературным персонажем была Наташа Ростова из «Войны и мира», которую она считала самкой, умеющей только рожать детей. Ленин страстно увлёкся ею, хотя и не разделял её воззрений на «свободную любовь». Несмотря на свой радикализм в политике, в вопросах взаимоотношений мужчины и женщины он был крайне консервативен. После политики, любовь к Инессе была, по-видимому, самой большой его страстью за всю жизнь.

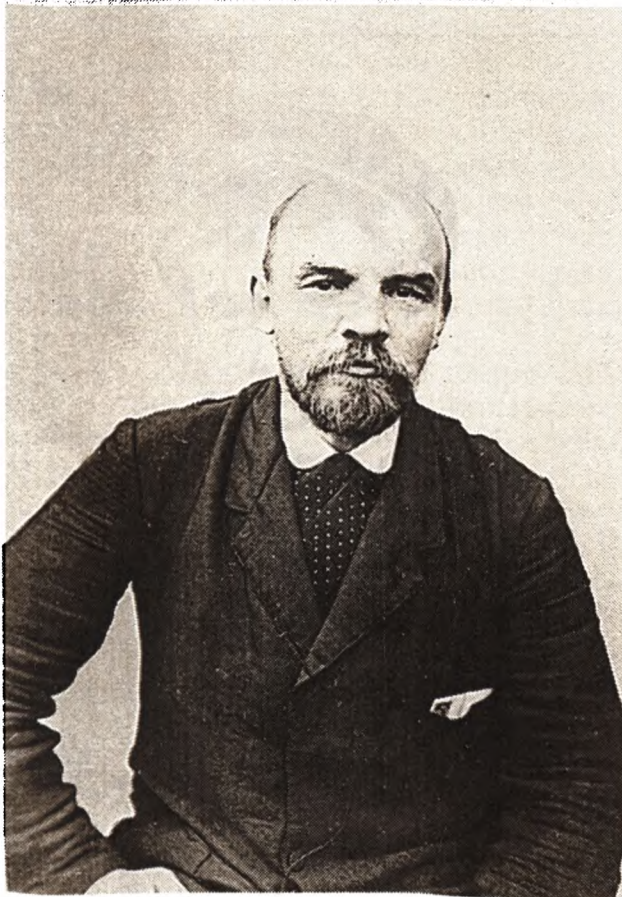
Следующие десять лет их судьбы были неразлучны. Инесса следует за Лениным повсюду, окунаясь в русскую революцию. По-видимому, где-то перед самой

Август 1914 года. Первая мировая война ►

«Если не считать революционной деятельности, то самой большой страстью вождя за всю его жизнь была любовь к Инессе Арманд»

революцией в её сознание начинают вкрадываться сомнения относительно верности выбранного её кумиром пути. Лариса Васильева в своей книге «Кремлевские жены» приводит рассказ Ивана Попова, хорошо знавшего Инессу и Ленина, и тоже испытывавшего аналогичные сомнения, которыми он поделился с Арманд. «Уходи, Жан, уходи и не оглядывайся, — сказала она ему. — Ты молод, слабоват характером, поэтичен. Вся эта жизнь не для тебя. Пиши книги и люби жизнь, если сможешь. А мне отступать некуда. Я под его гипнозом навсегда. Мне нельзя иначе. Если отступлюсь, значит, все мои жертвы были напрасны и жизнь прошла зря».

После захвата власти большевиками Инесса с детьми переезжает в Россию.

Трагическая развязка наступает в 1920 году. Революция измотала её, и она хочет хотя бы на время вернуться в Париж, чтобы отдохнуть и привести себя в порядок, но Ленин уговаривает её ехать отдыхать на Кавказ. И вот теперь перед ним эта страшная телеграмма, смысл которой он отказывается понять: «Вне всякой очереди. Москва... Ленину. Заболевшую холерой товарищ Инессу Арманд спасти не удалось точка кончилась 24 сентября точка тело перепроводим в Москву...»

«Когда в 1920 году Инесса умерла, — пишет видная большевичка Александра Коллонтай, — Ленина невозможно было узнать. Впервые я

видела его таким. Он шёл за гробом с закрытыми глазами и, казалось, вот-вот упадёт... Он не мог пережить Инессу. Её смерть ускорила его болезнь, ставшую роковой...» «Я искоса посматривала на Ленина, — продолжает другая участница похорон, Анжелика Балабанова. — Он казался впавшим в отчаяние, его кепка была надвинута на глаза. Всегда небольшого роста, он казался, сморщивался и становился ещё меньше. Он выглядел жалким и павшим духом... Это было больше, чем потеря... хорошего друга. Было впечатление, что он потерял что-то дорогое и очень близкое ему...»

Эта многолетняя связь не была секретом для Надежды Крупской. Надо отдать должное её достоинству: она не устраивала семейных сцен и относилась к Инессе как к подруге, хотя как раз в это время была тяжело больна. У нее прогрессировала базедова болезнь, сопровождавшаяся ослаблением нервной системы. Крупская не раз выражала намерение уйти от Ленина, но он удерживал её, и она подчинялась. В этот период он уже был для неё не только и, возможно, не столько мужем, сколько политическим кумиром. Оставаться с ним — это значило служить революции, что было её сильнейшей страстью.

Но не только он был нужен Крупской как политический единомышленник, вождь, идол, но и она была нужна ему как самый надежный, верный, глубоко понимающий и готовый для него на всё друг и соратник. В чем-то она была для него мать. С большой долей уверенности можно считать, что без нее Ленин не столь легко достиг бы той цели, которую поставил перед собой.

Взаимоотношения Ленина с Крупской в

Монтаж красных звезд на Спасской башне. 1935 г. ►

ку». За это кайзеровские власти не только пропустили их через свою территорию, но фактически начали финансировать революцию, отпустив на это огромную сумму — 50 миллионов немецких марок. Это уже было прямое пособничество врагу, подпадавшее под статьи военного трибунала.

Впервые эти сведения опубликовал в печати немецкий социал-демократ Эдуард Бернштейн, а спустя время, в конце второй мировой войны, когда американская армия захватила архивы Германского министерства иностранных дел, эти сведения были подтверждены документально. Само собой разумеется, что после опубликования Бернштейном этих секретных материалов, Ленин поднял страшный крик, обвиняя Бернштейна в клевете. И тогда Бернштейн публично предложил большевикам привлечь его к суду. Он выразил готовность предстать перед любым судом. После этого крики затихли. Ни суда, ни расследования большевики не потребовали, что говорило само за себя.

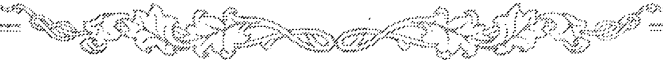
Как пишет Лев Троцкий: «В печати появились сообщения, ссылавшиеся на документы министерства юстиции, что Ленин и его соратники являются попросту агентами германского генштаба... Власти издали распоряжение об аресте Ленина». Среди большевиков шли споры: являться ли Ленину на суд, «чтобы дать бой клевете», или скрыться. Многие из большевиков, которые, по-видимому, действительно не знали о тайном соглашении Ленина с кайзеровской Германией, требовали явки его на суд, чтобы «очистить партию от клеветы», но сам Ленин решил иначе и скрылся в Финляндии...

6 ноября 1917 года в Петрограде происходит большевистский переворот. Временное правительство арестовано. В 22 часа 45 минут этого же вечера, в гриме и парике, Ленин возвращается из Финляндии. Большевики приходят к власти.

Почему Ленин сам не руководил переворотом, а, скрываясь в Финляндии, поручил это дело Троцкому? Неужели в этой сумятице и неразберихе, когда и власти-то фактически уже не было, существовала какая-то реальная опасность его ареста? Зачем, когда переворот уже фактически произошел, натягивать на себя этот грим-парик? И тут хочется привести цитату из воспоминаний Т. Алексинской, участвовавшей в 1906 году на одном из загородных митингов под Петербургом, на котором выступал Ленин: «...Когда раздался крик — «Казачи!», он первый бросился бежать. Я смотрела ему вслед. Он перепрыгнул через барьер,

◄ Снятие герба Российской империи с кремлевских ворот. 1918 г.

котелок упал у него с головы... С падением этого нелепого котелка в моем воображении упал сам Ленин. Почему? Не знаю!.. Его бегство с упавшим котелком как-то не вяжется с Буревестником... Остальные участники митинга не последовали примеру Ленина. Оставаясь на местах, они, как было принято в подобных случаях, вступили в переговоры с казаками. Бежал один Ленин...»

А теперь вернемся к началу нашего очерка. 11 марта 1918 года специальный поезд перевозит Ленина и его правительство из Петрограда в Москву. Москва опять становится столицей России, а Кремль — центром власти.

...Взбужденная революцией и выбитая из нормальной жизни Москва была наполнена тревожным гулом и неразберихой. Магазины и лавки не работали, рестораны были закрыты. На Красной площади растерянно толпился народ. Здесь что-то продавали и покупали с рук, шныряли карманные воришки. Чувствуя безвластие, на поверхность поднималось дно общества.

Кремль, который со дня своего основания всегда был открыт для народа, гудел, как потревоженный улей. Здесь проживали монахи, служители культа, служители многочисленных государственных учреждений со своими семьями, смотрители музеев, художники, сторожа, прислуга. Все они жили здесь испокон веку. Это был их родной дом, и никто из них не мог предположить, что очень скоро им придётся покинуть его.

Одним из первых распоряжений Ленина, прибывшего в Кремль, был приказ «проверить, все ли имеют право и основание жить здесь». Началось с закрытия церкви, выселения монахов и служителей культа, а вскоре и все остальные «нежелательные элементы» вынуждены были покинуть Кремль. По распоряжению Ленина из стен кремлевских башен и соборов были удалены вмонтированные в них древнерусские иконы, а памятники, связанные с династиями русских царей, повалены. Комендант Московского Кремля с гордостью вспоминает, как Ленин сам руководил однажды стаскиванием с пьедестала памятника императору, «весело» набросив ему на шею веревку.

У ворот Кремля появилась усиленная охрана из солдат, а вход стал по пропускам. Так постепенно начинается превращение Кремля в ту секретную цитадель, мощные стены которой должны будут на многие десятилетия отгородить новое правительство от народа. Спустя время величественные орлы на башнях Кремля — многовековой символ России — будут сброшены и заменены на огромные красные звёзды — символ новой власти.

30 августа 1918 года происходит событие, которое кровавым эхом отзовется по всей стране. В этот день, поздно вечером, двумя выстрелами был ранен Ленин. Произошло это во время его выступления на одном из московских заводов. По официальной версии, исполнительницей этого террористического акта была некая Фанни Каплан.

« *Фанни Каплан – женщина трагической судьбы*

Многие десятилетия эта история была излюбленным сюжетом советской официозной литературы, рассказывающей о «героической жизни вождя». Фанни Каплан представлялась закоренелой террористкой, подсланной врагами революции. В то же время распространялись слухи о «величайшей гуманности» Ленина, запретившего казнить террористку, поскольку она действовала из политических убеждений. И лишь недавно начали появляться публикации, проливающие истинный свет на эту историю.

Фанни Каплан родилась в 1887 году в семье провинциального школьного учителя. Уже в 16 лет она примыкает к организации революционеров, борющихся против монархии. При одной из попыток совершить теракт бомба взрывается раньше времени и сама Фанни получает тяжелое ранение. Её арестовывают и приговаривают к смертной казни, но учитывая несовершеннолетний возраст, казнь заменяют «вечной каторгой». Страдая с детства болезнью глаз, на каторге Каплан совершенно слепнет. Однако спустя несколько лет зрение частично возвращается. После Февральской революции, проведя на каторге более 10 лет, Фанни выходит на свободу. Те методы, которыми был совершен большевистский переворот, и последовавшие за ним репрессии политических противников вызывают гнев и возмущение у Каплан. Она примыкает к партии социал-революционеров, которые намерены выразить свой протест террористическими актами. Насколько наивны и непрофессиональны были заговорщики, можно судить хотя бы из того, что они всерьез обсуждали да-

же такой вариант, как подослать к Ленину женщину, которая «привьёт ему опасную болезнь».

В момент покушения, 30 августа, Каплан действительно была в районе происшествия, но нет ни одного доказательства, что именно она стреляла в Ленина. «Фанни стояла с зонтиком под деревом в вечернем полумраке, чем и вызвала подозрение у схвативших её. Они схватили её по классовому наитию... Да и могла ли почти слепая Фанни Каплан поздно вечером произвести прицельно несколько выстрелов?..»

На допросе эта худая, болезненного вида женщина, с тонкой длинной шеей и печальными глазами, вела себя с достоинством, как научили её многие годы каторги. По мнению ряда современных исследователей, Каплан не стреляла в Ленина. Она даже не пыталась скрыться, а сознательно взяла на себя трагическую роль «запланированного смертника», приняв на себя вину того, кто стрелял, чтобы отвести погоню от своих единомышленников. Как утверждает профессор Литвинов, в Ленина стрелял бывший сотрудник ВЧК (КГБ) некий Протопопов, который тоже был схвачен и тут же расстрелян, но Каплан этого не знала и продолжала играть свою роль до конца.

Спустя всего лишь три дня после покушения она была убита без суда и следствия выстрелом в затылок в одном из подвалов Кремля (прямо под квартирой заместителя Ленина, Якова Свердлова), под рёв специально запущенных автомобильных моторов, заглушавших звуки выстрелов. Как с гордостью сообщает об этом сам палач: «...3 сентября приговор был приведён в исполнение, и исполнил его я, коммунист, матрос Балтийского флота, комендант Московского Кремля, Павел Дмитриевич Мальков, собственноручно». Нужно ли комментировать этот «героический» пафос палача, сумевшего застрелить в затылок слепую одинокую женщину, проведшую свою недолгую и нелегкую жизнь по тюрьмам и ка-

**Ленин выступает на закладке ►
памятника Степану Разину, 1 мая 1919 г.**

торгам!? Единственным свидетелем этой дикой расправы был «большевистский поэт» Демьян Бедный, напросившийся «посмотреть». По приказу того же заместителя Ленина, Якова Свердлова («остатки уничтожить без следа»), тело Фанни Каплан было втиснуто в бочку из-под мазута и сожжено.

Хотя советская литература и драматизировала эпизод покушения, сообщая, что «шла упорная борьба со смертью, борьба за жизнь Ленина», но в действительности ранение было не опасным. Ленин сам поднялся по ступенькам на третий этаж своей кремлёвской квартиры, а через две недели уже приступил к работе.

Это было самым громким, но не единственным покушением на Ленина. Первое произошло еще в Петрограде 1-го января 1918 года, когда автомобиль вождя был обстрелян среди белого дня в центре города. Сидевший рядом с ним товарищ успел пригнуть голову Ленина как раз в то мгновение, когда сам получил ранение. Ещё в одну переделку Ленин попал ровно через год, но уже в Москве. Правда, это была не политическая акция, а просто бандитское нападение, которое, как впоследствии установили сыскные органы, совершили три московских уголовника — Яшка Кошельков, Заяц-шофер и Ленька-сапож-

**Ленин, Крупская и сестра вождя — Мария
Ульянова. Празднование 1-го мая 1918 г.** ◀

◀ 6 мая 1919 г. Любимая поза

ник. Скорее всего, они сами не знали, кого грабят. Они остановили автомобиль с Лениным, который принял их за вооруженный патруль. На требование вождя предъявить мандаты бандиты четко пояснили, что им мандатов не требуется, приставив к его затылку пистолет. Затем высадили пассажира, обчистили его карманы, прихватив деньги, оружие и пропуск в Кремль, вскочили в его же автомобиль и укатили. После этого происшествия выезды Ленина из Кремля значительно сократились, хотя он и так редко покидал стены этой крепости. Он никогда не бывал на фронтах и не посещал провинцию. Однажды он было собрался в Геную на международную конференцию, но разведка дала информацию, что поляки якобы готовят на него покушение, и поездку отменили.

В отместку за покушение (?) Фанни Каплан большевистское правительство издаёт декрет, который начинался словами «*Всем, Всем, Всем*». В нём объявлялся «беспощадный *массовый террор* всем врагам революции». Это было начало «большого красного террора», залившего Россию кровью.

Уже не одно десятилетие среди российской интеллигенции идёт спор — в прошлые времена шепотом, сегодня во весь голос — кто в действительности является архитектором той системы, которая правила Россией почти три четверти века? Системы, которая уничто-

Речь с Лобного места — весьма символично! ▶

*С Максимом Горьким на конгрессе
Коминтерна. 19 июля 1920 г. ▶*

жила десятки миллионов своих граждан, залила кровью страну и ввергла народ в такое рабство, какого он не знал даже при Иване Грозном. Одни считают, что этим архитектором был Сталин. Он и только он привёл страну к страшному средневековью, нарушив те пути, которые планировал Ленин в своём гигантском эксперименте. Другие, наоборот, считают, что Сталин был лишь педантичным исполнителем ленинского эксперимента, доведя его теорию до логического завершения. Не кто иной, как Ленин, говорят они, произнес на III партийном съезде: «Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем». Этика Ленина, пишет исследователь ленинских мыслей Дора Штурман, «укладывается в роковую формулу Гитлера: «Я освобождаю вас от химеры совести.»»

Так кто же главный архитектор этой страшной системы насилия — Сталин или Ленин? Кто из них есть кто? Ниже мы хотим познакомить читателя с одной из первых характеристик Ленина, которую дал ему Виктор Чернов — один из лидеров революционного движения в России, хорошо знавший Ленина. После того, как 5 января 1918 года большевики расстреляли мирную демонстрацию рабочих в Петрограде, протестовавшую против незаконного захвата власти, Виктор Чернов написал открытое письмо Ленину:

«...Я, будучи вашим идейным против-

ником, не раз отдавал должное вашим личным качествам. Не раз, в те тяжелые для вас времена, когда вы своим путешествием через гогенцоллернскую Германию навлекли на себя худшее из подозрений, я считал своим долгом чести защитить вас перед петроградскими рабочими... Тогда я считал себя обязанным быть сдержанным. Теперь вы на вершине власти. Теперь я морально свободен от сдержанности... и я лишаю вас права на имя честного человека...

О да, вы не вор в вульгарном смысле этого слова. Вы не украдёте чужого кошелька. Но если придётся украсть чужое доверие, и особенно народное доверие, вы пойдёте на все обманы... Нет такого политического подлога, перед которым вы отступили бы... В своей личной жизни вы любите детей, котят и всё живое. Но вы одним росчерком пера... прольёте сколько угодно и чьей угодно крови с черствостью, которой позавидовал бы любой выродок уголовного мира... Вы человек аморальный до последних глубин своего существа. Вы разрешили себе переступить через все преграды, которые знает человеческая совесть...

Чтобы расчистить себе путь к власти, вы совершили грязнейшее из дел — расстрел мирной уличной манифестации петроградских рабочих... Убийство, связанное с обманом и предательством, смешивает кровь с грязью и эта ужасная смесь несмываема...»

Говоря современным языком, это было первое обвинение Ленина в «сталинизме». Если в период горбачевской «перестройки», вопрос, кто есть кто в советской истории, ещё мог стоять, о нем еще можно было спорить, то сегодня он уже однозначен. Сегодня о нем может спорить лишь тот, кто не хочет или боится видеть истину...

6 сентября 1991 года Парламент России постановил разрешить доступ к секретным ленинским архивам. «Тяжелая, массивная стальная дверь с трудом открылась, и мы вошли в просторный тамбур. За ней находилась еще одна, такая же бронированная дверь, ве-

◀ *Вождь*

дущая к коммунистическим святыням — подлинным ленинским документам: рукописям книг, статей, докладов, записок... На специальных стеллажах, в специальных коробках сосредоточены все письменные следы деятеля, о котором одни говорят и сегодня как о гении, другие — как о проклятии эпохи. Здесь были сокрыты и на многие десятилетия спрятаны 3724 ленинских документа, которые никогда не были опубликованы...» (Д. Волкогонов)

Почему? Ведь партия всегда заявляла, что каждое ленинское слово «на вес золота»! Почему же столько десятилетий она скрывала от народа эти «золотые россыпи»? Ознакомимся хотя бы с маленькой толикой этих документов:

«В Пензу. 11/VIII-1918 г... Повесить (непрерменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц... Опубликовать их имена... Отнять у них весь хлеб... Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал...»

«...расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты». (Письмо в Саратов, 22 августа 1918 г)

«...взять заложников из крестьян с тем, что, если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны...» (Из постановления Совета Обороны под председательством Ленина, 15 февраля 1919 г.)

«...Насчет иностранцев советую не спешить с высылкой. Не лучше ли в концлагерь, чтобы потом обменять» (Сталину, 3 июня 1919 г.)

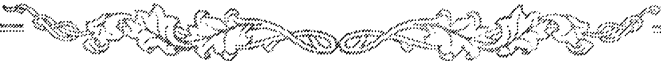
«...нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулеметы, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича?» (Троцкому, 22 октября 1919 г.)

«...надо поставить на ноги всё чека, чтобы расстреливать не явившихся на работу из-за «Николы» (церковный праздник Николин день, 19 декабря) (Из письма уполномоченному Совету Обороны по топливу, 25 декабря 1919 г.)

«...Обдумайте манифест населению, что мы перережем всех, если сожгут и испортят нефтяные промыслы, и, наоборот — даруем жизнь всем, если Майкоп и особенно Грозный передадут в целости» (Реввоенсовету Кавказского фронта, 28 февраля 1920 г.)

«...наказать Латвию и Эстонию военным образом (например, перейти где-либо границу на 1 версту и повесить там 100-1000 их чиновников и богачей)... Премия 100000 руб. за повешенного» (Заместителю председателя Реввоенсовета, август 1920 г.)

Нужно ли продолжать?! Как видите, Сталин и здесь проиграл Ленину в новаторстве. Напомним, что подобных ленинских документов, которые более полувека были упрятаны в «атомном бункере партии», уже сейчас известно 3724! И почти все они сопровождаются надписями, сделанными самим вождем — секретно, совсекретно, архисекретно. Он прекрасно знал моральную цену этих бумаг.

Еще недавно язык бы не повернулся задать вопрос, который сегодня возникает сам по себе. А был ли вообще нормален человек, который мог такие понятия, как расстрелять, повесить, перерезать, связывать с очисткой снега крестьянами? Или с людьми, всего лишь колеблющимися в принятии его идеологии? Или устроившими себе нерабочий день на свой религиозный праздник?

У знаменитого итальянского психиатра и криминалиста конца прошлого века, профессора Ломброзо есть работа «Гениальность и помешательство». Название ее говорит само за себя. Так может быть?.. «Наблюдая в течение нескольких лет некоторые реакции Ленина, я как врач пришел к убеждению, что у Ленина бывали иногда психические состояния с явными признаками ненормальности», — говорит Богданов, многолетний приятель и близкий соратник Ленина. Это же подозрение возникает и у шурина Ленина, мужа его старшей сестры. Автор книги «Ленин и его семья» Г. Соломон, близко знавший своего героя, тоже замечает это. Приводя одну из бесед с Лениным, он заканчивает её такими словами: «И глаза его озарились злобным, фанатически-злобным огоньком. В словах его, взгляде я почувствовал и прочел явную угрозу полупомешанного человека... Какое-то безумие тлело в нем». Ну, а уж такие моменты, как — «впадал в бешенство», отмечают многие его знакомые.

...В 1922 году у Ленина появляются симптомы тяжелой болезни. Они выражаются в том, что временами он вдруг падает, теряя сознание. Во время таких припадков паралич охватывает часть тела, а после припадка на какое-то время пропадает дар речи, наблюдается помутнение сознания, становится сложно выражать свои мысли.

Вначале припадки происходили не чаще раза в неделю и продолжались до 20-30 минут, после чего Ленин опять возвращался к нормальной деятельности. К нему приглашают русских и зарубежных врачей, но признаков нарушения мозговой деятельности тогда ещё обнаружено не было.

Так продолжалось до декабря, после чего наступило резкое ухудшение. Правая часть тела была полностью парализована, а с марта 1923 года паралич захватил также речь и восприятие. Как отмечает лечащий врач, профессор Осипов, «в распоряжении Ленина находилось всего несколько слов, которыми он поль-

*1 - Горьки, август 1922; 2 - Фотография сделана Марией Ульяновой;
3 - В инвалидном кресле. Последний год жизни ►*

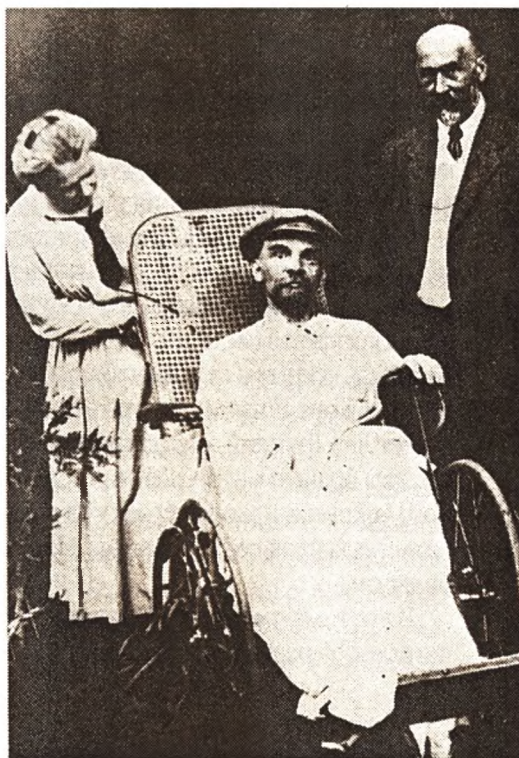
зовался... Речи окружавших он также не мог полностью усваивать... Положение его тогда было настолько тяжёлым, что возникал вопрос о том, как долго может протянуться болезнь...» Учитывая, что аналогичные симптомы привели к смерти отца, на родину ленинских предков, в район Астрахани, была даже направлена группа врачей, чтобы изучить медицинскую родословную вождя — не было ли в их роду наследственного сифилиса, который нередко встречался в калмыцких семьях.

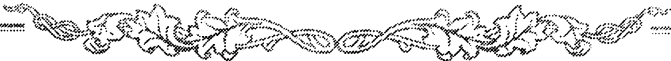
Однако крепкая натура больного, заботливый уход и лечебные мероприятия сделали свое дело. Ленин начал поправляться, хотя страшные головные боли, галлюцинации и припадки гнева, которые повергали родных в трепет, всё ещё не покидали его. Он только тогда успокаивался, когда его в инвалидном кресле возили по комнате. Вскоре он начинает понимать речь окружающих и даже сам может повторить некоторые слова. Жена начинает заниматься с ним речевыми упражнениями. «...Начала постепенно восстанавливаться и способность чтения... Он мог уже различать буквы и прочитывать некоторые слова. Ему показывали для этого рисунки, и при взгляде на них он мог назвать изображенные на них предметы...» Болезнь постепенно отступала. Хотя Ленин и оставался парализованным, но чувствовал себя в это время настолько лучше, что его даже возили кататься на автомобиле.

Так продолжалось до октября 1923 года, а затем наступило катастрофическое ухудшение. «Люди, которым довелось видаться с Лениным в это время, испытывали сложное чувство, — пишет профессор Волкогонов. — Перед нами был человек, который еще год-полтора назад олицетворял мозг и сердце революции, а сейчас это было существо с жалкой полуулыбкой и печальными больными полусумасшедшими глазами». Ленинский мозг угасал медленно, но неотвратно. В дальнейшем, когда будет проведено вскрытие, специалисты будут поражены — как Ленин вообще ещё мог существовать. Склероз сосудов мозга будет столь сильным, что они попросту окостенеют и при постукивании по ним пинцетом будут издавать звук, как от удара по камню. Художник Юрий Анненков, видевший заспиртованный мозг Ленина, писал, что второе полушарие было «сморщено, скомкано, смято и величиной не более грецкого ореха».

К последнему периоду жизни Ленина относится событие, которое многие десятилетия оставалось еще одной тайной Кремля, а большинство из тех, кто знал о нем, закончили свою жизнь в сталинских концлагерях. Речь идет о конфликте между Лениным и Сталиным, и версии, что Сталин ускорил смерть Ленина. Говоря «последний период жизни», мы имеем в виду — с декабря 1922 по март

Трагедия безумия... Лето 1923 г. ►

1923 годов, когда Ленин ещё мог говорить и диктовать, когда он ещё пытался пробить глухой колодец своей немоты и затуманивающегося сознания...

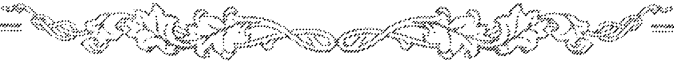
Когда в мае 1922 года у Ленина произошел первый приступ, врачи начали настаивать на временном прекращении им активной деятельности. Его перевозят на подмосковную дачу, но тем не менее он продолжает участвовать в политической жизни, что-то диктовать своим секретарям, принимать коллег. В связи с этим верхушка большевиков, заботясь о здоровье вождя, постановляет изолировать его «как в отношении личных контактов, так и в отношении переписки». Персональная ответственность за исполнение этого постановления возлагается на Сталина, который в это время был генеральным секретарём партии.

Следует отметить, что во времена Ленина пост генерального секретаря не имел того значения, которое он обретёт позднее. Ленин был главой государства, общепризнанным вождём, а пост генерального секретаря, на котором находился Сталин, был хотя и высокой, но всего лишь административной должностью. Давая в своё время согласие на назначение Сталина на этот пост, Ленин, конечно, и подумать не мог, что этот малообразованный, но хитрый кавказец в недалёком будущем сконцентрирует в своих руках огромную власть. Однако ко времени болезни Ленин, по-видимому, уже начал улавливать в Сталине его скрытые устремления. Отношения между ними становились всё более натянутыми. Вероятно, уже тогда Ленин думал о перемещении Сталина с этого поста, что через несколько месяцев будет изложено им в «Завещании».

Сталин, конечно же, чувствовал изменившееся отношение Ленина к себе и понимал, что над его политической карьерой нависла угроза, поэтому «персональная ответственность» за изоляцию Ленина была для него подарком судьбы. Отныне он имел возможность контролировать каждый шаг Ленина, каждую строчку его переписки. Для этого у него были свои информаторы, среди них одна из личных секретарш Ленина и один из его лечащих врачей.

В декабре 1922 года Ленин диктует свое политическое «Завещание», которому суждено будет увидеть свет лишь через полвека. В нём он требует смещения Сталина с поста генерального секретаря. И хотя этот документ считался «совершенно секретным» и, по требованию Ленина, конверт с «Завещанием» должен был быть вскрыт и оглашен лишь на ожидавшемся партсъезде, но Сталин тем не менее вскоре получил копию этого документа через своих информаторов. Как пишет Лев Троцкий, «когда Сталин впервые прочитал текст «Завещания», он разразился бранью в адрес Ленина... Он говорил о «завещании» как о документе большого человека, находящегося под влиянием «баб» (имелись в виду Надежда Крупская и младшая сестра Ленина Мария Ульянова, неотлучно находившиеся при больном).

В это же время происходит ещё один инцидент, ставший поводом для окончательного разрыва между Лениным и Сталиным. Ленин диктует Крупской не-

большую записку, адресованную Троцкому. Об этом узнаёт Сталин и приходит в ярость, что какая-то записка Ленина не прошла через его контроль. Он звонит Крупской и грубейшими словами оскорбляет её. Как пишет в своих заметках Мария Ульянова — «этот разговор взволновал (Крупскую) чрезвычайно: она была совершенно не похожа на себя, рыдала, каталась по полу и прочее...»

Боясь волновать больного мужа, Крупская не рассказывает ему об этом инциденте. Узнаёт он о нём спустя какое-то время и в гневе диктует письмо Сталину: «...Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать её. Хотя она вам и выразила согласие забыть сказанное, но... я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано,.. а что сделано против моей жены, я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу вас взвесить, согласны ли вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.» Это было последнее письмо Ленина.

Хотя Сталин и приносит вялые извинения, но, как пишет Троцкий, он «не мог уже сомневаться в том, что возвращение Ленина к активной деятельности означало бы его политическую смерть. Только смерть Ленина могла открыть ему путь...» к власти.

Дальше мы вступаем в область предположений и догадок, высказанных впервые Львом Троцким. Ещё до последнего инцидента с Крупской Сталин рассказал узкому кругу своих партийных коллег, что Ленин вызвал его к себе и попросил достать яд. «Старик страдает. Он говорит, что хочет иметь под рукой яд. Он воспользуется им, если будет убеждён в том, что его положение безнадежно.»

Почему он обратился с этой тайной просьбой именно к Сталину? Ведь в его окружении были люди гораздо более близкие?! Потому, считает Троцкий, что никто из ленинского окружения, кроме Сталина, не согласился бы выполнить такого рода просьбу. Троцкий считает, что Сталин рассказал об этом своим коллегам для того, чтобы в случае обнаружения яда в теле Ленина отвести от себя подозрение. «Передавал ли Сталин Ленину яд... я не знаю, — пишет Троцкий, — но я твердо знаю, что Сталин не мог пассивно выжидать, когда судьба его (власти) висела на волоске, а решение зависело от маленького, совсем маленького движения его руки...»

В пятницу 21 января 1924 года Ленина не стало. Ровно в 6 часов 50 минут вечера вдруг наступил резкий прилив крови к лицу, лицо покраснело до багрового цвета, затем последовал тяжелый вздох и моментальная смерть.

Смерть Ленина застала Троцкого в дороге на Кавказ. Он тут же связался с Кремлём: «...считаю необходимым вернуться в Москву. Когда похороны?» И через час получил ответ: «Похороны состоятся в субботу. Вы не успеете вернуться... Сталин.» В действительности же похороны состоялись в воскресенье. Как считает Троцкий, Сталин обманул, так как боялся его присутствия на похоронах. Боялся, что, памятуя тот разговор о яде, он может что-то заподозрить и потребовать

◀ **Похороны. Январь 1924 г.**

дополнительного медицинского обследования. Сталин хотел держать его подальше, пока не будет проведено стандартное вскрытие, внутренности сожжены, а оболочка тела обработана. После этого будет уже очень сложно что-либо обнаружить.

Обо всём этом Троцкий пишет в середине тридцатых годов. А в декабре 1989 года впервые публикуются уже упоминавшиеся нами записки сестры Ленина, Марии Ульяновой, в которых она подтверждает, что Ленин действительно обращался к Сталину с просьбой о яде. Короче говоря, «был ли Ленин отравлен Сталиным, мы не знаем и, наверное, не узнаем никогда, — пишет профессор Иоффе. — Но то, что Сталин создавал условия, способствовавшие его смерти, вряд ли подлежит сомнению».

Да, по-человечески жалко больного человека, крушения его внутреннего мира, той безнадежной, глухой, воистину потусторонней изоляции от людей, которая окружала его в последние месяцы жизни. Однако помня, что «рабочие и крестьяне нисколько не заражены сентиментальными иллюзиями господ интеллигентов, всей этой... слякоти...», и что для самого Ленина «ничего не было хуже сентиментальности», откажемся и мы от неё.

Сразу же после смерти Ленина, уже упоминавшийся нами, Виктор Чернов пишет что-то вроде статьи-некролога, хорошо дополняющего его предыдущее «открытое письмо»:

**Временный
деревянный мавзолей** ▶

«Ленин обладал...мощным, но холодным интеллектом. Интеллектом ироничным, саркастичным, циничным. Ленина часто обвиняли в том, что он не был и не хотел быть «честным противником». Но для него само понятие «честный противник» представлялось абсурдом... Обманывать врага, сознательно клеветать на него, очернить его имя — всё это Ленин рассматривал как нормальные вещи... Как человек, у которого «истина в кармане», он не ценил творческих усилий других людей, не уважал чьих-либо убеждений, ему была чужда восторженная любовь к свободе, которая присуща независимому творческому духу... Воля Ленина превосходила его интеллект, и последний всегда выступал, как слуга первой... Ему очень нравилось выражение Наполеона — «вначале вяжемся, а там посмотрим»... поэтому он порой становился шарлатаном, экспериментатором, игроком... Даже пассивное сопротивление идеям его партии являлось для него достаточным основанием, чтобы расстрелять сотни людей без тени колебания. И при всём этом он любил, искренне веселясь, играть с детьми, собаками, кошками... Он умер. Его партию теперь возглавляют люди, которых он в течение многих лет формировал по своему образу и подобию...»

Спустя тридцать лет, словно дорисовывая написанный Черновым портрет Ленина, один из талантливейших советских писателей Василий Гроссман писал:

«...Продажный... лакей... холуй... наймит... Иуда...» — такими словами Ленин часто говорил о своих оппонентах... Ленин в споре не искал истины, он искал победы... а для победы хороши были любые средства. Ленинская нетерпимость, непоколебимое стремление к цели, презрение к свободе, жестокость по отношению к инакомыслящим и способность, не дрогнув, смести с лица земли не только крепости, но и целые губернии, оспорившие его ортодоксальную правоту, — все эти черты не возникли в Ленине после Октября. Эти черты были и у Володи Ульянова. У этих черт глубокие корни. Все его способности, его воля, его страсть были подчинены одной цели — захватить власть... Русская революция для него не была русской свободой. Но власть, к которой он так стремился, была нужна ему лично. Для того, чтобы с такой мощью жаждать власти, надо обладать огромным политическим честолюбием, огромным властолюбием. Если представить себе Ленина-человека эквивалентным Ленину-политику, то возникает характер примитивный и грубый, нахрапистый, властный, безжалостный, бешено честолюбивый, догматически крикливый. Если соотнести эти черты к обыденной жизни, приложить их по отношению к жене, матери, детям, соседу по квартире. Жутко становится...»

...Январь 1924 года выдался лютым. На Красной площади горели костры, возле которых грелись люди. Народ провожал в последний путь своего вождя, одни с неподдельным горем, другие со скрытой радостью. Несмотря на то, что родст-

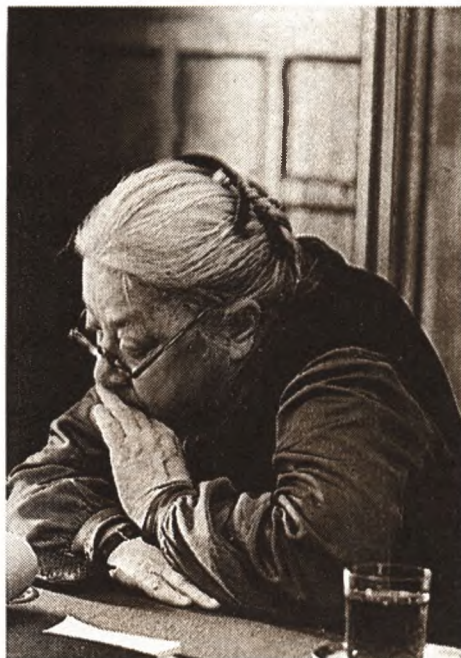

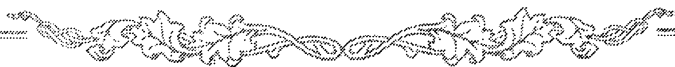
1935 год. Страх... (Крайняя слева, молчаливо опустившая голову — Крупская. Крайний справа — Сталин: «Если не будете подчиняться, то мы вообще объявим, что никакой женой Ленина вы не были, и дадим ему другую жену... Да-да, не удивляйтесь, партия все может...»)

венники Ленина, и прежде всего Надежда Крупская, его сёстры, брат, считали необходимым похоронить его в земле, рядом с могилой матери, партия решила по-другому. Сталин расправился со своим противником при помощи старого безотказного метода — превратив его в безвредную икону. Мёртвый Ленин был нужен ему, чтобы его набальзамированное тело уложить в громадный «гранитный гроб», а самому взобраться на вершину этого гроба. Ему было нужно гранитное единство склепа...

Как-то, рассказывает старый хранитель Мавзолея, будто предчувствуя свою скорую кончину, Крупская в последний раз зашла в Мавзолей, одиноко постояла возле саркофага и, тяжело вздохнув, тихо сказала: «Он всё такой же, а я старею...» А через несколько дней, 26 февраля 1939 года, она праздновала свое 70-летие. В партийном доме отдыха под Москвой собрались старые друзья, пили чай, ели присланный Сталиным торт, а наутро она умерла в больнице от каких-то желудочных проблем. Опять злодей? Отравление? Думаю, что нет. Не она одна ведь ела этот «сталинский торт»! Да и был ли он вообще?! Скорее всего, легенда. По крайней мере, Сталин сам нёс к кремлёвской стене урну с её прахом. Хотя и это ни о чем не говорит. Ведь уже на следующий день после похорон сталинская охранка произвела обыск в ее кремлевской квартире и на даче, обшарив всё до последней нитки...

1 - Крупская на похоронах — «взгляд в себя»; 2 - Одиночество... ▶

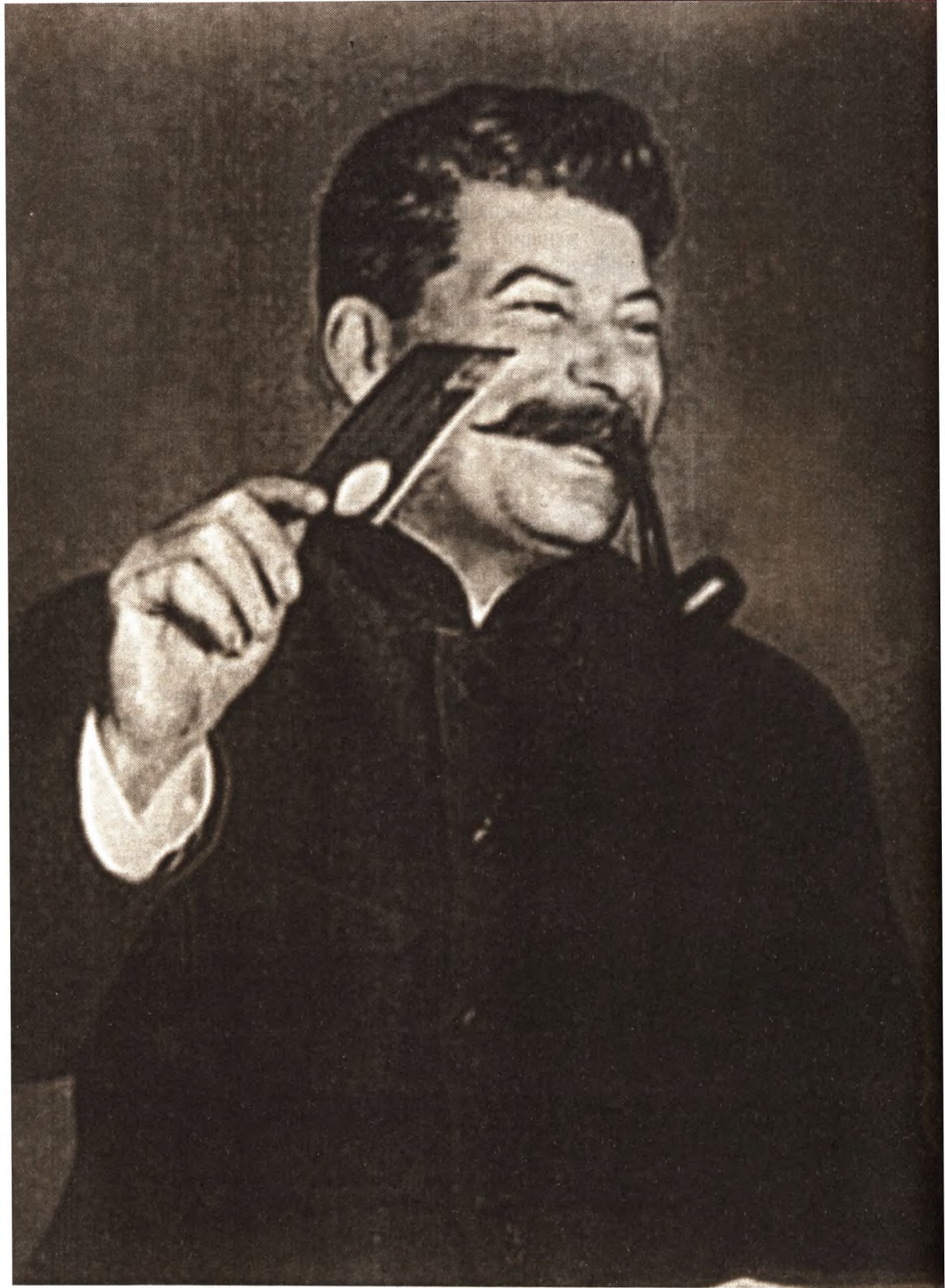

Прошли десятилетия. Так и лежит по сей день основатель большевизма в холодном гранитном гробу, неприкаянный, не преданный по-людски земле, томимый сомнениями. А в тени этого склепа, в кремлёвской стене, замурован прах двух самых близких для него женщин — Надежды Крупской и Инессы Арманд.

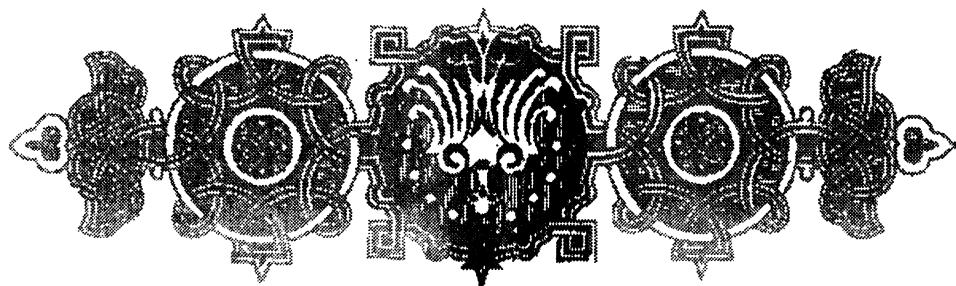
Мсть истории страшнее любой человеческой мести...

P.S. Прошло много лет. Не поверила западная публика, что под стеклом саркофага лежит настоящий Ленин, а не восковая кукла. Тогда пригласили журналистов в Мавзолей, поднял профессор Збарский стеклянную крышку гроба, ухватил мумию за нос и повернул ей голову направо-налево. Это был Ленин...

*XV съезд партии.
Все идет как задумано... 1927 г.*

СТРАНА И ДЕСПОТ

а высшую ступень кремлёвской иерархии поднимается новая фигура, о которой мир, да и сам русский народ, пока ещё мало что знают. С именем Сталина связано почти тридцать лет истории Кремля. Здесь, за кремлёвскими стенами, создавались легенды о живом Боге и здесь же скрывались тайны его реальной жизни.

Если ночью посмотреть на Кремль со стороны Красной площади, то можно увидеть окно, в котором никогда не гаснет свет. Может быть, это какое-то подсобное помещение или комната охраны — неважно, но этот никогда не гаснущий свет был одним из многих приёмов, которыми поддерживали в народе легенду о том, что Сталин день и ночь, без сна и отдыха, трудится для него. «...Кто бы вы ни были, — захлёбываясь от умиления, пишет Анри Барбюс, — лучшее в вашей судьбе находится в руках человека, который бодрствует за всех и рабо-

тает, человека с головою ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата.» Распускались слухи, что это всегда светящееся окно и есть кабинет Сталина. Как точно подметил Никита Хрущёв в своих воспоминаниях, о том, что Сталин работает по ночам, знала вся страна, а о том, что он почти весь день спит, знал лишь узкий круг людей.

О Сталине написаны сотни тысяч страниц, сняты многие тысячи метров киноплёнки, но тайна души этого человека, который вошел в историю как один из самых кровожадных её тиранов, так до конца и не раскрыта.

Десятилетиями с огромных портретов смотрел на русский народ величественный человек, человек-гигант, а в жизни ему на трибуне подставляли под ноги скамеечку, чтобы он казался выше. На одухотворенном лице портретного вождя не было ни морщинки, ни тени сомнения, а в жизни это всегда плохо выбритое лицо было изъедено оспой и из-под низкого лба светились, отливая желтизной, два тигриных глаза. Его называли «гением человечества», создававшим и низвергавшим целые направления в науке, а в реальной жизни он был недоучкой. Вождь русской революции Ленин, каждое слово которого было законом для большевиков, отверг его как руководителя партии, а он стал хозяином гигантской страны. Трус по натуре, никогда воочию не видевший ни одного настоящего сражения, он, в конечном итоге, оказался победителем сильнейшей армии мира и надел на себя мундир генералиссимуса. Крупнейшие политики смотрели на него как на равного, и должны были пройти десятилетия, чтобы они прозрели. *«Рузвельт думал, что в Кремле сидит джентльмен, а там сидел кавказский бандит...»*, — скажет о нём Уинстон Черчилль.

Сосо — так ласково называла его в детстве мать...

Коба — такой псевдоним, взятый из легенды об известном кавказском бандите, выбрал он себе сам...

Сталин — под этим именем узнал его мир...

У персов существует поверье, что дети, рожденные 21 декабря — в самую длинную ночь в году — это дети зла. *Иосиф Джугашвили (Сталин)* родился 21 декабря 1879 года в живописном грузинском городке Гори, в ста километрах от столицы Грузии Тифлиса. Хотя матери в момент его рождения едва исполнилось двадцать лет, но он был уже четвертым её ребенком. Трое первых умерли в младенческом возрасте.

Кривые улочки, беспорядочно разбросанные дома, фруктовые сады — всё это придавало Гори скорее вид деревни, чем города. Проживало в нём тогда не более шести тысяч человек. Семья Сталина занимала старую мазанку с песчаной крышей, которая давно уже пропускала ветер и дождь. Их комната имела не бо-

1 - Отец Сталина — Виссарион Джугашвили; 2 - Мать — Екатерина Геладзе;
3 - «А жаль, что ты так и не стал священником». 1934 г. ►

лее десяти квадратных метров, пол был выложен кирпичом, а малюсенькое окно скупно пропускало свет. Обстановка этого жилья состояла из стола, табурета и широкой тахты. Позже прибавилась ещё швейная машина.

В период правления Сталина, его родословная была темой опасной, неприкасаемой, поэтому, естественно, что вокруг неё возникало множество слухов и домыслов. Некоторые из них создавались, по-видимому, его противниками, чтобы обвинить его в «буржуазном происхождении», что считалось в то время чуть ли не преступлением. Другие слухи, наоборот, распространялись его сторонниками, а, возможно, и по прямому указанию самого Сталина, чтобы хоть как-то облагородить его биографию, поскольку люмпен-пролетарское происхождение тоже не прибавляло авторитета.

Так, по одной из версий, он был незаконным сыном местного грузинского князя Якова Эгнаташвили, у которого в прислугах работала мать Сталина. Чтобы спрятать беременность служанки, князь выдает её замуж за сапожника Виссариона Джугашвили из села Диди-Лило. В поддержку этой версии выдвигались доводы, что, уничтожив почти всех свидетелей своего детства, Сталин тем не менее не тронул родственников князя. А двух его сыновей, своих сводных братьев, даже сделал членами парламента Грузии, что, учитывая их происхождение и то время, было совершенно невозможно без прямой поддержки сверху.

Однако всё это не более чем легенды. В действительности же родителями Сталина были *Екатерина Геладзе и Виссарион Джугашвили*, выходцы из крестьянской среды, люди совершенно неграмотные, не умевшие ни читать, ни писать. Мать была грузинкой, отец — кажется, осетином. Русского языка они не знали до конца своих дней. Как вспоминает дочь Сталина, Светлана Аллилуева, когда они с братом впервые встретились с бабушкой в 1934 году, то единственным способом общения были жесты, так как бабушка не знала русского языка, а они гру-

◄ 1 - Горийское духовное училище. 1892 г. В верхнем ряду, самый низкорослый, — Иосиф Джугашвили; 2 - «Сосо» — так ласково называла его мать. 1893 год

зинского. «Нас подвели к ней, она порывисто нас всех обнимала худыми, узловатыми руками... Глаза у нее — светлые на бледном лице, покрытом веснушками. Голова была покрыта платком, но я знала — это говорил отец — что бабушка была в молодости рыжей, это считается в Грузии красивым».

После переселения из своей родной деревни Диди-Лило в городок Гори отец Сталина занялся сапожным делом, а мать подёнными работами — мыла чужие полы, стирала белье, шила. Жизнь была бедной и тяжелой.

Екатерина была женщиной глубоко религиозной. Её трудная жизнь была непрерывным служением Богу, мужу и единственному сыну, которого она очень любила и мечтала сделать из него священника. Пройдут десятилетия, и, навестив как-то своего уже всесильного к этому времени сына, она со вздохом скажет: «А жаль, что ты так и не стал священником...»

Отец Иосифа — Виссарион Джугашвили, был человеком сурового склада и при том жестокий пьяница. Большую часть своего скудного заработка он пропивал, так что все финансовые заботы по дому ложились на плечи матери. Отец хотел сделать из сына сапожника, но не успел. Он погиб в пьяной драке, получив ножевое ранение, когда Иосифу было одиннадцать лет.

Как уже было сказано, Сталин не любил вспоминать о своём детстве, когда ему и матери нередко выпадали жестокие побои от пьяного отца. Однажды он даже бросился с ножом на отца, чтобы защитить мать, после чего ему пришлось несколько дней скрываться у соседей.

Прежде чем уснуть, отец всегда норовил дать затрещину сыну, явно не любившему его. С болью наблюдала мать, как своим отношением к сыну отец «изгонял из его сердца любовь к Богу и людям». Ранняя смерть отца не принесла горя сыну. Он лишь почувствовал себя свободнее. Как вспоминает его приятель детства, свою затаённую вражду к отцу и жажду мести Иосиф с ранних лет начал переносить на всех тех, кто имел или мог иметь какую-нибудь власть над ним. С юности осуществление мстительных замыслов стало его целью, которой подчинялись все его усилия.

В семилетнем возрасте Иосиф чуть не умер, перенеся чёрную оспу, следы от которой остались у него на лице на всю жизнь. А причиной «сухорукости» левой руки, как считают врачи, была алкогольная наследственность от отца. Хотя существует и другая версия, по которой двенадцатилетний Иосиф попал в дорожное происшествие и повредил себе левую руку, которая со временем стала короче и слабее правой. Как бы там ни было, но всю жизнь Сталин тщательно скрывал этот дефект, стараясь не раздеваться при людях и даже редко показывался врачам. Он не любил купаться и не научился плавать, а во время отдыха на

Черном море обычно гулял по берегу, не снимая одежды.

Низкорослый, физически слабый, он не мог рассчитывать на успех в мальчишеских потасовках и всегда боялся быть избитым. Поэтому он всю жизнь недолюбливал высоких и физически сильных людей, злобно мстя им за это.

В 1890 году — вскоре после смерти отца — Сосо поступает в местное духовное училище и спустя пять лет с отличием заканчивает его. Благодаря отличному аттестату, Иосифа Джугашвили принимают в Тифлисскую духовную семинарию. Как вспоминают его сверстники — на первых курсах семинарии Иосиф был хорошим учеником. Он обладал исключительной памятью и запоминал уроки со слов учителя, не нуждаясь в повторении.

Казалось, что его жизнь предначертана. Пройдет ещё несколько лет и одно из грузинских сёл получит молодого, невысокого ростом православного священника. От всего мира он будет отгорожен кавказскими хребтами, а его повседневными делами будут заботы о своём небогатом приходе, о своей пастве и о куче собственных детей, которой по традиции обзаводится каждая грузинская семья. Жизнь будет течь равномерно и однообразно.

Но, к несчастью для многих миллионов его будущих жертв, жизнь потекла не по этому руслу. Иосиф Джугашвили не только не стал священником, как мечтала его мать, но и не дотянул до аттестата, покинув семинарию за год до окончания. По одной версии, он был отчислен за какой-то хулиганский поступок, по другой — он начинает интересоваться революционными делами, остывает к учёбе, и его отчисляют из семинарии за академическую неуспеваемость. Было ему в это время двадцать лет, что для рано развивающихся грузин — возраст вполне взрослый. Девятилетний период богословской учёбы не мог не оставить глубокий след в его характере и в образе его мыслей.

Вскоре после ухода из семинарии Иосиф устраивается бухгалтером в тифлисскую обсерваторию. Несмотря на ничтожный заработок, работа ему нрави-

- 1 - Екатерина Сванидзе (Като), первая жена Сталина. 1903 г.;
- 2 - «Это существо смягчало моё каменное сердце, она умерла и вместе с ней мои последние теплые чувства к людям...» Крайний справа — Сталин. 1909 г. ▶

« Снимок охранного отделения, в котором Иосиф Джугашвили значился под кличкой «Рябой». 1908 г. Баку

лась, так как оставляла много свободного времени для личных дел. А его личными делами к этому времени становится революционная деятельность. Он даже приобретает типичный для провинциального революционера внешний вид. По воспоминаниям его знакомых: «Коба носил черную русскую блузу, красный галстук, а на голове русский картуз с козырьком... Его никогда нельзя было видеть иначе, как в грязной блузе и нечищенных ботинках». Весь этот колоритный вид дополнялся лохматой нечесаной шевелюрой на голове.

В 1901 году молодым Джугашвили уже начинает интересоваться полиция, и он переходит на нелегальное положение, превращаясь в профессионального революционера. Отныне у него уже нет своего имени, а только подпольная кличка. Кстати, полиция тоже дала ему свою кличку — «Рябой», из-за следов оспы на лице.

Иосиф Джугашвили рано понял, что ему не на кого рассчитывать в жизни, кроме как на самого себя. Он сам должен прокладывать себе дорогу. Его товарищи по революционной борьбе не раз говорили ему, что у него крепкая воля. Эта похвала импонировала Иосифу, и он решил закрепить эту особенность своего характера в революционном псевдониме, выбрав себе «железную» фамилию. Так появился «Сталин».

Надо сказать, что похвала его воле не была пустой. Он действительно был человеком редкого самообладания, выдержки и невозмутимости. Характер его был скрытым, злопамятным и мстительным. Его лицо никогда не выражало каких-либо эмоций, сохраняя холодное и ироническое отношение к событиям. «Со-страдание к людям или животным было для него чуждо, — пишет товарищ дет-

ства Иосиф Иремашвили. — Я никогда не видел его плачущим». Жизнь с пьяным отцом научила его грубости, а учёба в духовной семинарии — хитрости и изворотливости. Печать замкнутости и внутренней холодности, которая была заметна у него в молодые годы, со временем превратилась в бесчувственность и беспощадность. А когда он стал диктатором, то научился носить маску спокойно, а на людях даже приветливого человека.

В 1903 году Иосиф Джугашвили женится на милой красивой девушке *Екатерине Сванидзе*, родом из той же деревни Диди-Лило, откуда был его отец. Брак этот был счастливым. Жена смотрела на него как на полубога, потому что она, как грузинка, выросла в традициях, обязывающих женщину служить мужу. «Эта истинно грузинская женщина, — пишет тот же приятель детства, — всей душой заботилась о судьбе своего мужа, проводя многие ночи в горячих молитвах, ожидая своего Сосо, когда он участвовал в тайных сборищах. Она молилась о том, чтобы Коба отвернулся от своих богопротивных идей ради мирной семейной жизни».

К сожалению, этот брак, который в какой-то степени смягчал черствое сердце Сталина, продолжался недолго. В 1909 году Като, как звали её дома, умерла от тифа, оставив Иосифу полугодовалого сына Якова. Как продолжает приятель детства, Иосиф был потрясен этой смертью. «Его душевное потрясение было очень сильным и длительным. Он даже не способен был скрывать его перед людьми... Когда скромная процессия достигла кладбища, Коба крепко стиснул мою руку, показал на гроб и сказал: «Это существо смягчало моё каменное сердце; она умерла и вместе с ней мои последние тёплые чувства к людям...»

Как мы уже рассказывали в предыдущей главе, остро нуждаясь в деньгах, партия для пополнения своей кассы поручает Сталину проведение террористических актов, с целью ограбления банков, почтовых карет, пароходов. К этому времени относится и пребывание Сталина в тюрьмах и ссылках. В них он провёл в общей сложности около восьми лет, чередуя сидение с побегами и легальными выходами на волю.

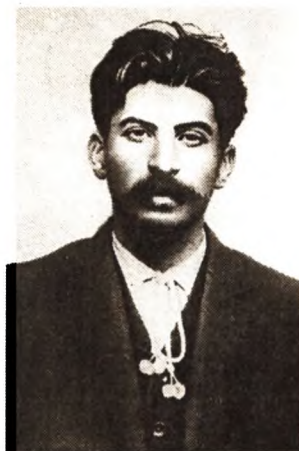
Надо сказать, что царская ссылка того времени была, по выражению революционеров, «решетом». Из неё не бежал только ленивый. До-

И.В. Джугашвили. 1913 год ▶

статочно было добраться до ближайшей железнодорожной станции, сесть на поезд и уехать. Даже поимка беглеца ничем ему не грозила. Его просто возвращали обратно досиживать свой срок. Впоследствии Сталин сам удивлялся, как бездарно царский режим боролся со своими противниками. Может быть, именно тогда Сталин пришел к выводу, который в будущем начнёт жестко проводить в жизнь: твёрдая власть должна иметь твердую карательную систему.

Люди, знавшие Сталина по ссылкам, рассказывают, что напарником он был нелёгким и малоприятным. Так, в одной из своих последних ссылок в Восточной Сибири, в Туруханском крае, Сталин жил вместе с будущим заместителем Ленина, Яковом Свердловым. В своих воспоминаниях Никита Хрущёв передаёт рассказ Сталина об этой ссылке. (Хрущёв пытается сохранить речевую стилистику Сталина.)

«Мы жили (вместе с Яковом Свердловым), готовили себе обеды. Собственно, там и делать-то было больше нечего, потому что мы не работали, а жили на средства, которые выделяла казна... Главным образом мы занимались тем, что ловили рыбу, ходили на охоту. У меня была собака, Яшкой её звали (назвал так, чтобы позлить Свердлова) ...Бывало, после обеда, когда была Свердлова очередь мыть посуду, он моет тарелки, ложки, а я никогда этим не занимался, когда была моя очередь. Покушаю, поставлю тарелку на пол, а собака всё слижет, всё чисто...»

По общепринятому у революционеров правилу, политические заключенные старались не общаться с уголовниками. Сталина, наоборот, всегда можно было видеть в обществе шарлатанов и грабителей. Он чувствовал себя с ними на равной ноге. Ему всегда импонировали люди «реального дела». Общество людей с более высоким интеллектом его тяготило.

«Там, в ссылке, хорошие ребята были из уголовников, — вспоминает Сталин устами Хрущёва. — Мы, бывало, заходим в пивную, смотрим у кого есть рубль или три рубля... Приклеивали к окну на стекло деньги, заказывали и пили, пока всё не пропьём. Сегодня я плачу, завтра другой, и так поочерёдно. Очень хорошие ребята были из уголовников, а вот политики, среди них много сволочей было. Что они устроили? Они устроили товарищеский суд и судили меня за то, что я с уголовниками пью...»

◀ *В ссылке. В последнем ряду в шляпе — Сталин, в первом справа сидит Яков Свердлов. 1915 г.*

« 1 - Туруханская ссылка. 1914-1917 гг.;
2 - Внебрачный сын Сталина Константин Кузаков с матерью и сыном. Находясь в ссылке, Иосиф Джугашвили жил у нее на квартире

А выпить Сталин умел. «Когда я ещё в люльке лежал, — рассказывает он, — отец, бывало, подходит, палец обмокнёт в стакан с вином и даёт мне сосать. Приучал меня, когда я ещё в люльке лежал...»

Здесь, в Туруханской ссылке, и застанет Сталина первый этап русской революции и отречение царя от престола. В марте 1917 года Сталин покидает ссылку и направляется в Петроград. В дальнейшем во всех фальсифицированных

биографиях Сталина будет подчеркиваться, что он якобы не только принимал активное участие в большевистской революции, но и был её фактическим руководителем. Это абсолютно не соответствует истине. Вернувшись из ссылки, Сталин проявил такую поразительную пассивность, что некоторые западные историки в дальнейшем даже назовут его *«человеком, который прозевал революцию»*.

В это же время происходит ещё одно важное событие в личной жизни Сталина. Он знакомится с *Надеждой Аллилуевой*, своей будущей второй женой, которой только что исполнилось шестнадцать лет. Точнее говоря, они были знакомы уже давно, ещё по Кавказу, где проживала семья Аллилуевых. По семейно-

1 - Мать Нади, Ольга Аллилуева, с детьми: Павел, Федор, Надя, Анна. 1904 г.;
2 - Надя Аллилуева между 1912-15 годами; 3 - Примерно 1917-1918 гг.;
4 - Отец — Сергей Аллилуев с Надеей на руках ▶

му преданию, в 1903 году Иосиф Джугашвили спас двухлетнюю девочку, которая упала с набережной в море. Это была Надя Аллилуева. По-видимому, это происшествие сохранилось в памяти ребёнка и с годами приобрело романтическую окраску. Надя была младше своего мужа на двадцать два года.

Надежда Аллилуева родилась на Кавказе в семье русского рабочего, машиниста паровоза. Она была жгучей брюнеткой с восточными чертами лица, и все принимали её за чистокровную грузинку. Эта наследственность передалась ей от матери, которая имела грузинскую и цыганскую кровь. Сталина потянуло к этому чистому и наивному полуребёнку, и с тех пор он стал часто бывать в доме Аллилуевых. Надя, в свою очередь, тоже с интересом смотрела на этого «старого революционера», каким он себя представлял.

Все, кто знал Надю Аллилуеву, в один голос подтверждают, что она была полной противоположностью своего будущего мужа: милая, приветливая, всегда доброжелательная. Даже будучи уже женой всемогущего диктатора, она, как могла, скрывала это, стараясь не пользоваться благами своего положения. В Промышленной Академии в Москве, где она училась вместе с Никитой Хрущёвым, мало кто знал, что она жена Сталина. Жизнь её, как мы увидим позже, будет несчастной и окончится трагически.

В 1921 году происходит событие, с которого, собственно, и начинается путь Сталина к власти. В то время это событие не привлекло к себе особого внимания, но именно оно стало роковым для последующей истории страны. В марте 1921 года Сталин становится генеральным секретарём партии большевиков. Как это могло произойти? Как мог человек, которого все знавшие его считали «абсолютной посредственностью», занять столь ответственный пост? Для понимания этого феномена нам придется чуть углубиться в те политические интриги, которые происходили на вершине власти.

◀ 1 - 1928 год. На отдыхе в Сочи. На переднем плане Надежда Аллилуева — уже давно жена и мать; 2 - Сестра Нади — Анна Аллилуева-Реденс. 1933. Ее ждет расстрел мужа, тюрьма и безумие...

Непререкаемым вождём партии был Ленин. Рядом с ним стояли вожди рангом пониже, такие как Троцкий, Зиновьев, Каменев. Между Троцким, с одной стороны, и Зиновьевым и Каменевым с другой, происходила непрерывная конкуренция за то, кто станет «правой рукой» Ленина, его преемником. И когда возникла необходимость избрать генерального секретаря партии, то каждая из конкурирующих сторон не хотела отдавать этот пост другой стороне, предпочитая посадить на него «серую посредственность», которой будет легко управлять и которая не станет для них помехой. Зиновьев и Каменев предложили на этот пост Сталина, которого Каменев знал ещё по Кавказу, а затем по ссылке, которую они отбывали вместе. Зиновьев и Каменев предложили эту кандидатуру, исходя именно из того, что эта «посредственность», о которой в партии и в стране ещё мало кто знал, не будет представлять для них никакой опасности, а наоборот, будет послушной фигурой в борьбе с Троцким. Естественно, что никто из них и представить себе не мог, что выталкивая наверх Сталина, они подписывают свой смертный приговор.

Надо сказать, что Ленин не был в восторге от этой кандидатуры и произнёс тогда свою пророческую фразу: «Не советую, этот повар будет готовить только острые блюда». Однако активно против Сталина он не выступал, поскольку, как мы уже говорили, пост генерального секретаря не имел в то время такого важного значения, какое он приобретёт в будущем, а был должностью подчиненной, без реальной власти.

Как мы уже знаем, в конце 1921 года Ленина поражает тяжелая болезнь, а в мае 1922 года он уже парализован и прикован к постели. Становится ясным, что время его жизни сочтено. Ситуация резко меняется. Теперь уже идёт борьба не за то, кто станет «правой рукой» Ленина, а за то, кто подхватит падающий скипетр власти. Волею слепой судьбы Сталин оказывается между двух противоборствующих сторон, которые продолжают смотреть на него как на безобидную фигуру, пытаясь использовать в борьбе друг с другом. Сегодня, с дистанции времени, трудно даже поверить, что эти, далеко не глупые люди, не могли понять примитивных хитростей Сталина. Не они манипулировали им, а он, используя их соперничество, лавировал между ними, идя к власти. Когда же они поняли это, то было уже поздно, ситуация уже стала необратимой. Сначала, с помощью Зиновьева и Каменева, Сталин отстраняет от власти Троцкого, отправляя его в ссылку, а затем высылая за границу. А спустя время Сталин отправляет на расстрел в подвалы КГБ и своих «верных друзей» — Зиновьева и Каменева.

Ленин и И.В. Сталин в Горках (осень 1922 г.)

1 - Лев Каменев; 2 - Григорий Зиновьев; 3 - Убийство
Троцкого по приказу Сталина. Мексика, 1940 г.

Тут уместно вспомнить о тех методах борьбы, которыми пользовался Сталин уже на начальном этапе своего восхождения к власти. Бывший личный секретарь Сталина, Борис Бажанов, вспоминает, что как-то он без стука вошел в кремлёвский кабинет Сталина и застал хозяина кабинета сидящим за столом и разговаривающим по телефону. Вернее, Сталин не разговаривал, а держал у уха телефонную трубку и слушал. Бажанов остановился, в ожидании когда закончится разговор. Через какое-то время он с удивлением увидел, что трубки всех четырех телефонов, стоящих на столе, лежат на рычагах, а Сталин держит в руке какую-то другую трубку, шнур от которой уходит в ящик стола. И тут Бажанов понял, что это не трубка для разговора, а трубка для подслушивания.

Дело в том, что раньше вся кремлёвская телефонная сеть шла через коммутатор, где девушки производили соединение абонентов. Такая система была, конечно же, неудобна, так как не обеспечивала секретности разговоров. Тогда из-за границы был выписан специалист, чешский коммунист, который собрал для Кремля автоматический коммутатор на 60-80 номеров. Считалось, что теперь подслушать разговор будет невозможно. Однако уже при монтаже этого коммутатора, по распоряжению Сталина к нему в кабинет был сделан секретный вывод, позволяющий подслушивать все телефонные разговоры кремлёвской сети. Само собой разумеется, что чешского мастера сразу же после окончания этой работы ликвидировали, так что об этом сверхсекрете знали, кроме Сталина, ещё лишь два его ближайших сотрудника. И вот теперь его личный секретарь, неожиданно для самого себя, тоже узнает этот секрет. Как пишет Бажанов: «Сталин поднимает голову и смотрит мне в глаза тяжелым пристальным взглядом. Понимаю ли

▲ С Лениным в Горках. 1922 г.

◀ 1-2 - 1918, 1920... *Пока ещё не вождь...*; 3 - 1921 г. *Уже генсек — начало восхождения к вершинам власти*

я, что я открыл? Конечно, понимаю, и Сталин это видит... Взгляд его спрашивает меня, понимаю ли я, какие последствия вытекают из этого открытия лично для меня. Конечно, понимаю. В деле борьбы Сталина за власть этот секрет — один из самых важных... Понятно, что за малейшее лишнее слово по поводу этого секрета Сталин меня уничтожит мгновенно. Я смотрю тоже Сталину прямо в глаза. Мы ничего не говорим, но всё понятно без слов. Наконец я делаю вид, что не хочу его отвлекать и ухожу. Наверное, Сталин счел, что секрет я буду хранить...»

Впоследствии Троцкий писал, что первый этап возвышения был неожиданностью даже для самого Сталина. Он сам не мог в это поверить. Если такие диктаторы, как Гитлер или Муссолини при своём восхождении к власти должны были пройти какой-то путь — создавать свои партии, поднимать массы, прививать им свои идеи, то ничего подобного не было у Сталина. Машина бюрократического партийного аппарата автоматически шла к власти. Сталина посадили на эту машину, и ему достаточно было всего лишь удержаться на ней, она сама выносила его наверх. «Серая фигура, — пишет Троцкий, — неожиданно отделилась от кремлёвской стены и мир впервые увидел Сталина, как готового диктатора». Это была историческая лотерея, в которой Россия вытянула проигрышный билет.

Нельзя понять Сталина и его дальнейших успехов, не поняв основных пружин его личности: любовь к власти и активная никогда не отпускавшая зависть к тем, кто был даровитее, сильнее или выше его. Жгу-

1 - Красная площадь. 1927 г.;

2 - Кремль. Рядом Ворошилов. 1927 г.;

3 - В обнимку с «Железным Феликсом». 1925 г.;

4 - «Кавказская троица» — Микоян, Сталин, Орджоникидзе. Тифлис, 1926 г.;

5 - В автомобиле с Молотовым. 1929 г. ▶

чеё желание господствовать над другими было основной пружиной его личности. Получив власть, Сталин, по меткому выражению Троцкого, «как бы впервые лизнул кровь...» Следующей его задачей было уничтожение всех тех, кто мог составить для него хоть малейшую конкуренцию или хотя бы просто знал его настоящую цену.

У некоторых кавказских народов есть обычай кровной мести. Сталин перенёс этот обычай в масштабы огромной страны. Обладая с детства хорошей памятью, а вернее, злопамятством, он никогда ничего не забывает и создает свои многолетние планы уничтожения не угодных ему фигур. А чтобы стать не угодной для Сталина фигурой, не обязательно быть его политическим противником. Достаточно просто вызвать в чем-то его зависть — умом, внешним видом, физической силой... Например, один из сотрудников министерства иностранных дел был тайно расстрелян лишь за то, что пользовался успехом у женщин, и однажды, как пишет его приятель, «ему случилось задеть в этом интересы генерального секретаря, который не забывал и не прощал ничего.» В один из редчайших моментов откровения Сталин как-то сказал в узком кругу, что больше всего в жизни он любит *«наметить жертву, всё подготовить, беспощадно отомстить, а потом выттить стакан хорошего вина и пойти спать...»*

Нет сомнения, что, кроме всего прочего, в характере Сталина присутствовал ещё и самый примитивный патологический садизм. Уже будучи всемогущим диктатором, он на своей даче развлекался тем, что обливал бензином муравьиные кучи и поджигал их, наблюдая, как корчатся в огне гибнущие насекомые. Однажды, во время встречи нового года, пьяный Сталин свернул из бумажек маленькие трубочки, надел их на пальцы своему секретарю и поджег, как свечи. Секретарь корчился от боли, но не посмел сбросить их. Сталин хохотал.

После уничтожения очередной жертвы, которую Сталин лично знал, он любил выслушивать рассказы палачей о том, как жертва умирала. И чем больше человек терял перед казнью своё человеческое достоинство, тем больше это нравилось Сталину. Сохранился рассказ одного высокопоставленного чекиста о том, как на одной из вечеринок, когда все присутствующие уже основательно выпили, начальник охраны Сталина показал ему импровизированное представление о том, как вели себя перед казнью Зиновьев и Каменев. Напомним, что казнимые были не только его многолетними коллегами по революционной работе, но и людьми, которые вывели его из небытия к вершине власти. Начальник охраны изображал Зиновьева, которого ведут в подвал на расстрел, а двое из присутствовавших изображали охранников. «Зиновьев» беспомощно висел на плечах «ох-

- 1 - В Малом театре после спектакля — Сталин, Молотов, Горький и др.;
- 2 - В Кремле. Слева Каганович и Молотов. 1930 г.;
- 3 - На съезде колхозников. 1933 г.;
- 4 - Пространство вокруг вождя пустеет — при помощи ретуши убраны «враги народа»;
- 5 - Тогда он еще не боялся ходить по улицам. 1930 г. ▶

ранников» и, волоча ноги, жалобно скулил, испуганно поводя глазами. Посредине комнаты «Зиновьев» упал на колени и, обхватив руками сапог одного из «охранников», в ужасе завопил: «Пожалуйста... ради Бога... вызовите товарища Сталина!» Сталин следил за ходом представления, заливаясь смехом. Присутствующие, видя, как ему нравится эта сцена, требовали, чтобы её повторили. На этот раз Сталин смеялся так неистово, что согнулся, хватаясь за живот. А когда в импровизацию ввели новый элемент и теперь, вместо того, чтобы падать на колени, «Зиновьев» простёр руки к потолку и закричал: «Услышь меня, Израиль, наш Бог есть Бог единый!», Сталин не мог больше выдержать и, захлёбываясь от смеха, начал делать рукой знаки прекратить представление.

Кстати, незадолго до ареста и расстрела, когда Сталин уже отстранил Каменева и Зиновьева от власти, Каменев бросил Сталину фразу: «Знает ли товарищ Сталин, что такое благодарность?!» — напоминая о том, кто привёл его к власти. Сталин вынул изо рта трубку и, усмехнувшись, ответил: «Ну, как же, знаю, очень хорошо знаю. Это такая собачья болезнь...»

21 декабря 1929 года Сталин широко празднует своё пятидесятилетие. Подарки и поздравления поступают со всех концов страны. Крупнейший город на Волге — Царицын, переименовывают в Сталинград. Начинается невиданное политическое мифотворчество — создание образа «гениального вождя» — которое продолжается уже до конца жизни Сталина. Ему приписывают черты, которых он не имел, качества, которыми он не обладал, подвиги, которых он не совершал. Человеку, плохо знакомому с советской действительностью, трудно даже представить, какими методами делалась новая «биография» Сталина. Все мало-мальски значительные деяния старых революционеров теперь приписывались одному человеку. Если надо было присвоить себе чей-то подвиг, а носитель этого подвига был ещё жив и не хотел расставаться со своей биографией, то его попросту уничтожали. Вдов старых революционеров заставляли писать мемуары, обкрадывая своих мужей и приписывая их дела Сталину. Кто не соглашался — опускался в

подвалы КГБ. Даже младшая сестра Ленина, Мария Ульянова, будучи человеком умственно ограниченным и закомплексованным, но бесконечно преданным брату, тем не менее идёт на ложь, создавая миф о близкой дружбе между Лениным и Сталиным. Пожалуй, лишь жена Ленина, Надежда Крупская, не включилась в эту вак-

ханалию, но само её молчание — это тоже уступка, вызванная страхом за свою жизнь. Сталин терпеть её не мог, и лишь имя Ленина убергло её от физической расправы. Как только она умерла в 1939 году, прессе было запрещено даже упоминать её имя, а всё написанное ею было изъято из библиотек.

Постепенно честолюбие Сталина начинает принимать глобальные размеры и азиатские формы. Пресса и радио тиражируют его имя, которое уже не может появляться без приставок «великий», «гениальный», «отец народов»... Его портреты и скульптуры в миллионных экземплярах заполняют страну. Поэзия, похожая на хрюканье, славит его:

*«Ты, ясное солнце народов,
Беззакатное солнце современности
И больше чем солнце, ибо в солнце нет разума...»*

И, наконец, в центре Москвы взрывом сносят самый величественный храм России, её гордость — храм Христа Спасителя, строившийся в течение пятидесяти лет, чтобы на его месте возвести величайший памятник сталинизму — Дворец Советов. Этот монстр должен был оставить далеко позади и римский Колизей, и египетские пирамиды. Его высота должна была быть 400 метров, а над всем этим должна была ещё возвышаться 100-метровая статуя Ленина.

Большой зал был рассчитан на 21 тысячу мест и мог укрыть под своими сводами весь ватиканский дворец Святого Петра. Сталин дал ясно понять, что это будет не просто дворец, а дворец, прославляющий его — вождя — на века. К счастью, как и всем подобным утопиям, этому проекту не суждено было воплотиться в жизнь...

◀ **Выходит из кабинета... 1932 г.**

«*Возвращаются с физкультурного парада. Крайний слева Киров. 1932 г.*»

Итак, Сталин становится Богом, заполняющим собой всю вселенную...

В ночь с 8-го на 9-е ноября 1932 года в кремлёвской квартире Сталина разыгрывается трагедия. Выстрелом из пистолета кончает с собой

Надежда Аллилуева. Как рассказывает дочь Сталина, Светлана, последней каплей, переполнившей чашу нелёгкой жизни матери, была ссора с отцом на праздничной вечеринке в честь 15-й годовщины революции. Уже сильно выпивший Сталин произнёс очередной тост и тут увидел, что жена не пьёт. «Эй, ты, пей!» — грубо и зло крикнул он ей. «Я тебе не эй!» — вспыхнула она и ушла из-за стола. Слухи дополняют, что вдобавок к окрику он швырнул ей в лицо горящий окурочок. Как бы там ни было, но утром Надежду нашли в постели уже мертвой.

Хрущев, хорошо знавший Надежду Аллилуеву, приводит другую версию, о которой ему рассказал начальник личной охраны Сталина. По этой версии, Надежды Аллилуевой вообще не было на той вечеринке. После вечеринки Сталин уехал не домой, а на дачу, захватив с собой весьма привлекательную жену одного военачальника. Поздно ночью, разыскивая мужа, Аллилуева позвонила на дачу. Дежурный охранник ответил, что товарищ Сталин здесь. «С кем он?» — спросила она. Охранник назвал имя женщины. Утром, когда Сталин вернулся домой в Кремль, Надежда Аллилуева уже была мертва.

Существует ещё и третья версия. Согласно этой версии, Надежду Аллилуеву в припадке гнева застрелил сам Сталин. Он был выведен из себя свосравием жены, имевшей твёрдый характер. А уж потом в ход были пущены слухи о её самоубийстве из-за ревности, или из-за мелкой семейной ссоры.

Дочь Сталина, Светлана, поддерживает только первую версию. Но как бы там ни было, это был лишь завершающий аккорд трагедии, а сама трагедия началась давно. «Надя ничем не была похожа на Сталина, — пишет бывший личный секретарь Сталина Борис Бажанов. — Она была очень хорошим, порядочным и честным человеком. Она не была красива, но у неё было милос, открытое, симпа-

1 - Сталин и Ворошилов с женами. 1929 г.; 2 - Дата неизвестна ▶

◀ *Надежда Аллилуева
в гробу. 8 ноября 1932 г.*

тичное лицо... Подруг у неё в это время не было, а мужская публика боялась к ней подойти — вдруг Сталин заподозрит, что ухаживают за его женой, сживёт со свету. У меня было явное ощущение, что жена диктатора нуждалась в

самых простых человеческих отношениях... Домашняя жизнь её была трудна. Дома Сталин был тиран. Сдерживая себя в деловых отношениях с людьми, он не церемонился с домашними. Не раз Надя говорила мне: «Третий день молчит, ни с кем не разговаривает и не отвечает, когда к нему обращаются. Необычайно тяжелый человек».

Нередко на обращение Надежды к Сталину — «Тебя не интересует семья, дети...», тот грубо обрывал её площадной бранью. Супруги ссорились. Надя дважды уходила от мужа, забрав детей и переезжая к родителям в Ленинград. Но проходило время, обида остывала, и всё начиналось сначала...

Тяжелый характер Сталина и несчастная жизнь его жены не могли быть секретом для узкого мирка «кремлёвских обитателей». «Ходит по Кремлю насупившись, как Иван Грозный», — ворчала кремлёвская прислуга. А вдова Якова Свердлова, видя нередко заплаканные глаза Нади, хваталась за голову и повторяла: «Бедная, бедная женщина...»

«У мамы было своё понимание жизни, которое она отстаивала...», — пишет Светлана Аллилуева. — Самым высоким идеалом нового человека показался ей некогда отец. Таким он и был в глазах юной гимназистки — только что вернувшийся из Сибири «несгибаемый революционер», друг её родителей. Таким он был для неё долго, но не всегда... в конце концов... её постигло страшное, опустошающее разочарование...»

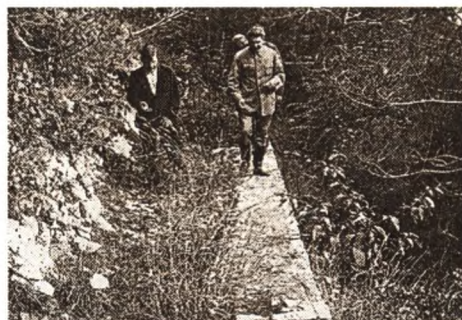
«Отец был потрясён (смертью мамы)...», — продолжает Светлана. — Временами на него находила какая-то злобная ярость. Это объяснялось тем, что мама оставила ему письмо... Оно было ужасным. Оно было полно обвинений и упрёков. Это было письмо отчасти политическое... Отец был потрясён этим и разгневан, и когда пришёл прощаться на гражданскую панихиду, то, подойдя на минуту к гробу, вдруг оттолкнул его от себя руками и, повернувшись, ушёл прочь. И на похороны он не пришёл... Он ни разу не посетил её могилу... Он

считал, что мама ушла, как его личный недруг...»

Из всех родственников и близких Надежды Аллилуевой только её родителей пощадит Сталин. Все остальные, в том числе и её родная сестра, пройдут через тюрьмы и ссылки, а многие будут расстреляны. Та же участь постигнет и родственников первой жены Сталина. Люди, которые годами ели и пили с ним за одним столом, спали под одной крышей, умрут в подвалах КГБ. Однажды, отвечая на вопрос дочери, в чем же вина её тёток и дядек, Сталин буркнет: «Болтали слишком много. Знали слишком много... — И, помолчав, добавит: «У тебя тоже бывают антисоветские высказывания!» Не собирался ли он и её отправить в тюремную камеру!?

После смерти Надежды Аллилуевой и до конца своих дней Сталин живёт один, поручив заботу о себе экономке — «молоденькой курносой Валечке, рот которой целый день не закрывался от весёлого смеха». Валентина Истомина прожила в доме Сталина восемнадцать лет — до конца его жизни. Она сопровождала вождя во всех его поездках, а когда он умер — «она грохнулась на колени возле дивана, упала головой на грудь покойнику и заплакала в голос, как в деревне. Долго она не могла остановиться, и никто ей не мешал.» Видимо, для неё он был ближе и дороже, чем для всех своих соратников. Как сказал Хрущёв — никому нет

1 - На охоте...; 2 - Лаврентий Берия проливает вождя на катере; 3 - На прогулке...; 4 - Одна из сталинских дач — «Зубалово-1». Рисунок жены Микояна ▶

Дети Сталина — Яков, Светлана и Василий с отцом и Андреем Ждановым на даче. 1936 г.

никакого дела до того, какие у них были отношения. В конце концов, и великие люди живут со своими кухарками. Вот даже Карл Маркс имел незаконного сына со своей служанкой Еленой Демунт...

После смерти жены у Сталина осталось трое детей. Старший сын Яков от первого брака, который был всего лишь на семь лет моложе своей мачехи, а от второго брака — одиннадцатилетний Василий и шестилетняя Светлана. Судьбы всех детей сложились трагически.

Раннее детство Яков Джугашвили провёл в Тифлисе, у родственников первой жены Сталина, и переехал в Москву, когда отец уже жил в Кремле. Отношения между отцом и сыном не сложились. Сталин не любил Якова, считая его слабым человеком, в чём, как покажет время, он ошибся. Все, кто знал Якова, вспоминают о нём как о порядочном, честном и застенчивом человеке. Троцкий, кремлёвская квартира которого находилась рядом с квартирой Сталина, вспоминает, что Яков подвергался частым и суровым наказаниям со стороны отца за то, что он, как и все мальчишки того времени, курил. Отец, который сам не выпускал трубки изо рта, преследовал этот мальчишеский грех с неистовством захолустного деспота, воспроизводя, по-видимому, приёмы воспитания своего пьяного отца. Нередко Яков был вынужден ночевать на улице, так как отец не пускал его в дом. «С горящими глазами, с серым отливом на щеках... — пишет Троцкий, — Яков искал нередко убежище в нашей кремлёвской квартире. «Мой отец сумасшедший», — говорил он с резким грузинским акцентом».

Яков закончил институт, стал инженером, женился на своей однокласснице, дочери попа, но первый брак не принёс ему счастья. Отец был резко против этого брака, вёл себя как самодур и довёл сына до того, что тот попытался покончить жизнь самоубийством, выстрелив себе в грудь. К счастью, пуля прошла на-

*1 - Старший сын Сталина от первого брака Яков Джугашвили с дочерью Галиной;
2 - Яков Джугашвили в немецком плену*

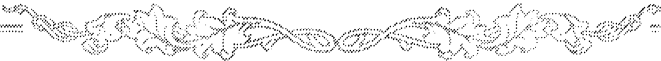
вылет и он остался жив. Узнав об этом, Сталин издевательски бросил сыну: «Ха, не попал!»

После этого Яков покидает отцовский дом и уезжает к родственникам своей мачехи, Аллилуевым, в Ленинград, где происходит его знакомство со второй женой. Но и этот брак не был продолжительным и вскоре распался. По настоянию отца Яков оставляет свою инженерную профессию и поступает в Артиллерийскую академию. В это время он встречается с очень хорошенькой танцовщицей Юлией Мельцер и женится на ней. Юля была еврейкой, и это опять вызвало недовольство отца, хотя в это время он ещё не проявлял агрессивного антисемитизма. Эта черта вспыхнет в нём позже.

На этот раз Яков проявит твёрдость и никакие недовольства отца не заставят его оставить любимую жену и только что родившуюся дочку Галочку, которую он обожал. Отец ничем не помогает сыну, и тот с семьёй живёт отдельно, как простой смертный.

На второй день после нападения Гитлера на СССР Яков уходит на фронт, а уже спустя месяц он оказывается в плену. По официальной версии — в окружение попала вся батарея, которой он командовал. Но по другим сведениям, он был украден немецкой разведкой с линии фронта. Немцы, конечно же, стараются сделать из этого хороший пропагандистский материал, разбрасывая листовки с фотографиями сына Сталина в плену и с якобы написанным им письмом: «Дорогой отец! Я в плену, здоров, скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей Германии. Обращение хорошее. Желаю здоровья, привет всем. Яков.» Разгневанный Сталин приказывает арестовать жену Якова, Юлию, по существовавшей тогда дикой статье, каравшей родственников тех, кто попал в плен. Ведь, как известно, сталинская доктрина гласила, что в Красной Армии нет военнопленных, а есть предатели родины.

В плену Яков провёл более двух лет. Когда немецкое командование предложило Сталину обменять сына на фельдмаршала Паулюса, взятого в плен под Сталинградом, то, по одной версии, Сталин якобы ответил — «У меня нет сына», а по другой — «Генерала на солдата не меняю».

Сохранилось много свидетельских показаний людей, которые находились в плену вместе с Яковом. По их рассказам, он вёл себя как мужественный человек, патриот своей страны. По поводу смерти Якова существует несколько версий. По широко известной — доведенный до отчаяния, он бросился на колючую проволоку, ограждавшую концлагерь, и был застрелен часовым. Но вот недавно появилась еще одна версия, приведенная, на основе архивных и зарубежных материалов, в исследованиях Александра Колесника.

Последним местом пребывания Якова был лагерь Заксенхаузен близ Ораниенбурга. В спецбараке этого лагеря содержались пленные офицеры из разных стран, в том числе и несколько англичан. Англичане пунктуально выполняли распоряжения лагерной администрации — вытягивались при появлении немецких офицеров и вообще вели себя дисциплинированно. Русские же, наоборот, считали недостойным подчиняться врагу, за что нередко подвергался наказанию весь барак. На этой почве, не говоря уж о просто натянутых нервах, возникали трения. В один из дней произошла ссора, перешедшая в стычку. Один из англичан, по фамилии Кушинг, бросился на Якова и ударил его по лицу. Общая напряженность плюс еще и эта выходка стали последней кульминационной точкой, которую гордый грузинский характер перенести не мог. Вечером Яков отказался вернуться в барак и потребовал встречи с комендантом лагеря. А когда ему в этом отказали, он бросился на колючую проволоку и был застрелен часовым. Произошло это 14 апреля 1943 года, было ему тогда 35 лет... Документы об этом случае в дальнейшем попали в руки западных союзников. Вначале они хотели передать их советской стороне, но поскольку неблагоприятную роль в этом происшествии сыграли их соотечественники, от передачи документов воздержались, чтобы «не раздражать Сталина». Рассекречены они были лишь в 1968 году.

Не менее трагично, хотя и совсем по-иному, сложилась жизнь второго сына Сталина — Василия. Обстановка лести и вседозволенности сделали из него безвольного и капризного человека. Он рано, не без помощи отца, который уже с ранних лет наливал ему за обедом стакан вина, пристрастился к алкоголю. После смерти матери основным его воспитателем становится генерал КГБ, начальник личной охраны Сталина. О том, что это было за воспитание, можно лишь догадываться: школьные преподаватели боялись своего вспыльчивого высокопоставленного ученика, ибо он мог не задумываясь оскорбить учителя при всем классе.

Карьера Василия стремительно шла вверх. В двадцать лет, вскоре после окончания авиационного училища в 1940 году, ему присваивают звание полковника. Он участвовал в войне, совершил 27 боевых вылетов, сбил один вражеский самолёт. Правда, после пленения немцами Якова Джугашвили, боевые вылеты Василия были ограничены, а в полетах его плотно оберегали. В двадцать семь — он уже генерал-майор авиации. А в двадцать девять — генерал-лейтенант, командующий Военно-Воздушными силами Московского военного округа, хотя к этому времени он уже пил так, что сам сидеть за штурвалом самолёта не мог.

Его сестра, Светлана, рассказывает: «В дом вошел... дух пьяного разгула. К Василию приезжали гости: спортсмены, актёры, его друзья лётчики, и постоянно устраивались обильные возлияния, гремела радиоло. Шло веселье, как будто не было войны... Какие-то тёмные личности толкались вокруг него, подбивая его на разные аферы... Он не считался с казной, ему было дано право распоряжаться огромными суммами... Он позволял себе всё: ...убирал не милых ему людей с дороги, кого-то посадил в тюрьму...»

Что это был за «командующий», можно судить хотя бы из того, что в конце концов сам отец вынужден был снять его с этого поста за «поступки, не совместимые с занимаемой должностью». Под словом «поступки» скрывались пьянки, разврат, избиения, и не только подчинённых. Так, например, получив после полета замечание от вышестоящего командира, он тут же на летном поле отхлестал его по лицу. Командующему авиационным корпусом, куда Василия назначили на службу, он в первый же момент прибытия заявил: «...Делать будете, как я скажу!» Не менее агрессивен был он и в обыденной жизни. Ему ничего не стоило, например, остановить проезжающую мимо машину, которая, по его мнению, недостаточ-

1 - Вася с мамой; 2 - Генерал-лейтенант авиации Василий Сталин. 1949 год; 3 - С сыном Сашей. 1943 год ▶

но быстро уступила ему дорогу, и жестоко избить водителя. Он спивался и шаг за шагом становился хроническим алкоголиком. Однажды он появился пьяным даже на званом банкете у отца, где собрался весь генералитет. Реакция отца была мгновенной: «Вон отсюда!»

Немало горя доставил он и своим четырём жёнам. Одних он бросал, другие сами уходили от него. Уже через двадцать один день после смерти отца 33-летний генерал-лейтенант Василий Сталин был уволен из армии без права ношения военной формы. После этого он запил ещё сильнее. «Он сидел на даче и пил, — пишет Светлана. — (Как и всем алкоголикам), ему не надо было много пить. Выпив глоток водки, он валился на диван и засыпал... Он утратил представление о реальном мире, о своём месте, он ощущал себя наследным принцем...»

Спустя два месяца после смерти отца Василий был арестован и приговорен военной коллегией к восьми годам тюрьмы. Формально это был приговор за былые преступления — растрата государственных денег, избиение подчиненных, интриги на высоком уровне, в результате которых кто-то попал в тюрьму, кто-то погиб... Это был формальный повод для его изоляции, а в действительности он просто много болтал. Все эти месяцы после смерти отца он проводил в ресторанах Москвы, пил с кем угодно и где угодно, на всех углах кричал, что «отца отравили», «убили», «сжили со свету». Его предупреждали, что это может плохо закончиться, но он на всех плевал, забыв, что он уже не та фигура. В конце концов *наверху* это надоело, и его попросту упрятали. Об этих днях вспоминает его дочь, Надежда Сталина:

«...Однажды, вернувшись из школы, я обнаружила пустую квартиру, отца уже увели, а дома шёл обыск... В тюрьме отца содержали под фамилией... Васильева. Я с мамой каждую неделю навещала его... Часто, когда мы его ждали, через открытую дверь в коридоре было видно, как его везли. В телогрейке, ушанке, в кирзовых сапогах, он шел, слегка прихрамывая, руки за спиной... Кстати, после ареста отца я, как обычно, явилась в школу. Но в гардеробе меня встретила директор школы. Сорвав с вешалки мою пальто и швырнув его мне в лицо, прокричала: «Иди вон к своему отцу и деду!» Я так опешила, что у меня непроизвольно вырвалось: «Мне идти некуда! Отец в тюрьме, а дед в могиле!»... Училась я тогда уже в 7-м классе».

Как можно откомментировать эту жестокость педагога по отношению к ребенку?! Жизнь — бумеранг. Не сама ли сталинская система породила это! Сколько надо было пережить и перестрадать, чтобы так очерстветь?!...

...В тюрьме Василий провёл семь лет. Он беспрерывно писал письма всем членам правительства — умоляя, жалуясь, грозя. Он даже собирался обратиться к китайцам, которые, как он считал, ему помогут. В конце концов его привезли к Хру-

Василий Сталин ▶
с Хрущёвым

щёву. Василий бросился ему в ноги, умолял простить, обещал, что будет другим человеком. Хрущёв, по словам самого Василия, принял его «как родной отец». Они обнялись, расцеловались, оба плакали, вспоминая былые времена. Василий был выпущен из тюрьмы.

Ему возвратили все его звания и привилегии. Но продолжалось это недолго. Вокруг опять начали собираться прежние друзья. Опять начались пьянки и скандалы. Особенно много среди его окружения было грузин, которые боготворили его отца и уговаривали сына переехать в Грузию, где обещали ему райскую жизнь принца.

Через месяц после освобождения из тюрьмы, будучи в пьяном состоянии, Василий совершает тяжелую автомобильную аварию. Хрущёв был взбешен, ругался матом, говорил: «Что будем делать? Посадить — погибнет. Не посадить — тоже». Василию предложили сменить свою громкую фамилию, но он отказался. В конце концов его отправили в ссылку в город Казань. Дали ему там однокомнатную квартиру, где он и жил со своей очередной женой.

Водка, разгульная жизнь и тюрьма превратили его в полного инвалида. При одном из очередных запоев Василий умер, так и не успев протрезветь. (По другой версии, которую приводит в своих воспоминаниях Серго Берия, Василий был убит ножом в пьяной драке.) Шёл ему тогда 42-й год. После него осталось семеро детей — четверо своих и трое усыновленных. На могиле «принца» лишь лаконичная надпись, сделанная последней женой: «Единственному от М. Джугашвили». Была когда-то и фотография, но её разбили, вырвали, испоганили...

Может быть, и не стоило так подробно останавливаться на этой мало чем достойной жизни, но нам кажется, что именно эта жизнь ярко высвечивает ту «мёртвую зону», в которой находилось ближайшее окружение Сталина. Даже самые близкие к нему люди были всего лишь пленниками этой «мёртвой зоны». Одни из них погибали в подвалах КГБ, другие накладывали на себя руки, третьи вынуждены были покорно молчать, когда вождь отправлял в эти подвалы их жён, братьев, сестер, испытывая таким образом своих соратников «на верность». Сталин понимал, что если человек стерпел арест жены, отца, друга, то он уже не лич-

ность, а раздавленный пресмыкающийся червь, который никогда не поднимет руку на своего хозяина. В конце концов Сталин и сам стал пленником созданной им же самим «мёртвой зоны».

...Самой младшей в семье была Светлана. Ей исполнилось шесть лет, когда умерла мать. Видимо, когда она была школьницей, отец любил её больше, чем сыновей. По крайней мере, если где-то в его жизни и можно найти нежные интонации, то только в ранних письмах к дочери, которую он ласково называл «хозяйкой». По-видимому, она во многом унаследовала черты матери и росла девочкой милой, добропорядочной, не вызывая особых недовольств у отца.

Перелом в их отношениях произошел, когда Светлана училась в последнем классе школы и, как все девочки её возраста, впервые почувствовала влечение к мужчине. Этим мужчиной был известный журналист и кинодраматург Алексей Каплер. Было тогда ему тридцать шесть лет, ей — семнадцать.

По воспоминаниям Светланы, они познакомились в конце 42-го на даче, куда Каплера привёз её брат Василий. Была какая-то вечеринка, все танцевали, и Алексей пригласил Светлану на танец. «Я почувствовала какое-то необычное доверие к этому толстому доброжелательному человеку, — пишет Светлана, — и мне захотелось вдруг положить голову к нему на грудь и закрыть глаза... Нас потянуло друг к другу неудержимо...» Сопровождаемые по пятам «дядькой» — телохранителем Светланы — они несколько дней подряд ходили вместе в кино, театр, картинные галереи, а однажды даже поцеловались. Вот, собственно, и весь роман, который закончился для Светланы разрывом с отцом, а для кавалера — неприятностями покруче. Через несколько дней Каплера арестовали.

«...Я никогда не видела таким отца, — пишет Светлана, — ... он задыхался от гнева... «Мне всё известно! Все твои телефонные разговоры... Твой Каплер английский шпион, он арестован!» «А я люблю его!» — сказала, наконец, я, обретя дар речи. «Любишь!» — вскрикнул отец с невыразимой злобой к самому этому слову, и я получила две пощечины — впервые в своей жизни. «Подумайте, няня, до чего дошла! — он не мог больше сдерживаться — Идёт такая война, а она занята...! — и он произнёс грубые мужицкие слова... — Уж не могла себе русского найти!» То, что Каплер еврей, раздражало его, кажется, больше всего... С этого дня мы с отцом стали чужими надолго».

Каплер был выслан на пять лет на Крайний север, в город Воркуту, где работал в театре. А после отбытия этого срока его вторично арестовывают и на этот раз отправляют в лагерь тяжелого режима для работы в шахте. Освободился он лишь после смерти Сталина, заплатив за своё увлечение десятью годами свободы.

◀ На даче. 1933 г.

Спустя два года после встречи с Каплером, будучи студенткой Московского университета, Светлана выходит замуж за молодого человека, тоже студента, Григория Мороза. Он был еврей, и это опять не устраивало отца, хотя на этот раз он не стал применять жестких мер и махнул рукой, дав согласие. Единственное условие, которое он поставил — чтобы её муж никогда не появлялся в его доме. Так оно и было, они никогда не встречались.

Брак этот продолжался три года и распался. Светлана пишет, что он распался по личным причинам. Хрущёв пишет, что он распался всё же под нажимом отца, у которого к этому времени антисемитизм начал проявляться особенно остро. Как бы там ни было, но черная душа вождя не сдержалась, чтобы не отпра- вить в подвалы КГБ отца мужа своей дочери...

После этого брака у Светланы остается сын Иосиф, названный в честь великого деда. Иосиф был очень красивый мальчик с темными семитскими глазами и длинными ресницами. Как вспоминает Светлана, когда дед впервые увидел внука — он растаял: «Какие вдумчивые глаза, — с умилением сказал он, — умный мальчик!» Несмотря на полуеврейское происхождение Иосифа, Сталин любил его больше всех остальных своих внуков, которых у него было восемь. Многих из них он ни разу в жизни даже не пожелал увидеть.

Второй брак Светланы произошел не только с одобрения, но и под нажимом отца. Её мужем стал Юрий Жданов, сын ближайшего подручного Сталина, одной из самых коварных фигур сталинского окружения, которого одно время даже прочили в политические наследники вождя. Брак этот был без любви и распался сразу же после смерти Сталина, подарив Светлане дочь Катю.

Потом были годы нелегкого осмысления прошлого. Светлана отказывается от фамилии отца и переходит на фамилию матери — Аллилуева. В 1962 году дочь Сталина принимает крещение и становится верующим человеком. Ну а дальнейшая её судьба широко известна. В 1967 году умирает её четвертый муж, аккредитованный в Москве журналист из Индии, Радж Бридж Сингх. Светлана сопровождает его тело в Индию для погребения. После погребения она обращается к советскому послу с просьбой разрешить ей остаться у родственников мужа ещё на несколько месяцев. Посол отвечает категорическим отказом, требуя, чтобы она немедленно вернулась домой. Как пишет Хрущёв: «Если советский посол рекомендует гражданину Советского Союза немедленно выехать домой, это сразу настораживает человека. Тем более, что она знала все порядки, которые у нас на этот счет были».

Получив отказ, Светлана обращается к властям Соединенных Штатов с просьбой о предоставлении ей политического убежища. Из Индии ее переправ-

- 1 - 1935 г.; 2 - Светлана с братом Васей. 1930 г.; 3 - Сталин с Василием и Светланой;
4 - На коленях у «дяди Лари», как называли в доме вождя Лаврентия Берия. 1933;
◀ 5 - Не расстрельные ли списки перебирает папа?

ляют в Европу, а затем в США. Это уже было время Брежнева, когда после короткой хрущёвской «оттепели» опять наступили длинные «заморозки». Невозвращение Светланы на родину превращается в крупное политическое событие, вызвавшее бурю в партийной элите. Такие фигуры, как Михаил Шолохов, называют её отщепенкой, предателем родины. Как впоследствии заметит сама Светлана — если бы отец был жив, то он бы меня за это расстрелял...

После приезда в Соединенные Штаты, Светлана Аллилуева принимает приглашение вдовы известного архитектора Райта, которая сама имела славянские корни, и навещает её. В её доме она знакомится с архитектором Питерсом, выходит за него замуж, рождает дочь Ольгу, пишет воспоминания, но счастья не находит и здесь. Через два года и этот брак распадается. Она переезжает в Англию, а в 1984 году, получив разрешение от советских властей, возвращается в Москву. После недолгого пребывания в Москве она уезжает жить на родину отца, в Грузию, надеясь хоть там обрести душевное равновесие. Но, к сожалению, этого не происходит. Сын и дочь, которых она оставила в России и с которыми не виделась 17 лет, стали для неё почти чужими. Попытки сына, который за это время стал уже известным врачом, установить теплые отношения с матерью, не увенчались успехом. А дочь вообще отказалась встречаться с ней.

После недолгого пребывания в России Светлана Аллилуева опять покидает её и возвращается на Запад. «Я уже не тешу себя иллюзией, что могу быть свободна от ярлыка «дочь Сталина», — говорит она. — ...В моей жизни есть что-то фатальное... Порой я жалею, что мама не вышла замуж за плотника...» Как сказал один западный журналист — эта женщина, подобно Антигоне, не может избежать проклятия, нависшего над её родом. Она была и останется вечной пленницей Сталина.

◀ 1 - Для драматурга Алексея Каплера любовь Светланы Сталиной обернулась десятью годами концлагерей. На фото группа артистов музыкально-драматического театра ВоркутЛАГа — 1946 год. Третий слева — Алексей Каплер; 2 - Алексей Каплер, 1970 г.

Таковы печальные судьбы детей человека, который владел жизнями миллионов, но не владел счастьем.

Вернёмся, однако, назад, в тридцатые годы.

1 декабря 1934 года происходит событие, которое принято считать началом «Большого Террора». В этот день в Ленинграде, выстрелом в упор у дверей своего кабинета, был убит глава ленинградских большевиков Сергей Киров.

Киров был не только одним из ближайших к Сталину людей, но и его личным другом, входящим в семью. В жизни Сталина это был, пожалуй, единственный случай, когда он испытывал искреннее (?) расположение к кому-то из своих коллег. На книге, подаренной им Кирову, была сделана надпись: «Другу моему и брату любимому от автора. Сталин.» Таких слов он, кажется, никогда ни в чей адрес не произносил.

Убийство произошло, когда Киров был на вершине своей популярности. Незадолго до этого, на одном из партийных конгрессов, группа делегатов, недовольная всё возрастающим самовластием Сталина, в частной беседе с Кировым предложила ему выдвинуть его кандидатуру на пост главы партии вместо Сталина. Говорят, что Киров был так напуган этим разговором, что тут же отправился к Сталину и рассказал ему об этом. На что Сталин будто бы ответил: «Спасибо, я тебе этого никогда не забуду». Слова эти можно трактовать двояко. По крайней мере, вернувшись в Ленинград и рассказав об этом в домашнем кругу, Киров бросил фразу: «Теперь моя голова на плахе».

1 - Светлана со своим первым мужем Григорием Морозом; 2 - С сыном Иосифом, названным в честь великого деда;

3 - Светлана Аллилуева в 1990-х годах ▶

Киров и Сталин на улице Москвы. 1930 г.

Убийцей был тридцатилетний коммунист по фамилии Николаев, недавно исключенный за какие-то грехи из партии и, якобы, за это ненавидевший Кирова. За несколько дней до покушения Николаев уже был задержан сотрудниками НКВД (КГБ) возле здания, где находился кабинет Кирова. У него в портфеле был найден

пистолет и карта с маршрутом, по которому обычно ходил Киров. Но, несмотря на такие улики, сотрудники местного НКВД проявили совершенно не свойственный им либерализм и отпустили будущего убийцу, вернув ему даже пистолет.

Через два часа после убийства Кирова Сталин вместе со своим ближайшим окружением, включая и главу НКВД СССР Генриха Ягоду, выезжает специальным поездом из Москвы в Ленинград. Прибыв на следующее утро в Ленинград, Сталин обкладывает всех встречающих его на перроне вокзала отборным матом, а начальнику Ленинградского НКВД даёт пощечину. После этого он самолично устраивает допрос убийце Кирова. Говорят, когда Николаева привели в комнату для допроса, он упал перед Сталиным на колени и закричал: «Я сделал это по приказу партии!» А когда избитого до бессознательного состояния Николаева унесли из комнаты, Сталин будто бы повернулся к Генриху Ягоде и угрожающе бросил ему: «Мудак!» Впоследствии эти слова были расшифрованы так: «Кретин, не мог спрятать концы в воду!»

Начальник НКВД Ленинграда, получивший пощечину от Сталина, был арестован и отправлен в Сибирь. Но поехал он туда почему-то с необычным для арестанта комфортом, захватив с собой даже семью. Коллеги из Москвы ещё долго посылали ему в Сибирь его любимые вина и новые музыкальные пластинки, которые он собирал. Одно то, что высокопоставленные друзья из НКВД продолжали общаться с арестованным, что было совершенно невозможно во времена Сталина, говорит о том, что это был не настоящий арест. И тем не менее, в момент откровения, находясь как-то в больнице, мнимый арестант сказал врачу, что он всё равно обречен, его уничтожат, так как он слишком много знает. Он оказался прав. Через несколько лет его тайно расстреляли. Как сказал один высокопоставленный сотрудник НКВД своему другу: «Это дело настолько опасное, что лучше о нём знать как можно меньше».

◀ Похороны Кирова. 6 декабря 1934 года

Спустя много лет, уже после смерти Сталина, Никита Хрущёв создаст специальную комиссию, которой будет поручено разобраться в этом загадочном убийстве. Позднее, когда Хрущёв ознакомится с материалами расследования, он спрячет их в сейф со словами: «Пока в мире существует империализм, мы не можем публиковать этот документ». Другими словами, он хотел сказать, что мы не можем признаться перед всем миром, что во главе государства стоял обыкновенный уголовник. Материалы этой комиссии не опубликованы по сей день, но и из того, что стало известно, напрашивается вывод, что убийство было организовано самим Сталиным. Этим он избавлялся не только от опасного конкурента, но и, воспользовавшись его смертью, мог теперь расправиться с любым не угодным ему политическим оппонентом, обвинив его в участии в заговоре против Кирова.

Поезд, которым возвращался Сталин из Ленинграда в Москву, вёз и тело Кирова. Оно было выставлено для прощания в одном из самых больших залов столицы. Газеты писали, что Сталин, стоя в почетном карауле у гроба Кирова, «испытал такой приступ горя и любви» к погибшему другу, что приблизился к гробу и поцеловал мертвеца.

Уже в следующие дни после убийства Кирова по стране прокатывается волна арестов. Карательным органам приказано упростить все виды следствия, сведя процедуру до минимума. Официально разрешается применение пыток («физических методов воздействия»). Смертные казни приказано приводить в исполнение незамедлительно после приговора, ибо никаких пересмотров дел не будет. Согласно новым законам, суду подлежат даже дети с 12 лет, причем смертный приговор распространяется и на них.

Это было началом Большого Террора.

В жизни Кремля начинается новый этап, этап восхождения Сталина к вершинам такого самовластия, какое знали, пожалуй, лишь фараоны древнего Египта.

* Приведенная выше версия убийства Кирова бытует уже много лет. Но вот недавно вышла книга воспоминаний «главного диверсанта и террориста СССР» генерал-лейтенанта Павла Судоплатова, организатора убийства Льва Троцкого и многих других «мокрых» дел. Будучи главой сверхсекретного ведомства, генерал Судоплатов, конечно же, знал очень много из тайн НКВД-КГБ, так что к его словам следует прислушаться. Он утверждает, что организатором убийства Кирова Сталин не был, но максимально использовал представившийся ему случай, чтобы сфабриковать «заговор» и развязать кровавый террор в стране. По утверждению генерала, убийцей-одиночкой был Николаев, совершивший этот акт из ревности. Его красивая молодая жена Мильда Драуле работала официанткой в Смольном и была любовницей Кирова. Как пишет генерал Судоплатов, Киров был весьма любвеобильным мужчиной и имел множество «наложниц» из числа балерин Большого театра и Ленинградского театра оперы и балета, которые после убийства допрашивались сотрудниками НКВД. Об этой стороне жизни Кирова власть десятилетиями умалчивала, чтобы не нарушать «святого правила партии — никогда не приоткрывать завесы над личной жизнью членов Политбюро...» Боясь разглашения личных мотивов убийства, Сталин даже распорядился установить негласный надзор за вдовой Кирова. Этот надзор продолжался до конца ее жизни. Через два-три месяца после покушения Мильда Драуле и её мать были безвинно казнены. Реабилитированы они были лишь в декабре 1990 года. Такова версия генерала Судоплатова.

Уже через несколько месяцев после убийства Кирова в одном лишь Ленинграде арестовано свыше сорока тысяч человек, а по стране эта цифра приблизилась к миллиону. Радио и пресса непрерывно призывают граждан доносить и следить друг за другом. Уничтожаются все, кто может самостоятельно мыслить. Страх охватывает людей. Страна превращается в огромный концлагерь.

Молох пожирал своих детей, пока не добрался до самого себя. В подвалах НКВД находят свою смерть сорок тысяч высших офицеров армии, туда же отправляются десятки тысяч партийцев. Из-за страха быть посаженным, эпидемия самоубийств прокатывается даже по высшим эшелонам власти, включая и окружение самого Сталина. А те из неугодных, кто не отваживается на это, умирают загадочной смертью, как, например, Максим Горький. Доходит до того, что даже жена формального главы государства, Михаила Калинина, на семь лет отправляется в ГУЛАГ, где ей находят «привилегированную» работу — стирать лохмотья заключенных и давить в них вшей. А муж в это время продолжает исполнять роль игрушечного президента при всевластном диктаторе.

Списки на расстрел высокопоставленных фигур каждый вечер подписывает сам Сталин, после чего он обычно отправляется смотреть кино. (Вспомните

С Ролэн Ролланом и его женой. 1935 г. ►

« В гостях у Горького. 1935 г.

Ивана Грозного, который после «Пыточного двора» блаженно засыпал под библейские притчи (гусяров.) Дневная норма в этих расстрельных списках нередко переваливает за три тысячи человек. Как сказал незадолго до расстрела своему следователю старый грузинский революционер Буда Мдивани, близко знавший Сталина с юных лет: «Он не успокоится, пока не перережет всех, начиная от своего незаконнорожденного младенца и кончая своей полуслепой прабабушкой. Это так и будет. Я знаю Сталина тридцать лет».

И, наконец, вершиной этой кровавой вакханалии становятся Большие Судебные Спектакли, где на скамье подсудимых собран весь «цвет ленинской гвардии», делавшей революцию. Это были последние из тех, кто знал истинную цену Сталину. За одно это их следовало уничтожить.

Весь мир с изумлением следил за тем, как бывшие революционеры-подпольщики, которым в прошлом нельзя было отказать ни в стойкости, ни в фанатичном следовании своим идеям, теперь покорно признавались во всех мыслимых и немыслимых преступлениях — шпионаже, терроре, вредительстве. Западная пресса выдвигала десятки догадок, будто они клеветали на себя, находясь под действием гипноза, будто в зале суда сидели не они, а их двойники, и прочее. В дей-

◀ 1 - В окружении сотрудников НКВД (КГБ) вождь осматривает строительство заключенными канала Москва-Волга. 1937 год; 2-3 - Любопытный снимок-фальсификация, публиковавшийся в разные годы. Сталин на канале Москва-Волга. Справа — «кровавый карлик» Ежов, нарком госбезопасности. И вдруг он исчез со снимка... Расстрелян

ствительности же всё обстояло гораздо проще. Пытками и избиениями их доводили до такого состояния, когда легче было умереть, чем жить дальше. Озверевшие следователи не только били, но и уродовали заключенных: выкалывали им глаза, вырывали ногти, сапогами давили половые органы, мочились в лицо, на глазах отцов насиловали несовершеннолетних дочерей... Некоторым из высокопоставленных заключенных Сталин лично обещал сохранить жизнь, если они сыграют для него этот последний спектакль, «нужный партии». Если же нет, то их детей, жен и близких ждёт страшная участь. И они играли не только потому,

Сталин и Ворошилов ►

что это был последний проблеск надежды, но и по тому, что они прекрасно знали структуру той власти, которую сами же создавали. А будучи у руля правления, действовали теми же методами. Гамлетовского вопроса «быть или не быть» перед ними не стояло.

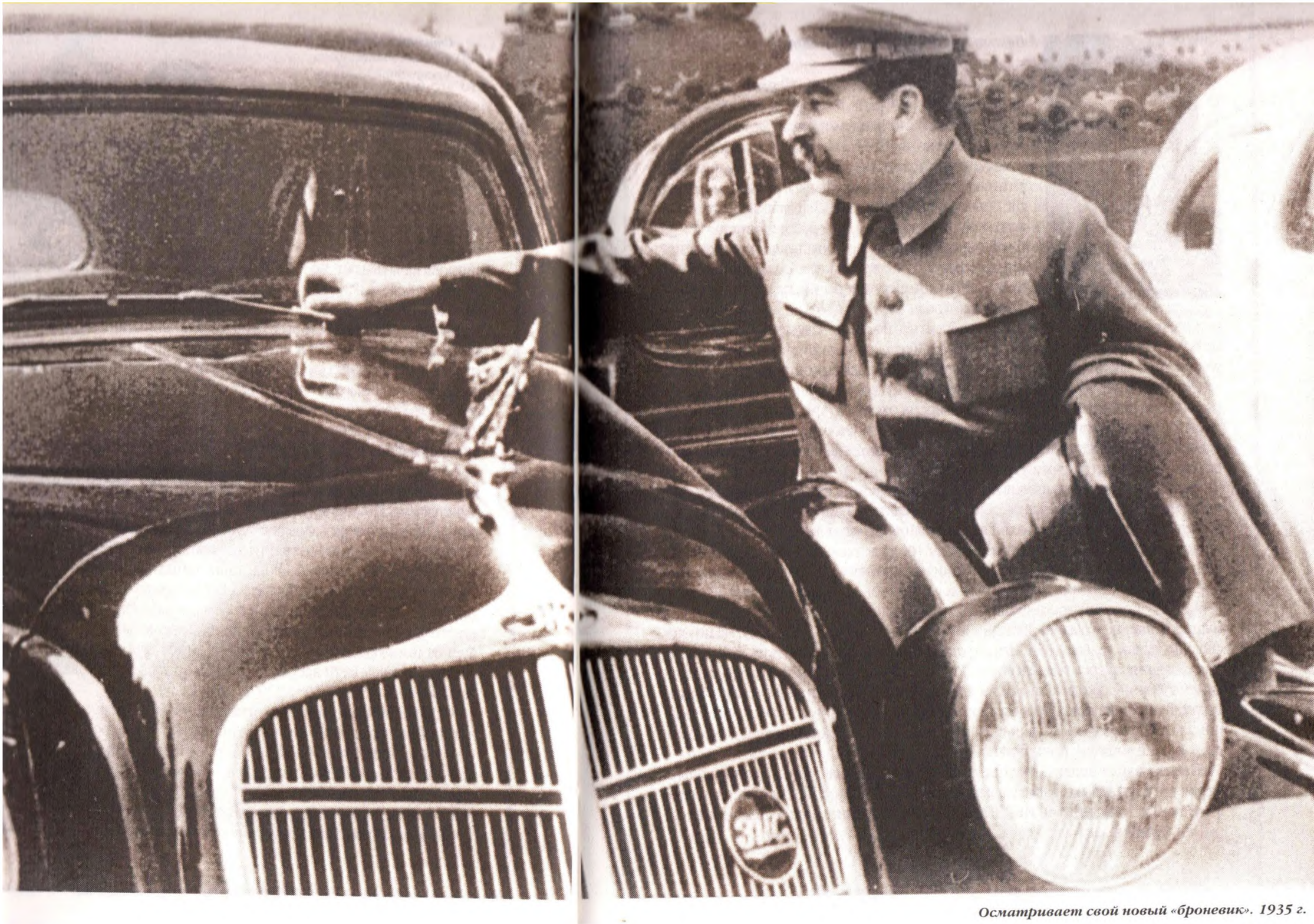

Говорят, что на некоторых процессах Сталин лично присутствовал, скрываясь на балконе за ширмой, откуда иногда вспыхивал огонёк раскуриваемой им трубки. Учитывая, что он любил расспрашивать палачей о том, как вели себя перед казнью его бывшие соратники, этим слухам можно верить. Вряд ли вождь отказал бы себе в удовольствии насладиться последней агонией своих жертв.

На одном из процессов на скамье подсудимых оказался верный пёс Сталина, бывший глава НКВД Генрих Ягода, чьими руками вождь убрал с дороги многих своих оппонентов. Сталин пожертвовал им, чтобы свалить теперь на него вину за убийство Кирова. Уж кто-кто, а Ягода хорошо знал повадки своего хозяина. Поднявшись на одном из судебных заседаний со скамьи подсудимых, Ягода, поверх голов сидящих в зале, обратился непосредственно к «ширме на балконе», прося сохранить ему жизнь. А оттуда, как говорит молва, при мёртвой тишине зала раздалось лишь попыхивание трубки. А ещё раньше, находясь в подследственной камере, Ягода как-то сказал зашедшему к нему следователю: «Можешь написать в своём докладе Сталину, что Бог всё же существует! От Сталина я не заслужил ничего, кроме благодарности за верную службу, а от Бога я должен был заслужить самое суровое наказание за то, что тысячу раз нарушал его заповеди. Теперь погляди, где я нахожусь, и суди сам — есть Бог или нет...»

Справедливости ради надо отметить, что в своём последнем слове Ягода оказался смелее всех своих коллег по несчастью. На вопрос прокурора, сожалеет ли он о «своей преступной деятельности», ответил: «Очень сожалею... Очень сожалею, что когда я мог это сделать, я всех вас не расстрелял...» Ему было легче быть смелым, чем другим, ибо никаких иллюзий о конечном результате «суда» у него не было. Он сам не раз по приказу вождя устраивал подобные процессы.

По весьма приблизительным подсчетам историков, между убийством Киро-

Осматривает свой новый «броневик». 1935 г.

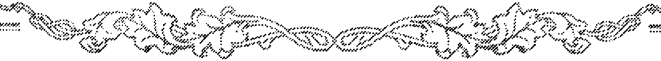
◀ *Нарком госбезопасности Генрих Ягода*

ва в 1934 году и началом войны с Германией Сталин успел отправить в тюрьмы и лагеря 19 миллионов своих сограждан, из коих как минимум 7 миллионов было расстреляно. А если вести отсчет от его славного пятидесятилетия, то цифру смертей надо увеличить ещё на 10 миллионов. Правда, у Сталина на этот счет была своя арифметика. Вышагивая бесшумной тигриной походкой по ковру своего кабинета, он как-то обронил, ни к кому не обращаясь: «Кто будет помнить через десять-двадцать лет всех этих негодяев? Никто. Кто помнит теперь имена бояр, которых убил Иван Грозный? Никто...»

Сталин никогда не отличался храбростью, но в прошлые времена он всё же не боялся свободно гулять по территории Кремля, а иногда даже появлялся и на улицах Москвы, а то и в гости заходил к «пролетарскому поэту» Демьяну Бедному. Теперь же он сам, по-видимому, поверил в им же созданный миф о заговорах и террористах. Если Ленина в своё время охраняло три-четыре телохранителя, то вокруг Сталина их было уже несколько сот. Он опасался пройти без охраны даже по территории Кремля, хотя сам Кремль охранялся внутренними войсками и сотнями тайных агентов.

35-километровую трассу от Кремля до сталинской дачи охраняли в три смены войска НКВД, причем каждая смена насчитывала 1200 человек. Другими словами, вооруженные люди стояли на расстоянии 30 метров друг от друга по всей трассе круглые сутки, вне зависимости от того, едет по ней вождь или нет. А ездил он в специальном лимузине, который на одной международной ярмарке был причислен к классу «комфортабельных грузовиков». Это была машина, изготовленная из броневой стали. Общий вес этого чудовища достигал 10 тонн. Таких машин было изготовлено 30 штук. 20 из них находилось в Москве и на подмосковных дачах вождя, две в Ленинграде и остальные в Крыму и на Кавказе, где отдыхал вождь. Перед тем, как поступить в пользование к Сталину, каждый из этих «мирных броневиков» испытывался на прочность боевыми пулемётами. После такого испытания кузов реставрировали, заделывая вмятины. Сталин обычно занимал место на заднем сиденье, между двумя дюжими охранниками, которые в дополнение ко всему прикрывали его ещё и своими телами.

По приказу Сталина москвичи, которые жили в домах, мимо которых обычно проезжал вождь, направляясь на дачу, были выселены. Эти дома заселили проверенными сотрудниками НКВД. На чердаках и верхних этажах сидели снайперы, готовые поразить любую подозрительную цель.

Дачи Сталина были обнесены несколькими рядами высоких заборов со специальной сигнализацией. Между заборами размещались войска охраны с собаками, а вокруг располагались подразделения зенитных батарей на случай нападения с воздуха.

Каждая из дач имела множество спален, и прислуга обязана была все их каждый вечер готовить ко сну, так как никто не знал, в какой из них сегодня будет спать вождь. Это тоже была одна из мер запутывания потенциального террориста. По указанию Сталина деревья на дачных участках прореживались так, чтобы просматривался каждый метр пространства. Гардины на окнах подрезались на метр от пола, чтобы за ними никто не мог спрятаться. Как пишет Светлана Аллилуева, даже ей было нелегко не только добраться, но и дозвониться до отца. «Система была сложной — надо было сперва звонить к «ответственному дежурному» из охраны, который говорил, «есть движение» или «нет движения», что означало, что отец спит или читает в комнате, а не передвигается по дому. Когда «не было движения», то и звонить не следовало. А отец мог спать среди дня в любое время, режим его был перевернут».

Отправляясь на отдых на юг, Сталин распорядился подготовить себе специальный поезд в Москве и одновременно теплоход на Волге. Никто не знал заранее, какой вариант он выберет. И теплоход и поезд должны были стоять «под парами» днями и неделями, готовые в любой момент тронуться в путь. И лишь за час-полтора до отправления Сталин сообщал о выбранном им варианте.

Перед его бронированным поездом и следом за ним двигались еще два состава, заполненные охраной. Вдоль всей трассы следования дежурили тысячи секретных агентов, которые брали под свой контроль всю службу движения, от диспетчеров до стрелочников. Из всех вокзалов и прилегающих территорий, через которые следовал поезд, народ убирался полностью. По каждой неожиданно появившейся фигуре охране приказано было стрелять без предупреждения.

Сталинский поезд был оборудован и оснащен так, что мог выдержать двухнедельную осаду. В случае тревоги его окна автоматически закрывались бронированными ставнями. Автору данной книги довелось побывать в одном из вагонов вождя. Этот монстр весил 83 тонны. Первое купе было занято кухней, второе занимала охрана, в третьем располагалась спальня хозяина. Четвертое и пятое были объединены под кабинет, а вся вторая половина вагона была оборудована под зал заседаний.

Чем Сталин почти никогда не пользовался, так это самолётом. Этому виду транспорта он не доверял и боялся его. В первый и последний раз в своей жизни он сел в самолет в 1943 году, когда ему пришлось лететь в Тегеран на встречу с Рузвельтом и Черчиллем. Воздушная армада из полусотни машин поднялась в воздух. В какой из них был Сталин, никто не знал — это был секрет.

◀ 1 - *Какие «блага для народа» опять задумал
вождь? 1936 год; 2 - В кабинете. 1938 год; 4 - 1944 год*

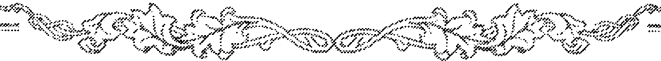
Хрущев рассказывает, как однажды, гуляя по дачному участку, вождь, к удивлению и испугу Хрущёва, вдруг произнёс, ни к кому не обращаясь: «Пропавший я человек. Никому не верю, сам себе не верю...»

Это была паранойя страха. Превратив огромную страну в сплошной концлагерь, он и сам стал узником созданной им тюрьмы.

Эту могучую охрану вокруг Сталина организовал человек по фамилии Паукер. Он был венгр, попавший в Россию в период первой мировой войны и оставшийся здесь. До войны он был парикмахером в театре оперы и балета в Будапеште. В России Паукер вступил в коммунистическую партию, а после революции устроился на работу в карательные органы. В конце концов он добрался до должности начальника охраны Кремля.

Сама по себе фигура Паукера мало чем примечательна, но мы останавливаемся на ней, ибо она отражает вкусы и наклонности самого Сталина. Как рассказывает в своих воспоминаниях бывший генерал НКВД Александр Орлов, хорошо знавший Паукера, это был человек, одаренный качествами слуги и клоуна. Он блестяще рассказывал анекдоты и предугадывал малейшие желания своих хозяев. Таких людей Сталин ценил и вскоре приблизил Паукера к себе, так что тот стал заметной фигурой в Кремле.

Паукер сосредоточил в своих руках всё обеспечение Сталина и его ближайшего окружения продуктами питания, одеждой, машинами, дачами и прочими благами жизни. Он не только удовлетворял все их желания, но и разжигал их. Заметив, что Сталин любит похабные шутки и анекдоты, Паукер тут же начал коллекционировать их, чтобы всегда иметь под рукой свежий анекдот. Причем, как мы уже говорили, рассказывал он их так мастерски, что даже угрюмый по натуре Сталин хохотал до упаду. Если верить Орло-

ву, то Паукер даже выписывал для Сталина из-за границы альбомы с порнографическими рисунками. Кстати, импровизированная сценка о том, как Зиновьева вели на расстрел, о которой мы рассказывали выше, была исполнена именно Паукером.

Будучи человеком наблюдательным, он заметил, что Сталин (вопреки распространенной легенде) небезразличен к своей внешности и не прочь покрасоваться перед зеркалом. Причем, будучи маленького роста и желая быть повыше, вождь предпочитает обувь на высоком каблуке. И тут Паукер превзошел самого себя. Он лично изобрёл для Сталина сапоги особого покроя с необычно высокими каблуками, частично запрятанными в задник, прибавив таким образом вождю ещё несколько сантиметров роста. Сталин был чрезвычайно этим доволен и даже пошёл дальше — приказал, чтобы ему под ноги на трибуне подкладывали деревянный брусок или ставили скамеечку. Так что, стоя на трибуне, он казался человеком среднего роста.

Из-за следов оспы на лице Сталин всегда выглядел плохо выбритым, так как безопасная бритва, которой он пользовался, не могла выбрить неровности лица и оставляла пучки волос. Паукер, как бывший парикмахер, предложил Сталину свои услуги. Это было неслыханной дерзостью, так как с бритвой в руках к горлу Сталина еще никто никогда не приближался. Но Паукер уже стал чем-то вроде второго «я» Сталина, частью его самого. Это была высшая степень близости и доверия.

Пятнадцать лет Паукер оберегал и благоустраивал жизнь своего хозяина, пока тот его не расстрелял. За что? Ни за что, просто пора было менять прислугу...

...На Москву опустилась самая короткая в году ночь — 22 июня 1941 года. Было три часа утра. Сопровождаемый машинами охраны, бронированный лимузин Сталина двигался по пустым улицам, направляясь на дачу. Сталин смотрел на ночной город, не подозревая, что в этот самый момент гитлеровская авиация уже вырливалась на старт, а танки становились в боевые позиции.

Приехав на дачу, Сталин сам разложил приготовленную для него постель в одной из многочисленных спален, и уже начал засыпать, когда в дверь осторожно постучали. Вождь испуганно вздрогнул. Такого ещё не бывало, чтобы его будили без разрешения. В дверь просунулась голова дежурного генерала...

В шоковое состояние Сталин впал не в первые часы войны. Тогда он еще не понял масштабов катастрофы. Шок охватил его чуть позже, когда смертельная угроза, нависшая персонально над ним, и реальные масштабы катастрофы дошли до него. Именно в эти дни он со слезами в голосе произнёс: *«Ленин создал наше государство, а мы его просрали»*.

Вождь был в простратии. Несколько дней он не выходил из своей дачи и не принимал никакого участия в событиях. Его имя исчезло со страниц газет. Как

Колонны красноармейцев прямо с Красной площади уходят на фронт. Ноябрь 1941 г. ▶

вспоминает Хрущёв, «...он был совершенно парализован в своих действиях и мыслях и даже заявил об отказе руководить страной...» Первые дни войны страна была без лидера.

Положение было отчаянное, рассказывает член сталинского правительства Анастас Микоян. Надо было что-то предпринимать. Шесть человек из ближайшего окружения Сталина решили отправиться к нему на дачу. Хозяина они застали сидящим в кресле. Вид у него был странный, взгляд блуждающий. «Зачем пришли?» — мрачно выдавил он.

Можно предположить, что при виде своих приближенных, внезапно появившихся у него на даче, Сталин подумал, что они припили сместить его или даже арестовать. Ведь это было так удобно — все неудачи можно будет свалить на него. По крайней мере, он бы именно так и поступил. Однако страх перед Сталиным был ещё так силен, что даже мысль такая не могла прийти им в голову.

Между тем катастрофа действительно была невообразимая. Уже в первые дни войны советская сторона потеряла более миллиона солдат, огромную территорию, почти всю авиацию. Воевать было нечем. Как вспоминает Хрущёв, он позвонил из Киева в Москву, прося, чтобы им прислали винтовки, на что ему ответили — о винтовках не думай, их нет. На фронт были отправлены даже те устаревшие образцы, которые находились в детских спортивных школах. Это были винтовки образца прошлого века с просверленными в стволах дырочками, чтобы они случайно не выстрелили. Теперь эти дырочки заклепали, и это «оружие» было отправлено на защиту Ленинграда. Москва порекомендовала Хрущёву ковать самодельные копья и сабли...

В том, что война проиграна, Сталин не сомневался. В эти дни в очень узком

кругу приближенных он обсуждал вопрос о капитуляции. Взамен за прекращение военных действий он намерен был предложить Гитлеру всю Прибалтику, большую часть Украины и

В Кремле. После «удачных» переговоров: Сталин и гитлеровский министр иностранных дел фон Риббентроп развлекаются игрой в карты. 1939 г.

Белоруссии, а также часть России. Для этой цели был налажен контакт с послом Болгарии в Москве И. Стаменовым, через которого было решено связаться с Гитлером. Однако Гитлер, уверенный в легкой и быстрой победе, даже не ответил на это предложение. Небезынтересно отметить, что болгарский посол, т.е. посол страны, которая фактически выступала на стороне врага, был более высокого мнения о России и её народе, чем Сталин и его окружение. Узнав, о чем идет речь, посол сказал: «Никогда Гитлер не победит русских, пусть Сталин об этом не беспокоится».

В эти дни на железнодорожной станции под Москвой уже стоял под парами состав, подготовленный для эвакуации Сталина и его семьи. Для этой же цели на аэродроме с прогретыми моторами стоял самолёт. Домашние вещи были погружены в вагоны и все ждали только распоряжения Сталина. И лишь за полчаса до срока, назначенного для отъезда, Сталин вдруг позвонил начальнику своей охраны и сказал: «Мы не едем, мы остаёмся». Семья уехала одна.

Когда прошел первый шок, иезуитский ум Сталина начал искать козлов отпущения. По его распоряжению была расстреляна группа генералов, попавших в плен солдат и офицеров объявили предателями родины, а тех из них, кому удалось вырваться из немецкого плена, ждали концентрационные лагеря на родине. У Сталина не хватало винтовок, но человеческого материала было предостаточно, и он его не жалел...

7 ноября 1941 года, когда немецкие войска находились от Москвы на расстоянии полёта дальнобойного снаряда, на Красной площади был проведен парад в честь очередной годовщины большевистской революции. Войска прямо с парада пешим маршем уходили на передовые позиции защищать Москву. Этот парад вошел в биографию Сталина как еще одно его героическое деяние.

И действительно, в той ситуации, когда на головы каждую минуту могли обрушиться нацистские бомбы, когда господство немцев в воздухе было абсолютным, когда Сталин был сверхзаманчивой целью для гитлеровской авиации, проведение такого парада, да и само стояние на Мавзолее было уже поступком героическим. Но действительно ли на Мавзолее был Сталин? Да, фигура в длинной шинели с поднятой рукой маячила там. Да, голос Сталина произносил напутственную речь. Но был ли это он, а не его двойник? Был ли это живой голос, а не магнитофонная запись? На эти вопросы однозначно ответа нет. По крайней мере, в кадрах кинохроники, где Сталин произносит речь и где он снят крупным планом, у него изо рта не идет пар. А ведь был холодный ноябрьский день. В тех же кадрах хроники видно, как у людей, стоящих на Мавзолее, при дыхании изо рта идет пар. А у Сталина нет! Как это можно объяснить?! Не сняты ли эти крупные планы вождя позднее в помещении? Учитывая его осторожность и страх за собственную жизнь, это вполне можно допустить...

Чтобы ввести читателя в атмосферу Кремля того времени, приведём отрывок из книги польского публициста К. Прушинского «Ночь в Кремле». Книга эта была издана в Нью-Йорке в 1944 году мизерным тиражом и до последнего времени была почти не известна. В ней автор рассказывает, как он побывал в Кремле в декабре 1941 года в составе польской делегации, которую возглавлял генерал В. Сикорский. Это был тяжелейший для России начальный период войны. Отзвуки артиллерийской канонады доносились до Кремля, а на Ленинград уже надвигались блокада и голод. Однако жизнь в Кремле шла своим порядком — изобилие на банкетных столах, лживые улыбки, лицемерные тосты...

«...Часовые проверили пропуска. Мощный свет фонаря обшарил кабину машины, медленно и старательно обследуя каждый угол... Когда мы двинулись дальше, до нас донесся гул моторов не различного в темноте эскорта мотоциклов, пристроившегося к нам на территории Кремля, подобно демонической страже... Машины остановились... Огромные двери распахнулись перед нами. Зарыв ослепительного света рассеяло тьму. В ярком сиянии мы узрели громадную высокую лестницу... По обеим сторонам лестницы бесшумно застыли агенты НКВД. Мы находились в вестибюле Большого Кремлёвского дворца... По мере того, как мы двигались вперед, дворец становился всё более величественным... Революция никогда не проникала за эти стены. Старинная мебель, потемневшие полотна голландских мастеров, чуть тускловатые венецианские зеркала в золотых рамах... Застывшие фигуры сотрудников НКВД возникли всё в большем количестве... Наконец мы остановились под широким сводом, полным золота и света. Массивные лампы сверкали хрусталём... Я заметил группу мужчин. Они приближались к нам через анфиладу комнат с другой стороны банкетного зала. Они шли сбившись, издали напоминая прибывших на смену рабочих. Большинство было в тёмной одежде, так что фигура коренастого мужчины в светлом костюме, застёгнутом по самую шею, выглядела особенно представительно... Я наблюдал за Сталиным. Он говорил мало и спокойно. Внимательно слушал. Время от времени оставляя собеседников, предпочитая курить в стороне, в одиночестве. Никто не решался нарушить его молчание...

Наконец пригласили к столу... В центре стола старинные хрустальные графины и массивные серебряные кувшины изумительной работы (которые выставлял для показа на своих пирах ещё Иван Грозный)... Официанты в белых тиджаках. Некоторые из них говорят по-французски... После супов пришла очередь мясных блюд, дичи, рыбы — всё в широком выборе. Первые бутылки сменялись последующими, рюмки наполнялись вновь и вновь... Кульминацией вечера явилось, разумеется, выступление Сталина... «Я поднимаю тост в честь славной польской армии...»

Конечно, автор этих записок тогда ещё не мог знать, что человек, только что поднявший тост во славу польской армии, незадолго до этого отдал приказ расстрелять двадцать тысяч польских офицеров в Катынском лесу.

«Десерт, по русскому обычаю, подавали в другом помещении, меблированном в стиле Людовика-Филиппа... Прислуга подала сигары, кофе и сладкое. Сталин и Сикорский переговаривались над белым листом картона. То была не карта, не проект международного соглашения, а программа киносеанса. Свет погас и мы увидели на экране кадры кинохроники, эпизоды недавнего ноябрьского парада в Москве, выступление Сталина... Близилась полночь. Для подписания советско-польской декларации нам предстояло перейти в другой кремлёвский дворец, где располагался личный кабинет Сталина. Приятно было пройти по кремлёвским дворам, глубоким и тёмным, словно каньоны. Между церквями, часовнями, соборами... Было нечто грозное и зловещее в этом святилище религии, обреченном на молчание. Сталин встретил нас уже в своём кабинете. Он не шёл вместе с нами из Большого Кремлёвского дворца, но, несмотря на это, опередил нас. Как? Тайна. Секрет — традиция Кремля, традиция России... Ночь в Кремле завершилась... Я чувствовал себя как зритель, который поднимается со своего кресла после великолепного драматического спектакля, отлично сыгранного и поставленного...»

Да, такие спектакли Сталин умел разыгрывать мастерски. Всё было выверено до последнего шага. Каждый жест вождя должен был выглядеть ритуальным действием. Как рассказывает биограф Сталина профессор Волкогонов, нередко в самые напряженные моменты войны, во время какого-нибудь важного военного доклада, который делал в его кабинете кто-то из военачальников в присутствии всего правительства, Сталин вдруг останавливал докладчика, звонил секретарю и требовал для себя стакан чая. Дальше все присутствующие должны были наблюдать, как священнодействует вождь. Не спеша он выжимал в стакан лимон, затем шёл в комнату отдыха, расположенную позади письменного стола, открывал дверь, которую нельзя было отличить от стены, и приносил оттуда бутылку коньяка. При общем молчании он наливал в чай две-три ложки коньяка, чинно уносил бутылку назад в запасник, усаживался за стол и, помешивая ложечкой в стакане, бросал: «Продолжайте...»

Даже этот обычный стакан чая, который, кстати, очень редко предлагался присутствующим, превращался в некий ритуал, исполненный особого «высокого» смысла, понятного лишь одному Сталину...

Шла страшная война. Мир напоминал развороченный муравейник, перемещались целые народы. Тучный Черчилль с тростью в руке и сигарой в зубах, пре-

Трумэн, Сталин. Потсдам, 1945 г. ►

небрегая опасностью, лазил по дымящимся от бомб развалинам Лондона, десятки раз пересекал океан. Даже полупарализованный Рузвельт то и дело отпраплялся в далёкие поездки на крейсерах и самолётах. Лишь мир Иосифа Сталина по-прежнему ограничивался стенами кремлёвского кабинета и дачей. Двадцать шагов в одну сторону, двадцать в другую, от письменного стола до глобуса, от глобуса до письменного стола. Постоит, помолчит, покурит. Ходила молва, что «кабинетный полководец» руководит сражениями, вода черенком трубки по глобусу. Пусть это всего лишь ирония, но родилась она в военных кругах и выражала отношение генералитета к полководческим талантам вождя. Можно возразить — и всё-таки он победил! Да, но какой ценой!? И он ли?

Сталину казалось, что отсюда, из тиши своего кабинета, как с высоты Кавказских гор, он озирает мир. Ему не нужно было никакого реального соприкосновения с жизнью. «Дыхание войны» он познавал из кинохроники в уютном кинозале Кремля. Под влиянием кадров хроники родилось немало указов, нередко приводящих к многочисленным жертвам и катастрофическим последствиям. Правда, головой за них расплачивались другие, ибо вождь мастерски умел находить козлов отпущения.

За всю войну Сталин лишь однажды слетал в Тегеран на встречу с Рузвельтом и Черчиллем. Это, как уже говорилось, был его первый и последний в жизни полёт, о котором он не забудет никогда. Где-то над горами самолёт трянуло в воздушной яме. С искаженным от испуга лицом, вцепившись в ручки кресла, вождь долго не мог прийти в себя, всё оглядываясь по сторонам — не заметили ли его испуг окружающие. Ещё одну поездку, но уже по железной дороге, он совершил в конце войны в Ялту, для встречи с теми же лидерами «большой тройки». И, наконец, последняя в его жизни поездка, выходящая за пределы его «жизненного пространства», это поездка в Потсдам на конференцию.

Поездка в Потсдам готовилась, по-видимому, не менее тщательно, чем наступление на Берлин. О полёте на самолёте Сталин и слушать не хотел, несмотря на то, что министр НКВД Лаврентий Берия давал ему полные гарантии безопасности. Одно воспоминание о полёте в Тегеран приводило вождя в ужас. Решено было отправиться по железной дороге. «Операция» эта готовилась с чрезвычайной предосторожностью. В ней были заняты десятки тысяч людей. О ходе подготовки регулярно докладывали лично Сталину, а иногда и по несколько раз в день. Сталин допытывался у министра НКВД даже о таких деталях, как толщина бронированного листа, которым были обшиты вагоны его поезда. О масштабах этой «операции» лучше всего говорит следующий документ:

«Товарищу Сталину И. В.

НКВД СССР докладывает... (В районе Потсдама) подготовлены 62 виллы (10.000 квадратных метров) и один двухэтажный особняк для товарища Сталина: 15 комнат, открытая веранда, мансарда, 400 квадратных метров. Особняк всем обеспечен. Есть узел связи. Созданы запасы дичи, живности, гастрономических, бакалейных и других продуктов и напитков. Созданы три подсобных хозяйства в 7 километрах от Потсдама с животными и птицефермами, овощными базами. Работают 2 хлебопекарни. Весь персонал из Москвы. Наготове два специальных аэродрома. Для охраны доставлено 7 полков войск НКВД и 1500 человек оперативного состава (т.е. тайные агенты). Организована охрана в три кольца... Подготовлен специальный поезд. Маршрут длиной 1923 км. (по СССР — 1095 км., Польша — 594 км., Германии — 234 км.). Обеспечивают безопасность пути 17 тысяч войск НКВД и 1515 человек оперативного состава. На каждом километре железнодорожного пути от 6 до 15 человек охраны. По линии следования будут курсировать 8 бронепоездов войск НКВД...

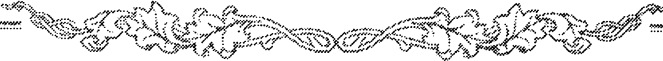
2 июля 1945 года.

Л. Берия»

Сидя в уютном салоне бронированного поезда и меланхолично глядя в окно, где на обочине железнодорожного полотна безлико, как телеграфные столбы, мелькали фигурки солдат охраны, вряд ли вспомнил вождь о том, что весь этот путь от Москвы до Берлина русский солдат прошёл пешком под ураганным огнём врага, завоёвывая победу гекатомбами собственных трупов.

Встретившись с Труменом в Потсдаме, Сталин скажет: «Прошу простить меня за опоздание на один день. Задержался из-за переговоров с китайцами. Хотел лететь самолётом, но врачи не разрешили...»

«Работая на историю», Сталин все же сделал две попытки приблизиться к фронту. Первый раз это было в октябре 1941 года. В середине ночи кавалькада бронированных машин под усиленной охраной выехала на окраину Москвы, отку-

да вождь в течение нескольких десятков минут мрачно наблюдал далёкие сполхи артиллерийской канонады проходящего в 15 километрах фронта. Говорят, что Сталин даже хотел подъехать ближе к фронту, но его лимузин забуксовал в грязи, и, пересев в машину сопровождавшего его министра НКВД, вождь повернул обратно, решив больше не испытывать судьбу.

Вторую попытку оправдать перед историей своё будущее звание генералиссимуса Сталин сделал в августе 1943 года, выехав на километров 200-250 в сторону фронта. Для маскировки был подобран старенький паровозик и полуразбитые вагоны, к которым была прицеплена даже платформа с дровами. Его сопровождал тот же министр НКВД и усиленная переодетая охрана. Выслушав рапорт армейского начальства и переночевав в крестьянской избе, откуда предварительно была выселена хозяйка со всем её скарбом, вождь повернул обратно, не пожелав выехать к войскам и встретиться с бойцами и офицерами. Путь обратно был проделан на автомобилях и прошел без приключений, а на той избе, где переночевал вождь, по сей день, по-видимому, висит мемориальная доска, напоминающая о его подвиге.

Таким образом, долг перед историей был выполнен, и в своих посланиях союзникам Сталин теперь со скрытой гордостью мог писать: «...приходится чаще лично бывать на различных участках фронта...» (Рузвельту, 8.8.43 г.), «...мне приходится чаще, чем обычно, выезжать в войска, на те или иные участки фронта...» (Черчиллю, 9.8.43 г.)

Сталин неплохо разбирался в психологии масс и понимал, что для авторитета вождя совсем не обязателен тесный контакт с народом, и даже наоборот, он вреден. Как-то уж после войны, отправляясь на отдых на юг, Сталин позволил себе несколько раз остановиться по дороге и «выйти в народ». Не надо было быть свехпроницательным, чтобы почувствовать, что встреча с ним вызывает у людей не только бурное любопытство, но и внутреннее разочарование. Они представляли себе «гения», «вождя», «полководца», великого во всех смыслах, а перед ними оказывался невысокого роста рябой человек с непропорционально маленьким туловищем, низким лбом, выпирающим из-под кителя круглым животиком, редкой лысеющей шевелюрой на голове и желтыми прокуренными зубами. Образ явно не подходящий под понятие «героического», и в глазах людей возникал немой вопрос: «Неужели это и есть Сталин?!» Одна женщина даже попыталась потрогать его за китель, чтобы убедиться в реальности этой фигуры.

Короче говоря, такого легкомыслия Сталин себе больше не позволял. Он всегда был уверен, что народ — это навоз, бесформенная масса, которая идёт за сильным, и неоднократно высказывал эту мысль Хрущёву, так что общаться с народом лучше всего с трибуны Мавзолея, с кадров кинохроники или в виде портретов и бюстов. Чем больше загадочного, тем больше легенд и мифов. Недаром же он осыпал наградами кинорежиссёра Михаила Чиаурели за его фильмы «Незабываемый

1919-й» и «Падение Берлина». В первом молодой черноусый Сталин является народу на подножке бронепоезда как спаситель Советской Республики от врагов революции. А во втором — умудренный генералиссимус в сиянии славы и величия в сердце покоренного Берлина, окруженный ликующим при виде его народом. Вот это и есть он, настоящий Сталин, а остальное их не касается...

...Пока шла война и враг был, так сказать, четко очерчен, энергия вождя была направлена в ту сторону и его инстинкт убийцы как бы дремал. Это не значит, что прекратились аресты и расстрелы, просто они были приглушены грохотом войны. Но вот война окончилась и инстинкт проснулся. Надо было искать новые жертвы. Как сказал один из членов сталинского правительства: «Идешь, бывало, к Сталину на дружеский обед и никогда не знаешь, отправишься ли ты после него обратно к себе домой или в тюрьму».

Как жил Сталин в послевоенные годы? Чем был занят? О чем думал? Поразительную картину сталинского образа жизни рисует Хрущёв в своих воспоминаниях. Даже сегодня, когда мы много знаем о Сталине и его окружении, трудно, тем не менее, представить себе, что эти люди вершили судьбы миллионов и управляли великой страной.

«Просытался он обычно в часов семь-восемь... вечера, приезжал в Кремль... и вызывал нас в кино, — рассказывает Хрущёв. — Звонит бывало, «приезжайте в кино к такому-то времени». Приезжаем в кино. Он сам подбирал картины. Картины главным образом или трофейные. Много было американских картин, ковбойских. Он их любил. Ругал, правильно оценивал, но тут же заказывал. Фильмы были без перевода, а «переводил» их министр кинематографии... Он со всех языков «переводил», хотя совершенно не знал языков... Ему рассказывали содержание, а он его старался запомнить и «переводил». В отдельных эпизодах он иногда го-

◀ *На воздушном параде. Рядом со Сталиным Лаврентий Берия. 1950 г.*

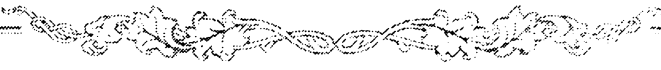
ворил вообще невпопад или просто объяснял: «Вот он идёт». Берия тут же начинал помогать: «Вот смотри — побежал, побежал...» Обычно, когда просмотр кончался, Сталин предлагал: «Ну, поехали, что ли?» Мы ехать не хотели, это был час или два ночи, надо отдыхать, ведь завтра рабочий день. Но Сталин не работал и о нас тоже не думал. «Поехали?» Все говорили, что они голодные. Выработался уже рефлекс и ввали — голодные. Ехали к Сталину. Там начинался обед... Ездили к Сталину почти каждый вечер. Только когда нездоровилось Сталину, пропускали, других причин не было, потому что Сталину девать себя было некуда...»

Обеды продолжались, как правило, до рассвета и выливались в тяжелые пьянки. «Сталин буквально спаивал людей, — говорит Хрущёв, — ...и чем больше хмелел человек, тем большее удовольствие получал Сталин.» Отказаться пить было невозможно, это могло вызвать гнев вождя. За этими пьянками, собственно, и решались все государственные дела, а вернее, судьбы миллионов людей.

Обеды проходили обычно только в мужской компании. То ли возраст был тому причиной, то ли грузинский обычай бесконечных «мужских посиделок». Кроме питья, развлекались пением под гармошку, на которой играл Ворошилов, танцами, сальными остротами Берия и старческим бахвальством хозяина. Дикая, если представить себе, картина: старые, тучные, пьяные мужики танцуют друг с другом.

«Обедали, закусывали, пили, — рассказывает Хрущёв об одной из таких ночей. — Сталин был в хорошем настроении и поэтому сам пил много и принуждал других. Изрядное количество вина выпили. Сталин подошел к радиоле и начал ставить пластинки. Слушали музыку — русские песни, грузинские. Потом поставили танцевальную музыку и начали танцевать... Из меня танцор, как корова на льду, но я тоже танцевал... Сталин тоже танцевал — что-то ногами передвигал и руки расставлял... Потом появилась Светлана. Она приехала и попала в стая людей немолодых, мягко говоря... Сталин её сейчас же заставил танцевать. Она уже устала, я видел, что она еле-еле танцует... Она встала, к стене плечом прислонилась... К ней подошел Сталин и я тоже подошел. Сталин пошатывался. Он говорит: «Ну, Светлана, танцуй, хозяйка, танцуй». Она говорит: «Я уже танцевала, папа. Я устала». Он взял её пятернёй за волосы, за чуб, и потянул. Я смотрю, у неё аж краска на лице выступила и слёзы появились на глазах... А он потянул её и дернул... Это было проявление любви отца к дочери...»

Отказаться невозможно было не только от выпивки, но и от танцев. Как замечает Хрущёв: «Когда Сталин говорит — танцуй, то каждый благоразумный человек танцует».

Подобные обеды для развлечения скучающего вождя нередко устраивались и в Кремле, но там они уже назывались банкетами. Если на дачных пьянках присутствовало человек шесть-восемь-десять ближайших соратников, то в Кремль на банкет съезжалось уже несколько сот. Приглашались сливки московской богемы — артисты, писатели, режиссёры, певцы, знаменитые спортсмены. Об этих банкетах рассказывал автору книги один из постоянных их участников, известный киноактёр Борис Андреев. Андреев был человеком очень крупным, массивным, с низким басом, типично русским лицом, и выступал он в амплуа «русского богатыря». Сталин его любил и всегда приглашал на кремлёвские пьянки.

Начинались они обычно после полуночи и продолжались до утра. Приглашённые актёры приезжали чаще всего после вечерних спектаклей, только успев снять грим с лица. Время было тогда голодное, а тут на столах все яства, какие душе угодно. Такое приглашение не пропустишь, да и опасно — не дай Бог, Сталин заметит, что ты его приглашение проигнорировал! Нередко приходилось наблюдать такую картину. Приезжает актёр — голодный как собака. Утром позавтракал, а потом весь день в театре от репетиции до спектакля — неевший. Ну, естественно, дорвавшись до такого шикарного стола — хватает, скажем, куриную ножку, вторую, третью. Двумя-тремя стопками водки запил и доволен. Сыт. И тут вдруг за спиной тихий такой, вкрадчивый голос: «Что вы, дорогой, остановились, кушайте, пожалуйста, кушайте!» Оборачивается — Сталин стоит. Ну, естественно, поблагодарит и, так сказать, для приличия, чтобы хозяина не обидеть, ещё одну куриную ножку берёт. Съел. А тот стоит: «Кушайте, кушайте, не стесняйтесь!» Ну, Сталину ведь не откажешь — ещё берёт... И так, издеваясь, он мог довести человека этим обжорством до полубоморочного состояния.

Или, бывало, для его удовольствия устраивали соревнования — кто кого перепьёт. Обычно стравливали сильно пьющих. Как-то стравили двух актёров, которые оба исполняли в кинофильмах роль Сталина. Эти соревнования по пьянке устраивались разными способами, но одним из самых садистских был следующий. Брли две одинаковые вазы из-под фруктов, наливали их до краёв водкой и поджигали. Надо было успевать пить и одновременно отдувать огонь, чтобы не обжечься. Проигрывал тот, кто первый сваливался под стол. Сталин был очень доволен.

Сию я однажды на банкете в честь семидесятилетия Сталина, рассказывает Андреев, вдруг подходит ко мне один из охранников и тихо на ухо говорит: «Вас товарищ Сталин просит пройти к нему в кабинет». Поднимаюсь, иду. Захожу, здороваюсь. Там сидят Сталин с приехавшим на его юбилей Мао Цзе-дуном и переводчик. Перед ними рюмки, бутылки, закуски. Сталин наливает мне большой фужер водки, грамм на двести, и протягивает: «Прошу, товарищ Андреев». Садиться не предлагает. Ну, я знаю, что ему нужно. Ему нужно театральное представление. Беру я этот фужер и выпиваю залпом. «Закусывайте», — говорит Сталин, по-

казывая на еду. Я отвечаю: «Спасибо, товарищ Сталин, но я после первой не закусываю». Сталин усмехается и наливает мне второй фужер. Я его тоже залпом выпиваю и ставлю на стол. «Ну, теперь закусывайте», — говорит Сталин. А я отвечаю: «Спасибо, товарищ Сталин, но я и после второй не закусываю». Сталин довольно улыбается и поворачивается к Мао Цзе-дуну: «Это и есть настоящий русский солдат!»

Надо сказать, что по внешнему виду Борис Андреев был человеком простоватым и бесхитростным. Но это лишь по внешнему виду. В действительности же он был человеком очень проницательным. Сталина он раскусил задолго до многих философов и мыслителей. Андреев был выходцем из простой семьи, хорошо знал, как тяжело живет народ, и ненавидел вождя лютой ненавистью. «Бывало, стоишь перед ним, — рассказывал Андреев, — корчишь из себя шута городского, а в голове крутится — удавить бы тебя, мерзавца...»

Унижение человека было, по-видимому, самым любимым развлечением Сталина. Так, например, летом на даче, будучи в хорошем настроении, он мог приказать кому-нибудь из прислуги подложить большой сочный помидор под чехол кресла, в которое должен сесть гость. Особенно если этот гость был в светлом костюме. И весело смеялся, когда сконфуженный и неловко чувствующий себя человек поднимался из кресла в мокрых штанах. Или гуляя по парку после сытного обеда и хорошего подпития, он мог — «в шутку» — столкнуть в мелководный пруд кого-нибудь из своих спутников. Само собой разумеется, что пострадавший тоже должен был смеяться этой весёлой шутке.

Вообще, в сталинском юморе всегда присутствовало что-то садистское. Он был замешен на страхе. Яркий пример сталинского юмора выражен в таком вот рассказе-анекдоте. В охране у дверей кабинета Сталина стоял некий капитан по фамилии Иванов. Проходя мимо, Сталин нередко шутил: «Как дела, товарищ Иванов? Вас ещё не расстреляли?» На что капитан Иванов бледнел, вздрагивал и чеканил: «Никак нет, товарищ Сталин!» Шло время, Иванов стал полковником, но по-прежнему находился в охране Сталина. И проходя мимо, Сталин по-прежнему шутил: «Как дела, товарищ Иванов? Вас еще не расстреляли?!» На что полковник Иванов бледнел, вытягивался и чеканил: «Никак нет, товарищ Сталин!» Закончилась война, наступил день Победы. На одном из банкетов в честь победы Сталин выступал с речью: «...Наш народ победил, потому что даже в самые тяжелые дни войны мы умели весело и хорошо шутить...» Его взгляд обошел зал и остановился на сидящем в первом ряду генерале. «Правильно я говорю?» — обратился к нему Сталин. «Так точно, товарищ Сталин!» — вскочил побледневший генерал Иванов.

...Сталин дряхлел. Ночной образ жизни и малая подвижность ускоряли этот процесс. Особенно это было заметно по провалам памяти. Он уже путал не только фамилии, но и названия городов, государств, событий. Его мысль не могла со-

средоточиться на чем-то одном и перескакивала от темы к теме. Иногда, сидя за столом, он мог долго смотреть на человека, которого знал десятилетиями и с которым встречался чуть ли не каждый день, и вдруг спрашивал его: «Как ваша фамилия?»

Всё это раздражало и пугало Сталина. Его раздражало бессилие перед процессом жизни, не подвластным ему. Когда-то он твердо верил легендам о кавказском долголетии и успокаивал себя этим. Тем более что эти легенды, в угоду вождю, широко раздувались советской прессой. Теперь и эта вера покидала его. Он уже не мог, как прежде, скрывать свои эмоции и нередко, выходя из себя, разбивал о стену телефонный аппарат или ругал площадным матом окружавших его людей.

Приближалось 70-летие. Ночь 21 декабря была ознаменована «явлением Христа народу». Высоко над Кремлём, на облаках, в скрещении десятков прожекторов, появилась гигантская проекция Сталина. Вождь явился миру во всём своём величии и божественном великолепии. Сам же «живой Бог» в это время находился на сцене переполненного до отказа Большого театра, где был встречен получасовыми несмолкающими аплодисментами. Здесь уже много часов подряд проносились речи о нём — «гениальном полководце», «отце и учителе», «гении всех времён и народов», «вожде мирового пролетариата», «спасителе человечества»... Если у египетских фараонов было по пять-шесть титулов, то у Сталина — почти тридцать. Болгарская делегация преподнесла ему благодарственное письмо, подписанное пятью миллионами человек — всем взрослым населением Болгарии, что вызвало бурное оживление в зале. А писатель Леонид Леонов пошел еще дальше, предложив начать новую эру летосчисления со дня рождения вождя. Один лишь Мао Цзе-дун назвал его всего лишь «великим», что насторожило Сталина — нет ли тут какого-то враждебного умысла.

Сегодня, когда читаешь подобные строки, наше сознание фиксирует их, но не отдаёт себе отчет в том, что это действительно было. Что тысячи и тысячи взрослых людей, в каком-то первобытном экстазе страха или глупости, выкрикивали эти слова, пытаясь втиснуть в одну черепную коробку с низким лбом всю мудрость человечества. Или, может быть, Сталин всё же прав, когда, стоя на Мавзоле и наблюдая за приближением колонн демонстрантов, нёсших тысячи его изображений, раздраженно бурчал себе под нос: «А вот и бараны пошли...»

Ещё много недель после юбилея газеты, журналы, радио, кинохроника были заполнены хвалебными статьями, клятвами верности, изливаниями любви и благодарности «величайшему из великих». Юбилейные подарки исчислялись десятками тысяч и занимали гигантские музеи. Казалось, что само течение жизни немислимо без него. Миллионы пигмеев копошились у его ног, благодаря за своё

«Явление Божества народу!» Празднование 70-летия вождя ▶

существование. Унижение великого народа достигло апогея. Сталин мог поздравить себя — процесс создания новой религии был завершён.

Но, как выразился сам Сталин, здоровья всё это не прибавляло. После юбилея вождь стал сдавать ещё быстрее. Теперь он реже появлялся в Кремле, больше оставался на даче, часами засиживаясь у камина и наблюдая слезящимися глазами за разрушительной работой огня. О чем он думал? Что вспоминал? Ведь, в конце концов, нет в мироздании души, в которой совершенно не шевелилась бы совесть.

После его смерти в его письменном столе было найдено несколько записок, которые он хранил. Это были записки от некогда близких ему людей, которых он уничтожил. Одна из них принадлежала Николаю Бухарину и начиналась словами: «Коба, зачем тебе нужна моя смерть?..» Может быть, теперь, глядя в огонь, он вспоминал их шумные вечеринки и шуточную борьбу, когда Николай нередко клал его на лопатки, этого он тоже не мог ему простить. А может быть, он вспоминал Алёшу Сванидзе, родного брата своей первой жены, с которым он любил играть в бильярд. Алёша был блестящим игроком, но, чтобы не задевать ранимого самолюбия друга, нередко поддавался ему, и Сталин со смехом загонял его под стол. Зря он, конечно, его расстрелял. Но ведь он же передал в тюрьму, что если Алёшка покается, то он его простит. А Алёшка отказался, сказал, что не знает, в чём каяться... Какой, однако, гордый Алёшка оказался. Трудно ему было покаяться. Или, может быть, он вспоминал холодный сибирский поезд, когда он ехал из ссылки. Его знобило, и расстрелянный им впоследствии Каменев, сняв с себя, отдал ему свои последние шерстяные носки. А может быть, это всего лишь наша фантазия и ничто не шевелилось в этой черной душе...

Сталин усмехнулся, вспомнив, как не так давно он принимал у себя своего бывшего приятеля, с которым они вместе учились в духовной семинарии. Теперь это был седой величественный старец в сане архиепископа. Идя в Кремль он, по-видимому, долго колебался, что ему надеть. Надеть рясу — Сосо может рассердиться, надеть мирской костюм — разгневать Бога. Всё же надел мирской костюм. Увидев его, Сталин усмехнулся и, воздев руки к небу, хихикнул: «Ха, Его не боишься — меня боишься!»

Страх и одиночество в старости — удел всех тиранов. Его дочь пишет, что отца «начал мучить страх, превратившийся в последние годы в настоящую манию преследования». Террористов и отравителей он теперь видел повсюду, даже среди своего ближайшего окружения, что, впрочем, не лишено было здравого смысла.

«Теперь, — пишет Хрущёв, — Сталин за столом не ел и не пил, пока кто-нибудь другой не попробует из этого блюда или из этой бутылки... Попробовал кто-то другой, ничего с человеком не случилось — тогда и он выпьет... «Вот гусиные потроха, Никита, вы ещё не пробовали?» «Да, вот забыл», — говорю, а сам вижу, что он хочет взять, но боится... И так каждое блюдо обязательно имело своего дегустатора, который выявлял отравлено оно или нет, а Сталин смотрел и выжидал...»

Не так давно его лечащий врач сказал ему, что его здоровье не из лучших и ему надо поберечь себя, тем более что у него уже было несколько обмороков, когда он падал прямо в кабинете. Ему надо как можно меньше заниматься делами. Это привело Сталина в бешенство. Больше он врачам не доверял и никого из них к себе не допускал. Собственно говоря, с этого и началось пресловутое «Дело врачей». Зная его антисемитизм, кое-кто решил выслужиться и состряпал это «Дело», в котором основными действующими лицами были евреи. Это были старые люди, заслуженные врачи, каждый из которых спас на своём веку много жизней. И вот теперь их обвиняли в том, что они якобы умышленно неверно лечили членов правительства, чтобы свести их в могилу.

Сталину это «Дело» сразу понравилось. В нём был масштаб, общественный интерес, продолжение — заговор международного сионизма, нити которого тянутся даже в высшие сферы власти. Такое «Дело» народ легко поймет и поддержит. Можно будет, как в предвоенные годы, организовать хороший показательный процесс. Давно пора напомнить, чтоб не забывались. Вот, например, Сергей Эйзенштейн снял вторую серию кинофильма «Иван Грозный», где показал Ивана кровавым деспотом, полусумасшедшим, а его личное войско — шайкой бандитов. А это неверно. Это оплёвывание нашей истории. Иван был мудрым и прогрессивным царём. Правильно делал, что рубил головы боярам. Сильная власть должна иметь сильного правителя. Его ошибка, пожалуй, в одном — недостаточное количество голов срубил. А ошибки истории повторять не следует.. И Сталин кричал в телефонную трубку министру госбезопасности, давая указания по поводу стариков-врачей: *«Бить, бить и кандалы надеть, пока не сознаются...»*

Собственно говоря, это было его не первое «еврейское дело». После войны к нему обратилась группа членов Еврейского антифашистского комитета, кото-

◀ *Молотов с женой Полиной Жемчужиной и дочерью Светланой*

рый во время войны занимался сбором средств для Советского Союза среди еврейских кругов Америки. В числе обратившихся были известнейшие в стране люди, такие как актёр Соломон Михоэлс, публицист Соломон Лозовский, бывший министр иностранных дел Максим Литвинов и даже жена Молотова, Полина Жемчужина. Они просили Сталина рассмотреть вопрос о создании в Крыму советской еврейской автономной области. Их мотивировкой было то, что еврейский народ больше других пострадал во время войны. Разбросанный и разрозненный по всему Советскому Союзу, он теряет свою национальную культуру, и было бы величайшим актом гуманизма и справедливости предоставить ему «свой дом» в нашей огромной стране.

«Сталин буквально взбесился, — вспоминает Хрущев. — Через какое-то время начались аресты. Был арестован Лозовский, а ещё через какое-то время и Жемчужина... Ставился вообще вопрос о еврейской нации и её месте в нашем социалистическом государстве... Применялись не только санкции в виде арестов, но и другие методы. Сталин опять начал практиковать тайные убийства...»

Михоэлс, например, был зверски убит в Минске агентами КГБ в предновогоднюю ночь ударом лома по голове (по другой версии — отравлен), а затем его труп подсунили под грузовик, инсценируя несчастный случай. Сталин даже устроил ему пышные похороны, а его убийц тайно наградил орденами. Это было как раз в духе вождя. Такая же участь готовилась и бывшему министру иностранных дел Максиму Литвинову, но он всех «обманул» и скоропостижно скончался в собственной постели, грустно и загадочно прошептав на прощание своей жене-англичанке: «Английская женщина, уезжай домой!»

Из многих десятков людей, проходивших по этому «делу», выжила лишь жена Молотова, Полина Жемчужина, проведя долгие годы в лагерях и ссылках. Её освободили уже после смерти Сталина. Берия у себя в кабинете лично «вручил» её, полуживую, Молотову.

...И вот теперь Сталин собирался довести «еврейский вопрос» до завершения. План был иезуитски прост. «Сионисты в белых халатах» уничтожают лучших людей страны. Народ, конечно же, возмущён, и вот-вот вспыхнут еврейские погромы. Группа «прогрессивных еврейских деятелей» обращается к Сталину с письмом, в котором просит спасти их народ. Сталин, конечно же, идёт им навстречу и, руководствуясь высшими принципами гуманизма, спасает евреев от «справедливого народного гнева», депортируя их на Дальний Восток. Говорят, что под Москвой на запасных путях уже стояли сотни железнодорожных составов для этой цели.

Единственно, чего не предвидел вождь, это того, что песочные часы его жизни уже были пусты, их покидали последние песчинки. Неизвестно, передали ли ему когда-то предсмертные слова его бывшего министра НКВД Генриха Ягоды:

«Скажите Сталину, что Бог всё же существует...» Теперь эти слова были бы как нельзя ко времени...

...Охрана начала беспокоиться в 22.00. Со вчерашней ночи в Доме не наблюдалось «движения». Хозяин не требовал чая, не просматривал почту. Идти узнать, в чём дело, было боязно, Сталин мог разгневаться за нарушение установленного порядка. В 23.00 всё же решили пойти на разведку. Один из охранников взял для предлога почту и двинулся к Дому. Он проходил комнату за комнатой, включая по пути свет, пока не дошел до «малой столовой». Сталин лежал на полу в пижаме, с открытыми глазами, в которых стоял ужас. Он пошевелил рукой, призывая вошедшего на помощь. Из горла вырывались какие-то хриплые звуки.

Его перенесли на диван и начали звонить в КГБ в поисках Берия. Дело в том, что, согласно приказу, ни один врач не мог быть вызван к Сталину без разрешения министра КГБ Лаврентия Берия. Хозяин гигантской страны, один из самых могущественных людей в мире, оказался в капкане собственной системы.

Берия нашли не скоро, где-то на загородной вилле в обществе очередной новой дамы. Он приехал под сильным «шафе». Одновременно с ним были вызваны и другие члены ближайшего окружения вождя. В комнату, где лежал Сталин, они вошли гуськом, а один из них даже шел в носках, засунув под мышку свои новые ботинки, чтобы они не скрипели.

Сталин лежал на диване, издавая не то хрип, не то храп. Берия шёпотом начал ругать прислугу за то, что она устроила панику и нарушает сон вождя. Марш отсюда, шипел он на охранников, видите, что товарищ Сталин спокойно спит. Как вспоминает один из охранников, создавалось впечатление, что всё идёт по заранее разработанному плану.

Все разъехались по домам. Однако к 9 утра все опять были вызваны на дачу. На этот раз были вызваны также врачи и медперсонал. Это было 2-е марта 1953 года.

Вышеизложенную версию приводит профессор Волкогонов со слов одного из охранников. Никита Хрущев дает несколько иное описание этого события. Он уже лёг спать, когда ему позвонили и сообщили, что со Сталиным что-то не в порядке. Хрущев и ещё несколько человек из ближайшего окружения вождя тут же выехали к нему. Через полчаса они уже были у дежурного по охране дачи. Сами зайти к Сталину они не решились и послали на разведку пожилую женщину, которая много лет работала у него подавальщицей. Вернувшись, она сказала, что Сталин лежит на полу, спит, но под ним большая лужа. Он, видимо, помочился под себя. Тогда в дом было послано несколько человек из охраны, которые перенесли Сталина на диван и удалились. Хрущев и остальные приехавшие решили в дом не заходить, чтобы не застать вождя в столь неприглядном

виде, что, кстати, было весьма небезопасно, хотя Хрущев об этом и не говорит. Возможно, соратники решили, что Сталин сильно выпил, и это результат. Все разъехались по домам.

Спустя короткое время после возвращения домой — а было это между двумя и тремя часами ночи — Хрущеву опять позвонили и сказали, что всё-таки со Сталиным что-то не в порядке. Похоже, что это не совсем обычный сон. Опять все собрались в дежурном помещении охраны. На этот раз были вызваны врачи, и все отправились в дом.

Далее первая и вторая версии совпадают.

Все врачи были новые, впервые видевшие Сталина. (Постоянно лечившие его сидели в тюрьме). Они прикасались к нему со страхом, как к раскаленному железу. Берия даже грубо бросил одному из профессоров: «Вы врач, так и берите как надо!» У Сталина было мозговое кровоизлияние, парализовавшее часть тела, речь, а затем и сознание.

Дочь вызвали прямо с занятий и привезли на дачу. «Я встретил её, — говорит Хрущев, — и когда встретил, то очень разволновался и заплакал. Я не мог сдержаться. Искренне мне было жаль Сталина...»

«В большом зале, где лежал отец, — пишет Светлана Аллилуева, — толпилась масса народу... Ставили тиявки на затылок и шею, снимали кардиограммы, делали рентген лёгких. Медсестра непрерывно делала какие-то уколы, один из врачей непрерывно записывал в журнал ход болезни... Где-то заседала специальная сессия Академии медицинских наук, решая, что бы ещё предпринять... Все суетились, спасая жизнь, которую нельзя было уже спасти...»

Да, все суетились, но не все старались спасти эту жизнь. Берия был в ударе. Он предвкушал свой «звёздный час». В его руках был самый мощный карательный аппарат, который когда-либо существовал в мире. Если умер Хозяин, кто сможет остановить его на пути к власти?! Он то и дело подходил к постели и всматривался в лицо умирающего.

В один из моментов вождь вдруг пришёл в себя. «Берия сейчас же бросился к Сталину, — пишет Хрущев, — стал на колени, схватил его руку и начал её целовать. Когда Сталин опять потерял сознание и закрыл глаза, Берия поднялся и плюнул». (Скорее всего это фантазия Хрущева, так как этот эпизод нигде больше не подтверждается). «В тишине зала, — пишет Светлана, — ... был слышен громкий (обращённый к адъютанту) голос Берия, не скрывающий торжества: «Хрусталёв, машину!»» После этого он вдруг покинул дачу и умчался на несколько часов. Вполне возможно, что он уехал в Кремль, чтобы очистить сейф Сталина, где могли быть не устраивающие его документы.

Март 1953 г. ▶

Несколько раз в зале, где лежал умирающий, появлялся его сын Василий. Он был, как всегда, пьян и то и дело выкрикивал: «Убили!», «Убивают!», «Сволочи, загубили отца!». Потом он ушёл в дом охраны и там напился ещё сильнее.

«Агония была страшной, — пишет Светлана Аллилуева, вспоминая последние минуты жизни отца. — Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент... очевидно в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвёл ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса... Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть — тут он поднял вдруг вверх левую руку (которая не была парализована) и не то указал ею куда-то вверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающий и неизвестно к кому и к чему относился... В следующий момент душа сделала последнее усилие и вырвалась из тела...»

◄ *«Как жить дальше?!» В то время этот снимок обошел все газеты...*

Было 9 часов 50 минут утра 5-го марта 1953 года. Самый кровавый тиран в истории человечества был мёртв. «И вдруг стало мне его так жалко, — вспоминает медсестра, обмывавшая труп Сталина, — вспухший животик, тоненькие ручки, тоненькие ножки — паучок...»

Какие чувства испытывали в этот момент люди, окружавшие его? По-видимому, это были сложные, противоречивые чувства. С одной стороны, это было потрясение — умер Бог, который вчера ещё казался бессмертным. Хрущев, например, искренне плакал. С другой — они не могли не испытывать чувства облегчения. Его ближайшее окружение не могло не знать, что последнее время жизнь многих из них висела на волоске. В последние годы Сталин готовил новый «дворцовый переворот», новые показательные процессы, собираясь спустить в подвалы КГБ своих ближайших соратников и заменить их новыми. Для этого он уже предпринял первые шаги, обвинив Молотова в том, что тот является американским шпионом. Зачем? Такова была структура сталинской власти — Ложь и Страх, Страх и Ложь...

По сей день не опровергнуты слухи о том, что, опасаясь за собственные жизни, его ближайшее окружение ускорило смерть вождя. По крайней мере, доподлинно известно, что незадолго до «удара» Берия уговорил вождя попариться в баньке, хотя врачи ему настрого запретили это из-за высокого кровяного давления. Светлана Аллилуева пишет, что сразу после смерти отца начались гонения на офицеров его охраны, а двое из них даже застрелились. Почему начались гонения? Почему эти двое покончили жизнь самоубийством, и самоубийство ли это? Трудно поверить, что это произошло от горя по усопшему хозяину. Неужели эти рядовые кагэбэшники чувствовали себя воинами фараона, обязанными сойти в могилу вместе с ним?! А не правдоподобнее ли предположить, что, будучи непосредственными участниками событий, они, попросту говоря, знали больше о смерти вождя, чем им положено, и это предопределило их судьбы?! И, наконец, зачем в официальном сообщении надо было лгать народу, что удар у вождя произошёл в его кремлёвской квартире, когда в действительности он произошёл на даче? Всё это пока остается тайной истории, но, зная почти тысячелетнюю традицию «кремлёвского двора», вариант «ускорения смерти» вполне можно допустить...

Как это ни покажется диким, но, за исключением обитателей ГУЛАГа, истерзанный и запуганный Сталиным народ, который вождь величал «навозом», искренне скорбел о его кончине. На улицах можно было встретить людей, рыдавших так, будто они действительно хоронили собственного отца. К центральному залу столицы, где был выставлен для прощания гроб с телом покойного, дни

и ночи нескончаемым потоком тянулись толпы. К Москве двигались переполненные поезда, облепленные людьми от крыш до подножек вагонов. Все хотели попасть на похороны. Толпы, насчитывающие многие сотни тысяч людей, заполняли площади, улицы, переулки, двигаясь к центру Москвы.

Тираны, как правило, не сходят в могилу в одиночестве, а увлекают за собой множество жизней. Сталин не нарушил этой традиции. Обезумевшие толпы народа напирают, со страшной силой прижимая передних к стенам домов, к бортам военных грузовиков, перегородивших улицы, расплющивая людей о фонарные столбы, вдавливая их в витрины магазинов. Слышны крики, стоны, вопли о помощи. Чтобы избежать смерти, люди карабкаются на столбы, на карнизы домов и, срываясь оттуда, падают под ноги неуправляемой обезумевшей толпы. Кровь на стенах, на мостовых, на бортах грузовиков. Людское море несёт даже мёртвых, не давая телам упасть...

Два дня и две ночи тянется бесконечный людской поток к гробу вождя. Два дня и две ночи крытые грузовые фургоны увозят задворками и глухими переулками безымянные жертвы великого траура. Вождь верен себе. Уходя в могилу, он увлекает за собой ещё тысячи жизней...

Древний обычай бальзамирования и мумифицирования владык в применении к Сталину был совершенно естественен. Ведь он по своему духу и был древним восточным деспотом. После траурных церемоний забальзамированное тело вождя было внесено в Мавзолей и уложено в саркофаг, рядом с саркофагом Ленина. Тут, по идее, оно должно было покоиться веками. В те дни никому и в голову не могло прийти, что не пройдёт и десяти лет, как в одну из октябрьских ночей 1961 года оно, почти тайно, будет вынесено оттуда. Бывший командир кремлёвского полка, которому было поручено перезахоронение тела Сталина, вспоминает: «Когда стемнело, место, где решено было отрыть могилу (позади Мавзолея у кремлёвской стены), обнесли фанерой... Тело Сталина изъяли из саркофага и переложили в дощатый гроб. На мундире золотые пуговицы заменили медными... Когда закрыли гроб крышкой, оказалось, что нет гвоздей, чтобы прибить её...»

Так кем же он был — Иосиф Сталин — один из самых кровавых тиранов человеческой истории? Как и Гитлер, в юности он баловался искусством. Его стихи тех лет великий грузинский поэт Илья Чавчавадзе ещё в начале века включил в хрестоматию грузинской литературы!

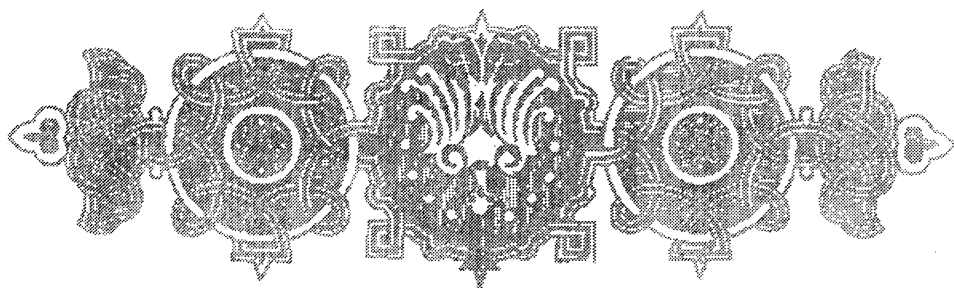
*Роза распускается, обнимает фиалку,
Лилия просыпается
и склоняется перед Зефиром,
Поднявшись в небо, звонко поёт ласточка,
Соловей нежно насвистывает свою песню...*

Черчилль окрестил его кавказским бандитом. Лев Троцкий — великой посредственностью. Александр Солженицын высказал мысль, что если эта страшная система насилия, которую создал Сталин, не получилась у него случайно, сама по себе, а была им заранее задумана и запланирована, то он действительно был гением, чёрным гением зла...

КУЗЬКИНА МАТЬ

Стояло хмурое сентябрьское утро 1971 года. Моросил мелкий дождь. Старинное московское кладбище, расположенное на территории бывшего женского монастыря, было оцеплено рядами солдат и сотрудников КГБ. Военные грузовики стояли борт к борту. В узких проходах между ними люди в штатском, но с военной выправкой проверяли пропуска. Приказ был строг — никаких церемоний, никого лишнего, только родные и близкие покойного.

У свежерытой могилы собралось человек шестьдесят. Прощальные слова уже были сказаны, но люди продолжали стоять, словно ожидая чего-то. «Прошу прощаться с покойным, только быстро, не задерживаясь, — произнес человек в штатском. — Прощаться и расходиться», — строго добавил он.

Так закончилась жизнь одного из самых противоречивых хозяев Кремля, *Никиты Хрущева*. Крошечное объявление в газете о смерти «персонального пенсионера». Ни кем он был, ни кем стал — просто умер и всё.

В народных сказках бедные девушки обычно становятся принцессами. В сказках американского образца — дети нищих эмигрантов становятся миллиардерами и автомобильными королями. Советская система тоже породила свои чудеса: дети сапожников и пастухов превращаются в правителей великой страны. И это не случайно, каждая система избирает своих, более близких ей героев.

Никита Хрущев родился 17 апреля 1894 года в крестьянской семье, в деревне Калиновка под Курском, на границе России и Украины. Мать его была женщиной глубоко религиозной, и все углы избы, где они жили, были увешаны иконами, под которыми горели лампы. Быт семьи был строг и однообразен. Сам Никита служил в подпасках, помогая семье кормиться. («Бывало чабан меня посылает: “А ну, Никита, беги заверни овец.” — И я бегал, заворачивал...»)

В 1909 году семья переезжает в шахтёрский городок Юзовка на Украине, где отец находит работу на шахте, а Никита устраивается учеником слесаря. Так на весьма короткое время Хрущев становится «рабочим классом», чем будет впоследствии гордиться и упоминать во всех своих выступлениях. Правда, называть он себя почему-то будет не слесарем, а шахтёром. Видимо, работа под землёй казалась ему более героической.

С 1914-го года Никита Хрущев начинает интересоваться революционной деятельностью и становится регулярным читателем газеты «Правда». В этом же

◀ *Молодой партиец «из низов» Никита Хрущев. 1920-е годы*

1914-м году он вступает в брак со своей первой женой Ефросиньей, дочерью шахтёра.

В 1921-м году, в период гражданской войны в России, когда Никита был на фронте, Ефросинья умирает от сыпного тифа, оставив ему двух малолетних детей — пятилетнего сына Леонида и двухлетнюю дочь. Судьба Леонида сложится неудачно. Он станет летчиком, будет участвовать во второй мировой войне, попадет в госпиталь. В госпитале, сильно подвыпив, он с приятелями затеют немую игру — стрельбу по бутылкам. Поставив бутылку на голову одного из своих приятелей, он, промахнувшись, попадет ему в лоб и убьёт наповал. После суда Леонид будет отправлен на передовую, где и погибнет в одном из воздушных боёв в марте 1943 года (по другой версии — попадет в плен). Его жена Люба будет арестована и отправлена на пятнадцать лет в ссылку, якобы за связь с иностранцами. А их дочь Юлия, внучка Хрущева, будет воспитываться в семье деда. Никогда за всю свою жизнь Хрущев не заведет с внучкой разговора о судьбе её матери. Он, член всесильного сталинского правительства, так и не наберётся смелости хотя бы попытаться защитить жену погибшего сына. И лишь много лет спустя, уже в конце жизни, он как-то обронит фразу, адресованную внучке: «Твоя мать ни в чём не была виновата...»

...Назад в Юзовку Никита вернётся в 1922 году, после победы большевиков в гражданской войне. Вернётся он уже активным членом большевистской партии и благодаря этому сразу же займет командный пост — сначала заместителя, а потом и начальника рудоуправления. Энтузиазма у него было сколько угодно, а вот знаний никаких, поэтому пришлось пойти учиться на рабфак, который в то время давал образование на уровне младших классов школы. В шах-

тёрских начальниках Никита пробыл не более года, а потом полностью переключается на партийную работу, так что принадлежность к «рабочему классу», о которой он так любил упоминать, была у него весьма относительная.

В кепке на втором плане Никита, правее — его благодетель Лазарь

◀ *Каганович*

В 1917 году, ещё не будучи членом партии большевиков, Хрущев как-то попадает на политический митинг, где знакомится с Лазарем Кагановичем — будущим ближайшим соратником Сталина. Эта случайная встреча, собственно, и предопределяет его дальнейший путь наверх. Надо думать, что Кагановичу был симпатичен этот простоватый на первый взгляд круглолицый парень, не лишенный крестьянской смекалки и хитринки. Эта внешняя безобидность и простоватость, граничащая с примитивностью, верно будут служить Хрущеву всю его партийную жизнь. Она уберезет его и от болезненных сталинских подозрений, которые стоили жизни многим из окружения вождя, и притупит бдительность будущих опасных соперников.

В 1924 году Хрущев вступает во второй брак с Ниной Кухарчук, работавшей в школе для шахтёров, где она преподавала политзнания. А в 1929 году, при содействии Кагановича, его направляют на учебу в Москву, в Промышленную академию, где в это время училась и жена Сталина, Надежда Аллилуева. Несмотря на громкое название «Академия», это были всего лишь курсы, где получали первые азы грамотности большевики из рабочих и крестьян, которых революция выдвинула на руководящие хозяйственные должности. Как вспоминает сам Хрущев — «в академии люди были очень разные. Многие окончили сельскую школу и знали лишь четыре правила арифметики...»

◀ Обожание...

То обстоятельство, что вместе с Хрущевым училась Надежда Аллилуева, и поставило последнюю точку в дальнейшей судьбе Никиты. Как пишет бывший секретарь Сталина Борис Бажанов: «...в это время Сталин развернул гигантскую всероссийскую мясорубку — насильственную коллективизацию, когда миллионы крестьянских семей... отправлялись в концлагеря на истребление. Слушатели академии, люди приехавшие с мест, видели своими глазами этот страшный разгром крестьянства. Конечно, узнав, что новая студентка — жена Сталина, они прочно закрыли рты. Но постепенно выяснилось, что Надя превосходный человек... ей можно доверять. Языки развязались и ей начали рассказывать, что на самом деле происходит в стране... Надя пришла в ужас и бросилась делиться своей информацией к Сталину... Сталин, конечно, утверждал, что её информация ложна, что это контрреволюционная пропаганда. «Но все свидетели говорят одно и то же», — настаивала Надя. «Все?» — спрашивал Сталин. «Нет, — отвечала Надя, — только один говорит, что всё это неправда. Но он явно кривит душой и говорит это из трусости. Это сек-

- 1 - «Отец города», как величал его Сталин. Третий справа — Каганович;
- 2 - На авиационном параде в Москве. 1936 год. На заднем плане — Хрущев;
- 3 - Со стахановцами Москвы. 1935 г.;
- 4 - Съезд работников печати. Рядом с Хрущевым известный журналист Михаил Кольцов, вскоре расстрелянный. 1937 г. ▶

«Хрущев на выставке царских гербов, снятых с кремлевских башен. Москва, 1936 г.

ретарь парткома академии Никита Хрущев». Сталин запомнил эту фамилию. Все оказавшие Наде доверие были арестованы и расстреляны, а товарищ Хрущев начал с этого периода свою блестящую карьеру».

Через год, так и не доучившись, Хрущев оставляет академию и, по рекомендации Сталина, переходит на партийную работу в Москве. А ещё через несколько лет он уже глава московских большевиков, «отец города», как величает его Сталин. Вхож в дом вождя. Даже для того бурного времени это была головокружительная карьера.

Шла середина 30-х годов. Началось время «Большого Террора» и показательных процессов. И именно в это вре-

Нарком НКВД Генрих Ягода осматривает строительство заключенными канала Москва-Волга. Позади в белой рубашке Хрущев ▶

1 - «Наместник» ▶
Сталина на Украине —
Никита Хрущев. Киев,
7 ноября 1940 г.

мя Сталин назначает Хрущева главой московских большевиков. Вряд ли это было случайностью. Для этого надо было обладать качествами, которые бы Сталин оценил. И Никита такими качествами обладал: полное от-

сутствие собственных суждений и безграничное обожание вождя. Сталин был его кумиром и хозяином, поднявшим малограмотного парня к вершине власти. Кроме того в Никите наличествовал и определенный элемент шарма, что в народе называется — «свой парень». Всё это прекрасно видел Сталин.

В мемуарной литературе, посвященной Хрущеву, иногда можно встретить утверждение, что он, якобы, был единственным из ближайшего сталинского окружения, который не испачкал себя участием в репрессиях. Это абсолютнейшая чепуха. В то время ни одна мало-мальски известная в Москве фигура, тем более партийная, не могла быть арестована и, тем более, расстреляна, без санкции партийного «отца города». А таких репрессированных фигур в Москве были десятки тысяч. И санкции на их уничтожение накладывал не кто иной, как Хрущев.

Кстати, будучи затем главой украинских большевиков (а это совпадёт по времени с моментом присоединения к СССР Западной Украины), Хрущев, чтобы угодить вождю, развернет там такой жестокий процесс «осовечивания», что даже Сталину придется грубо одёрнуть его — «Уймись, дурак!»

Можно согласиться лишь с тем, что, в отличие от большинства из сталинского окружения, Хрущев по своей человеческой натуре не был врождённым садистом, но он был покорным исполнителем, и этого нельзя забывать. Художник Борис Жутовский, принимавший участие в создании надгробного памятника Хрущеву, пишет :

«Почти всю свою жизнь Хрущеву пришлось думать о сохранении собственной жизни. У него не было возможности стать образованным. Он воспитывался в той гостиной, где рябой палач распределял, кому жить, а кому голову отсечь. Он пел в этой гостиной частушки, юродствовал, был у Сосо Джугашвили клоуном. Да, он участвовал в репрессиях. Но по-человечески, мне кажется, он ненавидел это. Он выполнял роль шута при кровавом дворе...»

◀ 1 - Война. Привал;
2 - В освобожденном
Киеве. 1943 г.

Известный советский публицист Илья Эренбург, с лёгкой руки которого время хрущевского правления получило название «оттепель», сталинское время называл «временем великого страха и молчания». В этом плане интересно вспомнить такой эпизод. Уже после смерти вождя, когда Хрущев выступал со своим знаменитым докладом о культе личности Сталина, из зала вдруг раздался голос: «А где вы были в это время?» Имелось в виду — почему вы не протестовали против сталинских зверств. Хрущев замолчал, обвёл глазами зал и

произнёс: «Прошу встать того, кто задал этот вопрос». Никто, конечно, не встал, страх был ещё слишком велик. «Вот там и мы были», — произнёс Хрущев после долгой паузы.

Всё вышесказанное ни в коей мере не перечёркивает тех заслуг Хрущева, которые ему принадлежат, а, возможно, даже и усиливает их. Почти никто из ближайшего окружения Сталина не смог вырваться из пут сталинизма даже после смерти вождя, а Хрущев, пусть не полностью, но в самом главном все же смог. Сегодня на могиле Хрущева стоит памятник — одна его половина из черного мрамора, вторая — из светлого. Эта светлая половина и есть тот Хрущев, о котором мы вспоминаем с благодарностью. Но то, что было, то было. Из истории, как и из песни, слова не выбросишь.

В донской степи. 1944 г. ▶

Как-то, лет пятьсот назад, Никколо Макиавелли обронил фразу: «Брут стал бы Цезарем, если бы притворился дураком...» В какой-то степени Хрущеву удалось это выполнить. Рассказывая о Хрущеве, мы не будем повторять того, что уже известно читателю из предыдущей главы. Нас в первую очередь будет интересовать новый Хрущев — человек собственных поступков и собственной судьбы. Но прежде чем продолжить рассказ о нём, мы должны остановиться на ещё одном кремлёвском персонаже — Лаврентии Берия — без которого не мог состояться новый Хрущев.

...Сталин ещё не испустил последний вздох на смертном одре, когда всесильный министр КГБ Лаврентий Берия, сверкнув стёклами пенсне, бросил своему адъютанту — «Хрусталёв, машину!» Здесь, у изголовья умирающего вождя, делать ему уже было нечего. Он торопился в Кремль «брать власть». С этой реплики и начинается послесталинское время.

Лаврентий Берия был создан природой как идеальная машина уничтожения. Хитрый, энергичный, коварный, врожденный провокатор и интриган, возбуждающийся от малейшего запаха крови и власти. Он был под стать своему хозяину, а в чем-то, пожалуй, и превосходивший его. Свой путь негодяя он начал ещё со школьной скамьи. Украв у классного наставника папку с характеристиками школьников, он подвёл старого учителя под позорное увольнение, а сам в это время, через подставных лиц, распродал содержимое папки своим соученикам. Было тогда этому школьнику из южного городка Сухуми пятнадцать лет.

К 1923 году Берия уже сотрудник грузинского ГПУ (КГБ). Как образно пишет о нём историк Антонов-Овсеенко:

«Это был неистощимый на выдумки мастер интриг и доносов. Он, как никто, умел в нужный момент пустить грязный слух, дабы поссорить своих соперни-

ков на пути к власти, а потом бить их поодиночке. Вокруг него всё кипело, бурлило, шипело. Он успевал заглянуть в кастрюли, не обжигая пальцев, поправить на плите сковородки, подбросить дров в огонь, подсыпать острого перца и снять жирный навар в закипающем котле. При всём при этом молодой Берия убедительно играл роль «своего парня»...»

В 1924 году он впервые встречается со Сталиным. Воистину это была роковая для России встреча. Встретились два палача, близкие по духу, как братья. Через год Берия уже заместитель начальника Закавказского ГПУ (КГБ). Мы не будем подробно описывать весь его путь к вершине власти, ибо путь этот мало чем отличался от пути многих из сталинского окружения, разве что ещё больше интриг и крови. Даже такой палач, каким был Сталин, не доходил до того, чтобы собственноручно расстреливать своих оппонентов у себя в кабинете, что, как утверждают некоторые источники, неоднократно делал Берия.

Именно такой человек и был нужен Сталину. Во второй половине 30-х годов Берия перебирается в Москву, а спустя короткое время он уже полновластный хозяин Лубянки и личный приятель вождя. Маленькая Светлана Сталина, удобно устраиваясь у него на коленях, ласково называет его «дядя Лара».

Столица не смутила провинциала. Наоборот, здесь поле его деятельности стало ещё шире. Да и какая разница, где душить?! Люди всюду люди — так же аккуратно пишут друг на друга доносы, предают близких, покорно терпят клевету, умирают в тюрьмах и славят вождя. По некоторым источникам, арестованного маршала Блюхера Берия собственноручно застрелит в своём кабинете, а до этого прикажет избивать так страшно, что на ладонь к маршалу вывалится его собственный глаз. Вдову своего старого приятеля по Грузии, осме-

лившуюся заявить, что он, Лаврентий Берия, присвоил себе авторство книги, написанной ее мужем, Берия прикончит также собственноручно.

В его личном арсенале уничтожения были не только пули, но и яды.

**Пуск новой линии
московского метро.
Рядом с Хрущевым с
газетой Берия. 1935 г.**

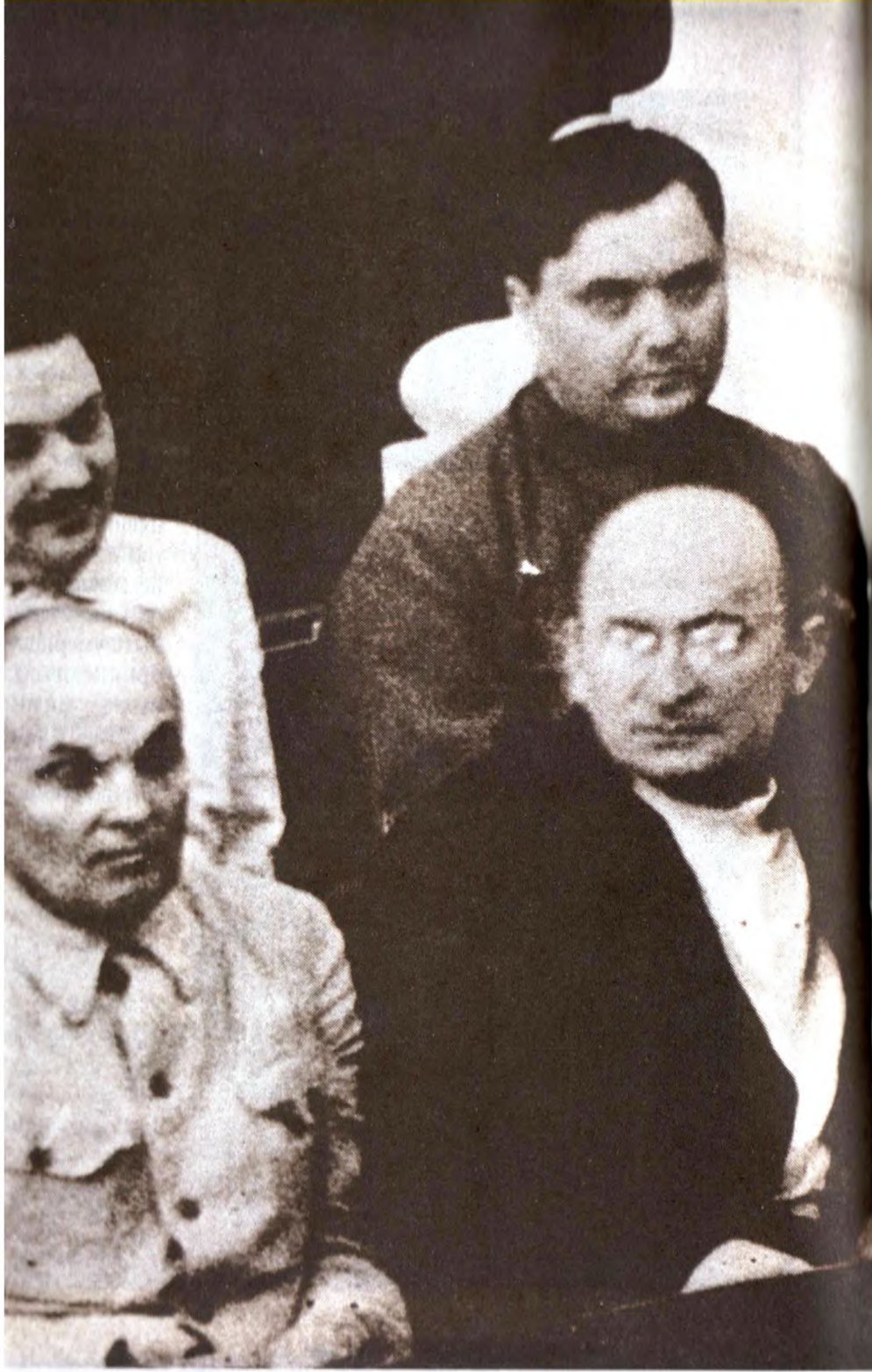
◀ 1 - Жена Берия — *Нина Гегечкори*; 2 - *Лаврентий Берия*. 1940 г.

Изыскивая способы применения их для тайных убийств, Берия создаст специальную секретную лабораторию, в которой действия ядов будут испытываться на заключенных. Как покажет на следствии профессор Майрановский, исполнявший эти тайные убийства: «...мне никогда не говорили, за что то или иное лицо должно быть умерщвлено... Мне организовывали встречу на конспиративной квартире с лицом, подлежащим умерщвлению, и там, во время еды и выпивки, мною то ли в напитки, то ли в пищу вмешивались яды...»

Всё это далеко не полный перечень злодеяний, а всего лишь «штрихи к портрету». Вот как описывает Антонов-Овсеенко допрос в кремлёвском кабинете Берия известного советского дипломата Евгения Гнедина:

«Длинный стол заседаний, на нём ваза с апельсинами.

На заседаниях — Сталин, Хрущев, Бериа. 1938 г.

У дальней стены огромной комнаты — письменный стол. Когда Гнедина ввели, Берия беседовал о чем-то с Кабуловым (своим заместителем). Разговаривали по-грузински. Но вот Берия прервал беседу и Кабулов официально доложил (обращаясь к Берия): «...подследственный Гнедин на первом допросе вёл себя дерзко...» Гнедин, не дожидаясь вопроса, заявил, что виновным себя не признаёт... Последовал сильный удар в скулу. Кабулов сидел рядом, ему было сподручно бить. Гнедина качнуло влево — удар помощника Кабулова вернул его в прежнее положение. Били долго, со знанием дела. Со вкусом. Берия сидел напротив и со спокойным любопытством наблюдал... Оглушенный, разбитый Гнедин всё же не утратил стойкости духа. Он отказался признать себя государственным изменником... Берия поднялся и приказал Гнедину лечь на ковёр. Тот лёг на спину. «Не так», — бросил нетерпеливо хозяин... В кабинете появилось ещё несколько «специалистов». Берия приказал им заняться непонятливым шпионом. Гнедина раздели, перевернули и принялись бить резиновыми дубинками. «Следов не оставлять!» — приказал Берия... Били до тех пор, пока сами не утомились... Избитого, раздетого донага дипломата бросили в холодный карцер. Через короткое время экзекуция в кабинете Берия повторилась...»

Если Хрущев и его коллеги из ближайшего сталинского окружения были, в основном, людьми серыми, безликими, малограмотными, то Берия, в отличие от них, был личностью. Это был идеальный функционер смерти, с моралью, психологией и юмором палача. Так, отправляя на тот свет своих коллег по партии, многие из которых были в свое время близкими соратниками Ленина, Берия — шутки ради — приказывал пепел после их кремации вывозить в качестве удобрения на поля подмосковного колхоза имени Ленина. И это ещё до того, как в Освенциме начали изготавливать абажуры из человеческой кожи.

Но и этим не ограничивались развлечения Лаврентия Берия. Обычно черные лимузины с правительственными номерами проносились по

Ближайшее окружение...

... Оно было патологически трусливым, ибо другого сорта людей Сталин возле себя не терпел.

Рядом с Хрущевым

Микоян. 1952 г. ▶

*Сталин обращается к
Хрущеву. 1952 г.
Крайний слева — Берия*

Москве на большой скорости, однако часть из них, со специфическими номерами госбезопасности, почему-то двигалась очень медленно, стараясь прижиматься к тротуарам. Из-за зашторенных занавесками окон прохожих рассматривали внимательные глаза самого Берия, но чаще — его подручных. Они высматривали для своего шефа привлекательных женщин и девочек от 12 лет и выше. Процедура была отработана. Жертву привозили в загородный особняк, где, улыбаясь сальными губами, её встречал уже обрюзгший к тому времени хозяин. О нет, Берия не набрасывался на жертву, как уличный головорез, срывая с неё платье. Наоборот, он приглашал за стол откусать вместе с ним, выпить бокал вина за здоровье товарища Сталина. Отказываться выпить за здоровье товарища Сталина нельзя, это уже преступление. После бокала вина, куда подмешивались специальные порошки, жертва впадала в глубокий сон...

А иногда и этого не требовалось. Как рассказывала автору известная советская киноактриса, когда её, тогда ещё молодую девушку, обманом привезли к Берия, хозяин, криво усмехнувшись, сказал: «Вы же здравомыслящий человек и понимаете, что вы в моей власти. Никто вам не поможет, так что давайте без эксцессов...» — и пригласил в постель. По слухам, на счету этого вурдалака значились сотни изнасилованных женщин. (С рассказами некоторых из них вы можете ознакомиться по книге Л. Васильевой «Кремлёвские жены».)

Своё пятидесятилетие — 29 марта 1949 года — Берия встретил на вершине могущества. Если он ещё и не достиг той власти, которой обладал Сталин, то, по крайней мере, был вторым после него. Недаром его называли Папой Малым, в отличие от Папы Большого. В последние годы жизни Сталин не просто опасался Берия, он боялся его. Натренированным нюхом вождь почувствовал смертельную опасность со стороны своего выкорыща и начал готовить операцию по устранению всего своего окружения. Но было уже поздно...

В предыдущей главе мы затрагивали вопрос о том, ускорил ли Берия смерть Сталина. Похоже, что ускорил. По крайней мере, дожившие до наших дней бывшие охранники Сталина уверены в этом. Так майор в отставке А. Рыбин расска-

зывает о тех днях: «Звонит Берия: о болезни Сталина никому не говорить и никуда не звонить». Первые врачи появились возле больного лишь через сутки. Таким «медицинским» способом для устранения неугодных фигур нередко пользовался и сам Сталин.

...И вот теперь, не дожидаясь последнего вздоха хозяина, Берия торопился в Кремль «брать власть». Можно представить себе состояние Хрущева и его коллег. Даже при жизни Сталина они боялись Берия до дрожи в печенке, а что будет теперь?! Опять непрерывный страх за собственные жизни и пресмыкание, но теперь уже перед Папой Малым. Опять жизнь на положении не то шута, не то лакея?! Да и пощадит ли он их жизни?!...

Как быть? Уйти в кусты и притаиться как прежде или действовать? Вот тут и начинается тот Хрущев, который нас интересует. Впервые за всю свою партийную жизнь он переборол животный страх и выбрал действие. Не будем кривить душой и отдадим ему должное: для этого требовалось немалое мужество, ибо любовью неверный шаг в этой игре стоил головы.

В первую очередь надо было объединить вокруг себя бывшее сталинское окружение. А было оно патологически трусливым, ибо другого сорта людей Сталин возле себя не терпел. Ни один из подручных Сталина, вспоминает Хрущев, не был надёжным человеком, поэтому каждый разговор был риском. Кабинетные интриганы, многоопытные карьеристы, они никогда не доверяли друг другу, следя за каждым шагом соперника. Их ничто не объединяло. Если кто-нибудь из них предаст и донесёт, то Берия прихлопнет их всех. Но в данном случае было нечто, что объединяло всю эту трусливую команду — страх за собственные жизни.

Арест Берия был намечен на 26 июня 1953 года. В этот день должно было состояться заседание Политбюро. Верный Хрущеву комендант Кремля вызвал из-под Москвы полк, которым командовал его сын. Весь план операции, кроме Хрущева, знали лишь несколько человек, в том числе и заместитель министра обороны маршал Жуков. За два часа до начала заседания Хрущев звонит своему фронтовому другу, командующему войсками Московского военного округа:

ХРУЩЕВ: У тебя есть верные люди? Такие, которым ты доверяешь, как себе?

КОМАНДУЮЩИЙ: Найдутся.

ХРУЩЕВ: Возьми с собой четырёх человек, и пусть прихватят с собой сигары.

КОМАНДУЮЩИЙ: Какие сигары?

ХРУЩЕВ: Ты что, забыл, как это называлось на фронте? (Хрущев имел в виду револьверы.)

Через час они уже въезжают в Кремль на машине министра обороны, которую кремлёвская охрана не останавливала. Поднимаются на второй этаж. Вот он — кабинет №1, где раньше сидел Сталин, а теперь здесь заседает Политбюро. В

приемной человек пятнадцать. Надо делать вид, что всё нормально, ничего не происходит, ведь здесь могут быть и люди Берия.

Это были тревожные минуты, вспоминает Хрущев. Уже все собрались, а Берия всё нет. А вдруг его кто-то предупредил?! Вот тогда-то он и прихлопнет их всех здесь, как в мышеловке. Наконец дверь открылась и вошел Берия. Рассеянно бросил на подоконник портфель и, тяжело плюхнувшись в кресло рядом с Хрущевым, спросил: «Какая повестка дня?» «Вопрос стоит один, — произнёс Хрущев, поднимаясь со стула, — о Лаврентии Павловиче Берия». Берия сразу же встрепенулся, пишет Хрущев, взял меня за руку, посмотрел на меня и говорит: «Что ты, Никита? Что ты мелешь?» — «Вот ты и послушай. Я об этом как раз и хочу рассказать...»

Через минут двадцать после начала заседания, в приёмной, где ожидали военные, раздались два длинных звонка. Это были условные сигналы. Военные, во главе с маршалом Жуковым, встали и направились к двери кабинета. Дорогу им преградил ничего не понимающий секретарь, но, отстранив его, они вошли в кабинет. Берия сидел, опустив голову, и что-то лихорадочно писал на листе бумаги. Он выводил одно и то же слово: «тревога», «тревога», «тревога»...

Далее предоставим слово Хрущеву:

«Жуков скомандовал Берия «Руки вверх!»... Другие (вошедшие) обнажили оружие... Берия рванулся к своему портфелю, лежащему у него за спиной на подоконнике. Я схватил Берия за руку, чтобы он не мог воспользоваться оружием, если оно лежало в портфеле...» (Тут надо сделать оговорку: этот эпизод Хрущев рассказывал многократно, в разных ситуациях и всегда по-разному, так что смело можно предположить большой процент фантазии...)

Под охраной военных Берия провели в смежную с кабинетом комнату, которая когда-то служила комнатой отдыха для Сталина. Сняли с него пенсне и раздавили, срезали пуговицы со штанов... Теперь он сидел близорукий и беспомощный, поддерживая руками падающие штаны. И тут встал следующий вопрос: что с ним делать дальше? Как незаметно вывести его из Кремля, который был буквально запружен его людьми? Если только ему удастся подать сигнал, то ситуация может повернуться в обратную сторону...

Это были тревожные часы, когда было ещё совсем не ясно, как всё это окончится. Берия, естественно, нервничал, многократно просился в туалет, видимо, рассчитывая подать сигнал своим людям. Охранявшие его генералы с пистолетами наготове сопровождали его. Остальные члены Политбюро, чтобы не вызывать подозрений и в то же время не выпускать друг друга из виду (а вдруг кто-нибудь решит предать! Неплохая компания, а?!), отправились на балет в Большой театр.

Так продолжалось до полуночи. К этому времени на правительственных машинах, не подлежащих проверке, в Кремль уже была завезена большая группа

армейских офицеров, которые должны были взять под свой контроль коридоры, по которым поведут Берия. Его провели боковыми ходами и посадили в машину министра обороны. Рядом с ним сели офицеры охраны, сунув под рёбра пистолеты. А через полчаса он уже был в специальном подземном бункере, оснащенном на случай войны как командный пункт Московского военного округа. Для охраны бункера дополнительно были вызваны войска, танки и бронетранспортёры.

Страх перед возможным нападением отрядов КГБ с целью освобождения Берия был так велик, что и следствие по его делу, и суд, которые, по утверждению официальных источников, продолжались шесть месяцев, велись в том же бункере. Была установлена радиосвязь между бункером и одной из комнат Кремля, где Хрущев и его коллеги, прильнув к динамикам, могли слушать допросы Берия — не скажет ли он чего-либо порочащего о ком-нибудь из них?! Тут же в бункере произошла и казнь Берия:

«С него сняли гимнастёрку, оставили белую нательную рубаху, скрутили веревкой руки сзади и привязали к крюку, вбитому в деревянный щит. Этот щит предохранял присутствующих от рикошета пули. Прокурор... зачитал приговор. Берия: Разрешите мне сказать...

Прокурор: Ты уже всё сказал... Заткните ему рот полотенцем...

Над повязкой сверкнул дико выпученный глаз, второй Берия прищурил... Пуля угодила в середину лба. Тело повисло на веревках... Подозвали врача. «Чего его осматривать, — заметил врач, — он готов. Я его знаю, он давно сгнил, ещё в сорок третьем болел сифилисом...»

(Антонов-Овсенко)

(По другой версии, со слов одного из генералов, участвовавшего в казни: страх перед Берия был ещё столь велик, а нервы людей так напряжены, что у кого-то они не выдержали, и он выстрелил Берия в спину, не доведя его несколько шагов до комнаты, в которой должна была произойти казнь).

Берия был палачом и вурдалаком, но его коллеги уничтожили его вовсе не за это. Количество преступлений, совершенных Берия, было достаточным, чтобы вынести ему смертный приговор. Суд не нуждался ни в каких подтасовках. И тем не менее, как сообщила пресса того времени, основным обвинением против Берия были вовсе не убийства тысяч ни в чем не повинных людей, а «шпионаж в пользу западных разведок» и «попытка реставрации капитализма в СССР». То есть та самая несусветная чушь, которую сподручные Берия пытками выколачивали в подвалах КГБ из своих жертв. Спрашивается, зачем эта глупая ложь была нужна Хрущеву и его коллегам по заговору? Почему, не мудрствуя лукаво, они не судили Берия за его реальные преступления? Да потому, что его реальные преступления не были в их глазах преступлениями, а если бы и были, то тог-

да они должны были бы разделить ответственность за них вместе с Берия. «...У нас прямых криминальных обвинений к нему не было», — пишет Хрущев. Породившая его и их система была одна, с ней они не собирались сражаться. Поэтому, помня о подвиге Хрущева в борьбе с Берия, не следует забывать и мотивов этого подвига.

Зато народный фольклор нашёл этим событиям свои весьма точные образы. По стране в то время гуляла частушка:

*«Лаврентий Палыч Берия
Не оправдал доверия —
Остались от Берия
Всего лишь пух да перья...»*

Описанная версия устранения Берия приведена нами, в основном, по официальным источникам — прессе того времени, воспоминаниям самого Хрущева, рассказам участвовавших в этом военных. Но так ли это было на самом деле? Был ли реальный суд над Берия? При том страхе, который испытывали перед ним Хрущев и его коллеги, осмелились бы они так долго тянуть? Почему не сохранилось ни одной фотографии, ни одного кинокадра этого судебного процесса? Где могила Берия? Были слухи, что он вообще был застрелен в тот же день прямо в Кремле. А сам описанный Хрущевым эпизод захвата Берия — не слишком ли он театрален? Да и что это за прокурор, могущий приказать заткнуть рот полотенцем человеку перед смертью? Каких речей Берия они боялись в глухом подземном бункере? Или что это за врач-циник? Повторяем, да — Берия изувер и заслуживает вынесенного ему приговора, но ведь его судит не шайка бандитов, а цивилизованный суд. Или, по крайней мере, так власти хотели это представить.

Недавно из печати вышла книга сына Берия, Серго «Мой отец — Лаврентий Берия». Судя по этой книге, отец автора был воплощением порядочности и честности. Он мечтал освободить заключенных. Если бы не он, ситуация в стране была бы ещё страшнее, чем она была. За полвека до Горбачева он уже был готов совершить «перестройку», но ему мешали окружавшие его мерзавцы. Вы же видите в чём его обвинял Хрущев — «попытка реставрации капитализма в СССР». Что касается «женских дел», то это злостная клевета. Если бы это было так, то гордая жена-грузинка устроила бы ему скандал.

Ладно, не будем строги. В конце концов — сын есть сын, это тоже надо понимать, тем более, что ряд утверждений автора не кажутся нам надуманными, а некоторые приводимые им детали заслуживают серьезного внимания. Так, например, сын утверждает, что никакого ареста отца и суда над ним не было, он был коварно убит в своем московском особняке. Эту же версию подтверждает профессор А. Веденин, бывший в то время сотрудником госбезопасности, и сам,

по его словам, участвовавший в этой акции («Неделя» №22, 1997). Как бы там ни было, но один вывод можно сделать — реальное «дело Берия» до конца ещё не обнародовано и ждёт своего исследователя.

Если устранение Берия было для Хрущева тем моментом жизни, в который произошло его превращение из сталинского лакея в волевого государственно-деятеля, то его звёздным часом бесспорно стал сделанный им доклад «О культе личности Сталина».

Шёл 1956 год, третий год после смерти Сталина. Хотя в стране и ощущалась некая оттепель, и даже возник маленький поток реабилитируемых, но в общем-то мало что изменилось. В тюрьмах и лагерях по-прежнему оставались миллионы ни в чем не повинных людей. КГБ по-прежнему наводило страх на народ. Инерция, созданная Сталиным, продолжалась. Правда, лагеря уже были не совсем те, что раньше. Их администрация сама была в растерянности, и это не могли не заметить заключенные. Любое жестокое обращение с ними вызывало бурю протеста, что было совершенно немыслимо ещё несколько лет назад. Кое-где начали вспыхивать бунты и даже восстания. И хотя они подавлялись с не меньшей жестокостью, чем прежде, тем не менее это были тревожные для системы признаки нового времени. Вот так описывает венгерский врач Франц Варкони восстание в одном из лагерей ГУЛАГа, участником которого он сам был. Восставшие захватили зону лагеря. На их подавление были брошены войска КГБ, танки и самолёты...

«...Ружейные залпы, вопли, стоны умирающих заполняют освещенную ракетами и пожаром зону. Пьяные чекисты ловят разбегающихся заключенных. С воем и криками они добивают валяющихся на земле раненых. Танк с грохотом разворачивается то туда, то сюда между бараками. Из его люка без передышки стреляют... Старик-армянин вызывается идти к че-

1 - Глава столичных большевиков. 1936 г.; 2 - С голубем на плече. Рядом — сын Сергей; 3 - На отдыхе. 1963 г.

кистам и сообщить им, что барак готов сдаться. Это был совсем старый человек и ветер раздувал его длинную седую бороду. «Послушайте, сынки!» — начал он, но пуля не дала ему продолжить. Кто-то из чекистов отрезал ему ножом голову и забросил её обратно в барак... Женщины и девушки второго барака... берутся за руки и с песней выходят во двор, навстречу танкам. Не будут же танки так просто врезаться в женские ряды, надеются они. Но танки врезаются. Стальные гусеницы проходят по женским телам. Пьяные танкисты за рулём в кровавом безумии...»

...Шёл февраль 1956 года. В Кремле заканчивался XX партийный съезд — первый съезд после смерти Сталина. Практически он мало чем отличался от всех предыдущих съездов — то же дружное поднятие рук, те же дружные аплодисменты и крики «ура». Приближался последний день съезда. Хрущёва мучил вопрос: как быть, рассказать правду о Сталине или промолчать?! Если промолчать, то что дальше? Раньше или позже люди выйдут из лагерей и расскажут эту правду сами. И что тогда? А с другой стороны, что значит рассказать правду о Сталине? Это не только свергнуть кумира, «это значит свергнуть систему, обнажив её сокровенные механизмы, из которых механизм тайны был не менее основополагающим, чем механизм страха». (М. Гёфгер)

Как вспоминает Хрущёв, когда он заикнулся перед своими коллегами по Политбюро о том, что следовало бы рассказать правду о Сталине, то поднялась буря. Основным доводом против был страх, страх ответственности, которая, конечно же, ложилась не только на Сталина. Ведь под многими расстрельными списками стояли их подписи. Хрущёв практически был единственным из всех, кто считал нужным рассказать правду о тех временах. И вот тогда, увидев, что ему не дадут выступить как главе партии, он заявляет, что выступит перед съездом от своего лич-

1 - *Правительственный заповедник Завидово под Москвой. Зима 1963-1964 гг.;*
2 - «Егерь»; 3 - Раздумье... ▶

◀ *Подмосковье. 1963 г.*

ного имени, как рядовой делегат. Это был не просто смелый, это был мужественный шаг, взметнувший его на гребень мировой истории.

В конце концов было решено, что доклад этот будет секретным, только для делегатов съезда.

Сегодняшнему читателю трудно представить атмосферу того зала, где сидело полторы тысячи ортодоксов, выросших на примитивных постулатах партийной библии. Потрясенные, они слушали Хрущева затаив дыхание. Четыре часа стояла гробовая тишина над огромным кремлевским залом, и лишь изредка раздавались тяжелые вздохи изумления. А Хрущев говорил. Он рассказывал о загубленных жизнях, о зверствах и пытках, о выколотых глазах и расстрелянных детях, о дворцовых убийствах средневекового типа и пирровых победах генералиссимуса. Гробовую тишину зала нарушал лишь полет единственной проникшей сюда нелегально мухи. Это была кричащая тишина.

Конечно, с самого начала было наивно думать, что такое событие можно сохранить в тайне. Да и сам Хрущев не стремился к этому. Уже через несколько дней полный текст этого доклада разошелся по западному миру. О нём знали все, кроме

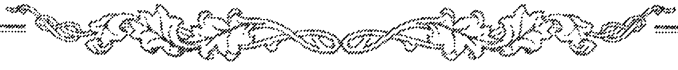
1 - Хрущев и Фидель Кастро в заповеднике Завидово под Москвой, 1963 г.; 2 - Кабан завален; 3 - На Кубе такого зверя нет? Заповедник Залесье под Киевом. 22 января 1964 г.; 4 - Хрущев и Кастро в лодке ▶

советских граждан. И тогда, по приказу свыше, этот «секретный» доклад начали «тайно» читать по всей стране. Пронумерованные копии его рассылались по учреждениям со строгим приказом — после «тайного» коллективного прочтения возвращать эти копии назад в Москву. Будучи в то время студентом, автор данной книги на всю жизнь запомнил тот вечер, когда в тесную институтскую аудиторию, рассчитанную на человек пятьдесят, нас набилось несколько сот. Прижавшись друг к другу, сидя на столах и подоконниках, не шевелясь, обливаясь потом, мы прокручивали в своём сознании этот страшный документальный фильм нашей жизни...

Доклад Хрущева буквально нокаутировал страну. Люди смотрели друг на друга растерянно, говорили шёпотом и в прямом смысле слова находились в шоке. Десятилетиями им вдалбливали в головы слова о величии их системы, о непогрешимости их вождей, достигших чуть ли не божественной чистоты. А на поверку оказалось, что это была лишь шайка уголовников.

Помню, мы вышли после чтения доклада уже не теми, какими вошли в эту аудиторию — молчаливыми, задумчивыми, повзрослевшими. Мы вышли «хрущевцами», которые уже никогда ничего не захотят принять на слепую веру. Это было пробуждение, пробуждение целого народа. Для молодых оно оказалось прозрением, а для людей старшего возраста, отдавших этой системе всю сознательную жизнь — тяжелым нервным потрясением, от которого они долго не могли оправиться. После доклада Хрущева общество уже было не тем, каким оно было до него. Не желая того, Хрущев пошатнул все здание большевистской системы. Чтобы отважиться на такой шаг, нужно было еще большее мужество, чем при аресте Берия. Хрущев не мог не понимать, что вся система, организованная Сталиным и продолжающая функционировать по созданной им схеме, обрушится на него.

Мы не будем взвешивать на аптекарских весах все доводы «за» и «против», которыми руководствовался Хрущев, идя на этот шаг, но мы уверены, что человеческое сострадание при этом тоже присутствовало. Природа наделила Хрущева мощным инстинктом самосохранения, который помог ему уловить глухие подземные толчки, начавшиеся в народе.

После такого разоблачения сохранять и дальше сталинскую систему в неприкосновенности было уже невозможно. Ворота лагерей распахнулись и миллионы полуживых людей начали возвращаться к жизни. Они всегда будут благодарны Хрущеву за это. Это деяние навсегда останется его подвигом...

«...В ту пору ему минуло шестьдесят лет, но выглядел он очень крепким, подвижным и до озорства веселым, — вспоминает профессор Бурлацкий, сопровождавший Хрущева во многих зарубежных поездках. — Чуть что, он всхохотывал во весь свой огромный рот... Его широкое лицо с двумя бородавками и огромным лысым черепом, крупный курносый нос и сильно оттопыренные уши вполне могли принадлежать крестьянину из среднерусской деревни или подмосковному рабочему, который пробирался мимо очереди к стойке с вином... И только глазки, маленькие карие глазки, то насыщенные юмором, то гневные, излучавшие то доброту, то власть... эти глазки выдавали в нём человека сугубо политического, прошедшего огонь и воду и медные трубы...»

Остаётся лишь удивляться, что, несмотря на то, что Хрущев прошел суровую школу сталинской замкнутости, проведя большую часть жизни в атмосфере страха и подозрительности, он остался человеком жизнерадостным, импульсивным, сохранившим живые человеческие черты, чего никак нельзя было сказать об остальных членах сталинского окружения. Он любил приглашать к себе на дачу артистов и с удовольствием распевал вместе с ними южнорусские народные песни, хотя голоса не имел никакого. Проведя детство в деревне, ходя в подпасаках,

◀ *Кастро с внуком Хрущева, Никитой. Май 1964 г.*

он слышал эти песни и любил их. Говорят, что руководство советского радиовещания, зная, в какое время Хрущев обычно гуляет по парку приложив к уху портативный радиоприёмник, подаренный ему в Америке, специально для него транслировали в это время деревенские песни.

По старому китайскому поверью бородавка возле носа — это знак избранной судьбы. Хрущев был обладателем такой бородавки, которая всё время подёргивалась, будто желая вызвать смех и у своего хозяина, и у других. Вообще, ни одного повода посмеяться или сострить он не упускал. Он обожал рассказывать и слушать двусмысленные анекдоты и охотно употреблял сочные непечатные слова. Нередко подобного рода словечки вырывались у него на трибуне. Его знаменитая «кузькина мать» обошла весь мир, принесла много хлопот переводчикам. Министр сельского хозяйства рассказывает, как однажды в Москву прилетел американский фермер Гарст, с которым Хрущев познакомился при посещении Америки. Хрущев приказал привезти его к себе на дачу. Министр предупредил, что Гарст, мягко говоря, человек беспардонный: не говорит, а орёт, не смеётся, а хочет, любит класть ноги на стол и вообще хамоват. «Ничего, — ответил Хрущев, — везите, а нахамить мы умеем не хуже».

Как это ни покажется странным, учитывая весь предыдущий опыт его жизни, но в нём сохранилось нечто детское. Скорее всего, это была не детская наивность, а детская любознательность, стремящаяся открыть новый, неизвестный ей мир. Он обожал всевозможные технические игрушки и в прямом смысле слова игрался ими. Профессор Бурлацкий, сопровождавший Хрущева в поездке по Югославии, вспоминает, как во время встречи с Тито, когда тот произносил речь, Хрущев то и дело вынимал из кармана недавно подаренные ему всемирно известным физиком Лео Сцилардом часики, у которых циферблат открывался, как глазок фотоаппарата, и с любопытством рассматривал их. Его совершенно не интересовало время, его просто тянуло поиграть этой забавной штучкой. А чтобы не подумали, что он торопит хозяина, он проделывал всё это под столом, думая, что никто этого не заметит.

Военные рассказывали, в какой восторг приходил Хрущев на испытаниях новой техники. И восторг этот был вызван в первую очередь не боевыми качествами этой техники, а тем, как хитро она придумана. Можно почти с уверенностью сказать, что его влюблённость в космос далеко не на все сто процентов была продиктована стратегической задачей. Она была также и частью его натуры. Зять Хрущева, главный редактор газеты «Известия» Алексей Аджубей, вспоминает, как «1-го апреля 1961 года Королёв (конструктор советских космических ракет) позвонил Хрущеву... и кричал в телефонную трубку осипшим от усталости голосом: «Парашют раскрылся, идет на приземление!»

◀ Триумф...

У самовара!

Корабль в порядке!» Речь шла о приземлении Гагарина. Хрущев всё время переспрашивал: «Жив, подаёт сигналы? Жив?» Никто тогда не мог сказать точно, чем кончится полёт. Наконец, Хрущев услышал — «Жив!» Это был момент его личного триумфа!..»

Его заграничные поездки далеко не всегда были вызваны политической необходимостью. Нередко он сам придумывал их себе. Не следует забывать, что он, как и все советские люди, прожил жизнь в закупоренной Сталиным консервной банке. Запад был для него чем-то вроде обратной стороны Луны. И вот теперь, вырвавшись из-под пяты Сталина, он жаждал увидеть этот новый для него мир. Он не скрывал удовольствия от этих поездок. Он не просто раскланивался и произносил речи, но и любовался древностями Индии, красотами Франции, величием Америки. Только человек, переживший времена Сталина, поймет, что слово «любовался» — это уже признак человечности. Та детская любознательность, которая влекла Хрущева к игрушкам, влекла его и к новым местам. В отличие от Сталина, отделенного от жизни бронёй, Хрущев рвался увидеть подлинную жизнь. Как справедливо отмечает историк М. Гефтер, Хрущев сделал важнейшее для себя и всего советского общества открытие, признав, что непохожесть вовсе не обязательно должна обозначать враждебность.

Вообще подлинная жизнь привлекала Хрущева гораздо больше, чем любая форма выдумки. Так, например, он любил цирк и документальное кино, но весьма прохладно относился к художественному. Он обожал общение с простыми, особенно сельскими, людьми, ибо сам не утратил черт мастерового, любящего побалагурить, позубоскалить, поудивляться. Он любил хвастаться тем, что сохранил сундучок со своими слесарными инструментами, которыми пользовался еще в молодости, когда работал на шахте. Зато общение с интеллигенцией было у Хрущева затруднено и нередко вызывало в нём агрессивность.

◀ 1 - Разговор с космосом; 2 - Юрий Гагарин

Известно, что Хрущев сам своих речей не писал. Да и вообще, изложение мысли на бумаге давалось ему с большим трудом. Чтобы написать простенькое письмо, требовалось вызвать стенографистку, продиктовать ей смысл письма, а уж затем референты оформят его с надлежащей грамотностью. Даже в тех немногочисленных резолюциях, которые Хрущеву иногда приходилось накладывать на официальные документы, было множество орфографических ошибок.

Но при всём этом он был глубоко уверенный в себе человек. Несмотря на то, что тексты его выступлений, конечно же готовились заранее, когда он начинал выступать, никто не знал, чем и как это выступление окончится. Видимо, по причине своих письменных затруднений Хрущев обожал устную речь и импровизацию. Нередко он просто засовывал в карман заготовленный текст и начинал «нести от себя», то гневно, то иронически, то стуча кулаком по трибуне, то похотывая вместе с аудиторией.

Об импульсивности Хрущева ходили легенды. Многие авторы по сей день изображают его в виде буйного молодца, который в любой момент мог грохнуть кулаком по столу или башмаком по трибуне. Да, всё это было — и кулак, и башмак, но образ Хрущева, поддающегося секундной вспышке гнева, неверен. Не следует забывать, что он прошёл высочайшую школу актёрского мастерства — школу Сталина. Так что все его якобы внезапные «вспышки» были в основном действиями актёрскими, заранее обдуманнами. Хотя, конечно, полностью исключить экспансивность в его поступках нельзя.

Самым шумным хрущевским спектаклем было, конечно, стучание башмаком по столу в ООН. Но и это тоже не было импровизацией, хотя сам башмак, как предмет, возможно и попался под руку случайно. Вот что рассказывает по этому поводу зять Хрущева:

«В этот день должен был разбираться малоприятный для советской делегации «венгерский вопрос». За день до этого, за завтраком, Хрущеву сказали, что перед самым началом обсуждения этого вопроса его предупредят, чтобы советская делегация в знак протеста успела покинуть зал. «Покинуть?» — удивился Хрущев. Тут же было решено, что зала они покидать не будут, а устроят обструкцию и попытаются сорвать выступления ораторов. На следующий день, когда председательствующий объявил о начале

Первая женщина-космонавт

◀ *Валентина Терешкова только что вернулась на Землю*

◀ Путешественник...

1 - На приеме у магараджи. Индия, 1955 г.; 2 - В Голливуде (США), 1959 г.; 3 - С президентом Кеннеди. Вена; 4 - Париж, 1962 г. Дарит Эйзенхауэру и Никсону вымпел, доставленный советской ракетой на Луну. Вскоре после этой встречи над Уралом будет сбит американский самолет-шпион и Хрущев пообещает капиталистам, что мы их «закопаем», а заодно ещё и покажем им «кузькину мать»; 5 - С балкона резиденции. Париж, 1960 г.; 6 - США. На ферме у мистера Гарста, крупнейшего специалиста Америки по выращиванию кукурузы; 7 - На острове Бриони, где находилась резиденция Тито. 1963 г.

рассмотрения «венгерского вопроса», к удивлению всего зала, советская делегация не ушла. Хрущев начал непрерывно, но в соответствии с процедурными правилами, вносить запросы, требуя разъяснений и уточнений, требуя, чтобы ораторы предъявляли свои мандаты, короче, делать всё, чтобы сорвать выступления. Кроме того, члены советской делегации, в том числе и Хрущев, каждый в силу своего темперамента, колотили откидными крышками столиков. В зале стоял шум и хохот. И в этот момент у Хрущева с руки соскользнули часы. Он начал шарить под столом, чтобы найти их, но мешал живот. Вместо часов Хрущев наткнулся на собственные ботинки, которые он обычно снимал под столом, чтобы не затекали ноги. Ну, ботинок, так ботинок, им ещё удобнее стучать...

Кстати, когда вслед за «венгерским вопросом» началось обсуждение «алжирского вопроса», то, покидая в знак протеста зал заседаний, французская делегация не без остроумия заявила, что идёт покупать горнолыжные ботинки.

Кроме вот таких «безобидных» черт характера, Хрущев, конечно же, вынес из сталинской школы и другие черты. Подобно Сталину, он не терпел подле себя людей сильных, независимых. Ему легче было полагаться на льстецов. Хотя Хрущев и не назовёшь злым, а скорее по-мужицки хитрым и расчётливым, но коварство в нём было. Чего стоит, например, смещение с поста министра обороны маршала Георгия Жукова. Того самого Жукова, который фактически был главной опорой Хрущева при ликвидации Берия. Говорят, что провожая Жукова перед его полётом в Югославию, Хрущев заботливо поправил на нём шарфик со словами: «Георгий, не простудись, сейчас ветрено». А спустя несколько часов, когда самолет маршала ещё находился в полёте, он уже был смещён со всех своих постов. Хрущев не мог забыть оброненную когда-то маршалом фразу: «Ни один танк без моего приказа с места не сдвинется!» Хотя фраза эта была сказана в поддержку Хрущева.

Хрущев правил страной десять лет. Но, как справедливо выразился кто-то из историков, не было «десятилетия Хрущева», а было два раза по пять. Эти «два по пять» и отразил скульптор в его надгробном памятнике «белой» и «черной» сторонами. Хрущеву не хватило ни культуры, ни внутренней силы, чтобы не деформироваться под тяжестью той огромной власти, которой он стал обладать. Ес-

◀ *Путешественник... (продолжение)*

1 - На рыбном рынке. Норвегия. 1964 г.; 2 - Албания, 1959 г.; 3 - В Каире. Рядом президент Насер

ли его первые пять «белых» лет были годами Хрущева-реформатора, сокрушавшего сталинский режим деспотизма, то следующие пять «черных» лет были годами Хрущева-консерватора, испугавшегося своих же деяний. В этом и заключалась человеческая трагедия Хрущева.

Кто-то из философов сказал, что «культура — это терпимость». С Хрущевым случилось то, что уже неоднократно случалось в истории с людьми невысокой культуры, оказавшимися на вершине власти. Его видимая деформация началась где-то в году 58-м, когда он, как говорят в народе, «сошёл с тормозов». Нередко доходило до абсурда. Уже упоминавшемуся нами американскому фермеру Гарсту, всю жизнь занимавшемуся выращиванием кукурузы, Хрущев мог давать советы, как эту культуру выращивать. От ученых-ядерщиков он мог потребовать «открыть новую элементарную частицу» к очередному коммунистическому празднику. Совершенно не разбираясь в экономике, он бросил лозунг — «догнать и перегнать Америку», что тут же породило в народе сотни анекдотов и насмешек — «Догнать-то можно, а вот перегонять не стоило бы, а то они увидят наши рваные штаны и голую задницу». И, наконец, вершиной захватившей Хрущева эйфо-

*1 - Дания, 1964 г.;
2 - С Тито ▶*

◀ *По стране...*

1 - Начало 60-х годов. С простым народом он умел находить общий язык...;
2 - На Украине, 1963 г.;
3 - В донской станице у писателя Михаила Шолохова (по правую руку от Хрущева)

рии было обещание, которое в своё время побоялись дать даже Ленин и Сталин. «Партия торжественно заявляет, — красовалось на всех заборах, — что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Это было воспринято в народе как очередной анекдот.

Однако жирной чертой, чётко разделившей «белые» и «черные» периоды хрущевского правления, стали события июня 1962 года в городе Новочеркасске на юге России, когда тысячи рабочих, протестуя против резкого повышения цен на мясо, вышли на улицы города. В руках у некоторых были самодельные плакаты: «Хрущева на мясо!» Власти ответили на

1 - Грузинское застолье с Фиделем Кастро.

Гудауты, 1963 г.

2 - ...Пошел в пляс... ▶

это танками и пулемётами. Очевидцы рассказывают, что, как спелые груши, падали с деревьев срезанные пулемётными очередями ребятишки, забравшиеся туда из любопытства. Десятки убитых и раненых, залитые кровью мостовые... Здесь, в Новочеркасске, Хрущев-консерватор расстрелял идеи Хрущева-реформатора...

Ещё одной «черной» страницей последних лет правления Хрущева были его так называемые «встречи с интеллигенцией». Как мы уже говорили, насколько без видимых затруднений Хрущев умел общаться с простым народом, настолько же он испытывал некомфортабельность при общении с интеллигенцией. Хотя, если говорить объективно, интеллигенция была его основной поддержкой, ибо для неё демократические преобразования первых пяти лет правления Хрущева, ослаблявшие режим сталинского деспотизма, были гораздо важнее, чем его экономические срывы. Это не могло не нервировать партийный аппарат, окружавший Хрущева и сохранявший, в общем и целом, мышление и замашки сталинских времён. Этот аппарат всеми силами старался настроить Хрущева против «неблагодарной интеллигенции», сочиняющей о нём анекдоты и якобы настраивающей против него простой народ. С этого и началась хрущевская кампания против интеллигенции.

Первый шумный скандал, с криками и топаньем ногами, разразился в 1962 году в «Манеже» (Центральном выставочном зале Москвы). Впервые за много десятилетий для участия в официальной выставке были приглашены художники-авангардисты, которые до этого времени находились фактически на нелегальном положении. Они, конечно же, не догадывались, что приглашение это было провокацией, задуманной партийным аппаратом против интеллигенции. Авангардисты должны были послужить своего рода детонатором к этому.

*1 - С дочерью Еленой, скончавшейся от тяжелой болезни в молодом возрасте;
2 - Семья — дочь Лена, сын Сергей, жена Сергея, дочь Рада, Нина Петровна, муж Рады, главный редактор газеты «Известия», Алексей Аджубей. Москва, 1963 г. ▶*

«1 - 70-летний юбилей Хрущева в Кремле. Сколько Иуд, уже вынашивавших заговор против него, сидят за этим столом?!; 2 - Предчувствовал ли он, как недолго осталось ему быть хозяином этого кабинета?»

Как рассказывает участник этой выставки, художник Борис Жутковский, их пригласили буквально за день до намечавшегося прибытия на выставку Хрущева и отвели им три зала на втором этаже.

«За одни сутки мы привезли и смонтировали всю экспозицию. Всю ночь прибывали гвоздики, вешали картины, мастерили подмости для скульптур и от избытка радости дурачились... В часа три утра мы разошлись, а в девять уже были обратно... Когда подъехал Хрущев, я пристроился к его свите и ходил за ними по первому этажу (там в основном были выставлены работы художников-реалистов), слушая, как не ведомый нам замысел претворяется в исполнение... Хрущев орал, что ему бронзы на ракеты не хватает (а тут её тратят на какие-то там скульптуры!)... Те же, кто шел рядом с ним, подливали масла в огонь... Когда подошло время к нам на второй этаж подниматься, я побежал вперед... Через полминуты поднимается Хрущев. Он останавливается и, обняв за плечи (одного из художников) и меня, говорит: «Мне сказали, что вы делаете плохое искусство. Я не верю, пошли посмотрим». И мы втроём в обнимку входим в зал. Хрущев оглядывается и упирается глазами в картину... «Вы, что, господа, педерасы?» Он этого слова не знает, так что произносит, как слышал... Разворачивается корпусом, упирается в мою картину и начинает наливать малиновым цветом... Моих картинок в зале было четыре. И так получилось, что на все четыре его Бог вынес. Когда Хрущев подошёл к моей последней работе — автопортрету — он уже куражился... «Если взять картон, вырезать в нём дырку и приложить... к твоему портрету, то что будет? Женщины должны меня простить — жопа». И вся его свита мило заулы-

балась... Вдруг за плечами у Хрущева выплывает физиономия одного из приближенных: «...Они иностранцам свои холсты продают...» (По тем временам это был политический криминал). Глаза у Хрущева немедленно стали, как у неистового хряка перед случкой. Совершенно стальные. И в полной тишине он смотрит на меня. Набрав воздух, я говорю: «...даю вам честное слово, что никто из присутствующих здесь художников ни одной картины иностранцам не продал...» А Эрнст Неизвестный (будущий автор надгробного памятника Хрущеву) всё это время зверюгой ходит. Он небольшого роста, черноглазый и дико активный. Крайне максималистичен. Вожак... Он встаёт перед Хрущевым и говорит: «...вы глава государства и я хочу, чтобы вы посмотрели мою работу». Хрущев от такой формы обращения оторопел и пошёл за ним в третий зал... Как только Хрущев увидел работы Эрнста, он опять сорвался и начал повторять свою идею, что ему бронзы для ракет не хватает. И тогда на Эрнста с криком выскочил (министр КГБ): «Ты где бронзу взял? Ты у меня отсюда никуда не уедешь!» На что Эрнст, человек неуправляемый, вытаращил черные глаза и в упор...: «А ты на меня не ори! Это дело моей жизни. Давай пистолет, я сейчас здесь на твоих глазах застрелюсь!» Выходили мы с выставки с таким чувством, будто нас у входа ждут «черные вороны» (тюремные машины)».

Передать своими словами атмосферу следующих двух «встреч с интеллигенцией» невозможно, ибо, как выразился известный кинорежиссёр Михаил Ромм — «это уже был какой-то сюрреализм, что-то невероятное». Поэтому, попросив извинения у читателя, мы воспользуемся еще одной цитатой, взятой из воспоминаний Михаила Ромма.

«...Я принадлежал к числу поклонников Хрущева. Меня даже называли «хрущевцем»... Я старался ему прощать всё. Правда, иной раз попадались такие необыкновенности, которые заставляли оторопеть. Вдруг на одном из митингов он говорит: «Идеи Маркса это, конечно, хорошо, но ежели их смазать свиным салом, то будет ещё лучше»... В декабре шестьдесят второго я получил приглашение на приём... Приехал... Все тут: кинематографисты, поэты, писатели, живописцы и скульпторы, журналисты... — вся художественная интеллигенция... Началось с доклада... Вначале Хрущев вёл себя как добрый хозяин... а потом постепенно как-то взвинчивался, взвинчивался и обрушился прежде всего на Эрнста Неизвестного... Долго искал, как бы это пообиднее объяснить, что такое Эрнст Неизвестный. И, наконец нашел, нашел и очень обрадовался... «Ваше ис-

1 - Стоят — скульптор надгробного памятника Хрущеву Эрнст Неизвестный и сын Хрущева Сергей. Сидит художник Борис Жutowский; 2 - Эрнст с друзьями возле своего произведения; 3 - Обруганный Хрущевым скульптор Эрнст Неизвестный трудится над его головой. Москва, 1971 г.

куство похоже вот на что: вот если бы человек забрался в уборную, залез бы внутрь стульчака и оттуда, из стульчака, взирал бы на то, что над ним, ежели на стульчаке кто-то сидит... Вот что такое ваше искусство...» Потом на трибуну вышел поэт Андрей Вознесенский... Хрущев почти мгновенно его прервал и, взвинчивая себя до крика, начал орать на него... «клеветник», «что вы тут делаете», «вам нравится там, за границей, у вас там покровители — катитесь туда!..»

Вознесенский:

— Я здесь хочу жить!

— А если вы здесь хотите жить, так чего же вы клеветецете!?!..

Пока Вознесенский что-то пытается ответить, Хрущев вдруг... обращается в зал...:

— А вы что скалите зубы!?! Вы, очкарик, вон там, в последнем ряду, в красной рубашке! Вы что зубы скалите? Подождите, мы ещё вас послушаем, дойдёт и до вас очередь!

Вознесенский не знает что продолжить...:

— Я честный, я за Советскую власть, я не хочу никуда уезжать... Я вам, разрешите, прочту свою поэму «Ленин»...

Хрущев:

— Не надо нам вашей поэмы... — и тут же без перехода, — ну, вы там, вы, что скалили зубы! Вы, там, в очках, пожалуйте сюда...

Встаёт какой-то человек в задних рядах: — Я?

— Да нет, рядом

Встаёт другой: — Я?

— Вы, вы, вы...

Идёт по проходу человек, действительно в очках, в красной рубашке, без галстука... Худенький такой человек...

Хрущев ему:

— Вы кто?

— Я... Я Голицын... (Широко известная древнерусская княжеская фамилия)

— Что, князь Голицын?

— Я не князь... Я художник... художник-график... Я реалист. Хотите, свои работы могу показать...

— Не надо. Ну, говорите...

— А что говорить?.. Я не собирался говорить...

— Ну, раз вышли, так говорите.

— Может быть я стихи почитаю?

— Какие стихи?

— Маяковского...

И тут в зале раздался истерический смех, потому что это нервное напряже-

ние уже было невыносимо. Сцена эта делалась уже какой-то сюрреалистической...

Хрущев:

— Не надо, идите.

Голицын пошел и вдруг обернулся:

— А работать можно?

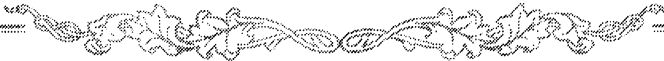
Хрущев:

— Можно...»

Пройдет несколько лет, и уже на пенсии, лишившись всех своих постов, Хрущев, вспоминая о своих «встречах с интеллигенцией», с горечью скажет, будто извиняясь перед всеми теми, кого он когда-то оскорбил и обидел: «Зачем я полез тогда в это дело, в котором ничего не понимал... Они меня провоцировали, а я полез... Не надо было этого...» Он растрогается до слёз, когда Эрнст Неизвестный, некогда обруганный и оплеванный им, пришлёт ему в подарок книгу Достоевского «Преступление и наказание» со своими иллюстрациями к ней. А когда Хрущева не станет, его родственники обратятся к Эрнсту с просьбой сделать его надгробный памятник. Эрнст согласится при одном условии: он сделает его так, как считает нужным, и никто не вправе вмешиваться. Как выразился скульптор: «Покойник при жизни испортил мне несколько лет, теперь он сделает это и после смерти, но заказ я выполняю, я сам этого хочу. Он стоит того». Этот памятник по сей день стоит на могиле Хрущева.

Спустя ряд лет, встретившись с Эрнстом в Нью-Йорке, куда он эмигрировал в начале семидесятых годов, автор данной книги в застольной беседе как-то спросил его: «Зачем ты уехал из России? Чего тебе там не хватало? Денег? Славы?» «Да нет, — задумчиво ответил Эрнст, — всего этого у меня там было больше, чем здесь... Всё это ерунда. Понимаешь, когда впервые я вплотную соприкоснулся с нашим правительством, когда увидел пещерный уровень людей, которые нами руководят... Мне стало жутко. Этого я вынести не мог...»

...В 1964 году Хрущеву исполнилось 70 лет. Несмотря на преклонный возраст, он остался крепким и деятельным. Шумный праздничный обед был устроен в Кремле. Газеты были заполнены портретами юбиляра. В официальных выступлениях его превозносили почти в тех же выражениях, в которых когда-то превозносили Сталина, правда слов «великий» и «гениальный» пока ещё избегали. Ничто не предвещало никаких перемен. Ритм жизни главы государства продолжал оставаться бурным: запуски космических ракет, скандалы по вопросам сельского хозяйства, поездки по стране и миру... За неполных девять месяцев этого года, он уже провёл в разъездах 135 дней! Теперь, в конце сентября, он съездит на секретный ракетодром Байконур в Казахстане, где намечено испытание новых типов ракет, а затем, как обычно, на отдых к Черному морю.

События следующих дней, изменившие всю дальнейшую жизнь Хрущева и всей страны, как и положено событиям такого рода, ворвались неожиданно. «Этот звонок по телефону правительственной связи, — вспоминает старший сын Хрущева, Сергей, — раздался в один из дней, когда отец находился на ракетодроме. Незнакомый голос просил к аппарату Хрущева. Это было странно, так как все, кто по своему рангу имел доступ к правительственной связи, знали, что Хрущева нет в Москве. Оказалось, что звонит сотрудник КГБ среднего ранга, который хочет сообщить нечто сверхважное. К этому телефонному аппарату, по которому лишь и можно было дозвониться до Хрущева, он прорывался долгое время. И вот сейчас он воспользовался моментом, когда его шеф, имевший доступ к этой связи, вышел из кабинета. Такой случай может не повториться». Голос был взволнованный и просил Сергея Хрущева встретиться с ним.

Встреча произошла в лесу под Москвой. То, что рассказывал звонивший, было маловероятно и походило на полицейский роман. По его словам, вокруг Никиты Хрущева давно плетётся заговор, во главе которого стоит Брежнев и еще несколько человек из ближайшего окружения Хрущева. То есть, те самые люди, которых Хрущев собственноручно выгнал из небытия к вершинам власти и считал «своими людьми». (О многоопытный, но малограмотный Никита! Он забыл прописную истину, что «предают только свои»).

Ни Сергей Хрущев, ни его лесной собеседник и подумать в тот момент не могли, что, начиная с их первого телефонного разговора по правительственной связи и кончая разговором в лесу, каждое их слово будет записано на плёнку и ляжет на стол министра КГБ, тоже участвующего в заговоре. Они также не знали, что подобную информацию получила и старшая дочь Хрущева, Рада, жена Аджубея, но не поверила ей и оставила без внимания.

Хрущев вернулся через несколько дней. Рассказ сына не произвёл на него должного впечатления. Он просто не поверил этому. Более того, с вопросом — «правда это или нет?» — он обратился к тем самым людям, которые подозревались в заговоре. Что это — святая наивность или элементарная глупость? Кажется, ни в том, ни в другом Хрущева не обвинишь. Скорее, как считает его зять, он уже и сам догадывался о заговоре, но не хотел этому верить. Если бы он захотел действовать в духе Сталина, то должен был бы при первом же слухе о заговоре изолировать всех, не деля на правых и виноватых. Но он на это не пошел.

Через несколько дней Хрущев улетел на отдых к Черному морю. 12 октября на орбиту должен был быть выведен корабль с тремя космонавтами на борту. Хрущев знал время запуска и сейчас, сидя возле бассейна, то и дело поглядывал на часы. Порядок был такой: сразу же после запуска ему звонили и докладывали, как прошел запуск. Хрущев обожал такие минуты. Космос он счи-

Еще вчера перед ним трепетал мир, а сегодня — всеми забытый пенсионер ►

тал своим детищем и следил за каждым шагом в этой области. Вот и сейчас, зная, что запуск уже произошел, он нетерпеливо поглядывал на телефонный аппарат, ожидая сообщения. Но телефон молчал. Прошло двадцать — тридцать — сорок минут... Казалось, что о Хрущеве забыли. Такого ещё никогда не было, вспоминает его сын, в этом было что-то злое. Наконец Хрущев не выдержал и сам поднял трубку. Соединили быстро, но вместо того, чтобы оправдываться, высокопоставленный кремлёвский чиновник на том конце провода, который обязан был доложить о запуске, вяло промямлил извинения, заявив, что был занят. Взрыв хрущевского негодования он тоже воспринял без должного страха, что также было необычно...

Через короткое время Хрущеву сообщили, что через несколько минут должен произойти его запланированный разговор с космонавтами. «Отец обожал эти телефонные разговоры с космонавтами, — пишет Сергей Хрущев. — Он с детской непосредственностью восхищался техникой, которая позволяет вот так просто, из дачного кабинета, связаться с космическим кораблём».

После разговора с космонавтами Хрущев и отдыхавший на соседней даче Анастас Микоян пошли погулять по пляжу. С Микояном Хрущев связывали не только старые приятельские отношения, но и некая общность судеб. Оба они многие годы пребывали в ближайшем окружении Сталина, оба десятилетиями дрожали за свои жизни, оба оказались политическими долгожителями.

Прогулку прервал дежурный, доложив, что из Кремля звонит Брежнев и просит к аппарату Хрущева. Разговор был странным и неожиданным. Несмотря на то, что Хрущев лишь неделю назад улетел на отдых, Брежнев просил его прибыть на следующий день в Москву, поскольку, как он сказал, необходимо было решить некоторые вопросы по сельскому хозяйству. Несмотря на недовольный тон Хрущева, Брежнев продолжал настаивать, и, как впоследствии выразится Хрущев, го-

- « 1 - *Мелкие радости пенсионера - собаки, внуки, дача...*;
2 - *... и всегда преданная Нина Петровна...*

лос его был «почти истеричным». Вспоминая, как заговорщики пытались заставить трусоватого Брежнева позвонить Хрущеву, министр КГБ того времени пишет: «Мы его еле уговорили. Почти силой притащили к телефону. Дрожащим голосом Брежнев сказал Хрущеву, что завтра заседание... В конце концов Хрущев согласился: «Ладно, — сказал он с раздражением, — присылайте самолёт...»

Продолжив после телефонного разговора прогулку по пляжу, Хрущев, помолчав, вдруг сказал Микояну: «Знаешь, Анастас, нет никаких у них неотложных дел по сельскому хозяйству. Думаю, что этот звонок связан с тем, о чем говорил Сергей».

Ночь прошла беспокойно. Необычно вела себя морская охрана КГБ. Было похоже, что дача блокирована ими с моря, будто они боялись, что Хрущев вплавь удерет в Турцию.

Обычно при каждом отбытии Хрущева из Москвы или прибытии его провожали и встречали на аэродроме все члены правительства. И хотя чувствовалось, что ему это нравится, он, тем не менее, любил поворчать: «И чего собрались, будто я без вас дороги не найду...»

На этот раз встречавших на аэродроме было два человека — министр КГБ и начальник охраны. На вопрос Хрущева: «Где остальные?», министр ответил: «Все в Кремле, ждут вас». Если вчера ещё можно было ставить под сомнение, догадывался или не догадывался Хрущев о том, зачем его так срочно вызвали в Кремль, то теперь, сойдя с трапа самолёта, ни он, ни прилетевший с ним вместе Микоян, уже не сомневались, что речь в Кремле пойдет совсем не о сельском хозяйстве. Всё стало ясно, всё встало на свои места.

...Те из самых рьяных подхалимов, которые ещё вчера подобострастно пели ему дифирамбы, сегодня остервенело кричали из зала: «Под суд его!» Хрущева обвиняли во всех смертных грехах. Некоторые из обвинений были справедливы, другие — мелки и надуманны, но самое главное было не в этом. Его смещали не люди, заботившиеся о благе страны, а очередная рвущаяся к власти клика.

Хрущев был подавлен, изолирован, бессилён что-либо предпринять.

— Я понимаю, что это моя последняя политическая речь, — сказал он... — но я хотел бы обратиться к партии с просьбой...

Единственные, кто не предал его, это та самая «гнилая интеллигенция», на которую он когда-то топал ногами. (Стоит художник Борис Жутковский) ▶

« 1-2 - Он увлекся фотографией, уроки которой давали ему фотограф Кауфман с сыном; 3 - «Русский пейзаж» — фото Хрущева. На одном из вернисажей его фотоработы стали чуть ли не гвоздем выставки

— Этого не будет, — грубо перебил его Брежнев.

— Очевидно, теперь будет так, как вы сочтете нужным, — ответил Хрущев, и на глазах его появились слёзы. — Ну что ж, я готов ко всему... Сейчас я прошу написать заявление о моей отставке, и я его подпишу. Если вам надо, то я уеду из Москвы...

В каком-то смысле это был второй «звездный час» Хрущева. Ещё десять лет назад и представить себе было невозможно, чтобы преемника Сталина могли сместить вот таким бескровным образом. Придя домой, Хрущев скажет: «Ну, вот, теперь я в отставке. Может быть, самое главное из всего того, что я сделал, заключается в том, что они могли снять меня простым голосованием, тогда как Сталин бы их всех арестовал».

*Сентябрь, 1971 г. ▶
Новодевичье кладбище*

Вечером пришел Микоян. Новая власть прислала его, чтобы передать Хрущеву следующее: ему оставляют дачу, квартиру в Москве, машину и пенсию. Прислуга и охрана тоже останутся, но люди в них будут заменены... Вот и всё. Больше говорить было не о чем. Микоян поднялся и направился к выходу, затем обернулся, и они обнялись. Больше они никогда не встречались, хотя и продолжали жить через забор. Таковы были неписанные кремлёвские законы политического самосохранения...

Первое время Хрущев находился в состоянии шока. Он часами неподвижно сидел в кресле на даче, и на глазах у него то и дело наворачивались слёзы. Когда учительница в школе спросила его внука, что делает дедушка, мальчик ответил: «Дедушка плачет».

Особенно тяжелыми были первые два года отставки, но со временем он всё меньше и меньше жалел об утраченной власти. Его деятельная натура брала своё. Вскоре он увлёкся огородом и начал выращивать какие-то специальные помидоры, весом по килограмму каждый. Он поднимался в четыре утра, поливал их, вспахивал грядки. Начал слушать зарубежные радиостанции на русском языке. Иногда вместе с женой ездил в Москву, чтобы побродить по улицам или сходить в театр.

Почти никто из бывших коллег больше ни разу не навестил его, зато навещали те самые интеллигенты — поэты, художники, писатели —

*На вечере памяти отца в
Доме кино. Москва, 1991
год. Сидят — дочери Рада
и Юля, правнучка Ксения ▶*

на которых он когда-то топал ногами. Это очень трогало Хрущева, и он искренне сожалел о том, что было в прошлом.

Он увлёкся чтением серьезной литературы и открыл для себя, что искусство не такая уж бесполезная вещь.

Он любил бродить по соседним полям, разговаривать с крестьянами об урожае, и они всегда относились к нему с теплом. Так однажды в соседнее село приехали крестьяне из другой области. Узнав, что рядом находится дача Хрущева, они решили навестить его. Один старый крестьянин приставил к забору ящик, взобрался на него и заглянул за забор. Хрущев в это время возился на огороде.

— Не забижают ли тебя здесь, Никита? — спросил старик.

— Нет, нет, — ответил Хрущев.

Может быть, в этом бесхитростном «не забижают» и выразилось всё отношение к нему простого народа?!

В начале 1971 года на Западе выходят мемуары Хрущева, которые он, по совету сына, под большим секретом и при тщательнейшей конспирации, несколько последних лет надиктовывал на магнитофон. Новая власть приходит в ярость. Хрущева вызывают на самый верх. Ему угрожают, требуя, чтобы он написал опровержение, заявив, что это фальшивка, никаких мемуаров он не писал и писать не собирается. Хрущев отказывается.

— Вы слишком хорошо живёте! — кричит ему один из новых кремлевских вождей.

◀ *Время воспоминаний...*

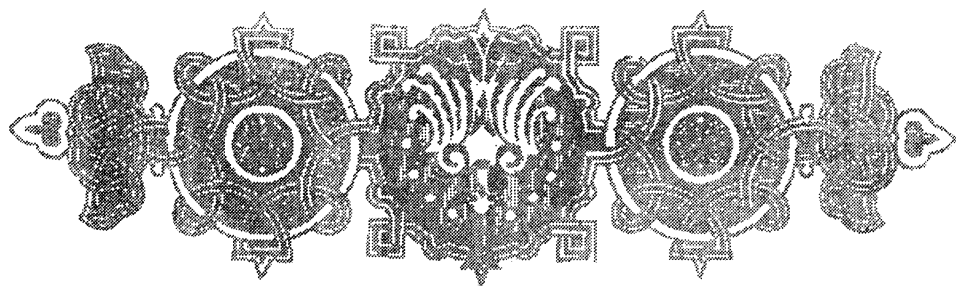

— Пожалуйста, арестуйте, расстреляйте, — отвечает Хрущев. — Мне жизнь надоела... Сегодня радио сообщило о смерти де Голля. Я завидую ему... Вы можете отнять у меня дачу и пенсию. Я могу пойти по стране с протянутой рукой, мне люди подадут, а вам — никогда...

Говорят, что перед самой смертью, уже уходя в мир иной, его последней просьбой к жене было сходить на базар и принести солёных огурцов...

КУЛЬТ БЕЗ ЛИЧНОСТИ

Во времена правления *Леонида Брежнева* по стране ходил такой анекдот. Сидят в купе поезда под названием «Коммунизм» Сталин, Хрущёв и Брежнев, а поезд никак не может сдвинуться с места. Ремонтировали его, ремонтировали, а он ни с места. «Всех расстрелять!» — приказывает Сталин. Расстреляли, но поезд ни с места. Умер Сталин. «Всех реабилитировать!» — приказывает Хрущёв. Реабилитировали, но поезд ни с места. Сняли Хрущёва. «Задвинуть занавески на окнах и сделать вид, что мы движемся!» — приказывает Брежнев.

В этой шутке отражены и характер самого Брежнева, и характер его времени. Когда-то Гегель сказал, что история имеет тенденцию повторяться. На смену трагедии приходит фарс. Олицетворением этого фарса и был сам Брежнев. Он не обладал ни жестокостью Сталина, ни неумной энергией Хрущёва, но всё

же было в нём нечто такое, что дало ему возможность восемнадцать лет восседать в Кремле.

Леонид Брежнев родился в семье потомственных металлургов. Дед Яков был рабочим-сталелитейщиком, и отец тоже. Леонид родился на Украине, в городе Каменском (позднее Днепродзержинск) 19 декабря 1906 года. (Как видите, два дня не дотянул до 21 декабря — самой длинной в году ночи, когда, как мы уже говорили, по персидскому поверью, рождаются «дети зла»). Значит, не был он все же «дитём зла»). Городок, где он родился, насчитывал в то время тысяч 25 жителей, и все они в той или иной степени были связаны с расположенным здесь крупным металлургическим заводом.

По стандартам того времени, семья Брежневых имела относительный достаток, хотя и жили они в примитивном глинобитном домике. В этом доме и родился Леонид, а затем его младший брат и сестра. Отец проводил большую часть

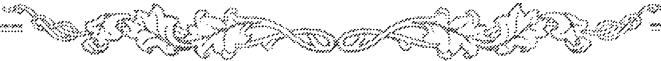
◀ **1 - Семья Брежневых — в центре сидит Илья Брежнев (отец), правее от него бабушка Степанида и мать Наталия с внучкой Галиной Брежневой на руках. Стоят слева направо — Леонид Брежнев, его жена Виктория, дядя Аркадий, сестра Вера, брат Яков. Днепродзержинск, 1930 г.; 2 - Леонид Брежнев (крайний слева) — секретарь парторганизации металлургического института. 1933 г.; 3 - Генерал Брежнев на параде Победы в Москве. 1945 г.**

времени на заводе, так что воспитанием детей занималась мать. Это была тихая скромная женщина, сохранившая эти свои качества на всю долгую 90-летнюю жизнь. Даже когда Брежнев уже стал крупным государственным деятелем, его мать по-прежнему проживала в своём родном городе, в маленькой двухкомнатной квартире, отказываясь переехать в Москву. По воспоминаниям соседей, её жизнь мало чем отличалась от жизни окружающих её людей. Как и они, она часами простаивала в очередях за продуктами, а вечера проводила на скамеечке возле дома, обсуждая с соседями городские новости. И лишь когда Брежнев станет главой государства, ей, помимо её желания, придётся переехать в Москву.

В 1915 году Брежнев поступает в единственную в городе мужскую гимназию. Обучение в гимназии стоило недешево (из всех учеников Леонид был единственным из рабочей семьи), так что, надо полагать, родители его понимали значение образования и старались дать сыну лучшее, хотя это и было для них нелёгким финансовым бременем. В гимназии Леонид проучился три года, затем началась революция, гражданская война, голод, разруха. Свирепствовал тиф, которым в тяжелой форме переболел и 14-летний Леонид. Гимназия была закрыта и пришлось перейти в обычную школу. О том, что это было за время, можно судить хотя бы из того, что не только ученики, но и директор школы ходил на занятия босиком.

В 1921 году наш герой начинает свою трудовую деятельность: сначала рабочим маслобойного завода в городе Курске, затем учеником слесаря. В 1927 году он приобретает профессию землеустроителя и уезжает работать на Урал. Но ещё до этого на одной из молодёжных вечеринок он знакомится со своей будущей женой — Викторией.

Виктория Брежнева — девичья фамилия Денисова — родилась в Курске, в русской семье. (Позднее молва припишет ей еврейское происхождение, что иногда оборачивалось курьезами. Так, приехав однажды с мужем в Париж, она будет встречена толпой евреев с плакатами — «Помогите освободить народ свой!»). Её отец был машинистом паровоза. «В семье было пять человек детей... — рассказывает Виктория. — Я окончила школу, пошла учиться в медицинский техникум (на акушерку). Познакомились мы с Леонидом на танцах... Он танцевать не умел. Я его научила. С танцев всё и началось...» По воспоминаниям жены, в молодости Леонид был очень хорош собой — яркий, подвижный, веселый. С цветами приходил на свидания. Любил поэзию. Мог заморочить голову любой

девушке. Пуританином он никогда не был и к женскому полу относился с повышенным вниманием. Всякое бывало в жизни, но спокойный, терпеливый характер жены и привязанность Брежнева к семье всегда перетягивали. В общем и целом, прожили они «душа в душу» более полувека.

Вообще надо сказать, что у многих в памяти сохранился лишь образ Брежнева в последний период его правления, когда он уже был разбитым большим стариком с невнятной речью и «плывущими» мозгами. Но не всегда же он был таким. Даже в свои 60, по воспоминаниям канцлера ФРГ Вилли Бранта, Брежнев, «несмотря на грузность своего тела, производил впечатление изящного, живо-го, энергичного в движениях, жизнерадостного человека».

В 1931 году Брежнев возвращается с Урала на Украину, в родной город, и поступает учиться на вечерний факультет металлургического института. В институте и начинается его партийная карьера. Сначала его избирают партийным руководителем факультета, а затем и всего института. В 1935 году он заканчивает на «отлично» институт и его призывают в армию, где он занимает должность политического комиссара танковой роты. Однако армейская жизнь длилась недолго, через год он уже опять дома.

Это было время, когда начинался один из пиков сталинского террора. Сотни тысяч людей, в том числе и членов большевистской партии, оказывались в подвалах НКВД. Освобождались вакантные должности. К середине 1937 года Брежнев уже один из заметных функционеров своего города. Следует, однако, отметить, что нет никаких свидетельств того, что Брежнев как-либо участвовал в кровавой вакханалии сталинских «чисток». Наоборот, все, кто знал его по тому времени, вспоминают о нём, как о человеке доброжелательном, приветливом, имевшем много друзей.

Как Хрущёву, так и Брежневу, первый толчок к большой партийной карьере даёт Лазарь Каганович, в то время глава украинских большевиков. В 1938 году Кагановича на этом посту сменит Никита Хрущёв. С этого времени и начинается знакомство Хрущёва с Брежневым, который затем станет «человеком Хрущёва».

Вторую мировую войну Леонид Брежнев проведет в рядах Красной Армии в должности политического комиссара, и закончит её в звании генерал-майора. Если судить по его 48-страничной книжонке «Малая земля», рассказывающей о тех участках южного фронта, где он воевал, то можно сделать вывод, что именно он, Леонид Брежнев, и был главным организатором всех побед. Более того, во времена его верховной власти в стране всем крупным военачальникам вменялось чуть ли не в обязанность при написании мемуаров о второй мировой войне упоминать в них о выдающихся заслугах генерал-майора Брежнева. Доходило до абсурда. Так, в первом издании мемуаров маршала Жукова, который во время войны был заместителем Верховного Главнокомандующего, рассказывалось,

◀ *1 - При всех орденах, весьма скромных по тому времени; 2 - Первый секретарь Запорожского обкома партии Леонид Брежнев в своем кабинете. 1946 г.; 3 - Он любил работу спокойную, чистую, на которую можно прийти в хорошо отутюженном костюме, побалагурить с посетителем, затянувшись хорошей американской сигаретой... 1973 г.*

как, несмотря на сверхзанятость, маршал специально хотел заехать в подразделение, где политкомиссаром был тогда ещё полковник Брежнев, чтобы посоветоваться с ним, но, к сожалению, полковник в это время был на огневом рубеже.

Естественно, что всё это выдумки. Брежнев закончил войну мало кому известным офицером с весьма скромными по тому времени наградами. В настоящих боях он никогда не участвовал, и все его воинские обязанности ограничивались тем, что он должен был вести учёт членов партии среди солдат и офицеров, проводить с ними политбеседы и вручать правительственные награды. Офицеры в шутку называли его за глаза «Лёня, Лёничка — наш политводитель...», относясь как к доброму протачку.

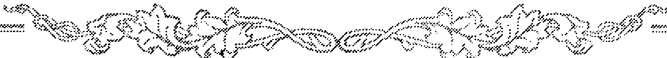

Правда, однажды катер, на котором плыл Брежнев по Черному морю, напоролся на мину и полковника выбросило за борт. В бессознательном состоянии его подобрали матросы. Героическим этот эпизод не назовёшь, но более героического, к сожалению, не было. Впрочем, в одной из более поздних биографий упоминается, что ему однажды пришлось даже стрелять из пулемёта по врагу. Так это или не так, но спустя тридцать лет на этом месте был установленobelisk во славу этого «подвига». Впрочем, очевидцев этого героического деяния почему-то не нашлось, так что можно предположить, что это тоже из области фантазии.

Известный советский кинорежиссер-документалист Роман Кармен рассказывал автору этой книги, как однажды — где-то в конце 60-х — ему позвонил Брежнев. Лидер был под сильным хмельком и попро-

Толковник Брежнев со своим адъютантом. 1943 г.

сил Кармена прослушать стихотворение о войне, которое, якобы, он сам сочинил. Стишок был слабенький, но Кармен, естественно, похвалил. Разговор перешел на тему о войне. Кармен вспомнил Новороссийск, «Малую землю», где волевал Брежнев, и вскользь заметил, что помнит его ещё по тем временам. Брежнев рассмеялся: «Чего вы врете! Это я вас помню, а не вы меня. Вы уже тогда были знаменитостью, вас знала вся страна, а я был всего лишь неизвестным полковником. Откуда вам было меня знать!»

После войны Брежнев возвращается на Украину, в свои родные края, и не без покровительства Хрущёва становится партийным руководителем сначала города Запорожье, а затем Днепропетровска.

Известный историк Рой Медведев пишет, что

работая в этих городах, «Брежнев показал себя не столько способным, сколько спокойным руководителем... Мягкость, отсутствие обычной для партийных боссов того времени жесткости и даже жестокости, определённая доброта... привлекали к нему многих...» Поэтому, те места, где руководил Брежнев, *«могли казаться... островками либерализма и относительного спокойствия».*

В 1949 году Сталин отзывает Хрущева с Украины и возвращает в Москву. Както вождь спросил у Хрущева, кого, по его мнению, следовало бы направить в Молдавию, возглавить молодую партийную организацию этой незадолго до войны образованной республики. Хрущёв предлагает на этот пост Брежнева. Сталин соглашается.

В 1950 году Брежнев переезжает в столицу Молдавии, город Кишинёв. Новая должность нравится ему. Теперь он часто ездит в Москву, бывает там на всевозможных правительственных приёмах и находится, как говорится — «на виду». Крупный, хорошо сложенный, чернобровый, всегда одетый с подчеркнутой аккуратностью и по последней моде, за которой он внимательно следит, 46-летний Брежнев становится, пожалуй, самым элегантным среди своих партийных коллег. Даже Сталин на одном из приёмов как-то обратит на него внимание, поинтересовавшись — кто это. Когда ему объяснят, что это партийный руководитель Молдавии, то престарелый вождь благосклонно произнесёт: «Какой красивый молдаванин...» Эта благосклонно произнесенная фраза значила немало в то время.

Всё шло у Брежнева хорошо, и единственным огорчением была трудно управляемая дочь Галина, на судьбе которой мы еще остановимся. В общественном сознании образ Галины Брежневой станет важным фактором в формировании образа всей семьи Брежневых. В то время Галина была студенткой филологического факультета Кишинёвского университета. Как вспоминают её сокурсницы,

«... он показал себя не столько способным, сколько спокойным руководителем.» ►

отец иногда приезжал в университет и просил их как-нибудь повлиять на дочь, ибо ни учеба, ни общественная жизнь её не интересовали.

Как раз в это время в Кишинёв приезжает передвижной цирк. Галина зачастила на его представления, а когда уехал цирк, исчезла и Галина. Она увлеклась молодым акробатом, который стал её первым мужем. Домой она вернулась лишь через год, с маленькой дочкой на руках, заботу о которой приняла на себя бабушка. Галина рассталась со своим акробатом, но не с цирком, тесную связь с которым она сохранит на долгие годы.

В день празднования 35-й годовщины большевистской революции (7 ноября 1952 года) Брежнев впервые поднимается на главную трибуну страны — Мавзолей Ленина. Происходит это неожиданно даже для него самого. Дело в том, что к этому времени Сталин, уже основательно побаивавшийся заговора со стороны Берия, решает избавиться от своего ближайшего окружения, которое ста-

ло опасным. Первым шагом в этом направлении было то, что вождь решает разбавить высший партийный орган — Политбюро, введя туда большое число новых, относительно молодых и пока ещё по-рабски преданных ему членов. Это, как считает Сталин, даст ему возможность без повышенного риска удалить, а, возможно, и отправить в подвалы КГБ своих старых соратников. Как говорится — сменить караул.

Сам ли вождь вспомнил о «красивом молдаванине» или ему напомнил о нем Хрущев, но имя Брежнева неожиданно оказалось в списках новых членов кремлёвской верхушки.

Замыслу Сталина не суждено было осуществиться, ибо часы его жизни отсчитывали последние минуты. Через четыре месяца его не стало. А уже через два дня после его смерти старые его соратники восстановят свое незыблемое положение, разогнав новых конкурентов. Единственно, что изменилось в жизни Брежнева за эти четыре месяца, это то, что он из Молдавии перебрался в Москву, получив здесь хорошую квартиру и правительственную дачу.

Вообще надо сказать, что Брежнев, конечно же, был баловнем судьбы. На войне его не задела ни одна пуля, а в тылу обошли стороной все сталинские «чистки», что, при его должностях, было по тому времени явлением редчайшим. Путь наверх тоже не потребовал от него больших усилий. Высокие посты сваливались на него, как спелые груши. Единственной серьезной «политической акцией», если можно ее так назвать, в которой он участвовал, было смещение Хрущева. Но и в этой акции он был скорее лишь статистом в чужой игре. И всё же, кроме благосклонности судьбы, в его везении не последнюю роль сыграли и личные качества — незлобивость характера, покладистость, умение идти на компромиссы, а в какой-то степени даже любовь к людям, если она не мешала его карьере.

После смерти Сталина и удачно проведенной операции по ликвидации Берия, Хрущев не забыл о Брежневе и лишь ждал случая, чтобы укрепить им свою команду. В 1954 году очередной «идеей фикс» зажигающегося Хрущева становятся засушливые земли Казахстана. Вспахав эти веками пустующие земли и получив с них сотни миллионов пудов хлеба, можно будет, как грезились Хрущеву, не только догнать и перегнать Америку по уровню жизни, но и красиво, как маршал на белом коне, въехать в коммунизм.

Он назначает Брежнева сначала вторым, а потом первым партийным главой Казахстана, поручая ему эту грандиозную работу. В брежневской «трилогии» («Возрождение», «Целина», «Малая Земля») полтора года, проведенные им в Казахстане, описываются как самые напряженные в его жизни. Ни до, ни после не приходилось ему работать так много, как в этот период, тем более, что работать надо было под постоянным прессом фонтанирующей энергией Хрущева, для которого эти целинные земли были любимым детищем. Хрущев не только ежедневно следил за тем, что происходит там, но нередко и сам мо-

тался по этим степям, глотая пыль и заставляя глотать её своих подчиненных.

Эта работа была явно не для Брежнева. Он любил работу спокойную, чистую, на которую можно прийти в хорошо отутюженном костюме, побалагурить с посетителем, затянувшись хорошей американской сигаретой, рассказать свежий анекдот, не мучая делами ни гостя, ни себя. Как позднее вспомнит министр КГБ: «Когда я шел к Хрущеву на доклад, то тщательно готовился. Знал, что последует самый неожиданный вопрос... Идя же к Брежневу, можно было не готовиться, а просто рассказать пару анекдотов, посмеяться — и весь доклад. Когда не было посетителей, Брежнев даже скучал в своём кабинете, то и дело выглядывая из дверей и спрашивая секретаря — неужели больше никого нет на приём?!» Проще говоря, Брежнева тянуло назад в Москву из этой пыльной Азии, и он уже несколько раз намекал об этом своему благодетелю.

К этому времени Хрущевым начинает обуревать новая идея — космос. В 1956 году он возвращает Брежнева в Москву и делает его своим помощником по оборонной промышленности и космической технике.

В дальнейшем, уже после смещения Хрущева, рассказывая в своих воспоминаниях о космосе и целине, Брежнев ни словом не обмолвится о Хрущеве.

Космонавт Андриян Николаев приветствует москвичей. Так выглядела эта фотография во времена правления Леонида Брежнева

Имя Хрущева будет изъято из всех публикаций. Его изображение будет вырезано даже из кадров кинохроники, так что после перемонтажа получится, что Юрий Гагарин и другие космонавты, которые обычно после каждого полёта церемониально рапортовали Хрущеву об успешном выполнении задания, теперь, стоя на трибуне Мавзолея, рапортуют пустому месту. Всё это делалось для того, чтобы создать видимость, что душой и организатором этих грандиозных дел был не кто иной, как Леонид Брежнев.

В 1960 году Хрущев отправляет на пенсию одного из своих старейших коллег по Политбюро, ближайшего друга Сталина, маршала Ворошилова, занимавшего последнее время престижный, но в действительности маловесомый, лишенный всякой реальной власти, церемониальный пост главы Парламента. Освобождается прекрасная вакансия и Хрущев дарит её Брежневу. Брежнев получает то, о чем он только мог мечтать. Теперь он может председательствовать на банкетах, пожимать руки важным персонам, часто ездить по заграницам, где, согласно протокола, его принимают, как формального главу государства. Немецкий журнал «Шпигель» даже назвал его «самым элегантным советским руководителем».

Это назначение было для Брежнева преде-

А так выглядела она 18 августа 1962 года, когда была снята. Космонавт Андриян Николаев и Хрущев приветствуют москвичей. Как вы видите, на этой фотокопии, взятой из фототеки Агентства печати «Новости», цензор указал лабораториям, как выкадровать фотографию, убрав Хрущева и изменить текст ▶

ФОТОТЕКА АГЕНТСТВА ПЕЧАТИ «НОВОСТИ»

я 13 | Р.О.24

НЕГАТИВ №
А 134553

Д.В.
18.УШ.42г

Автор Б. Приходько Дата съёмки 1962 год

Содержание Москва, аэропорт Внуково. 18 августа 1962 года. Слова наравле: Н.С. Хрущев, дочь космонавта Павла Поповича Наталья, мать космонавта Николаева - Анна Николаевна и космонавт Андриян Николаев, приветствуют москвичей.

И.С.Х. 264
инв. д.С. ком. Д. 64
ин. инт. № 44.11081

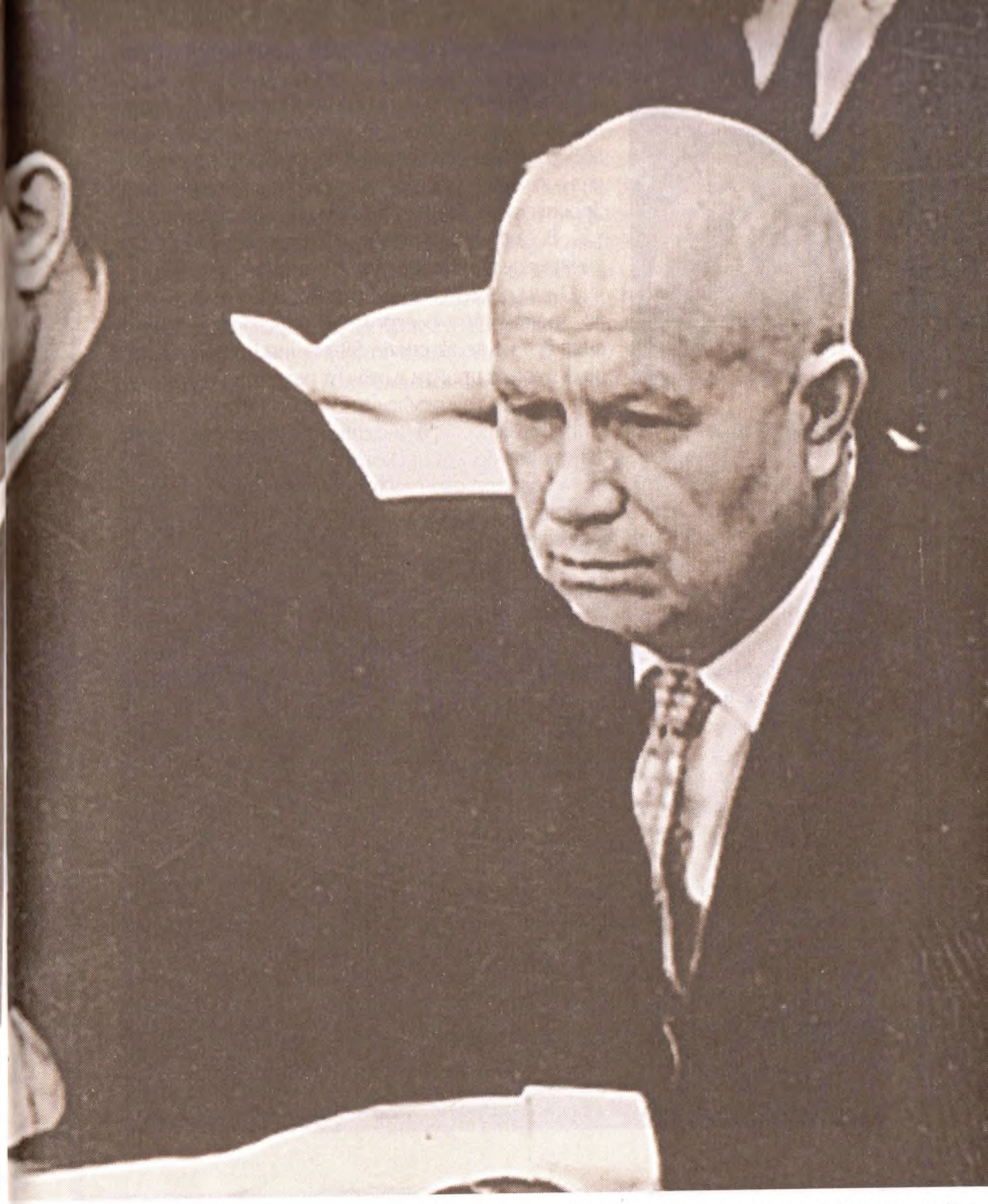
566 - всем отделам. К.Т. Сидоров 1.64 зак. 53

лом мечтаний. К большему он и не стремился. Всё было бы великолепно, если бы Хрущев не проявил излишнюю заботу о своём подопечном. Считая его абсолютно преданным себе, Хрущев в 1963 году делает Брежнева своим заместителем по партии. Хотя это и было значительным повышением по иерархической лестнице, но оно скорее огорчило, нежели обрадовало Брежнева. Этот пост уже обладал реальной властью, но требовал и реальной работы, тем более, что теперь надо было постоянно находиться на глазах у Хрущева. Как позднее рассказывал один из коллег Брежнева, подвыпив, Брежнев мог даже всплакнуть, жалуясь на грубость Хрущева, который время от времени обзывал его бездельником.

Наступил 1964 год. Популярность Хрущева уже значительно пошатнулась. Именно в это время в недрах партийной верхушки вызревает антихрущевский заговор. Был ли Брежнев организатором этого заговора? Тут мнения расходятся. Некоторые, хорошо посвященные в жизнь «кремлёвских коридоров» люди, считают, что нет. Они утверждают, что хотя Брежнев и был формальным участником заговора, но никак не его вдохновителем и зачинателем. Для этого он был недостаточно энергичен и недостаточно смел. Как уже рассказывалось в предыдущей главе, когда Брежнев должен был позвонить Хрущеву на юг, чтобы пригласить его на заседание в Кремль, где готови-

*Самый элегантный
← советский руководитель...*

◀ В Киргизии

лось снятие Хрущева, то он чуть в обморок не упал от страха, и его пришлось почти силой тащить к телефону. А когда ему сообщили, что Хрущев что-то узнал о заговоре от своего сына, Брежнев впал в транс. Бросившись в кабинет к своему приятелю, он зашептал: «Всё пропало, Хрущеву всё известно... Ты его плохо знаешь. Он нас всех расстреляет!»

И тем не менее 13-14 октября 1964 года в Кремле происходит «бескровный переворот». Хрущев снят. Его место занимает 58-летний Брежнев. Долго он не может прийти в себя от радости и устраивает царский обед в Кремле для своих соратников и друзей. А Хрущеву, в знак благодарности за несопротивление, оставляет «партийные блага» — дачу, квартиру, машину, пенсию, хотя некоторые из заговорщиков, по сталинской традиции, требовали более суровой расправы над ним. Кстати, за все последующие годы своего правления Брежнев не только ни разу не навещит своего бывшего благодетеля, но даже ни разу не позвонит ему.

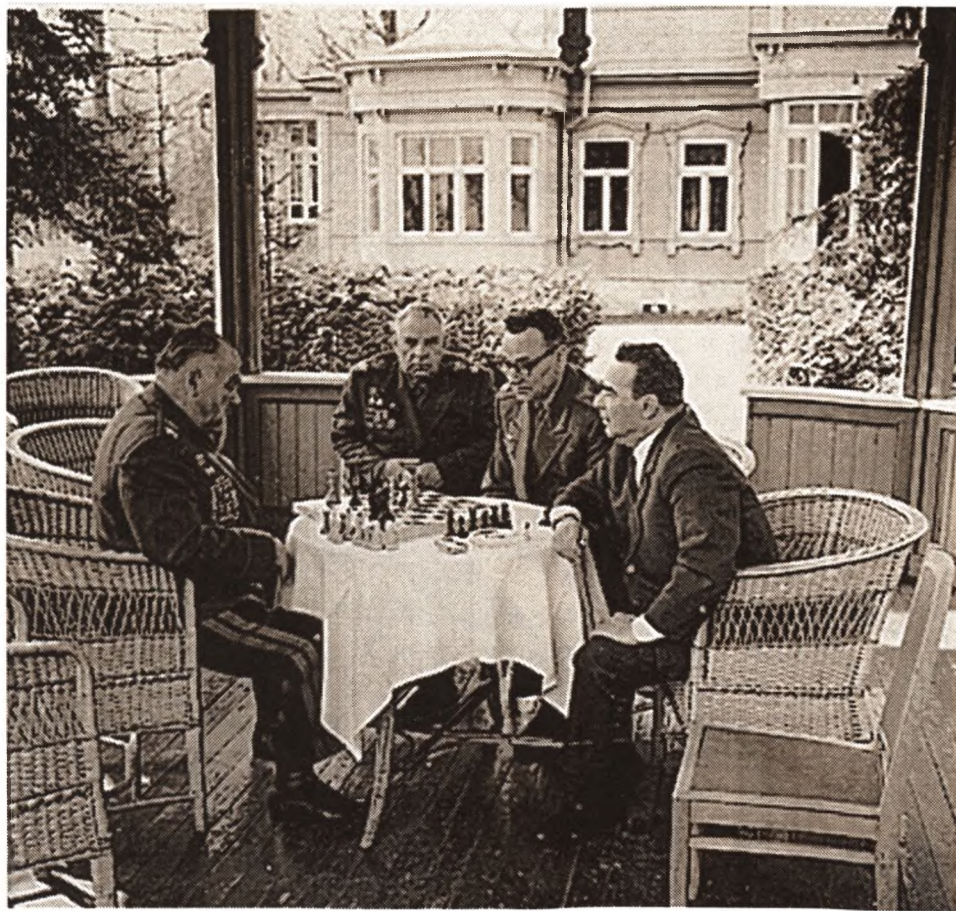
Как могло произойти, что человеку, не обладавшему ни сильной волей, ни энергией, ни смелостью, не говоря уж об особом уме и эрудиции, т.е. ни одним из качеств, необходимых для лидера страны, тем не менее удалось занять этот пост? Ну, во-первых, такие случаи не так уж редки в истории. В конце концов, и Сталина на первом этапе восхождения окружали люди куда более достойные роли лидера, но история, тем не менее, выбрала именно его.

С Брежневым произошло нечто подобное. Те, кто действительно были душой заговора, с опаской поглядывали друг на друга. Брежнев был для них идеальной компромиссной фигурой, не представлявшей опасности ни для кого. Лёгкий и незлобивый по характеру, не наделённый особым интеллектом, хороший собутыльник, он, если и не пользовался большим авторитетом у партийного аппарата, то, по крайней мере, отношение аппарата к нему было снисходительно-доброжелательным. Кроме того, он был официальным заместителем Хрущева по партии, так что его назначение вместо Хрущева выглядело как бы законно и демократично. Короче, он был идеальной фигурой для переходного периода...

Кстати, по поводу незлопамятности Брежнева. Где-то в конце 63-го или середине 64-го года, точно не помню, автору данной книги, тогда еще студенту ин-

Завидово. «В шахматы с генералами...» Эта игра не пользовалась здесь особой популярностью. «Интеллектуаль» из Завидово больше любили забивать «козла»... ▶

ститута кинематографии, довелось вместе со всемирно известной советской кинозвездой Татьяной Самойловой быть на правительственном приёме, который Хрущев устраивал в честь Президента Индонезии доктора Сукарно. Сукарно любил кино, прекрасно знал «звёзд» экрана и, увидев Самойлову, тут же пригласил её сесть рядом с собой за стол. Он достал пачку каких-то необычных для нас в то время черных сигарет и всех угостил. Самойлова с удовольствием затянулась и начала рассматривать сигарету. И тут в разговор вступил сидящий напротив брюнет. «Я бы вам не советовал курить, — назидательно начал он, обращаясь к Самойловой. — От курения портится цвет лица, а ведь вы актриса, для вас это особенно важно!» Татьяна молча посмотрела на него, демонстративно раздавила в пепельнице сигарету, а затем холодно «отбрила»: «Если член правительства советует мне не курить, то я курить не буду, но если бы вы к тому же были ещё и мужчиной, то воздержались бы от замечаний женщине!» Повисла пауза,

а потом — надо отдать должное собеседнику — он извинился и перевел всё в шутку. Это был Леонид Брежнев. Никогда в будущем он не мстил и не делал Самойловой никаких пакостей. А ведь стоит лишь представить на его месте кого-нибудь из ближайшего сталинского окружения...

В том, что Брежнев фигура временная, переходная, не сомневался никто, даже западные политики. Но шло время, а «переходная фигура» всё оставалась у власти. Вначале Брежнев чувствовал себя неуверенно на этом высоком посту. Он почти никого не смещал, ко всем относился приветливо и даже заискивающе. Желая показать себя энергичным работником, он появлялся на работе раньше других и засиживался допоздна. Однако это продолжалось недолго. Natura брала своё, и вскоре его рабочий день уже начинался с 10, а потом и с 11 часов.

Больше чем сидение в кабинете, его привлекали американские ковбойские фильмы, которые он мог смотреть записом, дружеские пирушки на дачах — с вкусной едой, хорошим коньяком, красивыми молодыми женщинами и анекдотами, которые он обожал рассказывать. Молодых женщин, проводивших с ним время, он знал чем отблагодарить. Тогдашний мэр Москвы впоследствии рассказывал, что нередко ему звонил «адъютант» Брежнева, Константин Черненко, и приказывал — прими такую-то и «*реши вопрос*»... Другими словами, выдай ей квартиру в Москве.

Но особой страстью Брежнева, конечно же, была охота в правительственных заповедниках. Он был почти профессиональным охотником. Любил стрелять крупную дичь — кабанов, лосей, а потом, не без гордости, благосклонно дарил их туши, посылая спецкурьером друзьям, а то и советским послам за границу. Даже под конец жизни, когда немощь уже не давала возможности охотиться, а при отдаче руки не могли удержать ружьё и оно не раз разбивало ему в кровь нос, лоб, лицо — даже в это время Брежнев не оставлял охоту, хотя она приобрела другую форму. Он командовал егерями, указывая им, что надо делать, и они производили выстрел. Последнюю такую охоту он провёл за сутки до смерти. Своему главному егерю он даже присвоил звание генерала.

Зато в интеллектуальной сфере дела обстояли не так гладко. Театр Брежнев мог посетить только по необходимости, а книг вообще не читал. Но ещё больше, чем чтение, он ненавидел письмо. (Хотя, если верить Кармену, в подпитии лидер мог даже сочинить стишок!) Его доклады готовили, конечно же, специальные люди, сам он к ним не притрагивался. Единственное на что он ещё был способен в последние годы своего правления, это старательно, по слогам, заикаясь,

***Четырежды Герой и многократный Лауреат, включая
и «за выдающиеся заслуги в области литературы»*** ►

прочитать этот доклад, ни на секунду не отрываясь от текста. Особенно трудно давались ему длинные слова, поэтому составителям речей было приказано длинных слов не употреблять.

В плане интеллектуализма лидера сверхдержавы небезынтересно познакомиться с коротенькими записями из его дневников, которые он вёл всю жизнь:

«...Утром стригся, брился и мыл голову... Смотрел, как ЦСКА проиграл Спартаку (молодцы играли хорошо)... Убил 8 итук... Примерка и прием костюмов... Продолжили чистку зубов... Забили в косточки... Завтрак — бритье — плавание. Застиул на качающемся снаряде на берегу... Вымыл голову детским мылом... Убили 34 гуся... Ел борщ... Поехали в цирк... Портные — костюм серенький сдал и тужурку... Забили козла 1:1...»

Цитировать эти перлы можно до бесконечности, но нужно ли?! Кто-то из великих сказал, что судить о человеке можно по нескольким написанным им строкам...

И тем не менее, при всех явно не выдающихся данных, уже первые годы на вершине власти многому научили Брежнева. По крайней мере, ту истину, что «предают только свои», он усвоил быстрее, чем Хрущев. Из высшего эшелона начали исчезать те, кто ещё недавно выталкивал Брежнева наверх, рассчитывая на его простоватость и безобидность. Нет, они не проваливаются в «черные дыры», как это было при Сталине, а всего лишь отправляются на «почетные пенсии» или послами в далёкие от Москвы страны.

Никаких оригинально мыслящих и, тем более, молодых соперников рядом с «Первым» человеком страны не должно было быть. «Первому» полагалось быть во всём первым. Так, если на охоте в заповеднике кто-то из ближайшего окружения настрелял больше дичи, чем «Первый», да ещё, не дай Бог, спяна похвастался этим за пиршеским столом, то спустя короткое время он мог оказаться партийным боссом в далёкой провинции. Брежнев мог сказать, например, своему старому приятелю, не согласившемуся с ним в какой-то мелочи: «Ты мне при людях не возражай. Я ведь Первый!.. В этом кабинете сам Сталин сидел!!! Вот уйдут все, тогда и скажешь, что хотел сказать...»

С людьми, не представлявшими для него никакой опасности, Брежнев по-прежнему был мил и добродушен. Партийная бюрократия видела в нем не только «своего человека», но и своего покровителя. Если Хрущев портил ей спокойную жизнь своей неумной энергией и непрерывными реформами, то Брежнев, наоборот, возвратил ей многие привилегии, утерянные при Хрущеве. Его поездки по стране обычно сопровождалась весёлым застольем, с которого главу государства нередко уводили под руки совершенно пьяным. Провинциальные партийные боссы принимали его гораздо радужнее, чем Хрущева. И было за что. Хрущев приезжал как ревизор, а Брежнев — как «добрый монарх».

«Дорогие товарищи! Мне пора, я бы посидел с вами, я люблю компанию, ей-богу, обожаю компанию! Но... дела, дела, никуда не денешься! А вы, товарищи, пейте, пейте! И смотрите за соседом, чтобы выпивал рюмку до дна. А то вот... наливают, а не пьёт! Куда это годится, это никуда не годится!»... (Леонид Брежнев, застолье, Минск, 1968 г.)

Как известно — власть портит человека, но абсолютная власть портит абсолютно. Занимая пост, для которого его данных было явно не достаточно, Брежнев, конечно же, страдал от чувства неполноценности. Это, в свою очередь, порождало болезненную зависть ко всем, кто хоть в чем-то превосходил его. Для подавления этих чувств ему необходима была постоянная лесть окружающих и внешняя мишура, создававшая видимость величия. К концу жизни орденов и званий у Брежнева было

больше, чем у Сталина и Хрущева вместе взятых. В народе шутили: Брежнев лёг на операцию, чтобы расширить грудь, а то ордена уже некуда вешать.

А по случаю одного из юбилеев победы над Германией, Брежнев присваивает сам себе ещё и звание маршала. Придя затем на встречу с бывшими однопольчанами, он торжественно командует: «Внимание! Идет маршал!» И, скинув плащ и любовно поглаживая свои новенькие маршальские звёзды, скажет: «Вот, дослужился!»

В 1981 году в Киеве был открыт гигантский мемориальный комплекс, посвященный второй мировой войне. На огромных плитах были высечены имена 12 тысяч Героев войны. Возглавлял этот список «четырежды Герой» Леонид Брежнев, а имя Сталина трудно было найти — оно затерялось где-то внизу.

Само собой разумеется, что ничего, кроме скрытой иронии, у окружающих это вызвать не могло. По этому поводу гуляла такая шутка, в которой одновременно высмеивались — и тщеславие, и косноязычие лидера: «Когда Брежнев получит звание генералиссимуса? Когда научится это слово выговаривать».

Болезненное тщеславие Брежнева оказывало иногда решающее влияние даже на вопросы мировой политики. В 1968 году начинается знаменитая «Пражская весна». Чехословакия бурлит, люди требуют социальных и политических перемен, полно-

Эту моду «партийного приветствия» ввел Брежнев, после чего западная пресса начала подозревать советских руководителей в гомосексуализме...

го разрыва с остатками сталинизма. Они требуют свободы для себя и своей страны.

Что делать? Вводить войска или нет? Этот вопрос мучительно встал перед Брежневым. Он колебался и в какой-то момент было похоже, что он склонен не делать этого. Тогда «ястребы» из его окружения собрали в одну папку все карикатуры на него, которые в то время в изобилии появлялись в чехословацкой прессе, приложили к ним не менее «лестные» статьи, и всё это подсунили тщеславному лидеру. Это крайне обидело его и перевесило колебания. Танки пошли вперед...

Каких моральных и материальных потерь стоила нашей стране эта «обида» — трудно даже подсчитать. Негодующий народ целой страны плевал в сторону оккупантов. Люди срывали таблички с названиями улиц и указателями дорог, чтобы хоть этим помешать движению военной техники. В городах и селах солдатам отказывали не только в еде, но и в кружке воды. Не давали пользоваться туалетами. Радиолюбители забивали частоты военных радиостанций. Люди разрушали дороги, по которым шла техника. Самые отчаянные бросались под гусеницы танков... По слухам, произошло даже несколько самоубийств среди обманутых советских солдат, которым сказали, что они идут всего лишь на боевые учения...

Вернемся, однако, к Брежневу как к человеку, как к «фигуре без маски». Хотя, впрочем, его маска зачастую выполняла роль, противоположную своему назначению. Когда он ее надевал, желая казаться значительным, то выглядел клоунски смешным. Когда же, наоборот, снимал, оставаясь самим собой, то мог быть даже обаятельным.

«Брежнев пришёл в мою резиденцию вскоре после моего прибытия и бурно приветствовал меня, — вспоминает свое посещение Москвы Госсекретарь Соединенных Штатов Генри Киссинджер. — ... Он пригласил моих коллег и меня на свою виллу, которую он демонстрировал с гордостью предпринимателя, прошедшего путь от чистильщика сапог до миллионера. Он спросил меня — сколько стоило бы всё это в США. Я бестолково и ошибочно предположил сумму в 400 тысяч долларов. Лицо Брежнева поникло. Мой помощник... более опытный психолог. «Два миллиона», — поправил он... Брежнев воспринял духом и сияя продолжил свою экскурсию».

В официальной обстановке церемониальных кремлёвских приемов, особенно в начальный период своего прихода к власти, Брежнев поражал окружающих своей окостенелостью и молчаливостью. Казалось, что всем своим существом он ощущал неадекватность занимаемому месту. Зато, когда обстановка была не столь официальна, всё разительно менялось. Тут он был дружелюбно-экспансивен, за просто мог похлопать собеседника по плечу, и был, что называется, «рубаха-парень». Кстати, говорят, что эту манеру похлопывания он позаимствовал у президента США Джеральда Форда при их первой встрече во Владивостоке. Буду-

чи тоже воспитанным не в лучших традициях старой Европы, Форд, в знак расположения и хорошего настроения, увесисто хлопнул по плечу Генри Киссинджера, чем привёл Брежнева в полный восторг.

Именно из-за своей скованности в официальной обстановке, Брежнев стремился по возможности устраивать приемы не в Кремле, а у себя на даче, в охотничьем заповеднике или на яхте на Черном море. Тут он был шумный гостеприимный хозяин, любил, как многие южане, гримасничать, балагурить, рассказывать анекдоты.

«...Его ужимки сделали его центром внимания... — вспоминает Ричард Никсон. — Его поведение и юмор были почти озорными. Насколько это было возможным, я выступал в таких ситуациях, как его партнёр, но иногда мне было трудно удерживать равновесие между вежливостью и достоинством».

В личной жизни Брежнев был человеком открытым, радушным, сентиментальным, сохранял привязанность к старым друзьям, часто приглашал их к себе, бывал у них в гостях и старался не создавать между собой и ими никакой дистанции, требуя, чтобы его, как и в былые времена, называли просто Лёней. Его легко было разжалобить. В такие моменты он готов был помочь и действительно помогал даже малознакомым людям. Его сентиментальность оборачивалась иногда полезной стороной. Так, просмотрев однажды фильм о войне, который не выпускали на экраны по идеологическим соображениям, Брежнев вдруг прослезился, вспомнив свои военные годы. Само собой разумеется, что эти слёзы моментально решили судьбу фильма.

Было бы, однако, наивностью видеть в характере нашего героя лишь бытовую доброту и сентиментальность. В вопросах идеологии он был весьма жестким человеком. Как выразился один из журналистов, это был человек со стальными челюстями и железными кулаками, но в лайковых перчатках. Именно при нем развернулась настоящая «охота за ведьмами». За публикацию своих произведений за границей попадают за решетку писатели Синявский и Даниэль, изгнан из страны Солженицын, начинается беспрецедентная по своей глупости и хамству травля выдающегося ученого современности академика Сахарова, закончившаяся его бессрочной ссылкой в закрытый для иностранцев город Горький.. Мордовские лагеря заполняются «диссидентами» и прочей «швалью», как выразился сам Брежнев. Почти открыто расцветают «психушки», куда бросают людей с поразительным для мировой медицины диагнозом — «шизофрения на почве инакомыслия». «Заморозки» — так, в отличие от хрущевской «оттепели», окрестили советские люди это время...

Так проходила первая половина правления Брежнева, где-то до середины 70-х. «А дальше, — как пишет его референт Александр Бовин, — Брежнев стал разрушаться, разрушаться как личность...» Вокруг него вырастает огромная мафи-

озная сеть, в которую втянуто не только его окружение, но и ближайшие родственники. А сам он начинает охотно принимать подарки в виде золотых изделий, бриллиантов и прочих дорогих вещей от региональных партийных боссов, стремящихся подлизаться к хозяину. Так, например, к 70-летию ему был подарен его же бюст, отлитый из чистого золота, а из Сибири ему прислали вазу из бивня мамонта, усыпанную бриллиантами. Кстати, эти же люди, которые холуйски дарили ему всё это, после смерти Брежнева, сами же и отберут эти подарки у его семьи. Как рассказывают близкие к семье люди, жена Брежнева отдала их безмолвно и даже с каким-то облегчением.

В его личной коллекции было несколько сот великолепно инкрустированных охотничьих ружей ручной работы, десятки шикарных автомобилей. Автомобили были его страстью. Зная об этом, лидеры западных стран чуть ли не соревновались — кто подарит лучший. И надо сказать, что в свои 60-65 лет Брежнев действительно был отчаянно азартным водителем. Скорость захватывала и увлекала его, как рулетка игрока. Кто-то даже пошутил, что в нем умер автогонщик.

«Я сделал ему официальный подарок на память о визите в Америку: темно-голубой «линкольн-континенталь» индивидуальной сборки, — вспоминает Ричард Никсон... — Брежнев — коллекционер роскошных автомобилей — не пытался скрыть своего восхищения. Он настаивал... немедленно испробовать подарок. Он сел за руль и с энтузиазмом подтолкнул меня на пассажирское сиденье. Глава моей личной охраны побледнел, когда увидел, что я сажусь в машину, и мы помчались по одной из узких дорог... Брежнев привык беспрепятственно продвигаться по центральной полосе в Москве, и я мог только вообразить, что случится, если джип секретной службы или морских пехотинцев внезапно появит-

◀ 1 - С дочерью Галиной; 2 - С женой Викторией

ся из-за угла на этой дороге с односторонним движением. В одном месте был очень крутой спуск с яркой надписью: «Медленно, опасный поворот»... Брежнев ехал со скоростью 50 миль в час... Я подался вперед... завизжали покрывшки... — и, как с иронией заканчивает свой рассказ Никсон, — дипломатия — не всегда легкое искусство»...

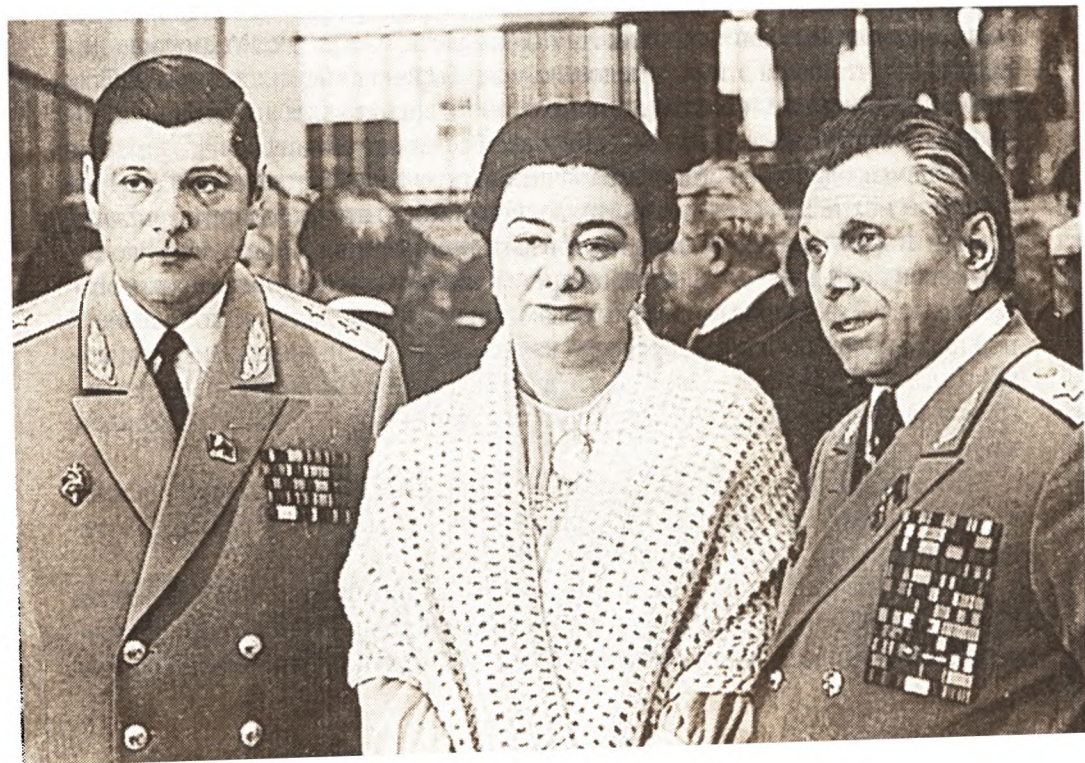
При всей своей лихости, Брежнев был не просто азартным, но классным водителем. Лишь один раз на своем шикарном роллс-ройсе под романтическим названием «Серебряная тень» он на большой скорости врезался в невесту откуда вынырнувший самосвал. Как заметил Генри Киссинджер по поводу брежневской езды: «Это отражало... склонность к самоубийству, описываемую в русских романах XIX века».

Кстати, если уж мы заговорили о лихости Брежнева, как водителя, то надо отметить, что если в своей политической жизни он проявлял нерешительность и даже трусоватость, то в «физическом» смысле слова, в отличие, скажем, от Сталина, трусом он не был и комплексом опасности не страдал. Достаточно вспомнить покушение на него в 1969 году. Когда кавалькада машин, в которых сидели космонавты и Брежнев, приблизилась к Боровицким воротам Кремля, лейтенант Ильин открыл огонь по головной машине, рассчитывая, что именно в ней сидит Брежнев. Был убит водитель. Никто больше не пострадал. Можно лишь догадываться, что бы за этим последовало, если бы в машине сидел, скажем, Сталин. На Брежнева же, похоже, никакого особого впечатления этот инцидент не произвёл, а лейтенант Ильин был направлен в психлечебницу.

Вернемся, однако, ко второй половине его правления. Естественно, если глава страны не отказывался от дорогих подношений, то что уж говорить о подчиненных. Коррупция становится нормой жизни. Провинившиеся в ней редко теряют свои посты, ибо сам глава государства не видит в этом ничего противоестественного. Разговаривая однажды со своими помощниками о низкой заработной плате рядовых граждан, Брежнев сказал: «Вы не знаете жизни. Никто не живет на зарплату. Помню, в молодости, в период учебы, мы подрабатывали разгружая вагоны. И как делали? Три мешка или ящика туда — один себе. Так все и живут в стране».

Чтобы рельефнее представить себе ситуацию, сложившуюся вокруг Брежнева, необходимо вернуться к его дочери, которая имела большое влияние на отца и олицетворяла собой кремлёвскую атмосферу того времени.

Как уже говорилось, Галина Брежнева была трудноуправляемым человеком. Как рассказывает исследователь жизни Брежнева, историк Рой Медведев, её страстью были крупные брюнеты мужского пола значительно уступающие ей по воз-

расту. Выбирала она их чаще всего из цирковой или артистической среды, с которой у неё были давние и прочные связи. Эта любвеобильность дочери, широко известная всей Москве, доставляла отцу немало хлопот и нередко вынуждала его вмешиваться в её амурные дела.

После ряда шумных увлечений, эта грузная и уже не первой молодости дама наконец выходит замуж за подполковника милиции. Брак был одобрен отцом и молодой подполковник начинает делать головокружительную карьеру. Вскоре он уже генерал, первый заместитель министра внутренних дел страны. Пожалуй, эта пара как нельзя лучше подходила друг другу. Они были в чем-то похожи и по характеру, и по образу жизни. Разница была лишь в том, что его карьера полностью зависела от неё, а она была свободна в своих поступках...

Кроме страсти к брюнетам, у Галины Брежневой была ещё одна страсть — к золоту, бриллиантам и антиквариату. Узнавая по секретным каналам, через приближенных отца, о намечающемся очередном повышении цен на драгоценные изделия, Галина, вместе со своей близкой подругой, женой министра внутренних дел, спешила в магазины и скупала эти изделия на очень крупные суммы. Причем, «покупки» иногда проходили тоже необычно. Дрожащему от страха директору магазина эти влиятельные дамы вручали не деньги, а клочки бумаги со своими подписями и обещанием в ближайшие дни занести долг. Чаще всего эти «ближайшие дни» не наступали никогда. Затем, после повышения цен, эти драгоценности сбывались по ценам черного рынка.

Любопытный эпизод приводит Лариса Васильева в своей книге «Кремлевские жены». Будучи в Грузии, в городе Зугдиди, Галина посетила местный музей, где хранятся две реликвии — посмертная маска Наполеона и золотая диадема легендарной грузинской царицы Тамары. Диадема так понравилась Галине, что она захотела ее заполучить. Растерявшийся и обезумевший от страха директор музея позвонил в правительство Грузии, а те, заикаясь, сообщили об этом Брежневу. «Гоните Галину домой», — коротко распорядился отец.

Естественно, что атмосфера, окружавшая Брежневку, раньше или позже должна была быть использована против него рвущимися к власти соперниками. И тут мы должны познакомить читателя с новым персонажем — министром КГБ СССР Юрием Андроповым. Подробнее о нём будет сказано в следующей главе, а пока лишь отметим, что этот «рыцарь плаща и кинжала» и был одним из следующих претендентов на кремлёвский трон. Но трон был пока ещё занят, его надо было освободить. В этом на-

1 - Галина Брежнева с мужем - подполковником, а вскоре генералом милиции, первым заместителем министра внутренних дел;

2 - Справа от Галины министр внутренних дел страны генерал Щелоков.

◀ *Вскоре он покончит жизнь самоубийством. 1981 г.*

◀ 1 - С президентом Франции Жискаром д'Эстеном; 2 - Восточный Берлин. Обессиленного после произнесенной речи Брежнева сводят под руки с трибуны восточногерманский президент Эрик Хонеккер и телохранитель

правлении усиленно и работал глава КГБ.

...В 1976 году с Брежневым происходит тяжелый сердечный приступ, окончившийся клинической смертью. Как повествует молва, с того света при помощи «таинственной биоэнергетики» его вытащила известная тогда в Москве кавказская целительница Джуна Давиташвили, прозванная в московских кругах «Распутиным в юбке». Автору данной книги доводилось встречаться с ней и он полностью согласен с той исторической параллелью, на которую это прозвище указывает. Это была ещё привлекательная 40-летняя женщина, фонтанирующая саморекламой и, как все «маги и чародеи» подобного рода, не останавливающаяся ни перед какой формой фантазии. При нашем знакомстве она тут же предложила гостям продемонстрировать свои сверхъестественные возможности, пообещав одним движением руки остановить биение сердца у мыши, а затем, таким же движением, заставить сердце несчастного зверька биться опять. Гости охотно согласились посмотреть этот необычный эксперимент, но хозяйка почему-то решила сначала угостить нас чаем, а потом,

Бонн. Брежнев и канцлер Г.Шмидт. 1981 г. ▶

забыв, наверное, об обещанном эксперименте или не поймав мыши, перешла к чтению собственных стихов.

Как бы там ни было, но Брежнев верил в могучие возможности кавказской целительницы и многократно прибегал к её помощи. Кто бы, в конце концов, ни вытащил его с того света, но речь и мышление советского лидера были на много месяцев нарушены. Москвичи помнят, что за кавалькадой правительственных лимузинов в то время всегда следовала реанимационная машина. В нормально функционирующей системе власти лидер в таком состоянии ушел бы, конечно, в отставку, но погрязшее в коррупции окружение Брежнева было совсем не заинтересовано в этом. Наоборот, немощный и недееспособный лидер устраивал их ещё больше.

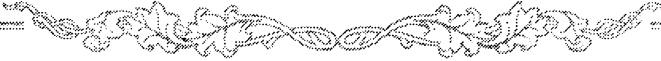
Его «дееспособность» того времени хорошо иллюстрирует следующий эпизод. Брежневу очень нравился многосерийный художественный телефильм «Семнадцать мгновений весны», рассказывающий о том, как ловко советский разведчик Штирлиц действовал во время войны в тылу у немцев. По ходу фильма Штирлицу сообщают, что за свои мужественные деяния он награжден званием Героя Советского Союза. На этом месте Брежнев поворачивается к сидящей с ним в кинозале свите и спрашивает: «А вручили уже? Я бы хотел сам это сделать!» И через несколько дней действительно вручил Звезду Героя артисту, будучи уверенным, что он и есть тот самый знаменитый разведчик.

Хотя о состоянии здоровья главы государства никогда не сообщалось народу, но прогрессирующая физическая и умственная немощь лидера были видны всем с телеэкрана. Теперь ему трудно было выполнять даже обычные протокольные формальности. Всё это выглядело как цепляние за власть и вызывало в народе не естественное человеческое чувство сострадания к старости и немощи, а раздражение и насмешки. По сути, проводился уникальный эксперимент — как долго «живой труп» сможет изображать лидера могучей страны.

...19 декабря 1981 года в Кремле торжественно празднуют 75-летие Брежнева. «Трудно сказать, — пишут Соловьёв и Клепикова, — насколько доходило до сознания кремлёвского вождя то, что происходило вокруг него. Большой и немощный после нескольких ударов и инфарктов, с неуправляемыми движениями, со спотыкающейся походкой, со стянутыми, неподвижными мускулами лица, с запинаящейся, невнятной речью, с тяжелым прерывистым дыханием, он производил тягостное впечатление...»

С этого юбилея, как считают вышеупомянутые авторы, тайное подкапывание главы КГБ под кремлёвского вождя переходит во фронтальное наступление. Ви-

«... Как только Брежнев поднимается и делает первый шаг, он перестает замечать присутствие других людей. Главное — контролировать направление движения...» (Жискар д'Эстен)

димо, Андропову надоело ждать затянувшейся агонии хозяина, да и собственный возраст претендента на трон — далеко за шестьдесят — тоже подпирал, заставляя торопиться.

Одним из методов «ускорения» была общественная дискредитация главы государства. Если раньше советское телевидение подавало образ Брежнева в «смягченном варианте», стараясь подчеркнуть каждый его удачный шаг, осмысленную улыбку или нормально произнесенное слово, и наоборот, стыдливо отворачивалось или вырезало все проявления старческого маразма, то теперь, будто нарочно, смакуя его немощь, оно начало умышленно лепить из него фигуру «живого трупа». Доходило до прямых провокаций. Так, во время выступления в Баку на каком-то очередном совещании, которое транслировалось телевидением по всей стране, Брежневу, вместо заранее заготовленной речи, подсунили какой-то совершенно другой текст, который он начал читать. И лишь спустя время, когда в зале началось шушуканье и недоумение, Брежнев понял, что происходит что-то не то, и остановился. Ему передали нужный текст, и он, многозначительно усмехнувшись, спокойно, даже с каким-то достоинством, сказал, глядя в зал: «Это не моя вина, товарищи. Я должен начать с самого начала».

Было ли это случайной оплошностью? Конечно, нет. Тем более, что телевидение, будто зная об этом заранее, смаковало этот ляпсус на всю страну, показывая крупным планом и насмешливое недоумение зала и старчески-растерянное лицо докладчика. В прежние времена трансляция была бы немедленно прекращена, а теперь всё было наоборот. Кому это было нужно и кто мог себе позволить такое по отношению к главе государства? Только очень сильный соперник, фактически уже державший в своих руках власть.

Примерно в это же время начинается ещё одна шумная история, нити которой потянулись к семье Брежневых. История эта буквально всколыхнула московскую элиту и была известна как «дело Цыгана». Борис Цыган — кличка одного московского оперного певца, многолетнего любовника Галины Брежневой. Этот экстравагантный молодой человек ходил обычно в норковой шубе, с золотой цепью на шее и маленькой собачкой на руках.

Как повествует молва, история началась с того, что в один из дней Московский цирк праздновал свой юбилей. На это торжество собрался весь артистический мир Москвы. Конечно же, там была и Галина Брежнева. По столь торжественному случаю она надела на себя лучшие свои бриллианты, считая, по видимому, что они помогут ей стать первой дамой этого бала. Но оказалось, что у широко известной актрисы цирка — укротительницы тигров, которая тоже присутствовала на этих торжествах, фамильные драгоценности лучше и богаче. Как перенесла этот удар Галина Брежнева мы не знаем, но через короткое время эти фамильные драгоценности из дома актрисы исчезли. Похищение было совершено весьма искусно. Время было предновогоднее и в хо-

рошо охраняемый дом, где жила актриса, ей был привезен подарок — новогодняя ёлка. Подарок актрисе от поклонников её таланта — явление обычное. Актрисы дома не оказалось и консьержка позволила приехавшим поднять ёлку на этаж, где жила актриса. Больше их никто не видел, как и похищенных бриллиантов.

Началось следствие. Под подозрение почему-то попал Борис Цыган и еще несколько друзей Галины Брежневой. При обыске у кого-то из них был обнаружен тайник с бриллиантами, причем среди прочих там оказалась и часть недавно пропавших драгоценностей актрисы. Как они туда попали, подозреваемые не могли объяснить.

Как бы мы ни относились к Галине Брежневой, но заподозрить её в причастности к краже со взломом невозможно. Похоже, что краденые бриллианты были подброшены приятелям Галины, чтобы криминальная нить вела к семье Брежневых. Опять же возникает вопрос: кому было выгодно дискредитировать главу государства и кто мог столь легко и профессионально осуществить эту операцию? Вывод напрашивается сам собой — тот, кто стремился к власти...

Казалось бы, после столь удачно проведенной операции её дирижер должен был пожинать плоды успеха — шумный судебный процесс над приятелями Галины Брежневой и рикошетом удар по ней и её отцу. Но тут вдруг что-то застопорилось. Дело начало «уходить в песок». Похоже, что кто-то включил тайные пружины, пока ещё более мощные, чем КГБ. Этим «кто-то», успевшим подать сигнал тревоги, скорее всего мог быть первый заместитель Юрия Андропова, близкий друг, родственник и протеже Брежнева, женатый на двоюродной сестре его жены, генерал Цвигун. А силами, затормозившими процесс, была, по-видимому, та часть прорезневского Политбюро, которая понимала, что с уходом со сцены старого хозяина, кончится и их власть.

Нам остается лишь догадываться, какие титанические силы, вцепившись друг в друга мёртвой хваткой, тайно боролись в эти дни за обладание властью в Кремле, как перевешивала чаша весов то в одну, то в другую сторону. И вдруг, ровно через месяц после 75-летнего юбилея вождя, его родственник и друг, генерал Цвигун, был найден мёртвым в своем рабочем кабинете с простреленной головой. По Москве поползли слухи о самоубийстве генерала. Причем мотивом самоубийства было якобы то, что Брежнев запретил ему дальнейшее расследование «дела Цыгана». А косвенным подтверждением этой версии было, мол то, что под опубликованным в центральных газетах некрологом отсутствовала подпись Брежнева.

Всё это было шито столь белыми нитками, что не могло обмануть даже самых наивных. Не в интересах генерала был подкоп под своего благодетеля, да и сам генерал был не из того теста, чтобы из-за этого стреляться. Речь скорее всего могла идти не о самоубийстве, а об убийстве. А что касается отсутствия под-

писи Брежнева под некрологом, то, на наш взгляд, совершенно правы те, кто утверждает, что это был один из самых мужественных поступков Брежнева — отказ покрыть своей подписью убийство друга.

Этот момент, видимо, и надо считать переломным. «Дело Цыгана» с нарастающей скоростью двинулось вперед. Он арестован. И, наконец, высший аккорд — на допрос вызывается сама Галина Брежнева. Близко знавшие её люди рассказывают, что эта обычно уверенная в себе дама выглядела растерянной и даже бросила многозначительную фразу: «Теперь, по-видимому, наша песенка спета». Под «нашей песенкой» подразумевалась судьба семьи Брежневых. Похоже, что сходящему со сцены вождю ничего не оставалось, как принять скрытый ультиматум некогда поднятого им наверх шефа тайной полиции — или почетное доживание с фиктивной властью, а точнее без власти, или изгнание из Кремля с позором.

И всё же со стороны Брежнева была сделана последняя слабая попытка контрудара. Видимо, он вспомнил успех Хрущева при обезвреживании Берия. Прямыми исполнителями этой акции были — личный друг Брежнева, министр внутренних дел СССР, и его заместитель, брежневский зять, муж Галины. Утром 10 сентября 1982 года из министерства внутренних дел вышли два мощно экипи-

Муж Галины Брежневой на скамье подсудимых ►

◀ Муж Галины Брежневой прощается с тестем. Крайняя справа — вдова Брежнева

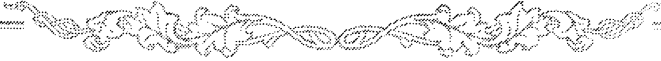
рованных отряда милиции с приказом арестовать Андропова. Один отряд направился к его служебному кабинету на Старой площади, а второй на квартиру. (Кстати, они с Брежневым жили в одном доме, но на разных этажах — Брежнев под Андроповым.) Позднее специалисты оценили эту операцию, как вершину дилетантизма. Один из отрядов был остановлен и разоружен людьми Андропова прямо по дороге, а второму удалось добраться до пустой квартиры, и там в течение получаса было слышно что-то вроде перестрелки или драки между прибывшими и охранявшими дом сотрудниками КГБ. Внешний мир — ни российский, ни, тем более, западный — об этих событиях почти ничего не знал. Единственная странность этого дня была та, что вся телефонная связь СССР с Западом была вдруг прервана. Объяснили это на следующий день «техническими неполадками». Такова одна из версий этих событий...

...День 7-го ноября 1982 года выдался холодным и ветреным. По Красной площади парадным маршем шли войска и «ликующие массы трудящихся», а на трибуне Мавзолея, как братья-близнецы, в одинаковых шапках, вяло помахивая руками, стояли вожди во главе с нашим героем. По-человечески, это было издевательство над тяжело больным немощным человеком. Четыре часа стояния на холодном ветру вряд ли были полезны для его здоровья. О чем он думал в эти часы, пересиливая неимоверную усталость, дрожание ног, тяжелое дыхание... О теплой постели? О бренности жизни? Или, может быть, о том, что зря он не ушел на покой еще пару лет назад? А ведь он тогда заикнулся было об отставке, но коллеги бурно запротестовали. Хотя, сам себя обманывать не будешь, он ведь для того и заикнулся, чтобы услышать этот протест... Или, может быть, он думал о том, что уже ушли из жизни лучшие друзья, те — из далекой юности. Вот недавно он

хоронил одного из них и, не выдержав, с рыданиями бросился на гроб. Это видела по телевидению вся страна...

Затянувшаяся развязка наступила через три дня, 10 ноября. Как мрачно пошутил какой-то остряк — Андропов вовремя не поменял Брежневу батарейки. В 8-30 утра позавтракав, он встал из-за стола, ушел к себе в ка-

бинет и долго не возвращался. Обеспокоенная жена пошла за ним. Он лежал на полу возле письменного стола... По другой версии — его нашли утром в постели уже мертвым...

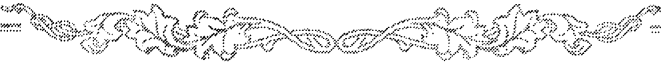
Первым об этой новости узнал Юрий Андропов. Как вспоминает начальник охраны Брежнева, генерал Медведев, событие не произвело на Андропова особого впечатления. Выслушав доклад генерала, он остался совершенно спокойным и «не задавал лишних... вопросов».

И тут мы должны вернуться чуть назад, к одной, так и не понятой, странности. В последние годы жизни у Брежнева начались проблемы со сном и он стал увлекаться сильными снотворными таблетками, причем во всё возрастающих дозах. Без них он практически уже не мог заснуть. А кто-то из коллег посоветовал ещё запивать их водкой «Зубровкой», что усиливало действие и очень понравилось Брежневу. Всему этому активно содействовала приставленная к нему медсестра — женщина привлекательная, властная, с которой у пациента сложились весьма доверительные отношения. В конце концов всё это превратилось в своего рода наркотик, без которого он уже не мог обходиться. Он стал принимать эти препараты даже днем, и тогда казалось, что вождь пьян или в прострации. Иногда это могли видеть даже телезрители — отсутствующий взгляд, заплетающийся язык...

И вот в дневниках Брежнева мы находим несколько странных записей. 19 декабря 1981 года: «Получил желтенькие по 28 включительно». (Видимо какая-то дозировка, по 28 число включительно?) 25 января 1982 года: «Получил от Ю. В. желтенькие». «Ю. В.» — это, вероятнее всего, глава КГБ Юрий Владимирович Андропов. Но что это за «желтенькие»? Скорее всего какие-то таблетки. Но почему их должен передавать глава КГБ, а не врач? Очередная тайна Кремля?!...

Несмотря на то, что Леонид Брежнев правил страной долгих 18 лет — дольше всех после Сталина — его смерть не всколыхнула и не обеспокоила народ. Наоборот, её как бы уже давно ожидали. Как политик он умер давным-давно, а его физические агонии происходили на глазах всего мира и к этому уже привыкли. Кто-то из журналистов сострил: вся история Советской России связана с культом личности. Был культ личности Ленина, потом Сталина, затем Хрущева, и лишь Брежнев создал новый вид культа — культ без личности.

В заключение остается лишь добавить, что после смерти Брежнева, когда к власти пришел Андропов, незавидная судьба постигла его друга — министра внутренних дел СССР. Его снимают со всех постов, лишают званий и отдают под суд. Но до суда дело не доходит. Облачившись в парадную генеральскую форму со всеми орденами и регалиями, он пускает себе пулю в рот. А ещё раньше кончат счеты с жизнью его жена, та самая, которая вместе с Галиной Брежневой бегала по ювелирным магазинам. Муж Галины позднее получает 12 лет тюрьмы якобы за коррупцию. А сама Галина, постаревшая и окончательно спившаяся, ино-

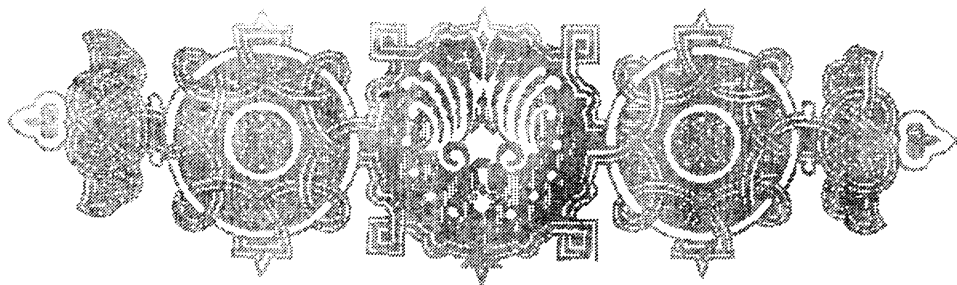
гда, как красочно рисует людская молва, выходит ночью с лопатой на территорию своей огромной пустой дачи, чтобы проверить, на месте ли запрятанные бриллианты. Как рассказывает Лариса Васильева, побывавшая в семье Брежнева после его кончины, когда в квартире Галины производили обыск, она как обычно была пьяна и дружелюбно с интересом наблюдала за обыском, даже помогала обыскивающим. А потом, когда обыск окончился, предложила всем выпить вместе с ней. «Вы еще вспомните моего отца и его время. Как вам жилось при нем!» — якобы сказала она. А однажды она исчезла на полгода — пошла бродить по стране с цыганским табором. Её нашли и опять водворили на дачу. Говорят, что когда она сильно пьёт, то виртуозно ругается матом и заявляет, что хочет развестись с мужем-генералом, так как очень любит искусство...

P.S. Было ли всё это так на самом деле? Мы не можем исключить и того, что ряд деталей из личной жизни семьи Брежнева есть ни что иное, как «творчество», рожденное в кабинетах КГБ, глава которого шел к власти. Ведь в советской системе было принято именно так... Кремль любит тайны...

«Верные друзья...»

ЖАНДАРМ В СМОКИНГЕ

ровожая взглядом промчавшуюся мимо нас кавалькаду правительственных лимузинов с наглухо зашторенными окнами, усиленной охраной и бешено крутящимися сигнальными лампочками, таксист сказал:

— Почку повезли.

— Кого? — не понял я.

— Почку для подключения повезли... — повторил таксист. — Её каждый день в это время возят...

Шёл конец 1983 года. Я почти год не был в Москве и не знал, что так московские таксисты окрестили нового хозяина Кремля, *Юрия Андропова*, обладателя «искусственной почки», которую надо было каждый день подключать к специальному аппарату. Но мой водитель ошибался, как, впрочем, и аккредитованные

в Москве западные журналисты, для которых этот трюк и был предназначен. В промчавшихся мимо нас лимузинах Андропова не было. Там вообще никого не было, кроме водителей и охраны. Этим несложным обманом власти пытались сбить циркулирующие по Москве слухи о том, что новый хозяин Кремля находится между жизнью и смертью и уже много дней не покидает правительственного госпиталя, пытаясь руководить страной оттуда.

Вообще слухи и легенды, создаваемые чаще всего в глубинах КГБ, сопровождали весь путь восхождения Юрия Андропова к вершине власти. По слухам это был мягкий интеллигентный человек, эрудит, любящий искусство и владеющий несколькими европейскими языками, в том числе и английским, о чем в своё время газета «Нью-Йорк Таймс» сообщила своим читателям в сенсационном заголовке «Андропов читает по-английски свободно!» А Джон Баррон в своей известной книге «КГБ», описывая квартиру Андропова, замечает: «...Полки полны книг, некоторые из них на английском, которым Андропов владеет хорошо». По вечерам новый хозяин Кремля знакомится с классиками мировой литературы в подлинниках, немного музицирует и балуется стихосложением. Он прозападник, предпочитает водке виски со льдом, слушает западные радиоголоса и коллекционирует записи джазовой музыки. Не чурается общения с диссидентами, наставляя их на путь истины, и даже посылая за ними свой личный автомобиль, когда приглашает для беседы. И ко всему прочему он ещё полу- или на четверть еврей. Короче говоря — почти новый Ленин. Да и все прочие приписываемые Андропову черты полностью совпадали с хрестоматийными чертами Ленина, как тому учили советских людей: скромность, деловитость, простота, прагматизм, терпимость к людям.

По Москве ходил даже такой шуточный рассказ, намекающий на лояльность и терпимость Андропова. Как-то он пригласил к себе для беседы художника-аб-

« 1 - Глава КГБ Юрий Андропов; 2 - Юра (в центре) - студент техникума водного транспорта. Рыбинск, 1936 г.

стракциониста. «Ну что вы всё бунтуете, — добродушно сказал гостю хозяин, наливая по стаканчику виски. — Неужели вы не понимаете, что в любой системе есть власть. Власть вас кормит, и вы должны ей служить». «Конечно понимаем, — ответил абстракционист. — Мы и хотим ей служить, но реалисты мешают. Они вам на нас наговаривают. Вот представьте себе, на пьедестале стоит огромная мраморная жопа, которая всех кормит. Все её лизжут, чтобы получить от нее побольше благ. Мы тоже бросаемся её лизать, но реалисты облепили её со всех сторон, отгалкивают нас ногами и шепчут — жопа, жопа, ты им не верь, они тебя укусят. Ну подумайте, какой дурак будет кусать огромную мраморную жопу?!»

Бесспорно, что Юрий Андропов был фигурой гораздо более сложной, чем его предшественник и сосед по дому Леонид Брежнев. Чтобы не бояться приписывать самому себе такие характеристики, как интеллигент, эрудит, полувёррей в стране, подавляющая часть народа которой никогда не благоволила к людям «в очках и шляпе» и, тем более, к евреям, надо было обладать аналитическим умом хорошего шахматиста, умеющего просчитать ходы далеко вперед. Надо было тонко опутить те положительные и отрицательные эффекты, которые создадут эти слухи, и их суммарный результат. Даже такие серьезные авторы, которые писали об Андропове, как профессор Волкогонов, историк Рой Медведев, Соловьев и Клепикова, Александр Бовин и другие оценивают эту фигуру весьма по-разному. Одни считают его классическим злодеем, занимающим не последнее место в этом ряду, другие наоборот — пусть и ортодоксальной, но всё же положительной фигурой, на фоне разлагавшейся кремлёвской верхушки.

Такое расхождение мнений не кажется загадочным. По ряду пунктов Андропов был своего рода рекордсменом среди людей, занимавших вершину кремлёвского холма. Его путь к власти был самым долгим из всех кремлёвских вождей. Он пришел к ней в возрасте 68 лет, в то время как Ленин занял этот пост в 47, Сталин — в 42, Хрущёв — в 59, Брежнев — в 58, не говоря уже о царях, которые сажались на кремлёвский трон юношами, а то и детьми. Срок его правления был самый короткий — всего 15 месяцев. Хотя по уму и эрудиции он был выше многих своих коллег, но по шкале официального образования он занимал одно из последних место, не имея за плечами никакого мало-мальски серьезного и, тем более, высшего образования. Чтобы сконцентрировать в своих руках всю власть — партийную, государственную и военную — Сталину потребовалось 17 лет. Хрущёву — 5, Брежневу — 13. У Юрия Андропова на это ушло два месяца. И, наконец, за всю историю России это был первый глава тайной полиции, пересевший на кремлёвский трон.

Мальчик Юра родился на Северном Кавказе, в Ставропольском крае, на станции Нагутская 15 июня 1914 года в семье железнодорожника. Отец его был из обрусевших греков и настоящая его фамилия была, по-видимому, Андропулос, хотя документального подтверждения этому найти не удалось. Отец умер, когда Юре было всего два года. После окончания семи классов школы, Юра Андропов переходит на собственные хлеба. Работает помощником киномеханика в железнодорожном клубе на станции Моздок, телефонистом, около года матросом на речном судне на Волге. В 1932 году судьба забрасывает его в город Рыбинск, где он поступает на учебу в техникум речного транспорта. «Прошу обеспечить меня общежитием и стипендией, так как средств к дальнейшему существованию не имею», — пишет он в дирекцию техникума.

Однако вскоре Андропов бросает учебу и начинает свою партийную карьеру, став комсомольским вожаком того же техникума. Трудно сказать, как повернулась бы его дальнейшая судьба, но тут подходит время очередного пика сталинского террора. Освобождаются вакантные места и карьера Андропова ракетой взлетает вверх. В 1938 году он уже комсомольский руководитель всей Ярославской области. Затем партия перебрасывает его на север страны, в Карелию, где он также возглавляет комсомол, но теперь уже целой республики. Чтобы в это страшное время разнuzданного террора малограмотный юноша мог сделать такую головокружительную карьеру, надо было обладать не только особым везением, но и теми специфическими качествами, которые требовало сталинское время.

Вторая мировая война застаёт Андропова в Карелии. Как повествуют редкие и не всегда убедительные документы, в это время по заданию органов государственной безопасности он занимается созданием партизанских отрядов в тылу врага. Так ли это на самом деле — трудно сказать. Не исключено, что это всего лишь «героические штрихи» созданной задним числом автобиографии, чтобы оправдать своё неучастие в прямых военных действиях. С 1951 года Андропов в Москве, в центральном аппарате партии, а в 1954 году его направляют на дипломатическую работу в Венгрию — сначала советником, а затем послом. «Венгерский период» Андропова — это краеугольный камень его будущего блестящего пути наверх.

Как вспоминают знавшие его по тому времени венгры — это был не обычный для советского типа посол. Всегда приветливый, эlegantный, внимательный, любивший приглашать на посольские приемы цыганских музыкантов и нередко сам подпевавший им, сервировавший стол изысканными французскими винами, учтиво целовавший дамам ручки, заканчивая с ними танец, вежливо, с пониманием выслушивающий мужчин. Он никогда не отводил взгляда и всегда смотрел собеседнику прямо в глаза. Его мягкий тихий голос внушал спокойствие и доверие, а понимающий, внимательный взгляд сквозь стёкла чуть затемнённых

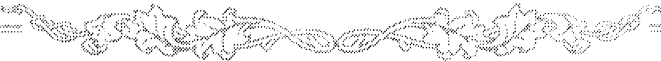
очков как бы говорил, что он на стороне собеседника. Как впоследствии выразился один из венгров — это был жандарм в смокинге.

Какую роль сыграл Юрий Андропов в подавлении Венгерской революции 1956 года? По-видимому, ключевую. Он не только исполнял волю Москвы и координировал действия, что естественно для посла, но зачастую и провоцировал их. Его депешки буквально требовали от Москвы скорейших военных акций. Будущий хозяин Кремля был твердым сторонником самых жестких мер и гордился своим участием в «подавлении мятежа». Фактически он действовал не как посол, а как сотрудник КГБ. После поражения революции, когда глава Венгерской республики Имре Надь, спасая свою жизнь укрылся в югославском посольстве в Будапеште, не кто иной, как Андропов разработал и осуществил план, как выманить его оттуда. От имени советского правительства он дал письменную гарантию полной безопасности своему бывшему хорошему знакомому, с которым не раз с бокалом вина в руке вёл дружеские дискуссии о литературе и венгерской поэзии. А когда Имре Надь, поверив этой гарантии, вышел из посольства, то был тут же схвачен советской госбезопасностью и вскоре расстрелян.

Нечто подобное произошло и с полковником Шандором Копачи, бывшим в то время шефом будапештской полиции. Торопясь с женой в югославское посольство, где они хотели укрыться и попросить политическое убежище, он прямо на улице был схвачен агентами КГБ и доставлен в советское посольство. Хозяин посольства встретил своих старых знакомых радушно, вежливо поцеловал ручку даме, с которой не раз танцевал на дипломатических приёмах, угостил кофе, успокоил, сообщив, что ничего им не грозит. Наоборот, новый глава государства Янош Кадар хочет видеть полковника Копачи, чтобы предложить ему пост в своем кабинете. Но из посольства супруги были доставлены не к Кадару, а прямо в тюрьму, из которой полковник вышел лишь через 7 лет.

В 1957 году, в награду, по-видимому, за успешное выполнение «венгерской миссии», Хрущев возвращает Андропова в Москву, где ему поручают роль партийного надсмотрщика над странами-сателлитами. И надо думать, что эту роль он тоже выполнил с блеском. По крайней мере, такая гениальная в своей простоте идея, как Берлинская Стена, принадлежит именно ему.

«Малый октябрь» — как окрестили время падения Хрущева в октябре 1964 года, в отличие от «Большого октября» 1917 года — не пошатнул позиции Андропова, а даже наоборот, укрепил их. 19 мая 1967 года 52-летний Юрий Андропов назначается Брежневым главой тайной полиции — КГБ, сменив проштрафившегося на этом посту предшественника, который не сумел предотвратить бегство за границу Светланы Сталиной. Само собой разумеется, что ослепленному собственным величием Леониду Брежневу тогда и в голову не могло прийти, что этим назначением он сам роет себе могилу.

На этом посту Андропов проработал 15 лет. Как и в посольском кресле, внешне он оставался элегантен и мягок, но по изощренности ума и умению создавать хитросплетение интриг, к нему из предшественников мог приблизиться разве что лишь Лаврентий Берия.

Одной из первых задач, которую поставил перед собой новый глава КГБ, было изменение имиджа этой организации. Именно в это время советская литература и кинотелеэкраны заполняются образами смелых интеллектуальных разведчиков, умных сыщиков, справедливых и обаятельных блюстителей порядка. Вся эта макулатура стряпается под жестким контролем и по прямому заказу КГБ или наемными авторами, или самими сотрудниками этой организации. Так первый заместитель Андропова, уже упоминавшийся нами генерал Цвигун, самолично пишет подобные киносценарии, прикрываясь литературным псевдонимом.

Теперь, по распоряжению Андропова, основной упор при вербовке на службу в КГБ делается не на примитивных исполнителей, а на лучших выпускников столичных вузов, хорошо владеющих иностранными языками, имеющих неплохие мозги и светские манеры. А к преподаванию шпионских наук привлекаются такие фигуры, как сбжавший в Москву после провала бывший высокопоставленный британский разведчик Ким Филби, ставший близким приятелем Андропова.

Но все же не имидж был главной задачей Андропова. Главным было повысить эффективность КГБ и восстановить несколько пошатнувшийся при хрущевском либерализме «авторитет» (читай — страх) перед этой организацией. Первыми ощутили на себе «изменение режима» столичные диссиденты, с которыми Андропов решил покончить раз и навсегда. При нем возродилась сталинская практика «повторных сроков», когда человека второй, а то и третий раз судили лишь за то, что он не изменил своих прежних убеждений. Некоторые вообще не выходили из лагерей, а по окончании одного срока там же получали второй. Перестали делать тайну из тюрем-психбольниц, куда врачи из КГБ заточали здоровых людей с уникальным для мировой медицинской практики диагнозом — «шизофрения, выраженная в склонности к инакомыслию». Именно «интеллектуал» Андропов возродил ленинскую традицию высылки неудобных за границу. Вот, например, что посоветовал глава КГБ высшим партийным руководителям страны: «...Сейчас он (Солженицын) в своей враждебной деятельности поднялся на новый этап... Его сочинение «Архипелаг ГУЛАГ» не является художественным произведением, а является политическим документом. Это опасно... Поэтому надо... выдворить его из страны...»

Другой эпизод, связанный с высылкой из страны ещё одного будущего лауреата Нобелевской премии, поэта Иосифа Бродского, приводят Соловьев и Клепикова. Видимо, на этот раз Андропов решил пококетничать с интеллигенцией. Роль интеллигенции выполнил поэт Евгений Евтушенко, посетивший Анд-

ропова по личному делу. Покончив с делом, по которому пришел поэт, и зная, что эта информация моментально разоидется по Москве, Андропов завел с поэтом следующий разговор:

«— Я хотел вас спросить о Бродском, — сказал Андропов. — Не о его поэзии, но о его судьбе. Какой вам представляется его судьба? И представляется ли она вам в наших теперешних условиях, в нашей стране?..»

— Нет, здесь у нас судьбу Бродского я себе, честно говоря, не представляю. Он талантливый поэт, но ему лучше будет за границей...

— Мне тоже так кажется, — сразу же согласился Андропов, и Евтушенко, почувствовав в этом согласии некий укор за свой совет, быстро добавил:

— Но хоть бюрократические формальности ему облегчите...»

Андропов обещал «облегчить» и слово своё сдержал: Бродский был изгнан из СССР в несколько недель.

Мы привели этот эпизод, как красочный мазок к характеристике Андропова, а не как штрих к портрету Евтушенко, поскольку не знаем тех обстоятельств, при которых был дан такой ответ. Допускаем, что Евтушенко мог искренне считать, что Бродскому лучше выскользнуть из сферы влияния КГБ, чтобы опять не попасть в неволю, где он уже побывал.

Всё это была лишь зримая вершина айсберга, «законные» по советским понятиям методы. Но была ещё и подводная часть. Впервые со времени смерти Сталина Андропов реанимирует практику тайных политических убийств, как внутри страны, так и за её пределами. Причем, если убийства вне страны тщательно маскируются, то внутри страны это делается как бы напоказ, в назидание другим, для поднятия пошатнувшегося «авторитета» возглавляемой им организации и нагнетания страха.

Выстрелом в голову убита в своей московской квартире известная киноактриса Зоя Фёдорова, собиравшаяся переехать к дочери в США, тоже киноактрисе, проживающей там со своим отцом, американским вице-адмиралом Джеком Тэйтом. Эта история началась ещё во время войны. Молодой тогда капитан военно-морских сил США, служивший в системе военного атташе при американском посольстве в Москве, на одном из дипломатических приёмов встретился с очаровательной русской киноактрисой и влюбился в нее. Роман развивался бурно и, конечно же, под негласным наблюдением агентов советской госбезопасности. Влюбленные договорились, что если родится сын, то в честь победы они назовут его Виктором, а если дочь — Викторией. Вскоре капитан вынужден был покинуть Москву, а возлюбленная его родила дочь. Спустя непродолжительное время Зоя Фёдорова была арестована и за «измену родине» (связь с иностранцами) приговорена к длительному сроку заключения. Вышла она из заключения уже после смерти Сталина. Во времена «детанта» ей удалось разыскать своего капитана, ставшего к это-

му времени уже вице-адмиралом, и после упорной борьбы с властями отправить дочь к нему. И вот теперь, спустя почти три десятка лет, она собиралась вновь увидеть своего возлюбленного и воссоединиться с дочерью...

Официально убийство было подано как обычное бандитское ограбление, но московская интеллигенция мало верила в это, догадываясь, чьих это рук дело. Черные силы как бы давали понять: вне зависимости от званий и рангов, кара за попытку «изменить родине» не отменена*.

Такая же загадочная смерть постигла и жену бывшего заместителя Генерального Секретаря ООН Аркадия Шевченко, не пожелавшего возвращаться в СССР. Будучи насильственно вывезенной из Нью-Йорка в Москву, жена Шевченко вскоре якобы покончила там жизнь самоубийством. И опять же, следы преступления читались открытым текстом — месть за измену мужа в назидание другим.

И, наконец, нашумевшая серия международных убийств, так называемый «болгарский след», закончившаяся выстрелами турецкого террориста Мехмета Али Агаджа на площади Сан-Пьетро в Риме 13 мая 1981 года. Покушение на Папу Римского было, пожалуй, апофеозом кагэбэшного нео-сталинизма. Говорят, что в списке намечавшихся Андроповым жертв находились имена еще двух поляков — Збигнева Бжезинского и Леха Валенсы.

* Надо, однако, сказать, что существуют и другие версии убийства. Одну из них воссоздал в своем рассказе «Афанасьич» писатель Юрий Нагибин.

◀ По слухам это был мягкий, интеллигентный человек, владеющий несколькими европейскими языками...

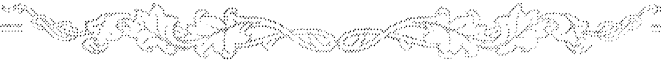
Сам же Юрий Андропов по-прежнему остается элегантен и вежлив. Ему не изменяют ни выдержка, ни хороший тон, а наличие пусть даже черного чувства юмора, придаёт некую пикантность его образу. Так, на банкете в одном из московских театров, где он присутствовал в качестве гостя (муж его дочери Ирины был актером), он протянул рюмку, чтобы чокнуться с соседом по столу. Сосед на мгновение заколебался, ибо чокается с главой тайной полиции всегда считалось позорным среди старой русской интеллигенции. «Советую принять, — мягко усмехнулся Андропов. — Учтите, у КГБ длинные руки».

Другая «шутка», обошедшая московские салоны, была произнесена при обстоятельствах гораздо более зловещих. Английский бизнесмен украинского происхождения

Мыкола Шарыгин был арестован в Москве по обвинению в шпионаже. Его начали вербовать в агенты КГБ, обещая в случае согласия не возбуждать дела. Шарыгин отказывался. Его привели к Андропову в кабинет. «Ну как, все еще отказываетесь поработать для родины?» — спросил хозяин кабинета. «Моя родина Великобритания», — ответил Мыкола. «Ну что ж, тогда судить!» — бросил Андропов. «Но он действительно английский подданный», — тихо вставил один из присутствовавших сотрудников. «Ничего, надеюсь, что англий-

◀ На военном корабле

ская королева не объявит нам войну из-за Шарыгина», — усмехнулся Андропов...

Но не одними делами КГБ заняты были в это время его мысли. Возраст давал себя знать, надо было торопиться, если он хотел осуществить свою заветную мечту — добраться до вершины кремлёвского холма. Формально он не входил в число наследников Брежнева, но это его не смущало. Он знал им цену. Вся их подноготная покоилась в его сейфе. Правда, надо было ещё убрать с дороги несколько мешавших фигур, но это уже дело техники. И он, сцепив по привычке руки за спиной, ходил, углубившись в мысли, из угла в угол по своему огромному, украшенному восточными коврами кабинету, с панелями из красного дерева, высоченными потолками и такими же огромными, смотрящими на Лубянскую площадь пуленепробиваемыми окнами с железными жалюзи.

Одной из фигур, которую прочили в наследники Брежневу и которую надо было убрать с дороги, была фигура партийного главы Ленинграда, с династической русской фамилией — Романов. По сравнению с кремлёвскими старцами, Григорий Романов был почти молодым человеком — всего 56 лет. Хотя никакими особыми достоинствами он и не обладал, но тем не менее это был серьёзный соперник — инженер по образованию, крестьянского происхождения — почти без изъянов для кремлёвского Олимпа. Поэтому-то Андропов и вышагивал по кабинету, решая головоломку. Надо было найти или создать «изъян» у этого соперника. Недавний развод Романова с женой? Этого недостаточно, нужно что-то поскандалнее...

Как раз в это время дочь Романова выходит замуж. Дело, кажется, сугубо семейное, к политике никакого отношения не имеющее. Но это лишь на взгляд дилетанта. Свадебное празднество организовывал, конечно же, не сам отец, а его многочисленная челядь, состоящая из подчиненных Андропову сотрудников КГБ. Застолье было в полном разгаре, когда здоровый детина из охраны Романова весело закричал молодым «горько» — и по старинному обычаю швырнул бокал об пол. «Там, где пьют, там и бьют!» — говорит русская пословица. «За счастье молодых!» — закричали другие кагэбэшники и тоже начали бить посуду. Наутро оказалось, что разбит дорогой сервиз. Но не в том беда, что дорогой, а в том, что сервиз этот был не совсем обычный. Кто-то из кагэбэшного окружения Романова, без его ведома, но от его имени, приказал привезти этот сервиз из специальных кладовых музея «Эрмитаж». Сервизу этому было 200 лет и принадлежал он самой императрице Екатерине Великой...

Это было кощунство, издевательство над русской историей, оскорбление национальных чувств. Поднялся скандал. Через день всё это уже было известно в Кремле, а спустя короткое время расплозлось по всей России, обрастая слухами и подробностями. «Что, Романов считает себя уже на троне?» — острела ин-

телигенция. Говоря современным языком, «рейтинг» Романова катастрофически рухнул вниз. Такой человек уже не мог претендовать на высший пост в стране, что, как говорят математики, и требовалось доказать. Надо думать, что теперь Юрий Андропов прохаживался по своему кабинету с довольной улыбкой.

Было ли всё это так, или большая часть этой истории хорошо состряпанный целенаправленный вымысел, утверждать трудно. Автор этой книги несколько лет назад в частном разговоре задал этот вопрос тогдашнему директору музея «Эрмитаж» академику Борису Пиотровскому, при котором эти события якобы происходили. Ответ был отрицательный. Но, поскольку директор «Эрмитажа» имел среди своих сотрудников репутацию человека, мягко говоря, не очень смелого, особенно перед высоким начальством, то принимать его ответ на веру тоже нет оснований. Как бы там ни было, история эта свою задачу выполнила, соперник был устранен...

О взаимоотношениях Андропова и Брежнева мы уже говорили в предыдущей главе. Это были люди-антиподы, как в политике, так и в личной жизни. Если Брежнев любил скорее мишуру власти — побрякушки в виде наград и званий, торжественные приёмы и парадные выезды, то Андропов, наоборот, любил реальную власть, предпочитая сам оставаться в тени. Он не любил говорить о себе, редко появлялся на телевидении, всячески избегал прессу, а однажды даже поставил условие западногерманскому журналу «Шпигель» — он даст интервью, если журнал не будет помещать его портрет на обложке. Если Брежнев был баловнем судьбы, власть почти сама свалилась к нему в руки и принадлежала ему 18 лет, то Андропов был вынужден проделать самый длинный путь из всех правителей Кремля, чтобы добраться до его вершины. Если Брежнев любил подарки, подношения, лесть, то Андропов в этом плане был абсолютно безупречен. Если Брежнев был в общем-то человеком открытым для политика такого ранга: незлопамятным, шумным, сентиментальным, компанейским, выпивохой, то его верхний сосед по дому был наоборот, скрытым пуританином, даже аскетом. Его воротило от обильных и шумных пиршеств нижнего соседа, на которых ему иногда приходилось присутствовать.

Также разительно отличались и их семьи. Аляповатое купеческое ухарство дочери Брежнева, Галины, и утонченная Ирина Андропова, с отличием окончившая филологический факультет Московского университета, обожавшая музыку, литературу и мечтавшая некогда стать актрисой. Такой же как и отец выпивоха, доведший себя до алкогольного заболевания, Юрий Брежнев, и хорошо образованный, владеющий несколькими иностранными языками, мечтавший в юности, как и сестра, стать актером, но по настоянию отца ставший дипломатом, Игорь Андропов. Одним словом, как мы уже сказали, это были семьи-антиподы. И если самовлюбленного, в общем-то добродушного в быту Брежнева эти различия почти не трогали, то у брезгливого Андропова они вызывали не просто неприязнь к своему нижнему соседу по дому, а отвращение.

Страна ещё не знала о кончине Брежнева (хотя весь остальной мир уже знал), когда во второй половине дня 10 ноября 1982 года состоялось экстренное заседание высшего органа власти — Политбюро. Продолжалось оно меньше часа. Андропов был спокоен и уверен в исходе. Все роли были расписаны, фактическая власть уже давно находилась в его руках. Он произносит хвалебный панегирик усопшему и переходит к сути дела — «выборам» нового главы государства. Не без зловещего намёка слово предоставляется бывшему фавориту и верному адъютанту Брежнева, Константину Черненко, которому Брежнев фактически завещал свое кресло. Но сейчас времена не те, змеиный взгляд Андропова действует гипнотически. Черненко прекрасно понимает, что одно неосторожное слово может стоить ему не только карьеры, но и головы. Уж кто-кто, а сидящие здесь хорошо знали, кто стоит за выстрелами на площади Сан-Пьетро в Риме. После этих выстрелов уже подзабытый страх сталинских времен опять вполз в Кремль...

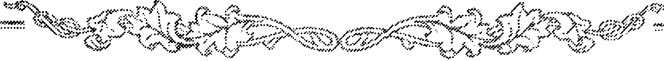
Тяжело поднявшись с места, с опущенными глазами, Черненко глухим откашливающимся голосом предлагает в новые вожди такого же, как и он сам, тронутого смертельной бледностью пергаментного старика с букетом неизлечимых болезней — Юрия Андропова. «Правильно», «Верно» — подобострастно зашуршали по залу скрипучие голоса, среди которых голос Михаила Горбачева, которому шел всего лишь 51-й год, казался почти детским. Было в это время Андропову 68 лет.

«С Новым годом, дорогие товарищи! — торжественно, под полуночный бой кремлёвских курантов, поздравил россиян диктор центрального телевидения. — С наступающим 1937 годом, товарищи...» Смысл этой зловещей шутки, рожденной острыми московскими языками накануне 1983 года, мог понять только советский человек. На самую вершину кремлёвской власти поднялась фигура бывшего шефа всемогущего КГБ, и шутник предвещал стране возвращение страшного 1937 года — одного из пиков сталинского террора.

Надо сказать, что приход Андропова к власти вызвал неоднозначную реакцию в стране. Ортодоксальная часть населения, выросшая и сформировавшаяся в системе «казармы» и истосковавшаяся по «твердой сталинской руке», восприняла приход Андропова с энтузиазмом — вот сейчас-то он наведет порядок! Интеллигенция же, наоборот, тревожно притихла. Помню, в этот день мы шли с приятелем — известным во всём мире ученым — и молчали, думая о грядущем. «Ну что, — сказал я, нарушив молчание, — начинается прошлое!?» Приятель задумчиво посмотрел на меня. «Надеюсь, что для этого ему не хватит отпущенного жизнью времени», — после долгой паузы, произнес он...

Судьба отпустила ему властвовать всего 15 месяцев... ►

Пятнадцать лет службы в КГБ, которому Андропов отдал свои лучшие годы жизни, не могли не деформировать сознания нового главы государства. Одна из его первых акций на новом посту была чисто полицейской и носила кодовое название «Трал». По всей стране наряды милиции врываются в дневное время в кино-театры, бани, парикмахерские, магазины и прочие общественные места, выискивая там прогульчиков. Ходили даже слухи, что готовится указ сталинского типа — уголовная ответственность за прогул или опоздание на работу. В газетах появляются статьи, прозрачно намекающие, что от политического анекдота до измены родине один шаг. Как справедливо заметил кто-то из московских журналистов — новый глава государства жил идеей «дисциплинирования» целого народа.

Одним словом, мифы о либерализме и прозападничестве нового вождя начали улетучиваться, как дым. Кстати, первым улетучился миф об англоязычности Андропова. При его первой встрече на похоронах Брежнева с тогдашним вице-президентом США Джорджем Бушем оказалось, что Андропов не понимает по-английски ни слова. Резко ухудшились международные отношения. Газеты начали сравнивать Рейгана с Гитлером. Доходило до курьезов: при экономической катастрофе, на грани которой стояла страна, высший орган власти — Политбюро — тратил часы на решение таких вопросов, как ужесточение наказания иностранных дипломатов за нарушение правил вождения и парковки автомобилей в Москве. Проще говоря, жандарм остался жандармом. Центр власти из Кремля постепенно перемещался в КГБ.

В первые месяцы своего правления Андропов проявлял завидную для своего возраста активность и работоспособность. До поздней ночи засиживался он в своем кремлевском кабинете, прочитывая уйму бумаг, подолгу беседуя с приглашенными людьми, давая указания «второму лицу», которым неофициально считался Константин Черненко, а однажды без предупреждения даже нагрязнул на один из московских заводов, вызвав там переполох.

Так продолжалось первые четыре месяца. Однако уже к весне 1983 года ситуация изменилась. Здоровье главы государства резко ухудшилось. Почки, которыми Андропов всегда страдал, практически отказали. Стало трудно передвигаться, дрожали руки, усилилась аритмия сердца, не держали ноги. Теперь, чтобы дойти до машины или стола заседаний, он должен был прибегать к посторонней помощи. «В темных очках, фланкируемый по обеим сторонам мощными молодцами, он стал похож на предводителя всесильной мафии..., которая захватила власть в стране...»

Его появления в Кремле становились всё реже. Последний раз он появился там 1 сентября 1983 года. Кончилось заседание Политбюро и Андропов уже хотел покинуть Кремль, когда к нему подошел военный министр и доложил: «Са-

*По левую руку от Брежнева будущие
вожди — Михаил Горбачев, Константин Черненко, Юрий Андропов* ▶

молет сбит. Оказался не американский, а южно-корейский и притом — гражданский...» — «...Но мне докладывали, что над Камчаткой был самолет-разведчик... — поморщился Андропов. — Я сегодня... улетаю в Крым... Нужно отдохнуть и подлечиться. А с самолетом — разберитесь...»

Как уже понял читатель, речь шла о южнокорейском гражданском лайнере «Боинг 747» с 269 пассажирами на борту, сбитом советским истребителем в ночь с 31 августа на 1 сентября в районе Сахалина над Японским морем. Все пассажиры погибли.

Из вышеприведенного диалога, найденного в секретных документах Политбюро, ясно, что Андропову уже раньше докладывали о самолете-нарушителе, когда он был еще над Камчаткой и когда еще можно было избежать трагедии. Приказ об уничтожении «цели» был дан им лично...

...Что пережили пассажиры воздушного лайнера за мгновение до смерти, мы не узнаем никогда. Согласно бортовому расписанию, в этот момент одни спали, другие смотрели кино. Самолет был сбит двумя ракетами, направленными рукой летчика Осиповича, который был настолько профессионально безграмотен, что не сумел отличить самый известный в мире тип гражданского самолета от военного. На первые запросы диспетчерских служб Южной Кореи, Японии и США — куда исчез «Боинг», Москва сделала удивленный вид и ответила, что понятия не имеет, о чем идет речь. Через несколько часов, когда волна тревоги уже всколыхнула мир, Москва выдвинула «предположение», что он «сам упал». Утренний выпуск газеты «Правда» уже сообщал новую версию — заблудившемуся самолету хотели п о м о ч ь советские истребители и вывести его на ближайший аэродром, но он не ответил на сигналы и ушел в сторону Японского моря...

Надо ли продолжать перечислять этапы этой циничной лжи? Ведь там, на дне океана, уже лежали тела людей, которые даже не поняли, откуда пришла эта

смерть. А члены андроповского Политбюро продолжали лгать. Никаких сожалений или соболезнований по поводу жертв глава государства не выразил. Реакция его была холодной и жесткой: никаких уступок, продумать ответные меры... И улетел отдыхать в Крым...

По распоряжению Кремля к месту трагедии

в спешном порядке, чтобы опередить другие поисковые группы, было направлено с десятков военных кораблей с заданием поднять со дна океана «черный ящик» погибшего самолета, где на магнитной ленте были зафиксированы все этапы этой трагедии. «Ящик» был поднят, но это держалось в строжайшей тайне, а суда еще много дней продолжали бороздить водное пространство, делая вид, что их поиски не увенчались успехом. И тогда американцы пошли на крайнюю меру — рассекретили свою военную радиостанцию перехвата, записавшую переговоры советских летчиков в момент «поражения цели», и пустили эти записи в эфир.

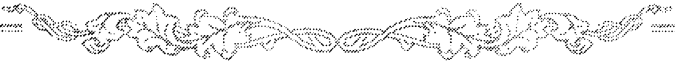
Сначала онемевший, а затем взорвавшийся от яростного негодования мир... Это была своего рода кульминационная точка андроповского правления...

Всё это застало Андропова уже в Крыму. Прогулки на свежем воздухе, морские ванны и прочие медицинские процедуры должны были влить новые силы в немощное тело престарелого вождя, но судьба распорядилась как раз наоборот. Гуляя по парку, Андропов присел на гранитную скамью отдохнуть и, видимо, не заметил переохлаждения. Этого было достаточно для и так до предела ослабленного болезнями организма. Из Крыма он вернулся в Москву уже на носилках, прямо в правительственный госпиталь...

Он угасал, но, в отличие от своего предшественника, впавшего в старческий маразм задолго до смерти, угасал при ясном уме и твёрдой памяти, продолжая жестко держать власть в руках. Кремлевский кабинет Андропова фактически переместился в госпиталь. Сюда доставлялись ему на подпись важнейшие государственные документы, информационные материалы, шифротелеграммы, а отсюда исходили идеи, указы, записки. Нередко он уже был не в силах сам держать в руках эти документы и просил читать их себе вслух.

Как отмечают многие авторы, трагедия или парадокс ситуации заключались в том, что будучи немощен телом, он в то же время был в пике своего могущества. Пустое кресло Андропова в зале заседаний Политбюро зловеще напоминало о его незримом присутствии. О реальном состоянии его здоровья не знал не только народ, но и ближайшие коллеги. Так, на торжественном заседании в Кремле, посвященном дню большевистской революции, пополз слух, что Андропов обязательно будет присутствовать. Члены Политбюро заняли места в президиуме, оставив в центре пустое кресло и разместившись по обе стороны от него. Оно так и простояло пустым весь вечер, создавая атмосферу зловеще-тревожного ожидания. Именно в это время, как мы уже писали в начале этой главы, по Москве начал проноситься правительственный кортеж, мистифицируя публику и западных журналистов.

Последние два месяца своей жизни Андропов уже был неподвижен. Ему было трудно перевернуться даже с боку на бок, но мозг по-прежнему работал четко. Он много читал и, как утверждает персонал больницы, даже писал стихи же-

не. А последние несколько дней до смерти он вообще не приходил в сознание, находясь в коме, но огромная машина империи продолжала функционировать от его имени. 8 февраля 1984 года от его имени еще ушло письмо в Японию, хотя фактически это уже было письмо «с того света». 9 февраля Андропова не стало. Ушел человек незаурядного, но злого интеллекта. А что мы, собственно говоря, хотим от тех, забравшихся так высоко!? Пегасы на те вершины не летают, и дорога туда устлана не лепестками роз...

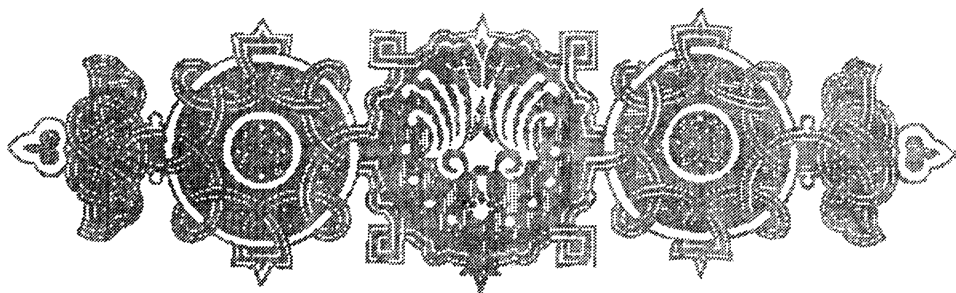
*«Мы бренны в этом мире под луной.
Жизнь только миг. Небытие — навеки.
Кружится во Вселенной шар земной,
Живут и исчезают человеки...»*

Такое вот стихотворение было найдено в бумагах покойного...

Константин Черненко с женой Анной

ЛИДЕР, КОТОРОГО НЕ ЗАМЕТИЛА ИСТОРИЯ

ла весна 1984 года. Я в это время сотрудничал с Центральным российским телевидением. Мы снимали документальный фильм по заказу итальянского телевидения. По сценарию нам необходимо было провести небольшие съемки на территории Кремля. Чтобы получить разрешение на эти съемки, я обратился в, так называемый «особый» отдел телевидения, который формально считался отделом «по работе с иностранцами», но всем было известно, что это отдел КГБ. Такие «особые» отделы существовали тогда на всех крупных предприятиях страны.

Начальник отдела — кагэбэшник высокого ранга — выслушав мою просьбу, сказал, что сейчас такое разрешение будет получить непросто. «Там сейчас реставрация идет» — усмехнувшись, добавил он. «Что реставрируют?» — полюбопытствовал я. «*Константина Черненко*», — рассмеялся мой собеседник.

У меня, как говорится, аж челюсть отвисла от неожиданности. Чтобы сотрудник КГБ при официальном разговоре с незнакомым человеком позволил себе такую шутку в адрес главы партии и государства — с таким явлением в советской системе я еще не сталкивался. Что-то здесь было новое...

В баллистике есть термин «на излёте». Он подразумевает, что заданная телу первоначальная энергия полёта на исходе и летящее тело вот-вот рухнет вниз. Одной из основных движущих сил советской системы был страх. И если он заканчивался, значит заканчивалась и сама система, она была на излёте...

Конечно, никто об этом не говорил открыто. Более того, никто в это не мог даже поверить. Почти три четверти века, которые просуществовала советская система, в которой выросло уже не одно поколение людей, приучили нас к мысли, что система эта если и рухнет, то не на нашем веку. Нам до этого не дожить. Она слишком железобетона, чтобы рухнуть сама по себе, просто так, без вселенского взрыва и мировых потрясений. Но не уловить трупного запаха гниения уже не мог никто. Он висел в воздухе...

...На вершину кремлёвского холма кряхтя, кашляя, задыхаясь вполз новый «вождь» — Константин Черненко. По ряду пунктов он даже побил «достижения» своего предшественника, став абсолютным рекордсменом кремлёвского Олимпа: шел ему в это время 73-й год, править ему было отведено судьбой всего 13 месяцев, и тянул он на себе такой мешок болезней, который не снился даже Андропову.

Собственно говоря, на краешек кремлёвского Олимпа Константин Черненко пристроился уже давно, правда не как «серый кардинал» или всесильный регент, а как денщик, которому разрешили посидеть в кресле барина, пока хозяин отсутствует. Во времена Брежнева он замещал «Главного», когда тому надоело заниматься рутинными делами и тянуло на охоту — пострелять уток или кабанов. А потом, когда «хозяин» впал в старческий маразм, Черненко выполнял за него функцию «зиц-председателя», ведя заседания Политбюро и прочие канцелярские дела. Во времена Андропова он тоже просидел в этом кресле почти полгода, «озвучивая» в Кремле голос хозяина из больницы. Проще говоря, к этому сутулому, внешне незлобивому, но малообразованному и скрытному старику с простоватым скуластым лицом, посредственным умом и невнятной речью, как бы уже давно привыкли. Поэтому, когда 10 февраля 1984 года, через день после смерти Андропова, на Политбюро встал вопрос — кому быть «Главным» —

◀ *Пограничник Константин Черненко. 1930-е годы*

больших дебатов не последовало. Как уже не раз бывало в советской истории — победила «серая посредственность». Более мощные силы, боясь друг друга, выталкивали её наверх, как не опасный для них компромиссный вариант.

Константин Черненко родился 11 сентября 1911 года в сибирской деревушке Большая Тесь Новоселовского района Красноярского края, в крестьянской семье. Мать умерла, когда ему было 8 лет. Отец вторично женился на злой и сварливой женщине, так что перетерпеть от мачехи пришлось немало. В 12 лет Константин уходит из дома и устраивается по найму к зажиточному крестьянину. Затем 3-летняя сельская школа. «Политическая сознательность» паренька была замечена начальством, и он становится пропагандистом Новоселовского райкома комсомола, где проработал до 1930-го года. За этим последовала двухлет-

няя служба в пограничных войсках в Средней Азии. Здесь Черненко вступает в партию и становится партийным руководителем погранотряда. Вот, собственно, и вся «героическая юность».

Вторую мировую войну Константин Черненко провел не на фронте и, как свидетельствуют бумаги, особо туда и не рвался. В 1943-1945 годах он учился в Москве в Высшей школе партийных пропагандистов. В это время он и познакомился с Аней Любимовой — своей будущей женой. Аня была девушкой боевой, активной, идейной комсомолкой. Еще раньше, в голодные годы коллективизации, ездила с «красным обозом» по деревням, выколачивая из мужиков припрятанный хлеб. Как она сама рассказывает, в конце войны, в 1944 году, послали ее как-то на Волгу организовывать хлебозаготовки. Вместе с ней в бригаде было трое мужчин. Был среди них один такой тихий, мягкий, застенчивый. Когда она уезжала, он ее провожал и уже у самого вагона записку в руку сунул — «Прочтешь, когда поезд тронется». Прочла. Потом они поженились.

После партшколы Константина Черненко направляют в город Пензу на идеологическую работу, где он прослужил три года. А с 1948 он уже в солнечной Молдавии на том же идеологическом поприще. Здесь в июле 1950 года и произошла его «эпохальная» встреча с Леонидом Брежневым.

Сказать, что они сразу сошлись, было бы неверным. Просто Брежнев обратил внимание на услужливого сутуловатого чиновника, который всегда оказывался под рукой, всегда приносил нужные бумаги и справки, был пунктуален, вежлив, никогда не возражал, не задавал лишних вопросов и в глазах его всегда светила преданность начальству. Проще говоря, он был удобен, как удобна мебель. Со временем Брежнев привык к этой фигуре, ощущая её необходимость, как важную принадлежность кабинета.

Спустя время Брежнев перебирается в Москву. Отсутствие под рукой привычной фигуры создавало, по-видимому, определенные неудобства, тем более, что фигура время от времени напоминала о себе подобострастными поздравительными открыточками к праздникам, дням рождения, семейным торжествам. В памяти Брежнева тогда всплывали картинки солнечной Молдавии, искрящегося вина, весёлого и хорошо проведенного времени... Одним словом, чего-то приятно-сентиментального...

В 1960 году, получив от Хрущева в подарок должность главы парламента, Брежнев перетягивает Черненко в Москву, делая его начальником своего секретариата. Для Черненко это вершина счастья! Теперь они встречаются гораздо чаще. Брежневу всё больше нравится этот на вид тихий косноязычный человек с неизменной папкой под мышкой, преданными глазами взирающий на патрона.

Наступает «Малый Октябрь» 1964 года. Хрущев сброшен. Обезумевший от счастья Леонид Брежнев взбирается на кремлёвский Олимп, где ему суждено просидеть долгих 18 лет. На новую чиновничью ступень взбирается и Константин Черненко. Теперь он заведующий канцелярией («общим отделом») высшего пар-

тийного органа страны. На этом посту он, как и его благодетель, просидит те же долгие 18 лет. Даже став в 1978 году, по прихоти Брежнева, членом высшего органа власти — Политбюро, он все равно останется руководителем канцелярии, ибо, после обожания патрона, канцелярия была его страстью, призванием, любовью. Шелест бумаг, стрекотание машинок, папки, порядок, секретность... — всё это было песней его души.

Углубляется и связь с патроном. Теперь уже нет дня, чтобы они не встречались. Черненко становится тенью Брежнева. Кашляющий, задыхающийся «Костя», неизлечимо больной бронхиальной астмой, должен быть всегда под рукой. Кто вовремя подаст прописанное врачами лекарство, подсунет нужную бумажку, шепнёт на ушко, расскажет новые сплетни?.. А сплетни Черненко знал. Ведь он был не только канцеляристом, но и «особистом». *«В его кабинете находилась аппаратура, с помощью которой можно было прослушивать (телефонные) разговоры самых высоких сановников...»* партии.

И еще одним наркотическим качеством, гревшим душу Брежнева, обладал Константин Черненко. Лестью. Как говорит грузинская пословица, «лесть сшибает с ног даже быка». Не будучи человеком тонкой души, Черненко, конечно же, не чувствовал, где подобострастие и лесть перехлестывали все мыслимые пределы. Но и объект его обожания тоже не обладал тонкостью чувств, так что они вполне подходили друг другу. Профессор Волкогонов приводит эпизод, ярко характеризующий каждого из них. Как-то, проводя всесоюзное совещание канцеляристов, Черненко уговорил Брежнева выступить на нём:

«...Сейчас в стране два важных события, о которых говорят, — сообщил слушателям выступающий, — установка бюста Героя Советского Союза и Героя Социалистического труда у меня на родине, а также присвоение мне звания Маршала Советского Союза...» Черненко поднялся из-за стола президиума и в тон Брежневу под бурные аплодисменты зала произнёс:

— Я думал, Вы приедете в форме маршала. Раз нет, то я покажу всем присутствующим Ваш портрет в парадной маршальской форме...

За председательским столом появился большой, в рост человека портрет... в золоте маршальских погон и блеске бесчисленных орденов...

Черненко продолжает:

— У нас сегодня большой праздник... Мы счастливы поздравить Вас со званием маршала... После Вашей речи мы обрели второе дыхание... Мы начинаем каждый день с мыслями о Ваших указаниях... Ваше выступление одухотворяет нас...»

Что можно к этому добавить!? Страна смеялась. Благо, Брежнев был всё же не тиранствующим диктатором, а клоуном...

В свою очередь Брежнев тоже относился к своему адъютанту с нежностью: *«Дорогой Костя! Твою записку получил. Спасибо. Однако огорчен, что ты при-*

болел... Ты пишешь, что «ничего, это пройдет через день-два, и я выйду на работу». Не обижайся, но я даже рассмеялся. Думаю, какой приткий: температура почти 40, а он сходил, видимо, в туалет, вышел оттуда, и температура стала 36,5. Так не бывает, Костя...»

К концу «брежневской эры», когда «Главный» уже впал в глубокий старческий маразм, роль Черненко резко возрастает. Теперь он уже нередко сам отдает распоряжения от имени «Главного», не ставя того в известность, а иногда даже стучит кулаком по столу на своих канцеляристов. Перед ним начинают заискивать чиновники высокого ранга...

Готовил ли Брежнев его в свои преемники? Вряд ли. Хотя со стороны это и могло показаться так, но сомнительно, чтобы Брежнев вообще думал о преемнике. Не следует забывать, что сам Брежнев ведь тоже не был настоящим правителем страны, правителем-патриотом, рачительным хозяином, какими были русские цари, каким был даже Хрущев. Брежнев был временщиком, любителем «пожить», случайно оказавшимся в удобном кресле хозяина. Все его устремления не выходили из круга собственных интересов, так что сомнительно, чтобы его серьезно волновало будущее страны, вопрос о преемнике. Тем более преемнике в лице Черненко, который был для него все же не партнером, а слугой.

И тем не менее, привычка почти двух десятков лет видеть Черненко всегда возле «Главного», его частое замещение «Главного» в председательском кресле, привычка получать через него распоряжения от «Главного», сделала своё дело. Волей-неволей в сознании коллег по Политбюро Черненко становился «наследником». Пусть презираемым за свою простоватость, серость, необразованность, физическую немощь, но наследником. Более того, в какой-то степени это даже устраивало многих. Ведь средний возраст членов Политбюро был тогда примерно лет 67, а у некоторых перевалил и за 80. Больше, чем новая схватка за Олимп, с непредсказуемым концом, им хотелось спокойно, в тепле, без потрясений дожить свою жизнь. Наследник в лице Черненко — без новых идей, без огня, без мощи, почти гарантировал им это. Он был идеальной компромиссной

1 - С королем Испании Хуаном Карлосом и его супругой. 1984 г.; 2 - Из отпуска ▶

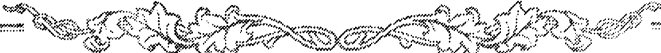
◀ *Принимает поздравления. Крайний справа М. Горбачев*

фигурой. И так бы, по-видимому, и произошло, если бы не вмешался «андроповский фактор».

15 месяцев андроповского правления не только не поколебали позиции Черненко в Политбюро, но даже укрепили её. Страх, вползший в Кремль после покушения на главу Ватикана, ещё раз напомнил мафусаилам кремлёвского холма, как зыбко их благополучие. Теперь уж, после кончины Андропова, никаких препятствий для Черненко не было. «Молодой» Михаил Горбачев ещё не набрал реальной силы, а мафусаилы, как уже было сказано выше, не собирались вступать в борьбу. Кашляя, сопя, задыхаясь, «пшикая» себе в рот из баллончика, полуживой Черненко вскарабкался на кремлевский трон. Как вспоминает его жена, пришел он домой и говорит: «Утвердили!» — «Куда утвердили, говорю, в могилу? Ты туда спешишь?..»

После этого, как уж водится в советской системе, начинается мифотворчество — создается «героическая биография» нового хозяина Кремля. А «героическая биография», естественно, не может обойтись без борьбы, фронта и врага. Брежнев, как мы помним, придумал себе героическую оборону «Малой Земли», Андропов якобы создавал партизанские отряды в тылу врага, а чем занимался в тяжелые для страны годы Константин Черненко? Не напишешь же, что 30-летний мужчина, в самые тяжелые годы войны, когда лозунгом страны было — «всё для фронта, всё для победы», просиживал штаны в партшколе. И вот малограмотный паренек из далекого азиатского погранотряда, тоже становится героем. Ему уже посвящена «Песня пограничников», где рассказывается, как он самоотверженно ведет в бой свой погранотряд. О нем уже сочинена пьеса, начинаются съемки фильма «Паренек с границы»... Правда, надо сказать, что и то, и другое, и тре-

ть не успели ввести в массовое пользование. 13 месяцев на троне — срок не такой уж большой, чтобы всё успеть...

Свою новую должность Черненко начал с рвением. «Будем работать по-брежневски...» — заявил он своим бывшим коллегам по канцелярии, не скрывая неприязни к покойному Андропову. Неприязнь эта, конечно же, была личной, а не идейной, ибо крутые андроповские методы правления не могли вызывать возражений у Черненко, не раз тепло вспоминавшего в узком кругу о «порядке» при Сталине. (Кстати, именно Черненко восстановил в партии кровавого соратника Сталина, Вячеслава Молотова, исключенного при Хрущеве. Этого не решились сделать ни Брежнев, ни Андропов).

Был ли Константин Черненко по природе честолюбив? Скорее всего, нет. Вся его предыдущая жизнь «в услужении» говорит об этом. Бациллу честолюбия он скорее всего подхватил у патрона. Всю свою сознательную жизнь он кому-то служил, льстил, кого-то славил, и вот теперь, к концу жизни, когда слепая судьба бросила его в объятия власти, ему вдруг захотелось, чтобы вокруг него тоже были «свои Черненко». И он с упоением, с болезненной «старческой детскостью» смотрит сам себя на экранах телевизоров, жадно читает в газетах репортажи, отзывы, отклики о самом себе, ждёт излияний, улыбок, похвал...

В былые времена патрон редко брал его с собой в заграничные вояжи. И вот теперь, когда можно было бы поездить, насладиться дипломатической жизнью — блеском, приёмами, славой — врачи не пускают. Астма, сердце, легкие, почки... Трудно дышать, ходить, думать... Правда, в какой-то степени, медицинский запрет на заграничные поездки он компенсирует приёмом высоких гостей в Кремле: король Испании Хуан Карлос I, Франсуа Миттеран, Маргарет Тэтчер, Геншер, Андреотти... Пожав гостю руку и предложив сесть, он обычно утыкается в заранее напечатанные для него крупными буквами «листы беседы» и, боясь поднять глаза, чтобы не сбиться или пропустить строчку, нудно «озвучивает» их, кашляя, задыхаясь, глотая слова. О том, чтобы добавить что-то «от себя», не может быть и речи. Соединять слова в предложения всегда было его слабым местом, как, впрочем, и у ряда его предшественников. А вежливый гость в это время, глядя на страдания хозяина, думает, по-видимому, как слепа и несправедлива жизнь, нагружившая столь непосильной ношей этого старого, больного человека, с явно пониженным интеллектом.

Первые месяцы своей власти Черненко работал с упоением, насколько позволяли силы. Изучал бумаги, «решал вопросы», звонил на периферию, чтобы узнать, как идут дела, требовал разобраться, улучшить, доложить. Жена и трое детей — две дочери и сын, не видели отца дома даже по воскресеньям. Если врачи заставляли несколько дней отлежаться в постели — тосковал, нервничал, огорчался. Было похоже, что он боится оставить свой пост даже на день, опасаясь потерять его.

Однако болезнь и возраст брали своё. Тряслись руки, подгибались ноги, перехватывало дыхание, слова наезжали одно на другое, двух-трехминутная речь давалась с трудом, вызывая одышку и пот. Теперь он уже появлялся в своём кремлевском кабинете не каждый день — не хватало сил. Отдых на Черном море тоже не принес облегчения. Хозяин Кремля буквально разваливался на глазах всей страны. И надо отдать ему должное, он сражался мужественно, даже героически, но не за жизнь, а за свалившийся ему с неба высокий пост.

Как рассказывает профессор Волкогонов, у Черненко еще хватило сил прибить 7-го ноября 1984 года в Кремлёвский Дворец съездов на торжественный прием по случаю очередной годовщины большевистской революции и произвести там что-то вроде речи.

Его глаза, по-видимому, перескакивали через строчки текста, потому что в притихшем огромном зале была слышна форменная абракадабра. Стоявшая рядом со мной жена, увидев, как я изменился в лице, испуганно прошептала:

— Тебе плохо?

— Мне стыдно. Стыдно за всех нас, за страну..

7-го февраля 1985 года Константин Черненко в последний раз председательствует на Политбюро. С этого дня его кабинет перебирается в тот самый госпиталь, где не так давно, год назад, закончил свои дни его предшественник.

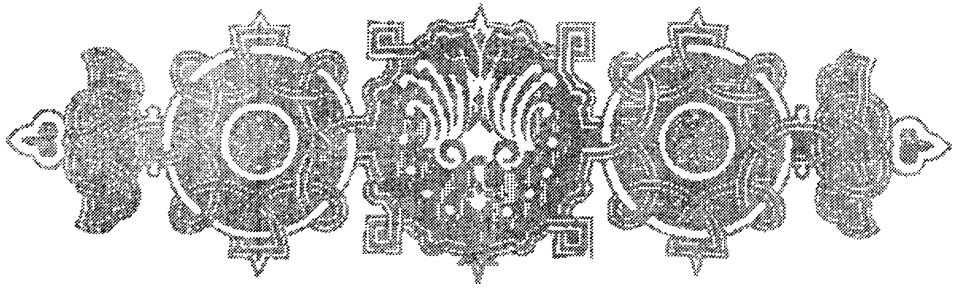
Как загадочна, мистична, а то и трагикомична бывает история. Когда умирающий был уже без сознания, в коме, от его имени — «с того света» — ушло последнее в его жизни письмо — в Японию, тому самому лицу (руководителю компартии Японии, Миямото), которое год назад уже получило точно такое же послание «с того света» от Юрия Андропова. Что могло бы значить это «знамение»?!

10 марта 1985 года Константина Черненко не стало. Скорбела жена, скорбели дети по ушедшему отцу. А страна? Страна смеялась, сочиняя анекдоты. По поводу очередного приезда Джорджа Буша на ставшие уже «регулярными» походы, шутники острили: «Буш, чтобы не разорять Госдепартамент, купил проездной билет в Москву...»

P.S. *«...Вызвали мастера, чтобы вскрыть личный... сейф (Черненко)... Последовала немая сцена. Все были поражены: кроме тонюсенькой папочки с документами весь сейф был забит пачками с деньгами... В ящиках письменного стола... тоже были деньги, деньги... Откуда они и зачем вождю такие огромные суммы? О происхождении их можно только догадываться... Да и не хотелось бы развивать эту тему...» (Д. Волкогонов)*

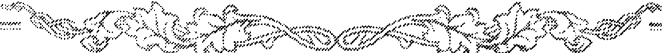

«ПРИНЦ ГАМЛЕТ» НА КРЕМЛЁВСКОЙ СЦЕНЕ

Ещё до кончины Черненко западные газеты писали, что он будет забыт раньше, чем выгорят свечи у гроба. Газеты не ошиблись, прошло меньше суток, а Кремлём уже правил энергичный *Михаил Горбачев*. Впервые за советскую историю никакие закулисные баталии не предшествовали этой смене власти. Кремлёвский Олимп был в таком упадке, что и сражаться-то за власть было почти некому. Большинство членов Политбюро было в возрасте, о котором злые шутники говорят — «столько люди-то и не живут!»

Писать о Михаиле Горбачеве трудно по ряду причин. Во-первых и в главных — он наш живой современник, на которого еще нет «исторически устоявшегося взгляда». Каждый из нас имеет к нему своё глубоко субъективное отношение, в зависимости от того, под каким углом зрения мы рассматриваем эту фигуру.

Поборник свободы слова будет всегда с благодарностью помнить его как лидера, давшего стране «голос», после семи десятилетий тяжелой глухонемоты. Фанатик-коммунист не может простить ему «предательства». Стонущий от нужды пенсионер с тоской вспоминает добрые старые времена «всеобщего равенства в нищете», а молодой предприниматель не понимает — как можно было так жить!? Таких углов зрения множество, и все они сходятся на одном человеке. Пройдут десятилетия, время высветит главное, отбросит второстепенное, и тогда будущий историк сможет создать завершённый портрет этого незаурядного политического деятеля, вошедшего в обойму самых крупных фигур конца XX века.

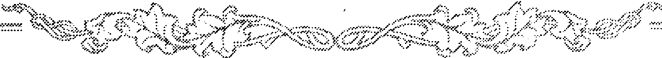
Михаил Горбачев родился 2 марта 1931 года на Северном Кавказе, в степной станице Привольное, Ставропольского края, в семье потомственных крестьян, в типичной для этих мест избе из глины и соломы. Как вспоминает его мать, он пришел на этот свет с ярко-красной отметиной на лбу, и люди гадали, что это — знак избранности судьбы, или наоборот — «бог шельму метит».

Его предками были донские казаки, переселившиеся некогда сюда, в прикавказские степи, в поисках пустующих земель. Дед и бабушка по материнской линии были украинцами с фамилией Гопкало. Пантелей Гопкало был человеком энергичным, зажиточным, политически смекалистым. Вовремя вступил в партию большевиков и дослужился до председателя колхоза. В условиях глухой провинции это был пост немалый. В те времена «коллективизации и раскулачивания» от председателя колхоза в прямом смысле слова зависела жизнь крестьян.

Дед по отцовской линии, Андрей Горбачев, имел более сложную судьбу. Его биография была своего рода тайной семьи.

Ставропольский край, богатый землёй и южным солнцем, всегда считался благодатным уголком России. Уже не один век в поисках «земли и воли» тут селились казаки — люди трудолюбивые, гордые, вольные. В отличие от бедных северных районов России с их малоземельным крестьянством, здесь, на Ставрополье, обитали вполне зажиточные, по крестьянским понятиям, земледельцы-хуторяне, наделенные землёй и умением работать на ней. Естественно, что сталинская коллективизация должна была натолкнуться здесь на активное сопротивление народа. А это, в свою очередь, влекло за собой репрессии со стороны властей. Искусственно созданный по всему югу России и на Украине голод, унёсший жизни миллионов крестьян. Раскулачивание, сравнимое лишь с уничтожением евреев нацистами. Ограбление крестьянских дворов. Аресты и казни самых работающих. Высылка в Сибирь и на Крайний Север — практически на пол-

- 1 - Отец — Сергей Горбачев, 1940 г.; 2 - Миша Горбачев — 4 года;
3 - Мать — Мария Горбачева, 1987 г.; 4 - С дедом по материнской линии;
◀ 5 - «Казак» Миша со школьными друзьями. Стоит крайний справа

ное вымирание — сотен тысяч крестьянских семей... Всё это в полной мере обрушилось на Ставропольский край и на крохотную станицу Привольное.

Андрей Горбачев, дед Миши, был крестьянином средней руки — не богатым, но и не бедным. Имел землю, но без батраков, коров, свиней и прочую живность. В обязанности тогда еще совсем малолетнего Михаила как раз и входило помогать кормить эту самую живность.

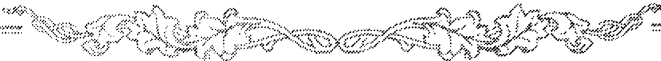
Политической активностью дед Андрей не отличался, в партию не вступал. Но и это его не спасло — не бедняк и не поддерживает партию, значит «враг». Он был в «черных списках 1937 года». В одну из ночей за ним пришли. Объяснений давать не полагалось — людей просто «брали». Очевидцы вспоминают — было так страшно, что даже женщины стояли молча, боясь плакать и причитать. Только в одну эту ночь в станице Привольное с её примерно двумя тысячами жителей «взяли» сорок человек. Их заперли в «телячий вагон» и отправили в концлагеря Крайнего Севера. Дед Андрей получил десять лет за то, якобы, что укрыл для своей семьи двадцать килограмм зерна, которые надо было сдать в колхоз.

Шло время. Семья была уверена, что деда уже нет в живых. Но судьба распорядилась иначе. Сталин, чтобы свалить вину на других, решил расстрелять наркома НКВД (КГБ) Ежова — «кровавого карлика», как его называли в народе — обвинив его в незаконных репрессиях и «перегибах». Для большего правдоподобия из ГУЛАГа, где сидели миллионы, было выпущено несколько десятков тысяч. В их числе оказался и дед Андрей.

Мы так подробно останавливаемся на дедах Михаила Горбачева, поскольку именно они оказали большое влияние на формирование характера своего внука. В эти ранние годы, когда закладывался фундамент его личности, перед глазами ребенка стояли два примера — вполне благополучный «партийный дед», которого он любил, и не менее любимый «враг народа». Не это ли заложило определенную двойственность и нерешительность в характере будущего лидера? Нет такого человека, на которого бы в детские годы не повлияло то, что прошло перед глазами малолетнего Михаила: голод, уничтожение крестьянства, ночные аресты, война, вражеская оккупация, депортация Сталиным северокавказских народов...

Мише исполнилось десять лет, когда началась война с Германией. Отца забрали в армию. А в августе 1942 года Привольное было оккупировано немцами. Никаких серьёзных боев возле станицы не было. Немецкая армия прошла мимо, оставив здесь гарнизон из 60 солдат и бургомистра, назначенного из местных жителей.

Первым же декретом оккупационная власть отменила колхозы. Каждый теперь мог работать на своем поле, правда, работать, кроме женщин и детей, было некому. Мужчины были на фронте, техника вывезена, колхозный скот угнан. Но голода, тем не менее, не было. Кругом была благодатная природа, да и кое-

какой домашний скот сохранился. Горбачев вспоминает, что просыпался он на заре от шлёпанья по полу босых материнских ног. Мать возвращалась со двора с кизяками для топки печи и свежим парным молоком от собственной коровы. Ей приходилось готовить пищу для немецких солдат, определенных к ним в дом на постой, а малолетний Михаил чистил для них картошку.

Может быть, именно эта «облегченная», по сравнению с другими районами страны, оккупация и помогла в будущем Михаилу Горбачеву избавиться от долго бытовавшего в Советском Союзе стереотипа, видевшего в каждом немце «убийцу-нациста». И кто знает, какая нить подсознания связала молодого Горбачева того времени с тем, когда от его слова зависело объединение Германии?!

В январе 1943 года оккупация Привольного окончилась. Семье повезло — отец вернулся с войны живым. В летние каникулярные месяцы сын начинает работать с отцом на машинно-тракторной станции помощником комбайнера. Так продолжается до его восемнадцатилетия. В этом, знаменательном для Михаила Горбачева году, он преодолевает первую и очень важную ступень своей будущей блестящей карьеры. Его награждают орденом Трудового Красного Знамени и принимают в партию. (Правда, эта деталь из официальной биографии Горбачева вызывает сомнение. Как мог школьник, помогавший отцу лишь в каникулярное время, получить столь высокий трудовой орден!?)

...Отец Михаила, Сергей Горбачев, был человеком тихим, добрым, с техническим складом ума. Большую часть жизни он проработал комбайнером и механиком по ремонту сельскохозяйственных машин. Главенствующей роли в семье он не имел, и оказывал на сына лишь второстепенное влияние. Зато Мария Горбачева — женщина крепкая, кряжистая — пошла в своего отца, Пантелея Гопкало, и была полной противоположностью мужу. Как вспоминают соседи, она была активна, говорлива, шумна и даже скандальна. И хотя не обладала особой грамотностью и писала с большим трудом, но без нее не обходилось ни одно мало-мальски значительное событие в станице, а голос её всегда слышался первым. Она была напориста, и остановить поток её слов и мыслей или переспорить было почти невозможно. Она-то и была главой семьи.

Люди, близко знавшие Горбачевых, считают, что по характеру Михаил пошел по материнской линии, а его младший брат Александр, с которым Михаил никогда не был близок, унаследовал отцовскую сторону. Да и сам Горбачев тоже говорит, что эмоционально он в мать, а интеллектуально на него большее влияние оказал отец.

В 1950 году Михаил заканчивает школу с серебряной медалью и поступает в самый элитный в стране Московский университет на юридический факультет. Это было время очередного пика сталинского террора — время тайных политических убийств, охоты за «космополитами», разгрома творческой интеллигенции, «дела врачей». Само собой разумеется, что в то время в стенах юридичес-

◀ Студент МГУ. 20 лет

кого факультета выращивались не специалисты, призванные защищать «право и закон», а закамуфлированные юридическим дипломом будущие функционеры партии и КГБ, призванные защищать сталинский режим.

Была ли у Михаила склонность к юридическим наукам? Его школьные учителя говорят, что он больше любил литературу, театр, искусство, был отличным актёром в самодеятельности и какое-то время даже мечтал пойти учиться в театральный институт. Он любил ораторствовать, выступать, организовывать и как-то заявил, что хочет стать дипломатом. И действительно, что-то «дипломатическое» было в его характере. Он научился не ссориться, всегда искал компромисс, умел располагать к себе нужных людей.

Для паренька из глухой сельской провинции студенческая жизнь Москвы была нова, интересна и в чем-то даже загадочна. Знаменитые профессорские имена, иностранные студенты, дети элитных московских семей, шеголявшие своим столичным превосходством и нередко подсмеивающиеся над его «бескультурьем» и провинциальным акцентом южанина. Но надо отдать должное Михаилу, это его не смутило. Уже после нескольких первых семестров он вполне обтесался в этой среде.

Жил он в общежитии в старинном московском здании, построенном ещё Петром I как казарма для солдат. В каждой комнате от 7 до 25 человек. Особых удобств не было — общий туалет в коридоре, общая кухня, а во дворе баня. Большинство студентов были бывшими фронтовиками, так что Михаил был одним из младших. Сокурсник и многолетний приятель Михаила, чех Зденек Млынарж, ставший в дальнейшем видным деятелем «пражской весны», вспоминает, что пьянство в студенческой среде было тогда распространено и считалось важным элементом мужского достоинства. Михаил охотно участвовал в студенческих вечеринках, но пил мало, что нередко вызывало подозрение у ребят — а не стучач ли он?!

«Политическая сознательность» и общественная активность первокурсника были оценены. Вскоре он

Первая студенческая любовь — Надя Михайлова ▶

становится комсомольским вожаком своей группы, затем и всего факультета. Небезынтересно услышать, что думали о Горбачеве того времени его сокурсники. Вот их обобщенное мнение о нём. Приехал он в Москву с весьма скромным, мягко говоря, культурным багажом, но достаточно быстро отполировал себя. Он был аккуратен, осторожен, скрытен. В то же время он не был мрачным типом, а наоборот, был веселым умным парнем. Он обладал определенным магнетизмом, притягивавшим к нему людей. Умел заставить их раскрыться, выложить нужную ему информацию. Был работоспособен, засиживаясь над занятиями нередко до 2-3 часов ночи. Любил поесть. Спортом не интересовался. К женщинам проявлял минимальный интерес. Никаких побочных хобби не имел. Был «правильным» комсомольцем и никогда не отклонялся от «линии партии», хотя, будучи из глубинки, лучше многих других знал реальную жизнь страны. Иногда, правда очень редко, в компании друзей, мог вспыхнуть и искренне высказаться даже по

политическим вопросам, но быстро менял свое мнение на противоположное. Некоторые из студентов его опасались, считая, что с ним надо быть осторожным, но в целом ему доверяли. Никто никогда напрямую не обвинял его в сотрудничестве с КГБ, но многие считают, что быть секретарем комсомола юридического факультета и не сотрудничать с КГБ было невозможно — таковы были правила игры. Единственное, чего не увидел тогда в нем ни один из сокурсников — это примет будущего государственного лидера.

После студенческой свадьбы — Михаил и Раиса Горбачевы. 1953 г.

В 1953 году Михаил встречает свою будущую жену, Раису Титоренко, которая училась в том же университете на факультете философии. Раиса родилась на Алтае, в южной Сибири, в семье железнодорожного рабочего. Затем семья переехала в город Ростов-на-Дону. Здесь Раиса окончила школу с золотой медалью, что дало ей возможность поступить в Московский университет.

Познакомились они на танцах, и, выражаясь студенческим языком, Михаил сразу же «клюнул» на нее. Другими словами, это была любовь с первого взгляда. И удивляться не приходится: Раиса была привлекательной бойкой девушкой с прекрасной тонкой фигурой и хвостом поклонников, на которых она мало реагировала, так что Михаилу пришлось не одну неделю ходить вздыхая, чтобы заслужить ее внимание.

Осенью 53-го они поженились. Как-то, будучи еще на первом курсе, Михаил признался приятелям, что только понаслышке знает, что такое опера и балет. Теперь, после свадьбы, Раиса начала «культурное образование» мужа, заставляя его ходить по театрам, музеям, выставкам. «Он рос буквально у нас на глазах», — говорит одна из его сокурсниц. Те из студенческих приятелей, которые по сей день остаются близкими людьми этой семьи, говорят, что любовь этих двух людей с годами не только не ослабела, но, наоборот, возросла. Уже упоминавшийся нами Зденек Млынарж пишет, что Раиса была ключевым фактором горбачевского успеха. Со временем она станет вторым «Я», «альтер эго» своего мужа и будет влиять не только на его характер, но и участвовать вместе с ним в решении вопросов мировой политики. Так что повышенное к ней внимание общественности вполне закономерно.

Приближалось окончание университета. Раиса и Михаил мечтали остаться работать в Москве. Только здесь можно было продолжить академическую карьеру и выбиться в люди. По сложившейся практике комсомольских вожаков обычно оставляли в столице, но у Михаила почему-то произошла осечка. Обратившись в московскую прокуратуру с просьбой о работе, он получил весьма холодный отказ, с советом вернуться туда, откуда приехал.

Дочь Ирина и ее муж Анатолий ▶

❖ Спустя годы — встреча однокурсников. В центре Раиса и Михаил

Ставрополь того времени, куда вернулись Михаил и ждавшая ребенка Раиса, был сонным, пыльным, одноэтажным городком, с одноколесной железной дорогой, связывающей его с внешним миром, и 110-ю тысячами жителей. Как кто-то пошутил — «тёплая Сибирь». Горбачевы поселились на частной квартире, сняв комнату у хозяйки, где и родилась их дочь Ирочка. В будущем она станет врачом, выйдет замуж за своего коллегу-хирурга и родит своим счастливым родителям двух внуков.

Но это потом, а пока в ставропольской прокуратуре Михаила Горбачева приняли на должность младшего следователя. Раиса тоже получила работу в местном медицинском институте, где начала преподавать политические дисциплины. Но по специальности Горбачев проработал всего несколько месяцев, а затем ему предлагают перейти на комсомольскую работу. С этого момента его «путь вверх» будет прямым, без зигзагов. В 1960 году он уже главный комсомолец всего Ставропольского края. В 1962 году, в свой 31 год, благодаря умению не ссориться и нравиться начальству, он уже важный функционер высшей партийной элиты края. А в 1966 году занимает кресло партийного руководителя города Ставрополя. И дело тут не в «блате». Целенаправленность на карьеру, работоспособность, доходящая до «рабочего алкоголизма», прагматизм, абсолютная верность «линии партии» и в то же время умение идти на компромиссы, мгновенно менять свои «точки зрения» и знание провинциальной среды, из которой он сам вышел, плюс либеральные времена «хрущевской оттепели» — вот те основные факторы, которые, удачно сойдясь, мягко вынесли его наверх, как на лифте.

В это время Горбачев совершает еще один разумный шаг — заочно заканчивает местный сельскохозяйственный институт, приплюсовав к своему юридическому

диплому ещё и диплом агронома. Тем более, что в теперешнем его положении сделать это было не так уж сложно — попробуйте представить себе профессора, который отважился бы не принять экзамен у партийного главы города!..

Вскоре на работу в Москву переводят «хозяйина» Ставропольского края, Первого секретаря

обкома партии. Кто будет вместо него? «Хозяину» давно нравится этот молодой, образованный, исполнительный партиец, которого он уже раньше сделал своим заместителем, вторым после себя человеком в крае. И вот сейчас, перебираясь на работу в Кремль, он предлагает Москве оставить вместо себя на должности «Первого» Михаила Горбачева, которому не исполнилось ещё и сорока. По понятиям кремлёвских старцев это умопомрачительно молодой возраст для такого поста, и шансы получить на это согласие Политбюро были минимальными, но тем не менее Москва дала «добро».

В масштабах края карьера Горбачева достигает пика. Должность «Первого», полученная им в апреле 1970 — это уже потолок, вершина, за которой следовали лишь кремлёвские дали. Но, чтобы двигаться туда, на самую вершину, в игру должны были вступить силы другого порядка. Обычный лифт туда не поднимал. На тебя должны были обратить особое внимание жители Олимпа...

Для этой цели Ставрополь был идеальным местом. Тот, кто в шутку назвал Ставропольский край «теплой Сибирью», конечно же, имел в виду его интеллектуальный ритм, а не природные особенности. По природным данным это райский уголок: предгорье Кавказа со снегами и жарким солнцем одновременно, Кавказские Минеральные Воды — лучший курортный комплекс царской России, куда в своё время съезжалась «на воды» вся русская аристократия, близость Черного моря. Теперь здесь располагались санатории, в том числе и правительственные, куда приезжали лечить свои болячки кремлёвские старцы.

Естественно, что в обязанности «хозяина края» входило радушно встретить дорогих гостей, создать для них все удобства, ублажать, развлекать и вообще быть при них. Что могло быть лучшим поводом для установления личных контактов! И Михаил Горбачев использовал эти возможности в полной мере. Именно здесь он близко сошелся с шефом КГБ Юрием Андроповым, регулярно приезжавшим сюда — «на воды» — подлечить больные почки. (Кстати, сам Горбачев тоже страдал наследственным диабетом, связанным с почками. Именно поэтому жена всегда строго следила за его диетой, а сам он был ярким противником алкоголя, плохо влияющего на почки.)

Ласковое солнце, расслабленная атмосфера курорта, общие медицинские процедуры — идеальное сочетание для дружбы и взаимопонимания. Скучающему от курортной жизни Андропову было приятно приглашать на свою правительственную дачу эту юную, по его понятиям, интеллигентную пару — Раису и Михаила, любящих поговорить о философии, литературе, поэзии, послушать му-

◀ *Хозяин Ставропольского края Михаил Горбачев принимает важного гостя из Москвы — главу КГБ Юрия Андропова. Эта встреча во многом определит будущую судьбу Горбачева. Пятигорск, 1974 г.*

зыку. Тем более, что Андропов и Горбачев были земляками, оба выходцами из этих прикавказских мест.

Вдвоем они нередко совершают медленные прогулки, любясь красотами кавказских гор, беседуя на интересующие их темы. Будучи, конечно же, людьми разных поколений, они, тем не менее, видят друг в друге много общего, оба считают себя интеллектуалами. Так постепенно складываются теплые отцовско-сыновьи отношения, хотя и не переходящие за черту взаимной вежливости.

В июле 1978 года в Москве скоропостижно умирает тот самый бывший «хозяин» Ставропольского края, который в свое время патронировал горбачевскую карьеру. Покойник был членом Политбюро и курировал сельское хозяйство. Горбачев отправляется в столицу на похороны. Как вспоминает его бывшая сокурсница по университету, после церемонии похорон Горбачев позвонил ей и она в шутку сказала ему: «Ну, Миша, вакантное место в Кремле теперь есть, пора перебираться в Москву».

Шутка оказалась пророческой. Не прошло и двух месяцев, как 47-летний партийный босс из Ставрополя оказался в числе самых влиятельных фигур Кремля. Нет, это еще не была вершина Олимпа, но это уже был его предбанник. Этот взлет застал врасплох даже самого Горбачева. Приехав в Москву, он опять позвонил своей сокурснице и первая его фраза была: «Как ты могла это предугадать?!... Ты настоящая Кассандра!» — «Подожди, — смеясь ответила она, — у тебя еще будут и большие успехи!»

В действительности же, никаких неожиданностей не произошло, всё было в рамках логики. Шел конец 70-х годов, страна загнивала. Средний возраст обитателей кремлёвского Олимпа давно ушел за черту «мозговой активности» и приближался к человеческому пределу. Юрий Андропов пробивался к вершине власти и тянул за собой «своих людей». Бесспорно, что Михаил Горбачев был одним из них. Да и самому Брежневу он тоже был симпатичен, особенно после того, как преподнес честолюбивому лидеру шикарно оформленный альбом, где были собраны фотографии вождя и его «великие» высказывания. Ну, а два высших образования — уникальное явление для кремлевской верхушки — поставили последнюю точку.

Итак, Горбачев в Кремле. Он в тридцатке самых влиятельных функционеров партии. Следующая ступень — Политбюро. В октябре 1980 года он преодолевает и этот барьер. По предложению Андропова 48-летний Михаил Горбачев «избирается» членом кремлёвского «суперправительства».

Многое изменилось в жизни Горбачева за эти короткие два года. Из провинциального Ставрополя он перебрался в столицу, захватив, правда, с собой про-

винциальный акцент и такие же манеры. Зато приобрел новый кабинет в главном партийном здании страны, где заседают «бессмертные», и огромный тихо шуршащий шинами лимузин, которому отдают честь постовые милиционеры.

Раиса тоже пошла в гору, стала ещё более самоуверенной и нервной, хотя, впрочем, в этом ей и раньше нельзя было отказать. Теперь она преподает марксистскую философию — «лимузинный марксизм», как язвили студенты — в Московском университете, своей «альма матер». Это приятно, хотя появились и некоторые неудобства. Уже нельзя, как прежде в Ставрополе, просто прогуляться с Михаилом по улице или парку, зайти в театр — высота положения обязывает... Зато, как бы в компенсацию за эти неудобства, новое шикарное жилище с огромным камином, кинозалом, кухней размером с отдельную квартиру, зимним садом со стеклянной крышей — для отдыха и загара... Многочисленная прислуга...

Интересно, как человек с философским образованием, задавала ли Раиса себе вопрос: «а что было бы, если бы тогда, после окончания университета, нам с Михаилом всё же удалось остаться работать в Москве? Достиг бы он таких высот или, как его младший брат Александр, стал бы чиновником рядового столичного министерства?!» Кто знает?! Скорее всего — не достиг бы. Путь к вершине власти — это сложная запутанная кривая, и идущий по ней соискатель власти должен, как зверь-охотник, иметь дистанцию для разбега и прыжка. Недаром же все без исключения советские лидеры были выходцами из провинции. Останься Горбачев в Москве, под стенами Кремля, он, скорее всего, затерялся бы в сонме столичного чиновничества, карабкающегося по головам друг друга.

*1 - В родной станции Привольное. В центре — мать Горбачева;
2 - Подруга детства — соседская девочка... через 50 лет ►*

◀ Первая пара страны

Как мы уже знаем, в ноябре 1982 года на кремлёвский Олимп поднимается Юрий Андропов. И хотя формально «вторым человеком» считался Константин Черненко, но в действительности им уже был Михаил Горбачев. А 11 марта 1985 года, менее чем через сутки после смерти Черненко, Горбачев уже «берёт власть», становится хозяином Кремля!

Думаю, что заняв высший пост в стране, Михаил Горбачев еще и не помышлял о «гласности и перестройке». Да и вообще мало чем отличался от своих предшественников. То же партийное хамство, мат и бесцеремонное «тыканье» собеседнику, то же ленинское оплевывание своих оппонентов. Так, например, после встречи с президентом Рейганом, Горбачев описал его своим коллегам по Политбюро, как человека, *«который характеризуется чрезвычайным примитивизмом, пещерным обликом и интеллектуальной немощью... В лице представителей американской администрации мы имеем людей без совести, без морали...»* И это говорит глава государства о своем партнере по переговорам, которому только что пожимал руку!

Единственное, что, по-видимому, ощущал в этот момент новый лидер лучше своих коллег, это то, что страна на краю пропасти, что надо что-то делать. В этом, правда, не было какого-то большого открытия. О том, что дальше так жить нельзя, знал, как говорится, любой школьник. Не хотели об этом знать лишь кремлёвские старцы, мечтавшие тихо и удобно завершить свой жизненный путь. А страна в это время спивалась и нищала до предела. По секретной статистике «компетентных органов», на улицах городов и сёл в год органами правопорядка подбиралось до десяти миллионов валяющихся в грязи пьяниц. Представляете — валяющиеся под забором всё население Греции или двух Швейцарий!

Легко сказать «надо что-то делать». А что? Не легко дать совет даже сегодня, а тогда!? Горбачеву не у кого было учиться и не у кого было спросить. Он должен был действовать по интуиции. И то, что он все же решил действовать — это уже его великая заслуга.

Первую атаку он произвёл на пьянство. Резко подскочили цены на выпивку, сократилось ее производство, начали вырубать виноградники... Пьющая страна дружно ответила эффективными контрмерами: из магазинов исчез сахар, из которого начали гнать самогон, и, как при любом «сухом законе», расцвела подпольная спекуляция спиртным. Малоимущие слои населения начали пить всё, что содержало в своём составе хоть запах спиртного — одеколон, ядовитые древесные спирты, политуру и даже легко воспламеняющиеся лаковые смеси. Помню подслушанную как раз в это время пьяную уличную реплику: «Отойди, а то как дыхну — сгоришь!» Число валяющихся под заборами не уменьшилось, зато больницы переполнились отравившимися...

В конце 1986 года Горбачев совершает шаг, который буквально катапультирует его рейтинг на Западе. Он звонит в закрытый для иностранцев город Горький, где вот уже семь лет находится в ссылке академик Андрей Сахаров с женой. Без извинений и объяснений Горбачев сообщает опальному ученому, что Политбюро разрешило ему вернуться в Москву. Интересно, задавал ли себе дипломированный юрист Горбачев вопрос: что это за такой внесудебный орган — Политбюро, который то отправляет человека в ссылку без суда и следствия, то по своему желанию возвращает его оттуда?! Хотя, по-видимому, не задавал. Ведь когда перед XII Всемирным фестивалем молодёжи и студентов в Москве в 1985 году министр КГБ написал ему записку, в которой предлагал на время фестиваля «изолировать» (без всяких на то оснований) несколько десятков «политически неблагонадежных» представителей интеллигенции, юрист Горбачев начертил на этом документе — *«За Горбачев. 24.VI-85 г.»* И было это, как видите, не во времена Сталина и Берия.

Как бы там ни было, но после звонка в Горький, имя Горбачева достигло на Западе таких высот популярности, какой за последние десятилетия не достигал ни один советский лидер. В этом поступке Запад увидел черты человеческого страдания, которые давно уже не проглядывались на вершине «империи зла».

Взаимоотношения Горбачева с Западом — это одна из самых ярких страниц его биографии. Как когда-то ошеломляющая по своей дерзости поездка Петра I в Европу открыла для россиян Запад, так и сейчас разрушающий все советские стереотипы визит Горбачева в Англию открывал для европейцев новую Россию. С момента, как «Ил-62» с четой Горбачевых на борту опустился в Лондонском аэропорту, Запад не переставал удивляться этому «новому русскому». Видимо пред-

Академик Андрей Сахаров после возвращения из ссылки ►

видя его скорое восхождение на кремлевский престол, Маргарет Тэтчер оказывает ему такие почести, которые обычно предназначаются лишь главе государства, хотя он таковым еще не был. Шел 1984 год, Черненко был ещё жив.

До этого западный телезритель обычно мог увидеть жену советского лидера лишь на похоронах мужа, под черной вуалью, в весьма почтенном возрасте. Все они чаще всего походили на старых деревенских баб, а в лучшем случае — бабушек. Этот же советский лидер не только захватил свою даму с собой, но и охотно, не без гордости, показывал ее всему миру. Кокетливый полушубочек «а ля-казачок», сапожки, кубанская шапочка, со вкусом подведенные глаза, веселый смех, бойкие ответы журналистам, умение «играть» перед телекамерой — всё это делало ее похожей скорее на голливудскую кинозвезду, чем на российскую бабушку. Ее веселое порхание по магазинам с кредитной карточкой «Аме-

◀ 1 - *Нарушение всех морских традиций — женщина (Раиса) на палубе атомной подводной лодки; 2 - Чета Горбачевых с Маргарет Тэтчер; 3 - С президентом Рейганом*

рикен экспресс», которая в то время казалась рядовому россиянину чем-то вроде фантастического лазерного оружия, вызывало умиление у западного обывателя. А приобретение на эту самую кредитную карточку колечка с бриллиантом — «от Картье» — стоимостью в несколько тысяч долларов, вызвало восторг у западного телезрителя и гнев у российского.

Черный «Роллс Ройс» с красным флажком возил чету по достопримечательным местам Лондона — Вестминстерское аббатство, Парламент, Британский музей... Раиса охотно рассуждала об архитектуре, культуре, истории. Она не умолкала ни на минуту, и остановить поток ее слов было невозможно. Она знала всё обо всём и лучше всех. Трудно было поверить, что это ее первый официальный визит на Запад. На период визита она в прямом смысле слова стала звездой Британского телевидения. Наподобие того, как когда-то Президент Кеннеди в шутку включал себя в свиту своей жены Жаклин, так и Горбачев мог включить себя в свиту Раисы. Как шутила пресса: «Раиса — это его «секретное оружие»». А как пошутил однажды сам Горбачев: «Эта женщина стоит мне не только многих денег, но и многих волнений!»

Вообще, как мы уже говорили, влияние первой леди на своего мужа трудно переоценить. Горбачев почти никогда не ездил без нее. Однажды дело дошло до курьёза. Из-за незнания морских традиций, он взял её с собой на один из наших военных кораблей, на палубу которого — по очень живучему морскому суеверию — женщина ступать не имеет права, ибо это грозит кораблю гибелью. Можно лишь представить себе растерянность полтысячной команды корабля. Говорят, что этот корабль потом списали, но я надеюсь, что это все же шутка.

Раиса была первым советником своего мужа, первым редактором его речей, тренером, готовившим с ним его выступления и, как пишет бывший помощник Горбачева — «она участвовала в формировании политики... и в расстановке кадров. Но главное, она формировала характер... президента...» Она могла давать «деловые советы» руководителям крупнейших промышленных предприятий страны, настаивая на их выполнении. А когда смущенный руководитель говорил, что для этого ему нужно указание «сверху», Раиса отвечала — «Вам позвонят». И действительно, вскоре раздавался звонок «сверху».

Несхожесть «амплитуды» её характера, или, как сейчас говорят, её «биополя», с «биополем» первой леди Америки Нэнси Рейган стала излюбленной темой мировой прессы. При посещении Белого Дома Раиса заявила Нэнси, что

это не дом, а музей, и жить в нем невозможно. Сама Нэнси Рейган в своих воспоминаниях пишет:

«Я нервничала перед первой встречей с Раисой Горбачевой... не знала, о чем буду говорить с ней, но скоро выяснилось, что это не имеет никакого значения. С первой минуты она сама говорила, говорила — так много, что мне едва удавалось вставить словечко... Основное впечатление, которое осталось у меня... что она никогда не перестает говорить. А точнее сказать, читать лекции... Один или два раза она даже прочла мне лекции о недостатках американской политической системы... В тот же первый раз в Женеве... она поразила меня тем, что явно хотела казаться женщиной, чье слово — закон. Ей не понравился стул, на котором она сидела, — она щелкнула пальцами. Охранники из КГБ тут же подали ей другой. Я глазам своим не поверила. Я видела первых леди, принцесс, королев, но никогда не видела, чтобы кто-то из них вел себя подобным образом».

На приеме, который Госсекретарь Шульц давал в честь Горбачева, Раису познакомили с интеллигентной дамой, занимающейся проблемами «прав человека». «Как вы думаете, — обратилась она к Раисе, — что бы мы могли совместно предпринять в этой области?» «У вас какое образование?» — менторски спросила её Раиса. Дама растерянно ответила, что закончила колледж в Женеве. «А я философ, — заявила Раиса, — и дам вам философский ответ. От момента рождения каждое человеческое существо имеет проблемы, связанные с правами человека!» При знакомстве с Папой Римским госпожа Горбачева представилась как: «Раиса Максимовна из России!», вызвав улыбку окружающих, ибо звучало это, как — «Российская Императрица Екатерина Великая!» Не зря, наверное, Горбачев называл её «мой Генерал!»

Все это не заслуживало бы внимания, если бы не происходило на столь высоком

уровне. Как в полшутку-полусерьез сказал один умный человек, хорошо разбирающийся в политике — если хотите найти причину напряженности в том или ином регионе мира, повнимательнее изучите взаимоотношения между высокопоставленными женами или тещами.

Горбачев
◀ и Маргарет Тэтчер...

◀ **Начали даже гадать — нравятся ли они друг другу, как мужчина и женщина**

Это тем более справедливо, если этим регионом является такая консервативная страна, как Россия. Не избавившись еще от средневекового взгляда на женщину, которая должна «не высываться», советский че-

ловек видел в «факторе Раисы» нечто антинациональное и даже аморальное. Он обвинял за это Горбачева пожалуй больше, чем за все промахи «перестройки». Поездки с мужем за границу ещё как-то прощались российскими телезрительницами, ибо «это дипломатия», «там так принято», «но какого черта она шляется с ним внутри страны?!» И как всегда, советское общество на любой раздражающий его фактор отвечает не действием, а сарказмом: *«По России мчится тройка/ Мишка, Райка, перестройка...»*

Однако, мы уклонились от маршрута. Недельный визит Михаила Горбачева в Лондон был его триумфом. Железная Леди на весь мир заявила: «Мне нравится мистер Горбачев. Мы можем делать дела вместе». Газеты писали, что их «биополя» сходятся не только в области политики, но и в области простых человеческих симпатий. Начали даже гадать — нравятся ли они друг другу как мужчина и женщина. Приближенные Маргарет Тэтчер говорили, что ее редко видели в таком приподнятом настроении, как при встречах с Михаилом Горбачевым. «Ни с одним советским лидером я не говорила так, как с ним», — заявила госпожа Тэтчер. Еще бы, если представить себе разговор с Брежневым или Черненко, то можно понять её восторг.

К сожалению, этот восторг не разделяли соотечественники Горбачева, ибо лидер, как они видели, имел «два лица» — одно на экспорт, другое для домашнего пользования. Домашнее лицо Горбачева пока ещё мало чем отличалось от лиц его предшественников. Если Хрущев обещал советскому народу полное коммунистическое изобилие, то Михаил Горбачев с такой же легкостью обещал каждой советской семье по отдельной квартире. Если у Хрущева был кровавый Новочеркасск, где танки расстреливали митингующих рабочих, то у Горбачева таких «точек» было много. Достаточно вспомнить события в Вильнюсе, Баку, Алма-Ате, Тбилиси...

«...По мере оттеснения первых рядов митингующих при яростном сопротивлении экстремистов, применявших палки и камни, толпа стала неуправляемой... В результате образовавшейся давки погибло 16 человек (13 молодых женщин и 3 мужчины)...» Это строки из телеграммы в Кремль партийного главы Грузии по поводу событий 8-го апреля 1989 года на площади перед Домом Правительства в Тбилиси.

Автор данной книги был в ту страшную ночь на этой площади и может лично засвидетельствовать, что официальная информация была лживой. Многотысячная толпа была молодой, беззаботной и весёлой. Это мало напоминало сборище экстремистов. Поводом к сбору послужила голодовка перед Домом Правительства десятка молодых людей, требовавших «свободу Грузии». Спецвойска были введены в город ещё днем. К ночи они окружили площадь, но никто и подумать не мог, что они готовятся напасть на безоружную толпу. Все считали, что это просто так, для устрашения и порядка. Незадолго до начала кровавых событий перед толпой вдруг выступил патриарх Грузии, прося людей разойтись, так как, по его словам, ему только что стало известно, что вот-вот может произойти нечто ужасное. Толпа отреагировала молчанием. И вдруг это «ужасное» началось. Вспыхнули фары военных грузовиков, и люди в форме двинулись на толпу. Это были не молоденькие солдатики-новобранцы, а как будто специально подобранные «матёрые волки» 30-40 лет. Было похоже, что все они под сильным «градусом». В руках у них были острые как мечи короткие сапёрные лопаты, которыми они начали буквально рубить толпу. Почему больше всего погибло «молодых женщин»? Да потому, что молоденькие девушки становились перед солдатами, пытаясь остановить их, крича — что вы делаете, считая, что их-то солдаты не тронут. Но они их трогали — разрубая лопатами. В разбегающуюся в панике толпу полетели банки с каким-то газом. Как потом говорили врачи, это был парализующий газ под названием «черёмуха». Сам автор книги провел сутки в больнице, получив, к счастью, лёгкое отравление этим газом. Но я знаю от врачей, что из многих десятков, поступивших с диагнозом отравления, некоторые живыми не вышли.

Я рассказываю обо всём этом, чтобы показать, что фигура лидера «перестройки» гораздо сложнее и противоречивее, чем она казалась и на Западе и у себя дома. Запад приписывал Горбачеву те положительные качества, которыми он не обладал, а дома, наоборот — вешали на него всё то зло, в котором была повинна система в целом, а не персонально Михаил Горбачев. Сейчас нередко можно слышать, что к приходу Горбачева к власти система уже была мертва, что с ним или без него она должна была вот-вот рухнуть, что никакой особой заслуги его в этом нет, что он просто «любимец истории», оказавшийся в нужное время в нужном месте. Всё это так и не так. Что касается «вот-вот рухнуть», то почему-то всех нас — и даже самых умных — этот «обвал» системы застал врасплох. Все мы его пред-

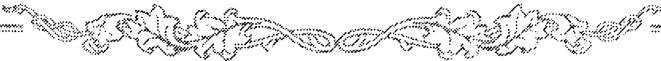
видели, но в какой-то перспективе, «не на нашем веку». Это «вот-вот» могло растянуться на жизнь всего нашего поколения. Поэтому, мне кажется, следует воспринимать без иронии слова Горбачева о том, что при желании, если бы он не хотел очеловечить систему, то мог бы спокойно поцарствовать еще лет десять без всякой перестройки.

Особенность такой жесткой тоталитарной системы, какой являлась советская, в том, что любые изменения в ней могли происходить только сверху. Изменения снизу были невозможны, ибо они, как мы уже не раз имели возможность убедиться, были бы подавлены танками. Но приход на вершину этой системы лидера, который желал бы радикальных демократических перемен, было тоже явлением почти невозможным, ибо система жестко отбирала людей «под себя». Поэтому, когда мы говорим о Горбачеве, надо понимать, что он человек этой системы, но лучший из тех, кого система ещё как-то могла допустить на свою вершину. Придя к власти, у него и в помыслах не было разрушать систему, он лишь хотел её улучшить, придать ей «человеческое лицо». Но сдвинув с места этот «сизифов камень», который система безуспешно пыталась вкатить на «вершину коммунизма», он уже не мог удержать его. Глыба, набирая скорость, покатила вниз, снося всё на своем пути. Объявленная Горбачевым «гласность» взорвала систему изнутри, ибо фундаментом её была ложь. Величайшей заслугой Горбачева было то, что, начав процесс «перестройки» и поняв, что система более не жизнеспособна, он, после определенных колебаний, отказался подпирать её штыками и танками, дав ей возможность саморазрушаться. Первым из советских лидеров, он понял мудрость хитрого Талейрана, сказавшего императору Франции: «Штыками можно сделать многое, но на них нельзя сидеть». Гневная реплика Горбачева — «Что, хотите опять решать вопрос танками!?!...» — в ответ на требование «ястребов» подавить антикоммунистическое восстание в Румынии, навсегда останется светлой страницей его биографии. Говоря о Горбачеве, надо помнить, что став «могильщиком коммунизма», он в то же время был, если не ортодоксальным, то, по крайней мере, правоверным коммунистом.

У каждого периода советской эпохи были свои «болевы точки». Если у Андропова ею стал «южнокорейский Боинг», то у Горбачева, будто символизируя распад системы, ею стал Чернобыль.

26 апреля 1986 года в 1 час 23 минуты в 130 километрах от Киева произошло событие, которому суждено было стать в один ряд с такими историческими катаклизмами, как гибель Помпеи или Лиссабонское землетрясение. Взорвался реактор атомной электростанции. Уносимые ветром смертоносные радиоактивные тучи поплыли над планетой. Уже через несколько часов после катастрофы западный мир забил тревогу. Скандинавские страны начали передавать сводку радиоактивной обстановки, экстренно уничтожались овощи в северной Италии, и даже в далёкой Америке проводились замеры молока на радиоактивность. А

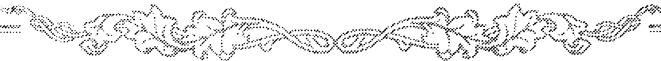
Кремль молчал. Весь мир требовал от него разъяснений — что произошло? — но Кремль упорно молчал. Ни одной строчки информации пока ещё не получили советские люди. В зоне аварии по-прежнему гуляли дети, грелись на весеннем солнышке пенсионеры, а молодежь справляла свадьбы. Шла весна, приближались майские праздники с их теплыми днями, уличными гуляньями и длинными выходными, а невидимая смерть расплзалась по обширным районам Украины и Белоруссии. Как впоследствии определяют ученые, серьезному радиоактивному заражению подвергнутся более 150.000 человек. А Кремль по-прежнему хранил молчание. И лишь 28 апреля собралось Политбюро под председательством Михаила Горбачева, чтобы решить вопрос, какую информацию давать миру и какую не давать.

Никогда не забуду документальные кинокадры, снятые уже позднее. Подвыпившие сельские мужички ловят рыбу в реке возле Чернобыля. Им поясняет кинооператор, что рыба эта несет в себе смерть, что ее нельзя есть. «Ничего, — усмеваются мужички, — нас ента самая радиация не возьмет, мы её водочкой заглушим!»

Сегодня это кажется диким, но тогда это было именно так. Ещё сильна была инерция секретности и умолчания. Опыт такого смертоносного умалчивания у Политбюро был. Еще в сентябре 1954 года на Тоцком полигоне Оренбургской области, чуть ли не в центре России, вблизи населенных деревень, было проведено первое в истории человечества войсковое учение с применением настоящей атомной бомбы. Вдумайтесь, первый атомный удар по русскому народу был нанесен его же собственным правительством! А в октябре 1957 года, на Урале в Челябинской области, на комбинате по производству плутония, произошла авария — «малый Чернобыль», покрывшая радиацией площадь в 20 тысяч квадратных километров, где проживали тысячи ничего не подозревавших людей. Всё это хранилось в тайне от мира десятилетиями.

История Чернобыля хорошо известна, и мы не будем ее повторять. Мы остановились на этом эпизоде лишь потому, что он, по нашему мнению, явился не только последним символическим набатом распадающейся советской системы, но и тяжелейшим испытанием для самого Горбачева, подтолкнувшим его к провозглашенному им вскоре «новому мышлению». К чести Горбачева надо сказать, что на том заседании Политбюро, перешагнув через инерцию партийного мышления, он первый произнес: «Надо быстро давать сообщение, тянуть нельзя...» — и, помолчав, добавил: «Чем честнее мы будем вести себя, тем лучше...» Не забывайте, что шел всего лишь второй год его правления.

Пик популярности Горбачева на Западе пришелся на 1989-1991 годы, а присуждение ему Нобелевской премии мира было как бы вершиной этого пика. И кто бы что ни говорил, но он заслужил эту премию пожалуй больше, чем кто-либо из её обладателей, ибо нет человека в XX веке, кто сделал бы больше для

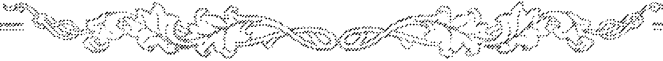

устранения глобальной ядерной угрозы для нашей цивилизации, чем Михаил Горбачев. «Горби! Горби!» — восторженно приветствовал его Запад, и тем обиднее и несправедливее было то, что у себя дома соотечественники восприняли его награвждение негативно и даже агрессивно. Чем выше поднимался его политический авторитет на Западе, тем ниже он опускался у себя в стране. В этом, пожалуй, одна из глубинных трагедий Горбачева-политика.

Опасность физического уничтожения висела над Горбачевым постоянно, начиная с 1987 года. Раздвоенность его поступков создавала парадоксальную ситуацию. Ему угрожали как «слева», так и «справа». Фанатики демократических преобразований видели в нем тормоз на пути тех реформ, которым он сам дал импульс, а фанатики-коммунисты видели в нем предателя, обманувшего партию. События в Румынии и судьба Чаушеску были как бы наглядным примером и для тех и для других. Охрана была многократно усилена. Теперь Горбачев чаще всего ездил в бронированном ЗИЛе, который, как шутили охранники, мог сшибить, если не танк, то, по крайней мере, «ленинский броневик». Но несмотря на все предосторожности, выстрелы всё же прозвучали. 7 ноября 1990 года, во время празднования очередной годовщины большевистской революции, когда вся партийная верхушка страны находилась на трибуне Мавзолея, некий Александр Шмонов из Ленинграда, недовольный темпами демократических реформ, произвел два выстрела, предназначавшиеся Горбачеву. К счастью, трагедии не случилось. Как утверждает бывший начальник личной охраны Горбачева, это покушение было не единственным. Хотя, есть и другая версия — все покушения были не настоящими, а организованными спецслужбами, чтобы припугнуть «реформатора»...

...В народе говорят — «не делай добра — не получишь зла!» Как ни жаль, но это правило весьма часто подтверждается в политической жизни, когда «благодетель» оказывается жертвой «благодетельствованного». Таких примеров сотни, за ними не надо далеко ходить. Вспомним хотя бы такие роковые связи, как Ленин — Сталин, Хрущев — Брежнев, Брежнев — Андропов. Такая же «роковая связь» суждена была и Михаилу Горбачеву. Нет, мы ни в коем случае не хотим обвинить будущего президента России, Бориса Ельцина, в коварстве по отношению к своему патрону, но само его появление на кремлёвском Олимпе оказалось для Горбачева роковым.

Михаил Горбачев и Борис Ельцин были знакомы еще по провинциальной жизни, когда первый был «хозяином» богатого сельскохозяйственного края, а под началом второго были промышленные гиганты самой индустриальной области страны — Свердловской. Время от времени Горбачев просил своего коллегу помочь краю металлом и техникой, а сам благодарил его дарами юга. Иногда они встречались на кремлёвских сходках, дружески пожимая друг другу руки. А ког-

да Горбачева перевели в Москву, Ельцин пришел к нему в кабинет поздравить и «мы тепло обнялись». Единственное, что с трудом выносил Ельцин, это горбачевское «тыканье»: «Он был со всеми на «ты». Вообще, со всеми абсолютно. Я не встречал человека, к которому бы он обратился на «вы»... Или это недостаток культуры, или привычка, трудно сказать...» Были они почти ровесниками, хотя и антиподами. Если Горбачев обладал гибкостью и хитринкой, то Ельцин, наоборот, был прямолинеен и даже простоват, зато отличался динамичным темпераментом и неумной энергией.

Желая омолодить состав Олимпа, Горбачев приглашает Ельцина на работу в Москву. Привыкание этого закоренелого провинциала к столичной жизни было болезненным. По натуре он «народник», его стихия — это прямые контакты с людьми, мужская прямолинейность, размашистый шаг по заводскому цеху, отдача приказов на ходу, аврал... А тут — тихие кремлёвские коридоры, усталые ковровые дорожки, строжайшая субординация с нескрываемым подхалимством, падение ниц перед сильным, чванливое «тыканье» подчиненным, дворцовые интриги...

К декабрю 1985 года, по рекомендации Горбачева, Ельцин уже партийный глава Москвы и кандидат в члены Политбюро. Давно москвичи не видели такого «голова», которого можно было встретить утром в битком набитом городском автобусе, в очереди за хлебом или сосисками, в кинотеатре и на колхозном рынке. К нему можно было попасть на приём и даже подать жалобу. В среде торговых работников столицы пошёл шумок — уже сняты с работы десятки директоров крупных магазинов, а спрятанные под прилавком — «для своих» — деликатесные продукты, которых москвичи не видели десятилетиями, выставлены для продажи. Говорили почти невероятные вещи, что новый партийный руководитель города уже в 8 часов утра на работе, а в 12 часов ночи его еще можно застать в своём кабинете. Одним словом, пришел «добрый царь», о котором всегда мечтает русский народ...

Слухи начали распространяться и в среде партократии. Он уже снял с работы больше половины региональных партийных боссов столицы. Отказался от шикарной дачи и выбрал более скромную. Не захотел переезжать в роскошную квартиру, более подобающую его теперешнему статусу, а остался в обычной, которую получил при переселении в Москву. Пользуется рядовым лечебным учреждением, а не «правительственным». Полетел на отдых на юг не на положенном ему отдельном самолёте, а сел в рейсовый...

Всё это неспроста, шушукалась партократия, заигрывает с народом, дешевого авторитета захотел. Но шушукались не только в Кремле. Разговоры о Ельцине стали любимой темой москвичей, симпатии к нему росли. За всем этим с нарастающей ревностью наблюдал Горбачев...

Так прошел год. Работать Ельцину становилось всё сложнее. Чем больше сим-

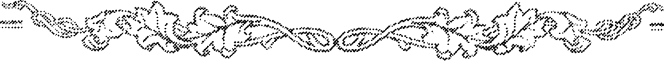
патий выражали ему москвичи, тем более активно ненавидели его кремлёвские коллеги. Надо было на что-то решаться — или смириться и стать «как все», или идти на разрыв.

Шло время. Приближался праздник 70-летия большевистской революции. В связи с этим собралось заседание Политбюро. Всё шло как обычно — обтекаемые речи, слова, обещания. Выступил и Борис Ельцин. В его словах еще не было взрывной силы, но уже была скрытая критика. Он весьма осторожно говорил о том, что пора пояснить народу, что такое «перестройка» и сколько она будет продолжаться — год-два-три или 20 лет! От этого зависит настроение народа, его вера в реальные результаты. Горбачев смотрел на своего «протезе» внимательно, в чем-то даже соглашаясь с ним, но в глазах у него уже не было прежней дружбы.

В октябре 1987 года состоялся партийный пленум. Всё опять шло гладко, пока руку не поднял Ельцин. В зале повисла тишина ожидания. Ведь он уже прослыл «диссидентом» в этом кругу. Повторив свои слова о сроках «перестройки», он вдруг посмотрел в сторону стола президиума и добавил: «...Меня, например, очень тревожат... славословия от некоторых членов Политбюро... в адрес Генерального секретаря...» Теперь тишина зала уже стала звенящей. Начиная со сталинских времен в адрес «хозяина» таких слов здесь произносить было не принято. Горбачев смотрел на своего противника скорее иронически, чем зло. С кем он вздумал бороться?! А Ельцин продолжал: «...Видимо, у меня не получается в работе в составе Политбюро... Я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от... обязанностей кандидата в члены Политбюро...» И тяжелой походкой сошел с трибуны.

Началось, как говорится, топтание еретика. Взойдя на трибуну «сильным мира сего», он сошел с нее уже никем. Не только Горбачев, но и сам Ельцин, конечно же не мог тогда предвидеть, что с момента этого «крушения» и начнется его восхождение к высотам мировой политики. С этого дня начинается открытая борьба двух крупнейших лидеров России конца XX века, во многом определившая будущее страны.

В чем же были глубинные расхождения этих двух людей? Ведь еще вчера оба они были, если не ортодоксальными, то, по крайней мере, правоверными коммунистами. Оба прошли примерно одинаковую школу партийной жизни. Оба никогда раньше не отклонялись от «линии партии», да и не могли отклоняться, ибо не оказались бы на её вершине. Так где же та точка на их общей прямой, в которой их пути разошлись? Неужели это всего лишь мелкие амбиции, личная ссора, драчка за власть? Неужели столь низменные причины могут кардинально влиять на судьбы миллионов? Неужели нас так легко обмануть? К сожалению, такая возможность не исключена, но в нее все же не хочется верить. Нам кажется, что в основе этого конфликта, пусть даже неосознанно, но все же лежали не только

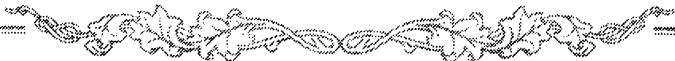
личные, но и более глубинные причины, я бы даже сказал моральные, которые в народе ассоциируются с силой воли и открытостью души. Раздвоенность Горбачева не позволила ему раньше своего соперника отринуть от себя ту закостенелую коммунистическую догму, которой он столько лет служил. Его понятие «перестройки» было связано с сохранением системы, но придания ей «человеческого лица». Ельцин же, в силу более прямолинейного приближенного к народу характера, острее чувствовал антинародность системы, полностью выработавшей свои ресурсы. Осознанно или неосознанно, но он шел не к «перестройке», а скорее к «новостройке», к полной замене существующего строя. Горбачев тоже придет к этому, но позже, с опозданием...

...В конце концов оба соперника станут президентами. Один — Президентом СССР, фактически назначив себя на этот пост сам, без всенародных выборов и борьбы, считая себя, по-видимому, безальтернативным кандидатом, хотя, как заметил кто-то — «альтернативы нет только у Достоевского». Его соперник поступит мужественнее — став год спустя первым во многовековой истории России ее всенародно избранным Президентом.

Весной 1991 года в противостоянии этих двух людей (о чем подробнее будет сказано в следующей главе) был момент, когда судьба дала им в руки шанс повернуть историю страны в нужное русло. Опасность распада уже нависла над империей. Власть ускользала из рук всесоюзного президента. Одна за другой объявляли себя независимыми бывшие республики. Владения Горбачева сужались до границ кремлёвских стен. Он становился «королём без королевства», его уже иронически называли «Комендантом Кремля». Надо было что-то решать...

В мае в подмосковной резиденции Президента СССР собрались главы республик. Речь шла о создании совершенно нового содружества — Союза Суверенных Государств. Как вспоминает Ельцин, ситуация была столь ответственной, что даже они с Горбачевым нашли в себе силы отбросить личное, общаться как «нормальные люди» и даже выпить по рюмке коньяка. Казалось что всё вот-вот войдет в нужное русло, страна избежит развала и как птица-Феникс возродится в своем лучшем качестве. Осталось лишь подписать «Союзный Договор». Всего лишь подписать...

Какие роковые силы толкнули Горбачева уехать в этот момент на отдых в Крым? Семья, дети, усталость? А может опять какие-то неизвестные нам «зигзаги» политики? Есть слухи, которым не хочется верить — будто бы он не только знал о том, что должно было произойти в ближайшее время, но и сам руководил этим процессом... Как бы там ни было, но 2-го августа, выступая по Всесоюзному телевидению из своей крымской резиденции — Фороса, он объявляет, что «Союзный Договор» будет открыт для подписания с 20-го августа. А 19-го, как теперь уже знает весь мир, произошло неожиданное — начался прокоммунистический путч...

Если Чернобыль был как бы предостерегающим набатом, то августовский пугч стал последним ударом, развалившим великую страну. Автор данной книги находился в эти дни в далекой Австралии. Меня поднял ночью телефонный звонок с местного телевидения. Просили выступить, участвовать в теледебатах с группой международных политических обозревателей. По экрану шли танки. Их окружали взволнованные москвичи. На душе было тревожно, хотелось быть там, в родном городе, среди своих. Всем, участвовавшим вместе со мной в дебатах, казалось, что произошло непоправимое, Россия опять будет отброшена на десятилетия назад, в мрак тоталитаризма...

А что происходило в этот время в крымской резиденции Президента? Послушаем очевидца — начальника личной охраны Горбачева генерал-майора КГБ Медведева.

18 августа был обычным днём, рассказывает генерал Медведев. Около одиннадцати утра Горбачев с женой спустились к морю. Она купалась, а он читал на берегу книгу. Через час вернулись в дом, чтобы подготовиться к вылету в Москву, который был намечен на завтра. Начальник охраны тоже вернулся в свой кабинет. Вдруг раздался звонок от дежурного по «объекту», который сообщил, что охранникам поступило распоряжение, никого через резервные ворота не выпускать. Генерал был удивлен и начал выяснять, кто дал такое распоряжение. В этот момент в кабинет входит его непосредственный начальник из комитета государственной безопасности, неожиданно прилетевший из Москвы.

— Кто дал команду перекрыть выход? — спрашивает у него Медведев.

— Не волнуйся, всё в порядке, — улыбается вошедший. — ...К Михаилу Сергеевичу прилетела группа, пойді доложи.

— А кто прилетел? По какому вопросу?..

Гость назвал прибывших. Всё это были очень близкие к Президенту люди. Волнение улеглось и генерал направился к Горбачеву. Президент сидел в теплом халате, читал газету. Дня три назад его прихватил радикулит. Медведев доложил, назвал по именам прибывших. Горбачев удивился:

— А зачем они прибыли?

— Не знаю.

Президент задумался. После раздумья он поднялся и, не сказав ни слова, направился в спальню к жене — его вечная привычка советоваться с ней. Начальник охраны вернулся к себе в кабинет и сообщил ожидавшему его коллеге, что президент не ответил ни «да» ни «нет»...

Через какое-то время, желая связаться с Президентом, генерал Медведев снимает трубку домофона. В кабинете Горбачева должен был загореться сигнал. Если хозяин кабинета на месте, то он ответит. Трубка молчала, гудка не было.

— Не трогай. Телефон не работает, — сказал гость.

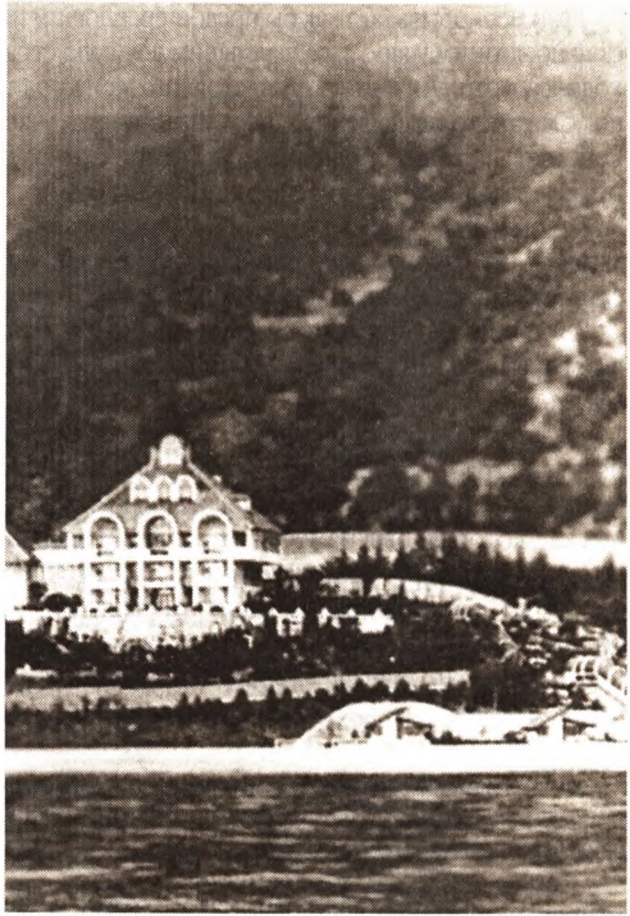
«И тут я понял, — говорит Медведев, — «хрущевский вариант», связь отключена...»

Оба вышли на улицу. Из «гостевого дома» появилась прилетевшая группа. Видимо, они всё же нашли Горбачева и только что разговаривали с ним.

— Ну, что там? — крикнул им гость генерала.

— Да ничего... Не подписал. — Ответ прозвучал разочарованно, но спокойно, как будто этого и ожидали.

«Если бы Михаил Сергеевич хотел изменить положение! — продолжает свои мысли генерал Медведев. — Ребята были у меня под рукой. В моём подчинении были резервный самолет «Ту-134» и вертолёт. Технически пара пустяков: взять их и в наручниках привезти в Москву. В столице бы появились, и там можно было накрыть кого угодно. Было ещё только 18-е... Что же Горбачев не смекнул? Не знал исхода?.. Для меня как начальника охраны главный вопрос: угрожало ли что-нибудь в тот момент жизни президента, его личной безопасности?.. Ни об угрозе жизни, ни об аресте не могло быть и речи. Прощаясь (президент с прилетевшими), обменялись рукопожатиями. Делегация вышла от Горбачева хоть и расстроенная, но, в общем, довольно спокойная: не получилось, и ладно, они этот исход предполагали. Что будет дальше, не знал ни Горбачев, ни те, кто к нему пожаловал... Мне кажется, — продолжает свои размышления Медведев, — что какой-то предварительный разговор о том, чтобы ввести в стране чрезвычайное положение,

В поисках ответа... ▶

4 Крым, Форос, Дача Президента

у них с Горбачевым был, может быть в самой общей форме. Ведь они прилетели не арестовывать президента, а договориться с ним, уговорить его поставить свою подпись. Раз летели, значит, надеялись. Что же, в итоге не сошлись в форме и методах?..»

Гости улетели в Москву, а президент, по словам генерала Медведева, «отправился... на пляж. Загорал, купался. А вечером, как обычно, в кино. Забеспокоился он позже, спустя сутки. То есть вечером 19 августа, когда... (путчисты) на пресс-конференции объявили его... больным...»

Многое в этом рассказе не вяжется: прилетели, по словам генерала, поговорить, а не арестовывать, но телефоны почему-то отключили, резиденцию блокировали. Да и сам генерал понял, что это «хрущёвский вариант», то есть переворот.

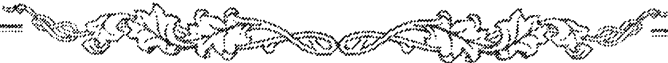

Послушаем теперь, что говорит о тех тревожных днях жена президента в своем интервью, данном ею 3 сентября 1991 года столичной газете «Труд».

«...18 августа, где-то около пяти часов вечера, ко мне в комнату неожиданно вошел взволнованный Михаил Сергеевич. Он сказал: «Произошло что-то тяжелое, может быть, страшное, Медведев доложил, что из Москвы прибыла группа лиц. Они уже на территории дачи, требуют встречи. Но я никого не приглашал. Поднимаю телефонную трубку — одну, вторую, третью... — все телефоны отключены. Даже красный... (аппарат Главнокомандующего)... Отключена и внутренняя связь... Это изоляция. Или даже арест. Значит заговор...» Да, всё было отключено, в том числе телевизор... Помолчав, Михаил Сергеевич сказал мне: «Ни на какие авантюры и сделки я не пойду... Но нам всё это может обойтись дорого. Всем, всей семье. Мы должны быть готовы ко всему...» Я быстро позвала Ирину и Анатолия — наших детей... И вот тогда мы высказали наше мнение — оно было единым: «Мы будем с тобой». Это было очень серьёзное решение. Мы знаем свою историю, её страшные страницы... Может быть, это был один из самых тяжких моментов... Михаил Сергеевич пошел на встречу с путчистами. Подтвердились самые худшие предположения: приехавшие... предъявили... требование о подписании им Указа о введении чрезвычайного положения в стране, передать полномочия... (вице-президенту). Когда это было отвергнуто, ему предложили подать в отставку. К вечеру 19-го после настойчивых требований удалось добиться, чтобы телевизор включили. Но атмосфера вокруг нас постепенно сгущалась. Мы уже находились в глухой изоляции. С территории дачи никого не выпускали и никого туда не впускали. Машины закрыли и опечатали. Самолёт был угнан. На море мы уже не видели движения гражданских судов... Зато появились дополнительные сторожевые и военные корабли... Чувство нарастающей опасности заставляло действовать... Мы выходили на территорию дачи и к морю с определенной целью — чтобы как можно большее число людей видели: Президент жив и здоров... Ведь за нами вели постоянное наблюдение — со скал, со стороны моря — с кораблей. Чем больше людей увидят нас, тем труднее потом будет скрыть правду...»

В этом интервью тоже достаточно странностей. Как надо понимать, например, слова Раисы Горбачевой — отключили телевизор? Это же спутниковое, а не кабельное телевидение. Дальше, что значат слова — добились, чтобы телевизор опять был включен?! От кого добились? Никакой связи с внешним миром нет, полная изоляция, вокруг лишь оставшаяся верной охрана!? Согласитесь, не совсем всё это понятно.

И, наконец, последнее. Один из главных разработчиков и создателей президентской связи в Форосе утверждает, что схема этой связи настолько сложна и многодублирована, что отключить ее или заблокировать практически невозмож-

но. То есть, заключает специалист, это был «случай добровольного невыхода на связь...»

Сегодня нам легко критиковать Горбачева, обвиняя его в ошибках, просчетах, недопонимании. Но не надо забывать, по каким политическим дебрям он шел. У него не было ни примера, ни советчиков, которые могли бы подсказать ему безошибочный путь. Да и времени у него тоже не было. Выпущенный из бутылки джинн гласности катился по стране волнами митингов и демонстраций. Редчайшее в истории политики всемирное признание, переходящее чуть ли не в обожание, кружило голову. Да, возможно он любовался собой больше, чем следовало, говорил больше, чем слушал, был слишком самонадеян и не всегда искренен, не обладал достаточной волей, плохо разбирался в людях... Этот список упреков можно продолжить, но разве это не понятные человеческие слабости!? Положа руку на сердце — а мы уверены, что на его месте были бы другими?! Когда-то он сказал: «Идёт огромная перестройка, перестройка нас самих. Мы не Боги...» Это в первую очередь относилось к нему самому. Он был и останется пионером всемирного масштаба, а пионерам, как мы знаем, ошибки прощаются...

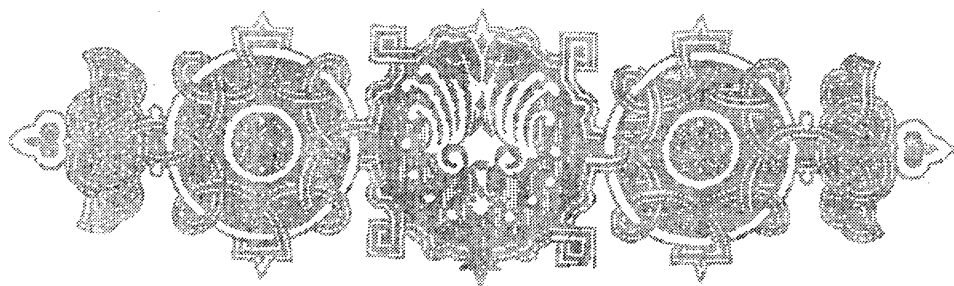
Время уберет личное, мелкое и сохранит главное. И тогда мы увидим — то, что он сделал для нашей истории, перевешивает все его просчеты и грехи. Как-то, выступая в Париже, уже экс-президент СССР сказал: *«...Мы идем к новой цивилизации, которая не будет выбором между капитализмом и социализмом, но станет синтезом нашего собственного опыта».*

Дай-то Бог...

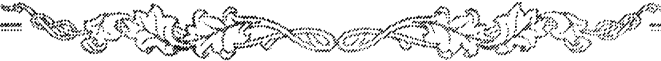
Март 1991 г.

СОКРУШИТЕЛЬ ВЛАСТИ

Как-то весной 89-го сын потянул меня на очередной митинг демократов на Манежной площади. Возле гостиницы «Москва» стоял грузовик, на борту которого была устроена импровизированная трибуна с микрофонами, а позади, по всей ширине гостиницы, стояли матери с плакатами и траурными фотографиями сыновей, погибших в армии от дедовщины. На грузовике толпились ораторы, произносились речи. Сын повесил себе на шею мой внушительный фотоаппарат, забрал у меня значок «Пресса» и тоже полез на грузовик, а я остался дожидаться внизу. Рядом происходила очередная уличная сценка. Мужик с нагловатой физиономией, в огромной пыжиковой шапке, окруженный разгневанными женщинами, что-то вещал. «Ничего, ничего, — кричал он, — тысяча сто расстреляем, миллиончик загоним в Сибирь — будет порядок!» — «Ах ты мерзавец, кагэбэшник...» — бросались

на него женщины. Чувствовалось, что оратор жаждал скандала, чтобы привлечь к себе внимание. И тут меня, как говорится, за язык потянуло, пошутить захотелось. «Граждане, — говорю, — вы что, с ума посходили?! Я врач-психиатр, этот гражданин ко мне каждую неделю на обследование ходит, а вы с ним о политике спорите?!» Раздался смех, а ещё через несколько минут оратор в пыжике уже стоял один и зло смотрел на меня. Прошло время, и можете представить моё удивление, когда я вдруг увидел этого гражданина на телеэкране — баллотируется в президенты России!.. Догадались, конечно — Владимир Жириновский!..

Стою, жду сына, а кругом море народа, плакаты — «Мишка, как ты всем надел!»», «КПСС — тюрьма народов!», портреты Ельцина... О *Борисе Ельцине* я знал в то время не больше, чем любой на этой площади: партийный функционер, приехал с Урала, года полтора возглавлял московских коммунистов, взбунтовался, поссорившись с Горбачевым, был изгнан со всех постов, стал борцом за извечную российскую справедливость. Вот, собственно, и всё. Никаких других ассоциаций имя Ельцина в моей памяти не вызывало... Что в этот раз произошло, какие пружины подсознания сработали — не знаю. Смотрю на портрет Ельцина, который видел уже десятки раз, и меня вдруг как током ударило. Неужели это тот самый Ельцин с Уральского политехнического!? Борис!.. В сборной по волейболу играл!..

В памяти поплыли кадры далёкой юности. 1953 год, я студент первого курса геофизического факультета Свердловского горного института имени Вахрушева. Политехнический и горный были ведущими вузами города и во всем соперничали между собой. Спортом я тогда увлекался фанатично — играл в баскетбол за команду высокого класса. У нас ведь тогда не было такого понятия, как профессиональный спорт, но в действительности мы были почти профессионалами, уделяя спорту больше времени, чем учебе. С Борисом Ельциным мы не были знакомы — встречались несколько раз в спортзале, не более. Он в то время уже был старшекурсником, капитаном лучшей волейбольной команды Урала, игравшей по классу мастеров, и, как говорили ребята — хорошим парнем! Прочился я в Свердловске года полтора, потом перевелся в другой институт и уехал. Вот такая история дистанцией в целую жизнь!..

Обо всём этом я опять вспоминал, но уже в кресле самолета, летевшего из далёкой южной страны. Было начало июня 1991 года. Ничто не подгоняло меня, но я торопился в Москву. На 12 июня были назначены выборы Президента России. Событие воистину эпохальное! Впервые за свою многовековую историю страна свободно выбирала главу государства.

Что значил один мой голос среди миллионов!? Ничего. Но я торопился. И не только потому, что хотелось быть причастным к великому событию, но и потому, что я почти физически ощущал, какой жесткой будет схватка уходящей тоталитарной системы с ещё хилой и совершенно непривычной для нас демокра-

◀ *С отцом и матерью.
Середина 30-х гг.*

тией. Многие ещё пугали свободу с анархией, а беспорядки со свободой. Каждый голос мог стать решающим. А кроме этого, на выборы меня толкало ещё и нечто личное. Борис Ельцин вдруг превратился в того хорошего парня из моей далекой юности, которого, по законам мужской дружбы, я обязан был поддержать.

До выборов оставалась неделя. С утра до поздней ночи я ходил по знакомым — спорил, ругался, доказывал, убеждал, а то и просто упрашивал голосовать за Ельцина. В день выборов чуть не подрался на избирательном участке, где

противники Ельцина делали всё, чтобы не включать в списки для голосования не угодных им избирателей... А потом были победа и ликование!

С того момента прошел уже не один год... Всё было — и очарование новоизбранным президентом, и разочарование тоже, но в одном я ни разу не усомнился — в важности той победы. Сегодня, когда пишется эта глава, президент Ельцин готовится к самому, пожалуй, сложному моменту в своей жизни — операции на сердце. Я глубоко, по-человечески, желаю ему удачи и надеюсь на благополучный исход. Какие бы ошибки и промахи он ни совершал, он вошел в историю нашей страны как фигура яркая, сумевшая повернуть скрипучее колесо русской жизни. История приняла его на свои страницы, а полную оценку даст потом, с дистанции времени...

Чтобы не пересказывать своими словами юные годы президента, приведу отрывок из его книги *«Исповедь на заданную тему»*, изданной в 1990 году, когда

существовал ещё Советский Союз, а наш герой не был президентом. Надеюсь, что автобиографический рассказ, лучше любого пересказа, позволит читателю не только уловить «запахи» президентского детства, но и почувствовать его характер.

«Я родился 1 февраля 1931 года в селе Бутка Талицкого района Свердловской области, где жили почти все мои предки. Пахали землю, сеяли хлеб, в общем существовали... Отец женился здесь же: был на деревне род Ельциных и род Старыгиных — это фамилия матери. Они поженились и скоро на свет появился я — их первый ребенок. Мне рассказывала мама, как меня крестили. Церквушка... была одна на всю округу, на несколько деревень. Рождаемость была довольно высокая, крестили один раз в месяц, поэтому этот день был для священника довольно напряженный... Крещение проводилось самым примитивным образом — существовала бадья с некоей святой жидкостью,.. туда опускали ребенка с головой, потом визжащего поднимали, крестили, нарекали именем и записывали в церковную книгу. Ну и, как принято в деревнях, священнику родители подносили стакан бражки, самогона, водки — кто что мог... Учитывая, что очередь до меня дошла только во второй половине дня, священник уже с трудом держался на ногах. Подали ему меня, священник опустил в эту бадью, а вынуть забыл, давай о чем-то с публикой рассуждать и спорить. Родители... были на расстоянии от этой купели, не поняли сразу в чем дело. А когда поняли, мама, крича, подскочила и поймала меня где-то на дне, вытащила. Откачали... Батюшка сильно не расстроился. Сказал — «Ну, раз выдержал такое испытание, значит, самый крепкий и нарекается у нас Борисом...»

..Детство было очень тяжелое. Еды не было. Страшные неурожаи. Всех позагоняли в колхоз — тогда было поголовное раскулачивание. К тому же кругом орудовали банды, почти каждый день перестрелки, убийства, воровство. Мы жили бедновато. Домик небольшой, корова. Была лошадь, но она вскоре пала. Так что пахать было не на чем... В 1935 году, когда уже и коровы сдохли и стало совсем невозможу... отец тогда решил все-таки податься куда-нибудь на стройку, чтобы спасти семью. Это был так называемый период индустриализации... Сами запряглись в телегу, побросали последние вещички, что были — и на станцию, до которой шагать 32 километра. Оказались в Березниках. Отец завербовался на стройку рабочим. Поселили нас в барак — ...деревянный, дощатый, продуваемый насквозь. Обиций коридор и 20 комнатушек, никаких, конечно, удобств, туалет на улице, на улице же и вода из колодца. Дали нам кое-что из вещей, мы купили козу. Уже родился у меня брат, родилась младшая сестренка. Вот мы шестером, вместе с козой — все на полу, прижавшись друг к другу, и спали... Мать, которая с детства научилась шить, работала швеей, а отец рабочим на стройке. У мамы мягкий добрый характер, она всем помогала, обшивала всех... Ночью сядет и шьет. Никаких денег за работу не брала. Просто ес-

ли кто полбублички хлеба или еще чего-нибудь из еды принесет — на том и спасибо. А у отца характер был крутой... главным средством воспитания был ремень... Двери закроешь, говорит — ложись. Лежу, рубаху вверх, штаны вниз. Надо сказать — основательно он прикладывался... Я, конечно, зубы сожму — ни звука, это его злило, но все-таки мама врывается, отнимала у него ремень, отпалкивала, вставала между нами. В общем, она была вечной защитницей моей.

...Просуществовали мы таким образом в бараке десять лет... До сих пор помню, как тяжело нам жилось. Особенно зимой, когда негде было спрятаться от мороза — одежды не было, спасала коза. Помню, к ней прижмешься — она теплая, как печка. Она нас спасала и во время всей войны. Все-таки жирное молоко, хотя и давала меньше литра в день, но детям хватало, чтобы выжить... Вот, собственно, так детство и прошло. Довольно безрадостное, ни о каких, конечно, сладостях, деликатесах или о чем-нибудь вроде этого и речи не шло — только бы выжить, выжить, выжить...

Школа. Своей активностью, напористостью я выделялся среди ребят, и так получилось, что с первого класса и до последнего... всегда меня выбирали старостой класса. С учебой всегда было все в порядке — одни пятерки, а вот с поведением — тут похвалиться трудно, не один раз я был на грани того, что со школой придется распрощаться... Случались и, прямо скажу, хулиганские выходки... Например, патефонные иголки в стул снизу вбивали... Учительница садилась, раздавался крик... Еще у нас бои проходили — район на район: человек по 60-100 дралось. Я всегда участвовал в этих боях... У меня переносица до сих пор как у боксера — оглоблей саданули...

...Начал активно заниматься спортом. Меня сразу пленил волейбол... У меня нет двух пальцев на левой руке, поэтому трудности с приемом мяча были... А с потерей двух пальцев случилась вот такая история. Война, все ребята стремились на фронт... Решили найти гранаты и разобрать их, чтобы изучить и понять, что там внутри. Я взялся проникнуть в церковь (там находился склад военный). Ночью пролез через три полосы колючей проволоки... пропилил решетку в окне, забрался внутрь, взял две гранаты... и благополучно (часовой стрелял бы без предупреждения) выбрался обратно. Уехали километров за 60 в лес, решили гранаты разобрать... Был молотком стоя на коленях, а гранату положил на камень. А вот запал не вынул, не знал. Взрыв... и пальцев нет...

...Поступил в Уральский политехнический институт на строительный факультет... Волейболом тогда уже занимался на достаточно высоком уровне... участвовал в составе сборной Свердловска в играх высшей лиги, где играло 12 лучших команд страны... Волейбол оставил... в моей жизни большой след... В общем, у меня уходило на волейбол ежедневно часов по шесть...

...До поступления в институт страны я не видел, моря тоже, и вообще нигде не был. Поэтому на летние каникулы решил совершить путешествие по стране...

В основном на крыше вагона, иногда в тамбуре, иногда на подножке... А задачу я себе поставил такую: ночь еду, приезжаю в какой-нибудь город... и осматриваю целый день, а иногда и два. Ночью где-нибудь или в парке, или на вокзале, и дальше в путь на крыше вагона...

...Когда выезжал, были у меня... часы старинные, большие, подарил их мне дед. Но эти часы, как и всю одежду, я проиграл в карты... Было это так. В тот момент в стране шла амнистия, заключенные возвращались на крышах вагонов, и однажды они ко мне пристали... и говорят: давай играть в «бурю». А я знать не знал вообще эти карты, в жизни не играл... Ну, а в такой обстановке не согласиться было нельзя. Они говорят: «Давай играть на одежду». И очень скоро они меня раздели до трусов. Все выиграла. А в конце они говорят: «Играем на твою жизнь. Если ты сейчас проиграешь, то мы тебя на ходу скидываем с крыши вагона — и всё, привет... А если выиграешь, то мы тебе всё отдаём». Что дальше произошло, сейчас мне сложно понять: или уже я стал понимать в этой «буре» кое-что... или потому что они вдруг пожалели меня... В общем, я выиграл... Все они вернули, кроме часов. После этой игры они меня больше не трогали, а даже зауважали... Кое-кто даже кусок хлеба давал.

Однажды мой любимый волейбол чуть не свел меня в могилу. В какой-то момент, тренируясь по шесть-восемь часов и занимаясь предметами по ночам... видимо, я перенапрягся. А тут, как назло, заболел ангиной, температура сорок, а всё равно пошел на тренировку, ну и сердце не выдержало. Пульс 150, слабость, меня отвезли в больницу. Сказали лежать и лежать, тогда есть шанс, что месяца через четыре, как минимум, сердце восстановится, а иначе — порок сердца. Из больницы я сбежал уже через несколько дней... Надо честно признать: риск, конечно, был колоссальный, потому что мог сердце погубить навсегда. Но я считал, что надо его не жалеть, а, напротив, нагружать как следует и клин клином вышибать...»

Такой вот, весьма красочный, автопортрет рисует перед нами автор «Исповеди...» Однако рассказчик опускает такие трагические страницы биографии, как раскулачивание семьи, смерть деда, два ареста отца. Вряд ли эти эпизоды можно было просто забыть. Скорее всего тут сыграло свою роль то, что «Исповедь...» писалась в самый разгар политической борьбы автора за власть. Ведь по «этике» советского режима, на которой мы все воспитаны, быть выходцем из благополучной зажиточной крестьянской семьи — опасный грех, а из бедной, страдающей — это почетно. Открыть, что мои близкие мучились под ярлыком «кулак» — а как воспримут это мои избиратели, среди которых еще немало поклонников «твердой сталинской руки»?!... Пройдет всего несколько лет и во второй книге — «Записки президента» — мы услышим уже совсем другой голос — открытый, уверенный голос победителя: «...Если мы проклянем прошлое, вычерк-

нем его из памяти... — лучше не будет. Наша история — и великая, и проклятая одновременно...»

...Существовал в селе Бутка крепкий, благополучный крестьянский род Ельциных, глубоко вросший в уральскую землю. Трудились, потели, гнули спины и земля благодарила. Дед по отцу был известным на селе кузнецом и церковным старостой. Как записали чекисты в «Деле №5644», был у него до революции большой деревенский дом, две мельницы — водяная и ветряная, молотильную машину имел, жатку-самовязку, пять лошадей, четыре коровы, 12 га земли. Ну и помощников держал, батраков...

По законам «революционной совести», за такое трудовое усердие, чтобы не высывался из нищеты, вполне могли и расстрелять. Но власть была «милосердна» — хозяйство отобрали, а глубокого старика, как «кулака- кровопийцу», лишили гражданских прав и в 1930-м вместе с женой и другими такими же, вывезли на поселение в глухую тайгу далеко на север. Барак в одну доску, а за окном минус тридцать! Хоть ложись да помирай. Но дед, как позднее расскажет внук, решил не помирать, а по крестьянской традиции «ушел в бега». Впрочем, и это не спасло. Месяца через четыре помер...

Было все это как раз накануне рождения внука. Всех оставшихся в деревне, в том числе и дедовых сыновей, загнали в колхоз. Помирать бы им голодной смертью, если бы председатель колхоза не оказался человеком — отпуская мужиков на зиму в город на заработки. Николай Ельцин, отец Бориса, был тем самым умельцем, о которых в народе говорят — «самородок». Образование четырехклассное, а руки золотые — строитель от Бога! Работу он себе всегда находил. Тем и кормились...

Дальше в биографии президента начинаются разночтения. В приведенном выше отрывке он говорит, что в 1935 году их семья переехала в уральский город Березники, где отец устроился рабочим на стройке. Об аресте отца там ни слова. (Хотя, в другом месте книги есть фраза: «...когда отца уводили ночью... мне было шесть лет...» То есть 1937 год?) В своей второй книге — «Записки президента», вышедшей в 1994 году, когда автор был уже на вершине власти, он рассказывает о своей семье уже полнее и несколько по-другому. В апреле 1934-го отца арестовали вместе с его младшим братом Андрианом и еще четырьмя работягами, обвинив их в саботаже. Был это, конечно, чистейший вздор. Просто набирала обороты сталинская машина уничтожения. «Саботаж» заключался в том, что 22-летний Андриан Ельцин вылил на землю бак с протухшим супом из столовой, сопроводив это парой крепких слов. Другой работяга тоже пробурчал что-то неласковое. И вообще, бригада эта «кулацкая». Как написано в доносе и сохранилось в «Деле №5644» — «...Штоб замазать свое социальное праисхождение, они давали хорошие показатели вработи...» (орфография сохранена). Отцу с дядей дали по три года лагерей, остальным — по пять.

«Мне было всего три года, — пишет Ельцин в «Записках президента», — но я до сих пор помню тот ужас и страх. Ночь, в барачную комнату входят люди, крик мамы, она плачет. Я просыпаюсь. И тоже плачу. Я плачу не оттого, что уводят отца, я маленький, еще не понимаю, в чем дело. Я вижу, как плачет мама и как ей страшно... Отца уводят, мама бросается ко мне, обнимает, я успокаиваюсь и засыпаю. Через три года отец вернулся из лагерей...» (Видимо в 1937 году был второй арест?)

Зачем я останавливаюсь на этих в общем-то мало что значащих умолчаниях и разночтениях в автобиографии президента? Дело, конечно же, не в них. Когда автор обещает читателю «Исповедь» (слово-то какое!) — это своего рода клятва в том, что перед нами полная и даже сокровенная правда, без тайн и умолчания. Нарушение еёстораживает и резко снижает доверие к автору...

Читая «Исповедь...», не можешь отделаться от ощущения какой-то неловкости. «Самодовольный сибирский поэт», «хвастливый, властный и излишне самоуверенный», «хитрый, тщеславный... с огромной жадой власти...» — такими эпитетами наградили автора некоторые западные критики («Экономист», «Монд», «Файнэншл Таймс» и др.). Грубовато, конечно, но, пусть извинит меня автор, книга действительно пронизана самолюбованием и какой-то чересчур уж «подробной» героикой...

Судя по автобиографии президента, из всех жизненных ситуаций он выходит только победителем и только героем. Подбил ребят отправиться на три месяца в тайгу, искать истоки какой-то уральской реки. Заблудились, несколько месяцев плугают по нехоженным таёжным местам, попадают в угрожающие для жизни ситуации, стоят на грани голодной смерти, заболевают брюшным тифом с температурой выше сорока, бредом и потерей сознания. И лишь наш герой, благодаря воле и самообладанию, единственный остается на ногах. Собрав послед-

- ◀ 1 - *Клавдия Ельцина — мать Президента. На даче под Свердловском. 1982 год;*
2 - *Мать и сын. Екатеринбург. Февраль, 1991 г.*

ние силы, он перетаскивает ребят в лодку, тем спасая им жизни. А уж после этого сам теряет сознание!..

А эпизод на крыше вагона с амнистированными уголовниками, которые сначала хотят проиграть его в карты и скинуть с поезда, но, опять же, выдержка и сила воли спасают нашего героя, делая его победителем. В конце концов, урки даже зауважали своего попутчика... Опять таки — красиво и героично!

Или ещё пример. Когда наш герой уже был инженером-строителем, к нему в коптёрку как-то зашёл громила-уголовник с топором и, угрожая раскроить череп, потребовал, чтобы тот закрыл ему наряд так, как хочет громила. Ситуация была в высшей степени опасной. Но и тут наш герой не растерялся. «Пошел вон!» — грозно во всё горло рявкнул он на громилу. Громила вдруг «опустил топор, выронил его из рук, повернулся и, согнув спину, молча вышел»... Ну, что тут сказать?!... Какой-то уж больно робкий громила...

Таких эпизодов десятки, они разбросаны по всей книге. То наш герой, рискуя жизнью, спасает башенный кран, который вот-вот готов опрокинуться от сильного ветра... То он, опять же рискуя жизнью, спасает самосвал, застрявший на железнодорожном переезде... «Ласточкой» вылетает в окно идущего под откос поезда, спасая теперь уже собственную жизнь... Будучи студентом и отдавая спорту «по шесть-восемь часов» в день, умудряется тем не менее учиться только на отлично, готовясь по ночам и уделяя сну не более 3,5 — 4 часов в сутки... Став уже большим строительным начальником, не чурается простого народа — может всю ночь вместе с женской бригадой клеить обои, балагуря о жизни... За свой личный счет долго содержит малознакомую ему несправедливо уволенную работницу... А поднявшись на кремлёвский Олимп, отказывается «есть осетрину и заедать её черной икрой... Потому что стыдно» — стыдно перед народом, у которого таких возможностей нет...

Повторяю, таких эпизодов можно привести десятки. Не ставя под сомнение их правдивость, тем не менее ощущаешь некоторую неловкость. Уж так повелось среди людей, что о благородных и героических деяниях человека рассказывает кто-то другой, а не он сам...

И в то же время, будто в пику вышесказанному, послушайте бесхитростные и несомненно правдивые воспоминания матери о детстве сына. С шести лет на Борисе лежали все домашние дела, от которых он никогда не увиливал, был во всем первый помощник, терпеливо и нежно ухаживал за младшими в семье, варил, мыл полы, в военное время выстаивал ночами за буханкой хлеба. Вспоминая это голодное время, мать рассказывает, как десятилетний Борис, приходя из школы садился в угол и раскачиваясь повторял — «есть хочу-у-у, не могу-у-у, есть

хочу-у-у...» В летнее время, вместо того, чтобы бегать со сверстниками, нанимался вместе с матерью косить колхозную траву, чтобы заработать на пару булок хлеба. И, что уж совсем не свойственно мальчишкам, — не стеснялся никакой «женской» работы, как, например, шить и вышивать. (Будучи с визитом в Соединенных Штатах и посетив как-то швейную фабрику, президент Ельцин удивил местных работниц умением почти профессионально обращаться со швейной машиной.)

Так как же надо оценивать «героические штрихи» в автобиографии президента? Комплекс нелегкого детства? Когда волевой впечатлительный от природы парнишка, не имея в детстве возможности наиграться в «героев», бессознательно компенсирует это сейчас в своем взрослом воображении? Или, может быть, ярко выраженный популизм, в котором нередко упрекают Президента? Или сохранившийся юношеский романтизм, которым переболели мы все, дети того поколения?.. Думаю, тут всё присутствует..

Студенческие годы нашего героя в Уральском политехническом институте проходили бурно и голодно, как, впрочем, и у многих других. Разгрузка вагонов, чтобы подзаработать, неизменная вельветовая курточка и солдатские сапоги — иногда даже без пальто в самые свирепые уральские морозы, но зато всегда кипучая энергия, озорливость, фанатичное, почти запойное, увлечение спортом. И, конечно же, в эти годы приходит любовь. По воспоминаниям друзей, насколько Борис был напорист и активен в коллективе, настолько же пассивен и даже робок в личных контактах. Кстати, эта его «общественная» черта характера про-

слеживается и в политике. Он значительно сильнее в площадном митинговом сражении, чем в «ближнем бою», с глазу на глаз, где надо применять тонкие дипломатические ходы.

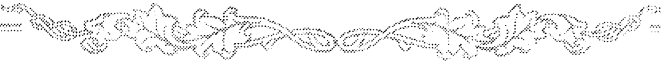
Тяга к толпе, коллективу прочитывается и в его «Исповеди...», где всюду разбросаны слова и выражения типа — «ребята», «девчата», «своя компания» и почти ни одного конкретного лица. Но вот наконец — «...я всё больше и больше стал замечать одну — Наю Гирину... Помню, первый раз мы объяснились друг другу в любви на втором курсе на галерке фойе перед актовым залом института. И поцеловались у одной из колонн...»

Мягкая, приветливая девушка из старотрадиционной семьи оренбургских крестьян, видимо, чем-то напоминала Борису мать. А если учесть его глубоко душевные отношения с матерью — «вечной заступницей», то можно было не сомневаться, что сделанный им выбор безошибочен. Но наш герой, судя по его воспоминаниям, и здесь не может обойтись без «возвышенных» поступков. Чтобы проверить «крепка ли любовь, глубока ли», он решает на год разъехаться со своей возлюбленной и не поддерживать это время с ней никаких контактов. И лишь спустя год дает ей такую вот «шуточную» телеграмму: «Приезжай, у Бориса плохо с сердцем»... И без подписи... (Слава Богу, что хоть у невесты с сердцем было все в порядке!)

Вскоре молодая семья обретет своего первого ребенка, а спустя время и второго. Как ни хотелось молодому отцу получить сына — и топор под подушку клал, чтобы сын родился, и фуражку — но обрел он двух дочерей — Лену и Таню. В семье нередко вспоминают эпизод из раннего ельцинского отцовства. Как-то заболела жена и некому было ухаживать за грудным ребенком. Решено было отвезти его в Оренбург к бабушке. Повез отец. В поезде ребенок раскричался — есть захотел. Успокоить не удалось. Растерянный отец не знал, что делать, но вдруг сообразил — расстегнул рубашку и дал дочери свою грудь. Ребенок «наелся» и блаженно заснул, а вся женская половина вагона вытирала от умиления глаза...

Затем начинаются годы «молодого специалиста». После защиты диплома в 1955 году, он отказывается от предложенной ему инженерной должности и на год идет на стройку простым рабочим, чтобы изучить профессии — каменщика, бетонщика, плотника, стекольщика, штукатура, маляра, крановщика... — по месяцу на каждую — и лишь после этого считает для себя возможным принять должность «начальника» — мастера строительного участка.

Кстати, как не без явного удовольствия пишет в своей книге Борис Ельцин — никогда в жизни он не был ничьим замом, всегда был пусть маленьким, но начальником. Мать рассказывает, что тяга в «начальники» началась у сына со школьных лет. Как-то он случайно попал в «закрытый» магазин, где увидел деликатесные про-

дукты, о которых и не слышал-то никогда. Это первое конкретное соприкосновение с социальной несправедливостью так поразило воображение подростка, что, придя домой, он мрачно, но твердо заявил: «Мама, я буду начальником!».

Рабочий день молодого инженера начинался в 7 часов утра и оканчивался в 11 вечера, а до этого надо было еще прошагать километров двенадцать от общежития, где он жил, до стройки. Отношения с людьми складывались неоднозначно. Стиль руководства в то время был «командный» и молодой специалист стал пользоваться им в полной мере, нередко переходя грань между жесткостью и жестокостью. Штрафы и увольнения раздавались им с повышенной легкостью. Естественно, что это не прибавляло симпатий подчиненных, которые не могли понять, какого черта он до седьмого пота загоняет себя и других. Ему, что, больше всех надо?!

Нелегкий характер нашего героя распространялся, кстати, не только на подчиненных, но и на начальство. Был у него один «оригинальный», мягко говоря, начальник, который чуть что разорется матом и за стул хватается, грозя запустить в собеседника. Но и молодой собеседник был не промах, тоже за стул: «Имейте в виду, если вы сделаете малейшее движение, у меня реакция быстрее — я все равно ударю первым!»

В 30 лет, с огромным для серьезной партийной карьеры опозданием, Борис Ельцин вступает в партию. Хотя он и говорит, что «искренне верил в идеалы справедливости, которые несет партия», однако в искренность этих слов верится всё же с трудом. Кстати, по воспоминаниям преподавателей, в студенческие годы Борис (в отличие от Михаила Горбачева), был не просто безразличен к комсомольским делам, но даже избегал их. Можно предположить, что это была предосторожность, связанная с прошлым отца и деда. Заполняя многочисленные «анкеты», Борис никогда не упоминал в них о том, что его близкие были репрессированы. Это закрыло бы перед ним двери института. Так что, говорить о вере в «идеалы партии», как-то даже неловко. Или, может быть, хрущевская «оттепель» создала у него иллюзию очищения, партийного покаяния за прошлое?! Такое тоже может быть.

Автор данной книги никогда не был членом партии, но именно в это время он им чуть не стал. Помню, как-то в нашу студенческую группу зашел парторг института, искалеченный войной командир танка, человек, как мы знали, приличный, с демократическими взглядами. Он начал агитировать нас вступить в партию. Мы сидели молча, настроенные весьма скептически. Наконец кто-то из смельчаков не выдержал: «Кому нужна эта партия, полная мерзавцев и натворившая столько бед?!» Лицо танкиста посерело. Он долгую минуту сидел, подперев голову культияпкой искалеченной руки, потом встал, плотнее прикрыл дверь и повернулся к нам. «Как вы не понимаете, — сказал он с дрожью в голосе, — если в неё не будут вступать порядочные люди, то мы навсегда останемся в этом дерь-

ме!» Вспоминая этот эпизод, я ловлю себя на мысли — хорошо, что Ельцин всё же вступил в партию!

После 14 лет работы на производстве, Борису Ельцину предлагают занять пост заведующего строительным отделом Свердловского обкома партии. Этого амбициозного инженера, умеющего выжать из подчиненных максимум, партийное начальство давно приметило. Его жесткий стиль в работе соответствовал партийным нормам. А неумная энергия как раз и требовалась, чтобы заставить хоть как-то крутиться ржавые колеса бюрократической машины.

На этом посту Ельцин проработает следующие семь лет, а в ноябре 1976 года, сам Леонид Брежнев благословит его на должность Первого секретаря Свердловского обкома. «...В те времена Первый секретарь... — это бог, царь. Хозяин области... Власть Первого — практически безгранична. И *ощущение власти отъясняет...*» — пишет Ельцин. Насколько изменился его характер за десять лет свердловского «царствования»? Пожалуй, в сторону ужесточения. Если на производстве, среди рабочих, стиль его руководства был жестким, то здесь, среди партийных чиновников, он стал почти диктаторским. (Кстати, теперь в обязанности обкомовских чиновников стали входить и воскресные занятия волейболом, турпоходы, и прочие любимые занятия «Первого»...) Спустя ряд лет, когда Ельцин будет баллотироваться в Президенты России, конкуренты и недруги, опираясь на свердловский опыт, будут называть его «лидером сталинского типа», пугать избирателей «кровавой диктатурой» и «повешенными на столбах».

В житейском же плане новая должность никаких особых изменений, похоже, не вызвала. Та же любовь к пельменям и котлетам с жареной картошкой, а отпускное время всеильный хозяин области предпочитал проводить или в турпоходах, или в родной деревне Бутка у родителей, где возился на огороде, коллол дрова, таскал воду и вообще становился на это время заправским крестьянином. Насколько глубоко сидела крестьянская жилка в роду Ельциных, говорит хотя бы то, что после более чем тридцати лет оторванности от земли, где-то в 70-х, отец Бориса бросает городскую жизнь, покупает кусок земли с домом и возвращается в родную деревню.

Что касается жены, то она как работала инженером-строителем в проектно-институте, так и продолжала работать до дня их отъезда из Свердловска в Москву. Вообще надо сказать, что в «социальном» аспекте она с мужем — люди разные. Если Борис Ельцин — это типичный «общественник», от которого семейные дела «отскакивают, как горох от стенки», то для Наины Ельциной наоборот, дом, семья, очаг были и остаются первостепенными, вне зависимости от того, какие посты занимает ее муж. В отличие, скажем, от Раисы Горбачевой, политика и «мужьи дела» никогда не привлекали Наину, а скорее даже тяготили. Осмелюсь сделать предположение: не будь Наины, политическая судьба Бориса Ельцина была бы не столь успешна, ибо для этого требовался крепкий «материнский»

тыл, который она ему создает. Как заметила бывшая сокурсница Наины по институту: «Борис был (её) младшим сыном...»

Есть в свердловском периоде Ельцина одно деяние, которое навсегда останется темным пятном в его биографии. И не в том вопрос: виноват он в этом или не виноват — не в его власти было поступить иначе, — а в том, совершил ли он это без душевного дискомфорта, просто рьяно выполняя приказ, или всё же понимал, что приказ этот мерзок. Речь идет о сносе в Свердловске старинного дома Ипатьевых, известного под названием «Дома особого назначения», в котором содержался под арестом последний российский император Николай II с семьей.

В большевистской истории много грязных дел, но бандитское убийство царской семьи стало символом злодейства. По прямому приказу Кремля, в ночь с 16-го на 17-е июля 1918 года, царь с семьей — женой, четырьмя юными дочерьми, 14-летним тяжелобольным сыном, личным врачом и тремя добровольно оставшимися при царе верными слугами, были расстреляны в подвале этого дома.

Вот строки из доклада одного из палачей: «Я... разбудил доктора Боткина и сказал ему, что необходимо всем спешно одеться, так как в городе неспокойно и я вынужден их перевести в более безопасное место... Николай нёс Алексея (большого сына) на руках. Остальные, кто с подушками в руках, кто с другими вещами... спустились в подвальное помещение»... «...Романовы совершенно спокойны — никаких подозрений... — продолжает другой палач. — Царь вопросительно смотрит... Царица перекрестилась... Но я уже спускаю курок... и всаживаю первую пулю в царя. Одновременно с моим выстрелом раздается первый залп... Вижу, как падает Боткин, у стены оседает лакей и валится на колени повар... В комнате ничего не видно от дыма — стрельба идет уже по еле видимым падающим силуэтам... Из правого угла комнаты... женский радостный крик: «Слава Богу! Меня Бог спас!» Шатаясь поднимается уцелевшая горничная... штыками прикалывают гор-

« 1 - Николай II с сыном Алексеем и дочерью Марией; 2 - «Дом особого назначения» в Свердловске (дом Ипатьевых), где в ночь с 16-го на 17-е июля 1918 года была расстреляна царская семья

ничную... Застонал раненый Алексей... Осматриваем остальных и достреливаем... еще живых...»

Естественно, что дом, где произошло это злодеяние, должен был стать в глазах народа «особым» местом. Десятилетиями к нему приходили люди, стояли, смотрели, о чем-то думали. В то время Свердловск был закрытым для иностранцев городом, так что власти не придавали этому особого значения. Но приближается 60-летие со дня мученической смерти царской семьи. Внимание мировой общественности к этому злодейству опять возрастает. В июле 1975 года в Политбюро поступает «записка» от шефа КГБ Юрия Андропова: «...В последнее время Свердловск начали посещать зарубежные специалисты. В дальнейшем круг иностранцев может значительно расшириться, и дом Ипатьевых станет объектом их серьезного внимания. В связи с этим представляется целесообразным поручить Свердловскому обкому решить вопрос о сносе особняка в порядке *плановой реконструкции* города...»

К этому времени Первым секретарем Свердловского обкома уже полгода как был Борис Ельцин. «Читаю и своим глазам не верю, — пишет он, — закрытое постановление Политбюро о сносе дома Ипатьевых... Не подчиниться... было невозможно. И через несколько дней, ночью, к дому Ипатьевых подъехала техника, к утру от здания ничего не осталось. Затем это место заасфальтировали».

Всё верно, разве что отсутствуют некоторые эмоциональные детали. Сделано это было поспешно, даже чересчур поспешно. Под покровом ночи, с 27-го на 28-е июля 1977 года, под усиленной военной охраной, к ипатьевскому дому подошли бульдозеры и экскаваторы. Даже фундамент был вырван и вывезен. А чтобы окончательно уничтожить память о трагедии, по месту прошли ещё и асфальтовые катки...

...День 3 апреля 1985 года был переломным в политической карьере нашего героя. Звонок из Политбюро застал его в машине. Поступившее предложение было неожиданным и исходило непосредственно от только что занявшего высший кремлёвский пост Михаила Горбачева: переехать на работу в Москву, в Центральный Комитет партии на должность заведующего отделом строительства.

По словам Ельцина, он отказался не задумываясь. Урал — это его родина, здесь он жил, учился, работал, здесь его знают, здесь он чувствует себя на месте. Такovy, по его словам, были мотивы отказа. Но в тех же записках прочитываются и другие мотивы: как так, десять лет проработал хозяином пятимиллионной индустриальной области, а мне предлагают всего лишь заведовать отделом?! Мог-

ли бы предложить и повыше! Вон, сам Горбачев, например, с такой же должности, как у меня, куда прыгнул?! А ведь Ставрополь по сравнению с Уралом — это промышленное захолустье. Одним словом, на такой пост не согласен...

Это был первый и пока еще слабый сигнал будущей конфронтации с Горбачевым. Говорят, что перед самым отъездом из Свердловска, Ельцин будто бы обронил своим коллегам: «Вот увидите, я буду Генеральным...»

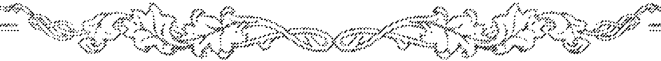
12 апреля он уже приступает к работе в Москве. А спустя полгода Горбачев, ведомый судьбой, поднимает своего будущего противника почти на самый Олимп. Теперь он уже кандидат в члены Политбюро и партийный глава Москвы.

О деятельности Ельцина на поприсице главы столичной партийной организации мы уже подробно останавливались в предыдущем очерке о Горбачеве. Своими «хождениями в народ» — поездками в городском транспорте, появлениями в общественных местах, шумной борьбой с номенклатурными привилегиями — Ельцин покоряет сердца москвичей. Чтобы партийного функционера такого ранга можно было встретить в метро, трамвае или в очереди за колбасой — такого москвичи не знали уже многие десятилетия. Правда, злые языки утверждали, что в трамвай он пересаживается из лимузина за одну-две остановки до проходной завода, куда направляется, а в магазине появлялся один-два раза и то не за колбасой, но это неважно. Главное, что молва уже шла по столице, а злые языки на то и злые, чтобы говорить неправду.

Как бы там ни было, но популярность Ельцина действительно росла стремительно, причем по двум направлениям. Если народ видел в нем своего заступника, пытающегося восстановить социальную справедливость, обуздать «голодающую номенклатуру», прекратить воровство и закрыть тайные распределители, то мафиозная Москва видела в нем своего лютого врага. «Убирайся к себе в Свердловск, пока не поздно», — угрожали ему в письмах и по телефону. «Ещё Хрущев пытался всех нас одеть в телогрейки, ничего не вышло, не выйдет и у тебя. Воровали и воровать будем».

Воровать, конечно же, продолжали, но всё же чуть поменьше. За неполных два года пребывания на посту партийного хозяина столицы, Ельцин сумел отправить за решетку более тысячи мафиозных руководителей торговых предприятий города. «У нас в Москве идет такая перестройка, что в тюрьмах не хватает мест для всех, кого хотим посадить», — сказал он в одной из бесед. Москвичи в шутку придумали даже новую единицу «гласности». Называлась она «*один ельци*».

Само собой разумеется, что этих «бунтарских» поступков Ельцин не мог бы себе позволить даже во времена Брежнева, не говоря уж о Хрущеве или Сталине. Так что, «ельцинский героизм» надо справедливо, по-братски разделить с «горбачевской перестройкой». Без нее возникновение «феномена Ельцина» было бы попросту невозможно. В этом один из парадоксов конфликта Горбачев — Ельцин.

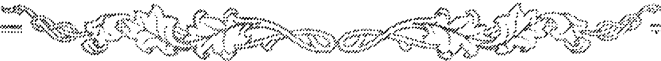
Чем выше росла популярность Ельцина среди жителей столицы, тем резче усугублялся его конфликт с партийными коллегами. И даже Михаилу Горбачеву, становится всё труднее сдерживать ревность к им же поднятому наверх конкуренту. Пик конфликта, как мы уже рассказывали в предыдущей главе, произошел 21 октября 1987 года на партийном пленуме, где Ельцин выступил с осторожной критикой буксующей «перестройки» и слегка задел «культ» самого Горбачева. Никому, и в первую очередь самому Ельцину, в голову не могло прийти, что это четырехминутное выступление, закончившееся просьбой освободить его от занимаемых партийных должностей, станет переломным моментом в истории России. Был ли этот поступок результатом минутного эмоционального всплеска или глубоко продуманным решением, мы не знаем, но одно бесспорно — это был мужественный и беспрецедентный шаг. Чтобы кто-то добровольно покинул кремлевский Олимп — такого еще не бывало. Воистину, мы во власти судьбы. Она и только она из праха сотворяет героев и их же низвергает в прах.

Тетива «войны» была спущена. По дирижерскому жесту Горбачева весь кремлевский ареопаг ринулся топтать еретика. Его обвиняли в клевете на партию, предательстве, «ударе из-за угла». Трех часов такого избиения было достаточно, чтобы подорвать любую нервную систему. Две недели после этого Ельцин еще держался, а потом был увезен в больницу на «скорой» с тяжелейшим сердечным приступом. Ситуация была настолько серьезной, что врачи не допустили к больному даже жену, предложив ему — как когда-то в юности, при перегрузке сердца — лежать, лежать и лежать.

На третий день, как ни в чем ни бывало, в больницу позвонил Горбачев. Он попросил Ельцина приехать, так как предстояло формальное снятие его с партийных должностей. На слова больного, что ему даже встать с постели не разрешают, не то что куда-то ехать, Горбачев отреагировал весьма браво: «Ничего, врачи помогут!» И повесил трубку. «Этого я никогда не смогу понять, — пишет Ельцин. — ...Чтобы кого бы то ни было... увезти из больницы, чтобы снять с работы. Это невозможно... Как бы плохо Горбачев ни относился ко мне, но поступить так — бесчеловечно, безнравственно...» Те, кто видел Ельцина в этот день, говорят, что он производил впечатление человека раздавленного — путался, терял мысль, говорил бессвязно...

Спрашивается, зачем нужно было Горбачеву так торопиться? Ведь он прекрасно понимал, что этот неблагоприятный поступок в конце концов получит огласку и уж авторитета ему точно не прибавит. Ну, сняли бы на неделю-другую позже. Тем более, что формально и снимать-то не должны были, ведь Ельцин сам попросил, чтобы его освободили от занимаемых партийных постов.

В этом — «сам попросил» — и зарыта собака. За всю историю советской власти не было случая, чтобы кто-либо сам добровольно вышел из партийного святилища именуемого Политбюро. Добровольный уход означал вызов, сомнение

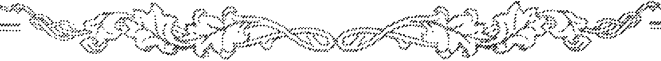
в небесной чистоте Олимпа, его приземление. По неписаным, но жестким законам Кремля, с партийного Олимпа было лишь два выхода — ногами вперед или изгнание. Тянуть было нельзя. Нельзя было допустить, чтобы слухи о добровольной отставке Ельцина разошлись по стране. Надо было опередить их и устроить еретику публичное линчевание. Вот почему торопился Горбачев. Вот почему, когда вечером 31 октября в ТАСС поступило сообщение о том, что Ельцин подал в отставку, уже через четверть часа пришла другая правительственная телеграмма, запрещающая публиковать первую. Ни о какой добровольной отставке не может быть и речи, есть лишь позорное изгнание!

Но изгнание требует обоснования. Какое обоснование можно было предложить общественному мнению? Критика буксующей перестройки? Но народ и сам это видел. Упрёки, брошенные Горбачеву? Но народ уже сам ругал его на всех углах. Вокруг имени изгнанника начинают складываться легенды. По Москве начинают гулять слухи о «смелых речах» Ельцина, которых он никогда не произносил, ему приписывают поступки, которые он не совершал. Народ начинает «лепить героя». Происходит то, что уже не раз бывало в истории: человек, которого народ поднимает на пьедестал, становится героем. И уже неважно, каков он на самом деле, — он народный символ...

В конфликте с Ельциным, Горбачев совершил как минимум два роковых поступка, ускорив этим крушение своей карьеры. Первый он предвидеть не мог, это была судьба — перевод Ельцина в Москву. Но второй — это явный просчет. Зная характер русского народа, его любовь к обиженным — не было лучшего подарка Ельцину, чем его громкое бичевание и изгнание. Как мы уже говорили, Ельцин не мастер ближнего боя. Его сила — бой на дистанции, «площадной», «баррикадный», где он чувствует себя в родной стихии борьбы. Как мифическому Антею помогало восстанавливать силы прикосновение к матери-земле, так и Ельцину помогала толпа. Горбачев грубо отшвырнул его, дав в союзники уставший, давно разуверившийся в кремлевских правителях народ. Проще говоря — Горбачев своими руками создал «феномен Ельцина»...

Но об этом чуть позже. А пока, изгнанный и избитый, Ельцин возвращается в больницу. Видимо по подсказке сверху, врачи начинают осторожно намекать на пенсию. Ельцин отказывается. А еще через несколько дней опять раздается звонок Горбачева. Он великодушно предлагает поверженному противнику пост министра строительства и заканчивает разговор не оставляющей никаких сомнений фразой: «Но имей в виду, до политики я тебя больше не допущу!» Фактически это была политическая смерть...

Почему Горбачев не обошелся с Ельциным более круто? Ведь, как сказал один многоопытный кремлевский должностной: «...Наше Политбюро — как таинственный Бермудский треугольник: кого из него выкидывают, тот исчезает бесследно». Ну, во-первых, были уже не те времена, да и сам Горбачев, конечно же, не са-

дист сталинского типа. Но что более важно — «гласность» развязала языки, по стране катилась мощная волна протеста, газеты и партийные органы получали огромное количество писем в поддержку Ельцина, в почтовых отделениях Свердловска были даже вывешены объявления, что почтовые отправления в адрес Ельцина доставляться не будут. В ответ на это в городе появились листовки, призывающие граждан поддержать своего земляка. Проще говоря, конфронтация с народом не входила в планы властей, надо было спустить это дело мягко, на тормозах. Поэтому-то Горбачев и предложил Ельцину пост министра...

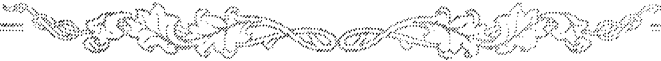
Следующие месяцы в министерском кресле были для нашего героя временем одиночества и тяжелых раздумий. Вот как рассказывает об этом он сам.

«Огляделся вокруг себя — никого.. какая-то пустота, вакуум.. страшное чувство обреченности.. Как прокаженный.. Трудно описать то состояние.. Началась настоящая борьба с самим собой. Анализ каждого поступка, каждого слова, анализ своих принципов, взглядов на прошлое, настоящее, будущее, анализ своих отношений с людьми и даже с семьей — постоянный анализ, днем и ночью, днем и ночью.. В таких случаях люди часто ищут выход в Боге, некоторые запивают.. Я пропустил через себя сотни людей, друзей, товарищей, соседей, сослуживцев. Пропустил через себя отношение к жене, детям, внукам. Пропустил через себя свою веру. Что у меня осталось там, где сердце? Оно превратилось в угли, сожжено.. Все время мучили головные боли. Почти каждую ночь. Часто приезжала «скорая помощь», мне делали укол, на какой-то срок успокаивалось, а потом опять.. Бессонные ночи напролет проводили у моей кровати Наина, дочери.. Когда начинались страшные приступы головной боли.. еле сдерживал себя, чтобы не закричать.. Позже я услышал какие-то разговоры о своих мыслях про самоубийство, не знаю откуда.. Хотя, конечно, то положение, в котором я оказался, подталкивало к такому выходу..»

Путь со дна политического колодца был медленным и трудным, но все же он начался. Кое-где стали появляться интервью, а американская телекомпания CBS даже сделала о нем передачу.

28 июня 1988 года в Кремле должна была открыться всесоюзная партийная конференция, работу которой решено было транслировать по телевидению на всю страну. Выступить на ней — это значило бы сделать шаг к политическому воскрешению. Но как стать делегатом конференции? Горбачев больше не намерен был допускать его к политической трибуне. Из Кремля была спущена жесткая директива — Ельцина на конференцию «не выдвигать».

Но на дворе, как говорится, уже были другие времена. Опального земляка подержали и выдвинули делегатом многие предприятия Урала. В Свердловске начались брожения. Люди требовали выполнять их волю, пригрозив забастовкой. Ситуация накалялась. И тут власти решили отступить, посчитав, что конфронтация с народом более опасна, чем неугодный делегат. Буквально перед самым

открытием конференции Ельцину сообщили, что он «будет избран» делегатом от республики Карелия, где он, кстати, никогда до этого не бывал.

Но быть избранным и молчаливо просидеть в пятитысячном зале мало что давало. Надо было выступить. Шли дни, конференция приближалась к завершению, но слова ему всё не давали, хотя записки в президиум он начал посылать с первого дня. Наконец, в последний день, когда уже стало очевидным, что выступить ему не дадут, Ельцин понял, что у него нет другого выхода, как идти ва-банк — брать трибуну «штурмом».

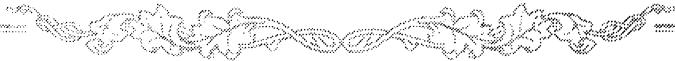
Делегация Карелии, в которую входил Ельцин, занимала места на балконе, под самым потолком. Чтобы попасть в зал, надо было спуститься вниз и войти в двери партера, которые были закрыты и охранялись сотрудниками КГБ. И Ельцин пошел. Охранники, знавшие его в лицо, беспрепятственно пропустили. Подняв над головой красный мандат делегата, под устремленные на него объективы телекамер (трансляция шла на всю страну), Ельцин зашагал к столу президиума. Пятитысячный зал замер. Все поняли, что происходит. Подойдя к президиуму и глядя в глаза Горбачеву, Ельцин заявил, что требует слова или пусть этот вопрос будет поставлен на голосование всей конференции. Горбачев растерялся. «Сядьте в первый ряд», — бросил он.

Через несколько минут к Ельцину подошел один из охранников и передал, что Горбачев просит его зайти в комнату президиума, чтобы переговорить. Ельцин поднялся и медленно направился к выходу, поглядывая назад — кто поднимется из президиума. Никто не поднимался. С первых рядов ему шептали — не выходите из зала, обратно не войдете. Он и сам это понимал. Возле самой двери Ельцин вдруг резко повернул обратно и вернулся на свое место в первом ряду.

Повторяю, всё это происходило на глазах миллионов людей, следивших по телевидению. Помню, в те дни страна почти две недели не работала. Все — от конторских служащих до рабочих — с утра до вечера просиживали у телеэкранов, впервые наблюдая политический спектакль, где актерами была власть. Ситуация выходила из-под контроля. Не дать Ельцину слова было уже невозможно...

Сейчас уже не суть важно, какие «обличительные» слова произнес Ельцин, выйдя на трибуну. Важно, что он победил и на глазах всей страны из мученика превратился в триумфатора. Изоляции уже больше не было, за ним теперь стоял народ. С этого момента конфликт Горбачев — Ельцин выходит на открытую арену...

«Штурм» трибуны обошелся победителю еще одним сердечным приступом. Еще не окончилась конференция, а над ним уже трудились врачи. Но лучше всех лекарств помогали выздоровлению мешки писем, хлынувших из всех уголков страны. Незнакомые люди выражали свою любовь, предлагали больному мёд, травы, варенье. Теперь его окружала стена всенародной защиты. Любая клевета, ес-

ли бы даже она была правдой, которая могла очернить кумира, уже не принималась людьми. Он был под их защитой, и они требовали от него лишь одного — идти вперед и теперь уже от их имени.

...Страна готовилась к выборам «народных депутатов», из которых затем должен был быть сформирован парламент. Здравый смысл подсказывал Ельцину, что он должен баллотироваться на Урале, где избрание ему почти гарантировано. Но Ельцин не был бы Ельциным, если бы, почувствовав спортивный азарт борьбы, не ринулся в самое пекло. Он жаждал реванша именно здесь, в Москве, откуда два года назад был изгнан стараниями Горбачева.

Но при всем видимом азарте, трезвый расчет и перестраховка не покидали его. Понимая, что власти пойдут на любые хитрости, чтобы перекрыть ему дорогу в депутаты, он, в свою очередь, отвечает им не менее изощренными хитростями. По закону, чтобы стать кандидатом в депутаты, надо пройти «окружное собрание избирателей». Коварство властей заключалось в том, что они могли подобрать «собрание» из послушных им людей, готовых провалить любую не угодную начальству кандидатуру. На случай провала в Москве, Ельцин решает зарегистрироваться кандидатом одновременно ещё и в своем родном уральском городе Березники, где шансы на его избрание велики. Но местные власти, проинструктированные Центром, тоже учитывают этот вариант и готовятся к нему.

В день, на который было назначено «собрание избирателей» в Березниках, Ельцин делает вид, что передумал лететь туда и остается в Москве. Когда из столицы на Урал улетел последний рейсовый самолет и прибытие Ельцина на собрание в Березники было как бы уже невозможным, он вылетает в Ленинград. Там его ожидают друзья, и на старом винтовом военно-транспортном самолете, «в обнимку с ракетой», как выразился сам пассажир, его тайно перебрасывают на Урал. Внезапное появление Ельцина на «собрании избирателей» в Березниках было для местных властей шоком. Получив до этого сообщение, что он не прилетит, они успокоились и не провели нужной подготовки. Зато земляки встретили его с ликованием, триумф был полный.

Но все эти хитрости не понадобились. 26 марта 1989 года, преодолев расставленные капканы и набрав 86% голосов москвичей, Ельцин получает мандат депутата. Однако само избрание в «народные депутаты» еще ничего не решало. Оно могло лишь потешить самолюбие. Депутатам ещё предстояло из своей среды избрать парламент. Только оказавшись в парламенте, Ельцин обретал реальную возможность вернуться в политику.

Три четверти века советского режима остановили развитие политической культуры в стране. Она находилась на зачаточном уровне. Народ ещё не научился без подсказки партии выражать своё мнение. Поэтому подавляющее большинство из 2250 «народных депутатов» были ставленниками партии. Пройти неудобно-

му депутату через это сито и попасть в парламент было почти невозможно. И Ельцин его не проходит..

Получив 86% голосов москвичей — больше, чем кто-либо другой — депутат Ельцин после съезда оказывался на улице. Но не даром в народе его называют везунчиком, родившимся даже не в рубашке, а в тулупе. Политическая фортуна и на этот раз не отвернулась от него. Прошедший в парламент депутат из Сибири, профессор Омского университета, решает уступить Ельцину свое место. Это было столь неожиданно, что растерялся даже Горбачев.

Кроме этого сюрприза, съезд преподнес Горбачеву еще один. Впервые со времен «показательных сталинских процессов», в советском парламенте возникла «официальная оппозиция» правящему режиму. Её организовала группа депутатов, в которую вошли такие известные фигуры, как академик Андрей Сахаров, а одним из её лидеров становится Борис Ельцин.

Важнейшей задачей «оппозиции» было легализоваться, т.е. заставить политический мир признать её существование. Лучшим путём к этому было международное признание её лидера, особенно такими фигурами, как, например, Президент Соединенных Штатов. С этой целью в сентябре 1989 года Ельцин отправляется в Америку.

Это была его первая поездка за океан. Дни проходили в бешеном ритме — встречи с бизнесменами, студентами, политиками. Но главной задачей оставалась встреча с президентом, а он-то как раз и не торопился принимать опального гостя из России, не желая этим «обидеть» Горбачева. И тогда гость решает применить уже испытанную им партизанскую тактику — взять Белый дом «штурмом».

На третий день своего турне, Ельцин прибывает в Вашингтон, где запланирована его встреча с помощником президента. Но уже подъехав к Белому дому, он наотрез отказывается выйти из машины, если ему не дадут возможности уви-

◀ 1 - У гроба Сахарова; 2 - Похороны Андрея Сахарова

даться с президентом Бушем. Складывалась неловкая ситуация, к которой Белый дом был не готов. Этот «дико упорный уральский мужик» насупившись сидел в машине и не желал вылезать. Наконец компромисс был найден. Президент не будет принимать его в своем кабинете, но сам «случайно» заглянет в кабинет к своему помощнику, где в это время будет находиться Ельцин. Встреча состоялась, продолжалась она 15 минут, после чего президент охарактеризовал своего гостя словами — «веселый парень».

Казалось бы всё хорошо, поездка удалась, цель достигнута, остается лишь закрепить успех. Но в том-то и особенность «спортивного» характера Ельцина: как только «игра» закончена и раздаётся финальный свисток судьбы, он расслабляется...

После недели турне, в крупнейшей американской газете «Вашингтон пост» вдруг появилась статья о «русском медведе», который обожает виски и вообще не просыхает от пьянок. Для примера приводилось выступление Ельцина в одном из университетов, на которое, по словам газеты, он, якобы, пришел с заплетаящимся языком после сильнейшего перепоя. Через несколько дней аналогичная статья появилась и в итальянской газете «Република». В ней сообщалось, что все заработанные за публичные выступления деньги русский гость истратил на кабаки и тряпки, так что одноразовые шприцы, которые он обещал подарить своей стране, больные могут ждать ещё долго. Автор сообщил даже такие подробности: за первую неделю поездки Ельцин выпил четыре бутылки виски и две бутылки водки. (На что Ельцин отреагировал примерно так: автор статьи просто слабак! Если уральский мужик пьет, то уж не такими мизерными дозами! В своих следующих поездках в Штаты Ельцин боялся на приемах брать в руки даже стакан с водой, чтобы его не сфотографировали и не выдали воду за водку.)

В последний день турне, как раз когда Ельцин подписывал контракт на доставку в Россию миллиона этих самых «пропитых» им шприцев, в Москве (конечно же по указанию Горбачева), выходит номер «Правды» со статьёй о поездке Ельцина по Штатам, перепечатанной из итальянской «Републики». Эффект был шоковый. То, что русский человек «не свят» — это понятно, но всё же... Поползли слухи... Верить или не верить?!.. В конце концов вера людей в своего кумира победила. В центре Москвы в знак протеста начали жечь экземпляры «Правды». Народ был возмущен и результат оказался обратный запланированному — популярность Ельцина поднялась еще выше...

Казалось бы инцидент исчерпан и забыт. Но не тут-то было. Еще не улегся шум от публикаций, как по Центральному телевидению показывают полуторачасовой видеоматериал, снятый американцами о поездке Ельцина по Штатам. Гвоздем передачи становится та же злополучная встреча в университете, куда Ельцин, якобы, пришел после сильного перепоя. И действительно, на экране чело-

век с явно раскоординированными движениями, заплетающимся языком и совершающий, мягко говоря, несурзные поступки (В «шутку» выхватил у стоящего на трибуне оратора текст речи). Одним словом, как говорят россияне — парень под сильной «мухой».

Какую реакцию телезрителей можно было ожидать после такой передачи? Разочарование? Негодование? Падение рейтинга? Ничего подобного. Это было похоже на чудо, массовый гипноз или массовый психоз! Популярность Ельцина и вера в него уже были столь велики, что зритель не поверил тому, что видел на экране. Не поверил глазам своим, заподозрив очередной подвох...

Позднее Ельцин пояснит свое состояние на той встрече в американском университете дикой усталостью из-за переуплотненного графика встреч и приемов. По его словам, вернувшись поздно в отель, он, чтобы уснуть, принял сразу несколько сильнодействующих таблеток снотворного. Рано утром, когда он поехал на очередную встречу, их действие еще не прошло, и он был в заторможенном состоянии, «не в себе».

Кроме того, как сообщил Ельцин, ему удалось узнать, что над американским видеоматериалом еще поработали и московские монтажеры — где надо, чуть-чуть ускорив ритм, где надо чуть замедлив, создав таким образом дополнительный эффект заплетающегося языка и раскоординированности движений. Всё это, по словам Ельцина, ни что иное, как очередная провокация против него Михаила Горбачева.

Не буду оспаривать доводы президента, но все же хочу заметить, что самолично видел этот материал на западном телеэкране, где его еще не могли касаться ножницы советских монтажеров. Впечатление было аналогичное — «под мухой». Кроме того, другие, находившиеся в том же кадре люди, говорили почему-то не заплетающимися языками, так что версия о вмешательстве монтажера, на мой взгляд, технически несостоятельна...

Казалось бы, что после такого потока «компромата», его герой должен выступить, что-то сказать, оправдаться. Ничего подобного, он вообще исчезает из поля зрения на несколько недель. По Москве поползли слухи — убит, слег с инфарктом, попал в катастрофу...

И вдруг он опять оказывается в эпицентре очередного скандала. Историю эту рассказал всей стране министр внутренних дел, выступив на сессии парламента, которая транслировалась по телевидению. Само собой разумеется, что сделано это было по инициативе Михаила Горбачева, председательствовавшего на этой парламентской сессии.

Министр сообщил, что через несколько дней после возвращения из Америки, поздно вечером, Ельцин появился мокрый с головы до ног на одном из лицейских постов, расположенных под Москвой возле правительственных дач. Он заявил милиционерам, что на его жизнь только что было совершено по-

кушение. Неизвестные лица надели ему мешок на голову и сбросили с моста в Москва-реку.

Стояла поздняя осень, температура приближалась к нулю, промокший до нитки гость дрожал от холода. (Поэтому-то и исчез затем на несколько недель — заболел.) Милиционеры напоили его чаем. Вскоре приехали жена и дочь, чтобы забрать его домой. Перед отъездом Ельцин попросил милиционеров никому об этом случае не рассказывать, начальству не докладывать, так как никаких официальных действий по этому поводу он предпринимать не собирается.

По версии Ельцина, он приехал в правительственный дачный поселок повидаться со старым приятелем. Машину отпустил за несколько сот метров до моста, чтобы прогуляться пешком. Как только она уехала, сзади подкатила какая-то другая машина, из нее выскочили неизвестные люди, мешок на голову — и он летит вниз с 5-метрового моста в реку. Еле выплыл. Как считает пострадавший, это была политическая провокация, подстроенная властями.

По словам же министра внутренних дел, до появления на милицейском посту, Ельцина видели в дачном поселке с букетом цветов. По мнению министра, никакого покушения не было, версия пострадавшего выдумана, так как высота моста не 5 метров, как он говорит, а 15. Если бы его сбросили с такой высоты, то он бы разбился очень сильно. Проще говоря, как намекает министр, всё это не более чем любовное похождение пьяного ловеласа, попавшего в щекотливую ситуацию...

Какая высота моста в этом дачном поселке я не знаю, да, честно говоря, и узнавать нет большого желания. Удивляет другое: почему, выплеснув всё это в лицо многомиллионной аудитории, ни пострадавший, ни, тем более, органы правопорядка, не довели расследование до конца. Было покушение или не было? Если было, то кем и зачем оно было совершено, кто за ним стоял? Если не было, то зачем пострадавшему было это выдумывать?

Сам Ельцин приводит весьма «оригинальную», мягко говоря, версию того, почему он решил не давать ход этому делу. *«...Я легко предвидел, — пишет он, — реакцию людей, которые с большим трудом терпят моральные провокации против меня, но спокойно воспринять весть о попытке физической расправы они уже не смогут. В знак протеста... (могут остановиться крупнейшие оборонные предприятия страны) ...остановилось бы пол-Москвы... И после этого, в связи с забастовками на стратегических предприятиях, в стране вводится чрезвычайное положение... Так, благодаря тому, что Ельцин поддался на провокацию, перестройка в стране могла «успешно завершиться»...»* По этой причине, как сообщает нам пострадавший, он и решил промолчать.

Не будем комментировать приведенную выше цитату, но поскольку наш герой любит юмор, то это, очевидно, дозволено и нам. На языке так и крутится продолжение этой веселой истории: после остановки стратегических предприятий, увидев ослабевшего противника, коварная Америка, конечно же, ударила бы по

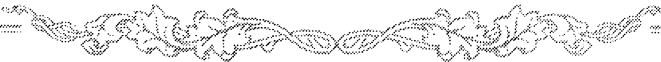

России. Россия ответила бы ядерным залпом. Началась бы атомная война, человечество было бы уничтожено, Земля опустела, единственная разумная жизнь во Вселенной прекратила бы свое существование... И всё из-за того, что Борис Ельцин свалился с мостика в речку. Так-то... На память приходит хороший старый анекдот. Какая разница между бедой и катастрофой? Если по мостику идет коза, мостик проломился и коза упала в реку — это беда, но не катастрофа. А вот если летит самолет с нашим правительством, самолет падает и всё правительство погибает — это катастрофа, но не беда...

...Если пострадавший дал хоть такое объяснение своего молчания, то власти не дали никакого. Зато объяснений искала заинтригованная толпа. Вот одна из версий, которую «со вторых рук» приводят весьма уважаемые авторы — Соловьев и Клепикова. В тот вечер горбачевский Премьер-Министр, которого Ельцин хорошо знал еще по совместной работе на Урале, праздновал какое-то семейное торжество. Учитывая взаимоотношения Горбачева и Ельцина, последний, естественно, не был приглашен. Тогда Ельцин решил сделать «сюрприз». Взял букет цветов и приехал поздравить земляка без приглашения. С его появлением атмосфера за праздничным столом стала сгущаться. Слово за слово, между ним и Горбачевым возник неприятный разговор, перешедший сначала в перебранку, а затем, возможно, и в «хватание за грудки». Ельцин хлопнул дверью и ушел. Разгоряченный вином и скандалом, Горбачев «подмигнул» своим натренированным мальчишкам из охраны — мол, догнать и проучить! Вот они и проучили!

Это, конечно, всего лишь версия, но из всех остальных она выглядит наиболее правдоподобно. Как бы ни были разгневаны обе стороны, выносить сор из избы им не хотелось. Авторитета это не прибавляло никому и оба лидера это понимали. Однако слухи об инциденте уже разошлись и каждая из сторон пыталась теперь подать их в более выгодном для себя свете. Ельцин сообщал, что это провокация властей, а Горбачев — аморальное поведение противника...

...В российском политическом лексиконе сегодня модно слово «харизма». Оно подразумевает наличие у человека тех качеств, без которых немислим настоящий вождь, лидер, правитель, герой, диктатор. Качества эти: ярко выраженное стремление к власти, воля, решительность, коварство, жесткая рациональность, готовность, если потребуется, пролить кровь — как свою, так и чужую, и так далее. Чего нет в этом списке, так это высокого интеллекта. Харизматическому лидеру он не нужен и даже вреден. Сверхтонкая душевная организация противопоставлена правителю и во все времена воспринималась народом, как качество отрицательное. Андрей Сахаров никогда бы не смог стать правителем России, даже при самых благоприятных обстоятельствах. Явление это универсальное, как для Востока, так и для Запада, а исключения если и бывают, то очень редко. Уж кто-кто, а мы, россияне, это знаем...

В глазах народа Ельцин в то время был, конечно же, харизматическим лидером. Все опросы показывали, что он был самой популярной политической фигурой в стране. Но пути к власти были наглухо перекрыты Горбачевым. И тут, надо отдать должное Ельцину — он нашел лазейку, которую мог увидеть лишь очень тонкий политик.

В массовом сознании того времени под понятием Советский Союз всегда подразумевалась имперская Россия, силой удерживающая и эксплуатирующая другие республики. Они были рабами, а она хозяином. Ельцин повернул эту схему по-другому: республики, в том числе и Россия, все под гнетом Кремля-Центра. Надо бороться не друг с другом, а совместными усилиями постараться освободиться от власти Центра. Вся власть должна перейти к республикам, а за Кремлем пусть останется лишь роль координатора.

Такая концепция не могла не понравиться как жителям республик, так и россиянам. Первые всегда чувствовали себя людьми второго сорта, вассалами России, и ненавидели её за это, а россияне, наоборот, видели в них «нахлебников». Кремль же не любил дружно все вместе, ассоциируя его с ненавистной Системой.

Родилась ли эта идея в голове у Ельцина, или это плод коллективного разума, но «ахиллесова пята» в горбачевской обороне была найдена. Для Ельцина стал ясен следующий шаг — добиться поста главы российского парламента, а затем начать борьбу за независимость России от Центра, возглавляемого Горбачевым.

В конце мая в российском парламенте началась подготовка к выборам на пост Председателя. Схватка обещала быть жестокой. За всем этим с огромным напряжением следила вся страна. Так не прилипали к телевизионным экранам даже во время самых популярных футбольных матчей. Фактически это уже была борьба между Кремлём и народом, борьба за российскую демократию. В ход пошли уже привычные лозунги: «Ельцин — это могильщик России!», «Властолюбец!», «Диктатор сталинского типа!»... Голосование проходило трижды. Дважды никто из претендентов не смог набрать нужного количества голосов. Третий тур был перенесен на следующий день.

Вокруг Кремля, где проходила сессия парламента, кипели страсти. Кругом сотни лозунгов: «Борис, мы с тобой!», «Измученная Россия верит только Ельцину!», «Если не выберете Ельцина, будет гражданская война!»... Люди окружали идущих в Кремль депутатов и требовали голосовать за Ельцина. Такой политической бури Россия не знала давно. Парламентский зал следующего дня был уже другим, нежели вчера. Четырьмя голосами перевеса 59-летний Борис Ельцин побеждает и 29 мая 1990 года становится председателем Российского парламента. Народ ликовал. Это была его победа.

А спустя полтора месяца, на глазах миллионов телезрителей, Ельцин совершает еще один эффектный и даже театральный жест, который, впрочем, уже ничем ему не грозил. Поднявшись на трибуну партийного съезда в Кремле, он за-

являет Горбачеву, что, как глава российского парламента, объединяющего людей разных политических взглядов и убеждений, он не считает больше для себя возможным быть членом какой-либо одной партии и выполнять её директивы. А посему, выходит из неё. Затем, положив на стол президиума свой партийный билет, с которым не расставался 30 лет, под гул ортодоксального зала, покидает съезд. Это был не просто выход из партии ее члена, это была демонстрация независимости России от Системы, демонстрация того, что три четверти века страха и покорности завершаются. Нет, по-видимому, необходимости говорить, что в этот день рейтинг Ельцина пробил потолок...

...Страну лихорадило. Прибалтийские республики объявили о своем выходе из СССР. В Средней Азии и на Кавказе полыхали национальные конфликты. Империя трещала по всем швам. Власть ускользала из рук Центра, олицетворением которого был Горбачев. По словам людей, близко стоявших к Горбачеву, он в это время почти помешался на Ельцине. На любом заседании он возвращается к «вопросу о Ельцине», награждая его почти неприличными репликами: «...Полведра выпил... Науськивает на меня своё окружение... Им надо дать хорошо по морде...» О чем бы ни шла речь, дома или за рубежом, она сводилась к Ельцину. Ельцин становится его навязчивой идеей, кошмарным сном, «пунктиком»...

Видя надвигающийся распад СССР и надеясь приостановить его, Горбачев объявляет в марте 1991 года всенародный референдум, на который выносятся один вопрос: хотят ли граждане Советского Союза продолжать жить в едином государстве? В свою очередь парламент Российской Федерации, возглавляемый Ельциным, объявляет дополнительно ещё и свой референдум: хотят ли граждане России, чтобы во главе её стоял президент? На оба вопроса народ дает утвердительный ответ.

А 12 июня 1991 года, как уже говорилось, россияне избирают первого в истории своей страны президента. Им становится Борис Ельцин. Даже сегодня мы еще не в состоянии до конца осознать значение этого события для России. Для этого потребуется историческая дистанция хотя бы в несколько десятилетий...

Итак, Кремль обрел сразу двух хозяев: Президента СССР — Михаила Горбачева и Президента России — Бориса Ельцина. А зачем!? Зачем Кремлю два царя?! В своей многовековой истории Кремль уже испытывал подобное, и всегда это заканчивалось кровью. Любой русский мужик знает, что два медведя в одной берлоге не уживутся! А у восточных народов, к которым мы тоже принадлежим, есть по этому поводу свой афоризм: «Мир слишком мал, чтобы иметь сразу двух тиранов!»

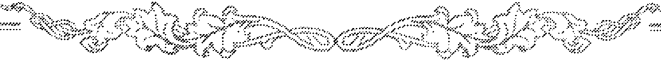
Как уже писалось, был в это время момент, который, казалось, мог снять накал борьбы между Горбачевым и Ельциным и спасти от развала великую стра-

Ельцин только что сошел с трибуны, где заявил, что выходит из коммунистической партии. Москва, июль, 1990 г. ►

XXVIII
СЪЕЗД
КПСС

ну. Речь идет о создании вместо Советского Союза — Союза Суверенных Государств. Во главе республик должны были стоять свои президенты, а во главе Центра — Союзный Президент Михаил Горбачев. «Мы с Горбачевым вдруг ясно почувствовали, что наши интересы наконец-то совпали, — пишет Ельцин. — Что эти роли нас вполне устраивают. — Горбачев сохраняет свое старшинство, я — свою независимость». (Можно лишь удивляться откровенности автора — *Я... мы... наши с Горбачевым интересы... нас с Горбачевым устраивает...* А где же мы — 300-миллионный народ и его интересы?! А нас это устраивает?)

С напряжением, но всё же завершилась подготовка «Договора» о Союзе Суверенных Государств. К концу июля хрупкий устраивающий всех баланс кажется был найден. Оставалось лишь закрепить его подписями. И в этот момент, как мы уже знаем, вместо того, чтобы ускорить процедуру подписания, Михаил Горбачев вылетает на отдых в Крым... Что это — русская судьба или злой умысел?! История когда-нибудь расскажет нам и об этом...

19-е августа застало Ельцина на даче под Москвой. Рано утром дочь ворвалась в спальню с криком — «Папа, вставай! Переворот!» А в это время, перекрывая шумы города лязгом гусениц, по улицам Москвы уже шли колонны танков и бронемашин. Столица в изумлении протирала глаза — «Это что, война?!»

Генерал-майор, командир знаменитой бригады КГБ под кодовым названием «Альфа», рассказывает, что ему был известен каждый шаг, каждое слово Ельцина и всех членов его семьи. За Президентом России наблюдали даже в бане, где он любил париться. Ранним утром в день путча все подступы к дачному поселку президента были тайно заблокированы машинами КГБ. Генерал получил приказ от руководителей переворота изолировать Ельцина. Наготове, якобы, уже стоял самолет, на котором Президент России должен был быть вывезен в «неизвестном направлении». Но, по словам генерала, ни он, ни его люди не были настроены участвовать в путче, а поэтому тянули время, делая всё, чтобы ничего не делать. Генерал докладывал своему начальству, что брат Ельцина в поселке опасно. Будут лишние свидетели и много крови. Хотя, как говорит генерал, это было неправдой. Охрана Ельцина была слабой, а бойцы «Альфы» натренированы так, что операция продолжалась бы считанные минуты и никто бы ничего не заметил.

А в это время на даче у Президента решали, что делать, как поступать. Узнав о путче, примчались помощники, близкие к Президенту люди. Одни считали, что надо создавать штаб сопротивления прямо здесь, на даче, другие — что надо ехать в Москву, в Белый дом. Но как прорваться в Москву? Все дороги забиты танками.

Президент СССР Михаил Горбачев без энтузиазма приносит поздравления своему оппоненту... Оба они даже не могут сдержать эмоций, все написано на лицах...

Решено было все же прорываться. На Ельцина надели бронезилет. Впереди и по бокам шли машины сопровождения, а в центре лимузин Президента с государственным флагом России.

Как президентскому кортежу удалось прорваться к столице?! Почему танки, съезжая на обочины, уступали им дорогу?! «...Что же нас спасло?.. — задает сам себе риторический вопрос Ельцин. — ...Нас могли при выезде расстрелять из засады, могли взять на шоссе... Позднее я узнал, что группа захвата наблюдала за нашими перемещениями из леса. Начальник группы принял двести грамм для храбрости — он ждал приказа на уничтожение или арест в любую минуту. В течение четырех часов эти парни следили за каждым нашим шагом. Когда они поняли, что мы направляемся в Москву, к центру, — успокоились. Ведь мы же не скрывались, а, наоборот, бросались в самое пекло... Никогда не забуду эти томительные минуты. Эти бесконечные колонны военной техники...»

Отвечая Президенту, командир «Альфы» говорит, что приказа на уничтожение Ельцина у них не было. Был приказ на арест, но и его, если верить генералу, они не хотели выполнять, поэтому-то и выпустили из поселка президентский кортеж, хотя захватить его или, тем более, уничтожить, было делом минут...

Незадолго до путча Ельцин посетил одну из дивизий, дислоцированных недалеко от Москвы. Показывал ему дивизионное хозяйство командующий воздушно-десантными войсками (будущий министр обороны) генерал Павел Грачев. В полушутку-полусерьез Ельцин спросил у него: «Если законно избранной власти будет угрожать опасность, можно ли будет положиться на вас, генерал?» Генерал ответил: «Да, можно». И вот теперь это время пришло. До выезда из поселка Ельцин позвонил генералу и напомнил ему тот разговор. Генерал смутился. Повисла долгая пауза, а потом он сказал: «...Я пришлю вам... свою разведроту»...

Ровно через четверть часа после того, как президентский кортеж отбыл в столицу, к даче подъехала группа из восьми человек в десантных костюмах. Старший из них, предъявив удостоверение полковника десантных войск, пояснил, что они прибыли по приказу генерала Грачева охранять Президента Ельцина. И тут произошло непредвиденное. Один из оставшихся на даче охранников Ельцина недавно учился на курсах КГБ и узнал этого полковника, который проводил у них занятия. Преподаватель курсанта не запомнил. Мнимый десантник был офицером КГБ. Как считает Ельцин, всё стало ясным. Перехватив его телефонный разговор с генералом Грачевым, КГБ вместо разведроты, прислало свою группу, с целью спокойно, без шума и стрельбы, взять Ельцина. Но они опоздали, он уже отбыл в Москву. Находившаяся на даче семья Президента сделала вид, что не догадывается об обмане, а гости, в свою очередь, тоже сделали вид, что ничего не произошло...

Ельцин добрался до Белого дома часам к 10-11. Белый дом — это первое после Кремля правительственное здание, построенное специально для этой цели: сотни кабинетов, множество отсеков, десятки километров коридоров, подземные бункеры, тайные выходы, связанные с системой подземных коммуникаций города. Настоящая цитадель.

Мирный вид здания сегодня был нарушен. Вдоль всего фасада позицию заняли танки и бронетранспортеры. Вокруг море народа. Люди своими телами приостановили дальнейшее продвижение бронетехники. Перегородили улицы троллейбусами, вставляют в гусеницы остановившихся танков железные ломы, возводят баррикады. «Я еще раз посмотрел в окно, — пишет Ельцин. — Бронемашину окружила толпа людей. Водитель высунулся из люка... Как удар, как внутренний рывок ощутил: я должен быть сейчас там, рядом с ними... Спускаюсь вниз...

1 - 19 августа 1991 г. Баррикады у Белого дома. Ельцин на танке...;

2 - Ночь обещает быть нелегкой...; 3 - Есть о чем задуматься солдату...;

4 - Среди защитников Белого дома — всемирно известный

Музыкант Мстислав Ростропович

Ребята набрасывают брезент, чтобы «ослепить» танк. Через несколько секунд произойдет трагедия — трое погибнут

Взобрался на броню, выпрямился... Ощущение полной ясности, абсолютного единства с людьми, стоящими вокруг меня. Их много, стоит свист, крики... Я беру в руки лист с обращением... Читаю громко, голос почти срывается... Потом переговорил с командиром танка, с солдатами. По лицам и глазам вижу: не будут в нас стрелять...»

Это было скорее эмоциональное желание Президента. Ведь было уже совершенно ясно, что без штурма Белого дома путчистам не обойтись. Начиная с 3-х часов дня связь уже была отключена, на крышах противоположных зданий расположились снайперы с прицелами ночного видения, подтягивались воздушно-десантные войска...

В свою очередь защитники Белого дома тоже готовились. Число их росло с каждым часом. Люди шли и шли: депутаты российского парламента, студенты, журналисты, казаки, просто рядовые граждане. Даже беременная жена вице-мэра Москвы отказалась оставаться дома и была здесь вместе с мужем. Остановить этот прорывающийся через все кордоны поток добровольцев было невозможно...

Надвигающаяся ночь обещала быть нелегкой. Главной заботой президентской охраны было уберечь своего подопечного в случае штурма. Было разработано несколько вариантов. Выводить подземными коммуникациями через всю Москву. В одном из столичных театров были даже заказаны парик, борода и усы для Президента. Но, пожалуй, самым простым и надежным вариантом было укрыться в американском посольстве, которое находилось рядом с Белым домом, тем более, что сами американцы дали на это безоговорочное согласие. Однако с моральной стороны это было неприемлемо. Вмешательство иностранцев в «наши дела» никогда не одобралось в России.

К ночи готовились и путчисты. Штурм был назначен на 3 часа утра. Командовать штурмом было поручено командиру группы «Альфа». Для этого в его подчинение было выделено 15 тысяч специально подготовленных бойцов. По мнению командира «Альфы», штурм Белого дома не представлял особых сложностей и занял бы от 15 до 30 минут. Поздно вечером, вдвоем с (широкоизвестным ныне) генералом Лебедем, они объехали баррикады защитников Белого дома и нашли их «игрушечными».

План штурма был такой: в три часа ночи десантники блокируют здание. Специальные бронемшины проделывают проход в баррикадах. Танки оглушают защитников пальбой из пушек. Затем отряд особого назначения при помощи газа и водомётов раскидывает толпу, образуя коридор. В него входит подразделение «Альфа»...

Было ли всё так ясно и однозначно, как рассказывает командир «Альфы», трудно сказать. Тысячи защитников, расположившихся вокруг Белого дома, тоже имели своих инструкторов. Люди были разбиты на группы и отряды. Их проинструктировали: как только начнется штурм — расступиться и дать возможность «Аль-

фе» войти в образовавшийся коридор, а затем сжать её своими телами и разружить. На бумаге это выглядит просто, но как бы это было в жизни?!...

Командир «Альфы» считает, что в этой ситуации всё зависело от его решения. И слава Богу, говорит он, что рука у него на это дело не поднялась, что он отказался участвовать в штурме, иначе была бы бойня и море крови. Это решение командира «Альфы» подтверждает и генерал Грачев, которому тот заявил по телефону: «Участвовать в штурме не буду».

Небезынтересно проследить действия и другого генерала — Александра Лебеда. С одной стороны он, как и его непосредственный начальник, генерал Грачев, выполнял приказы министра обороны, который участвовал в путче. А с другой — у обоих генералов сердце к этому путчу похоже не лежало. В ту ночь, обойдя баррикады защитников и найдя их «игрушечными», генерал Лебедь встретился с Ельциным и сообщил ему, что отдал приказ восьми бронемашинам участвовать в обороне Белого дома. Вот как характеризует генерала сам Президент: «Лебедь — интересная личность. Генерал, прошедший Афганистан, выполнявший солдатские нормы десантника лучше любого солдата. Необычайно жесткий в общении, прямой человек, превыше всего ставящий именно воинскую, офицерскую честь».

Подошла к концу ночь, наступило утро. Толпы вокруг Белого дома росли, а путчисты всё не предпринимали штурма. Почему они были так нерешительны? Ведь и слепому было ясно, что время работает против них. Чем дольше солдаты общаются с народом, тем меньше шансов, что они будут в этот народ стрелять. Всё это начинало походить на грандиозное «шоу», опереточный путч, как его потом назовут. Девицы лезли к солдатам в танки, чтобы «согреть» их, парни тащили выпивку, а бабушки и мамы — еду в термосах.

Есть разные объяснения этой нерешительности. Одно из них — у путчистов не было настоящего лидера, готового взять на себя ответственность. Второе — это был не заговор, а сговор. Тут намёк на то, что вдохновителем путча был сам Горбачев, который в последний момент испугался. Наконец, есть и более простые объяснения. Путчисты не были ни тиранами, ни палачами, а были всего лишь ортодоксальными партийными бюрократами или, как выразился один шумный площадной автор, «честными, как лопаты, отцами семейств». Отсюда и путч — скорее бюрократический, чем кровавый.

Этот вариант, на наш взгляд, ближе к истине. Достаточно вспомнить эпизод, когда в ночь с 20 на 21 августа в одном из городских туннелей погибло трое молодых людей. Они хотели остановить продвижение танков и, чтобы «ослепить» впереди идущую машину и создать пробку, набросили на неё брезент. Один из ребят вскочил на броню. Раздался выстрел — парень упал. Двое других бросились на помощь товарищу. «Ослепшая» машина дернулась вперед-назад. Кого-то задавило гусеницами, кого-то ещё подстрелили. Рассказывают, что когда военный министр узнал

об этой первой крови, он пришел в ужас. А последнюю точку в его душевном состоянии поставила жена, сама недавно перенесшая катастрофу. Заплаканная, ещё полубольная, она ворвалась в кабинет к мужу и закричала: «С кем ты связался?!»

Всё это будет на сутки позже, а пока напряжение возрастало. Пutschисты оказались в тисках ими же созданных обстоятельств. Штурмовать было уже почти невозможно. Тысячи людей в несколько колец окружили здание. Ранее подготовленный план штурма был уже непригоден. Теперь это значило бы в упор расстреливать и давить гусеницами безоружных людей. По слухам, штурм переносили с часу на час...

Наконец ровно в полночь 21 августа колонна из 20 боевых машин десанта подошла к баррикадам. Люди пытались остановить её. Солдаты стреляли в воздух боевыми патронами. Горели подожженные троллейбусы. Уже пылала одна из бронемашин. А ещё через полчаса в туннеле произошла трагедия, о которой мы говорили выше. Погибло трое молодых людей...

Трудно сказать, какую роль сыграли слёзы жены, но какую-то роль безусловно сыграли и они тоже. Уже к утру министр обороны отдаст войскам приказ покинуть Москву...

Это была победа. Руководители путча разбежались. Президент России объявляет их вне Закона. А вечером того же дня в Москву возвращается из крымского «плена» Президент СССР...

«...Невероятная толпа людей, протянувшаяся от Белого дома до Ваганькова (кладбища), тяжелая, давящая атмосфера и невыносимое чувство стыда за всех нас... Я остался с почерневшими от горя матерями, я не мог уйти. Кто знал, что

«Три хлопца», как прозвали их белорусы, тайно собрались в Беловежской пуще и одним росчерком пера решили за нас нашу судьбу...

Судьбу 300-миллионного народа... Декабрь, 1991 г. ▶

◀ 23 августа 1991 года. Последний аккорд путча...
Извечные русские вопросы — «Что делать?» и «Кто виноват?»...

эти похороны будут не последними...» Так описывает Борис Ельцин последний аккорд этих событий, прощание с погибшими в туннеле ребятами...

Казалось бы — всё, точка. Истерзанная страна заслуживала покой. Теперь-то уж можно, наконец, подписать «Союзный Договор», сохранить державу от развала и начать ее переустройство на новых основах...

Что же помешало сохранению единой страны, тем более, как мы помним, народ на референдуме высказался именно за это. Бесспорно, что важнейшим импульсом к развалу послужил путч. Если до него лидеры республик относились к Горбачеву с уважением, подобающим главе государства, то путч и не до конца проясненная роль Горбачева в нём разрушили имидж Президента СССР. Сентиментальный рассказ Горбачева о «заточении» на крымской даче, вызвал у членов парламента скорее иронию, нежели сочувствие. Президент страны, пусть даже в заточении, не только не стал моральным лидером сопротивления, но скорее отстранился от событий. Купаться в море, когда рушится держава — это трудно объяснимая позиция для главы государства. Лидерство в дни путча окончательно перешло от Кремля к республикам — в первую очередь к России — и воз-

***Впервые за много десятилетий Россия открыто празднует Рождество Христово ►
Борис и Наина Ельцины. 7 января 1992 г.***

вращать его назад Кремлю республики не собирались. Одна за другой они заявляли о своей самостоятельности и независимости от Кремля. Повсюду начали проходить выборы республиканских президентов...

Но не только это определило окончательный распад Союза. Конфронтация Горбачев — Ельцин вспыхнула с новой силой, но теперь уже наступательной стороной был Президент России. Если раньше Горбачев обещал Ельцину не допускать его до политики, то теперь ситуация изменилась на противоположную. Ельцин активно выталкивал за борт политического корабля своего оппонента. Было похоже, что он жаждет начать новую главу в истории России с чистого листа...

«Был отличный зимний вечер. Стоял легкий морозец. Тихий снежок. Настоящий звонкий декабрь». Такой лирической фразой начинает Ельцин главу своей книги, в которой рассказывает о последних днях жизни последней в мире империи.

8-го декабря 1991 года, в зубровом заповеднике «Беловежская пуща», в «охотничьем домике» главы белорусского парламента, собрались лидеры трёх крупнейших республик — России, Украины и Белоруссии. «Три хлопца», как потом назовут их белорусы. Цель встречи — подписание документа о полной самостоятельности этих республик, выходе их из состава СССР и превращение в независимые государства, что фактически означало ликвидацию Советского Союза. «Встреча проходила в обстановке секретности, резиденцию даже охраняло спецподразделение», — пишет Ельцин.

Сразу возникает вопрос — а почему в обстановке секретности? Что им угрожало? По логике, такое совещание, если оно законно и не преследует никаких скрытых целей, должно было быть не сверхсекретным, а, наоборот, сверхгласным. Что как не всенародный референдум, может дать ответ на вопрос — жить вместе или не жить 300-миллионному народу, который в течение многих веков собирал свое государство и отдал за его целостность десятки миллионов жизней?! Тем более, что совсем недавно народ на этот вопрос уже ответил утвердительно.

В своих воспоминаниях Президент России пытается убедить нас, что ликвидация СССР — это был единственный способ сохранить вместе разбегающиеся в разные стороны республики. Прийти к единству не через вассальное подчинение Кремлю, а через добровольное сближение народов, проживших бок о бок не один век. В этой мысли есть рациональное зерно, но ещё больше лукавства. Имперская форма правления, в которой жил Советский Союз, действительно изжила себя и требовала замены, но не большевистским же методом — «...разрушим, до основания, а затем...»?! В этом обвальном разрушении Союза был страшный удар по народу, особенно российскому. Одним росчерком пера Россию от-

бросили почти к границам времён Петра I, лишив её трети территории и даже южных морей, за которые она воевала веками... И главное — во имя чего?

«Я понимал, — пишет Ельцин, — что меня будут обвинять в том, что я свожу счеты с Горбачевым. Что секретное соглашение — лишь средство устранения его от власти. Я знал, что теперь это обвинение будет звучать на протяжении всей моей жизни. Поэтому решение было вдвойне тяжелым... Но я чувствовал сердцем: большие решения надо принимать легко... (?!- СШ) И так, это был не «тихий путч», а легальное изменение существующего порядка вещей...»

Дело не в словах, а в том, что читается между строчками. А читается жгучее желание Президента доказать самому себе и читателю, что содеянное в Беловежской пуще незаконным не является, а произошедший там «тихий путч», приведший к развалу великой страны — это во благо России. И хотя российский народ совсем недавно высказался против развала, но, как испокон веку принято на Руси, — вождям виднее, что полезно для народа. «...Акт всемирно-исторического значения, — пишет профессор Бурлацкий, — распад великого евроазиатского государства — прошел в обстановке типичных коммунистических встреч вождей, уверенных, что они вправе решать всё, что угодно, не задумываясь о воле народов и ответственности перед историей».

«...Была ещё одна возможность, ещё один выход из создавшегося положения! — продолжает Ельцин. — Попытаться легально занять место Горбачева. Встать во главе Союза, начав заново его реформу «сверху»... Но путь этот для меня был заказан. *Я психологически не мог занять место Горбачева*». И в другом месте он добавляет: «...От чего по большому счету зависит лично Президент Ельцин?.. Видимо, в первую очередь от своего «я»...»

Тут уместно задумчивое молчание... Неужели неприязнь к Горбачеву могла перевесить ответственность лидера за свою страну?! И в чем же тогда разница между президентом великой страны и племенным вождём, руководствующимся лишь своим амбициозным «я»?!...

Вернемся, однако, в белорусские леса. Видимо, легкий морозец, тихий снежок и добротная банька с пахучим веником и холодным пивком способствовали хорошему настроению трех лидеров. Беловежское соглашение было подписано. Россия, Украина и Белоруссия вышли из состава СССР. Проснувшись на следующее утро, миллионы людей с удивлением узнали, что живут они уже в другой стране, а многие из них даже стали иностранцами. Привычной им державы больше нет, от нее остался лишь Кремль с одиноким Президентом без страны и народа.

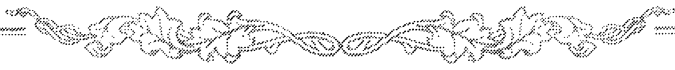
А 25 декабря 1991 года, обратившись к соотечественникам с прощальной речью, уходит в отставку и он — первый и последний Президент СССР Михаил Горбачев. Уходит не под фанфары, как положено президенту, а скорее под тихое злорадство и улюлюканье. Грустно всё это. Мы опять упустили шанс проявить достоинство и благородство...

Пройдёт время, спадёт эйфория, и где-то в глубине наших душ шевельнется ностальгия об утерянной великой стране, в которой мы родились. Речь идет, конечно же, не о Системе, а о великой стране, с её огромными территориями и многоликой культурой, пустынями и снегами, «медвежьими углами» и теплыми морями. Жителю маленькой Швейцарии этого не понять, как не понять степенному провинциальному горожанину душу бродяги-романтика. На языке так и крутится бессмысленный теперь уже вопрос: а нельзя ли было ликвидировать «империю зла», сохранив великую страну?!

...Итак, Кремль обретает нового хозяина. Впервые за многовековую историю им становится свободно избранный Президент. Правда, многие считали, что новой российской власти не следовало бы переезжать в Кремль, а надо было остаться в Белом доме, ставшим символом её победы. Кремлю же пора дать отдохнуть, превратив его в исторический заповедник, памятник русской и мировой культуры. Сторонники этой точки зрения считали, что магия самодержавной власти, которой обладает Кремль, должна исчезнуть, кануть в Лету. В демократическом государстве власть не должна внушать страх. Переведя столицу в Петербург, Петр I тем самым стремился сделать российскую власть более цивилизованной, приближенной к европейским образцам, а вернув власть в Кремль, Ленин вернул ей самодержавное величие, возвышение над народом. Настало время исправить эту ошибку. Кремль, как считали сторонники этой точки зрения, должен оставаться символом нашей истории и культуры, а не символом власти и страха.

Однако Президент решает по-другому. Вместе с символикой власти, Ельцин наследует от Горбачева и остальные её атрибуты — от «ядерной кнопки» до самого секретного из всех секретных архивов. «Вот вам, владейте!» — скажет на прощание Горбачев. «Кнопка» окажется не кнопкой, а маленьким чемоданчиком, напшигованным специальной аппаратурой связи. Что касается партийного архива, то его папки окажутся куда более «взрывоопасными», чем «кнопка». В них хранилась правда о многих грязных делах Системы — от лжи и тайных убийств, до международного терроризма. Кстати, многие секреты этих папок не обнародованы по сей день...

...Как известно, даже вымышленные литературные персонажи зачастую живут помимо воли автора, что уж говорить о нашем документальном герое. Перечитав написанные страницы, я с досадой увидел, что мой герой слишком политизирован, хотя я этого не хотел. Наоборот, в силу специфики этой книги, мне

хотелось подать его в более заземленном житейском аспекте. Но что поделаешь, если в его характере больше «баррикадного», чем личностного. Его профессиональной средой обитания является «толпа», а не тишина кабинета. Сущность характера Бориса Ельцина — это бунт, риск, борьба и, конечно же, победа. Победа во что бы то ни стало, любой ценой, победа во всём, будь то спорт, политика или житейские ситуации. По своей психологии и мироощущению он спортсмен («...«вложился» в партийную карьеру, как вкладывался когда-то в удар по мячу...», хорошо «держит удар», действует «динамично», «напористо»...) И как для каждого спортсмена, потеря противника — это потеря смысла, темперамента, волевых стимулов. Ельцин на баррикадах перед Белым домом и в тихом министерском кресле — это разные люди. Первый — волевой, активный, подтянутый, второй — мрачный, капризный, раздражительный. И вот теперь судьба подняла его на вершину власти. Каким он окажется на кремлёвском троне в роли «царя Бориса»?

А роль ему выпала действительно нелегкая. Страна лежала в экономических руинах, врезавшись в тупик коммунистического пути. Как сказал один умный автор — казалось, что заканчивалась не только российская империя, но и российская история. Страну надо было вытаскивать из глубочайшей пропасти и ставить на рельсы совершенно нового для нее пути развития. Это тоже требовало героизма, борьбы и побед, но уже другого, не баррикадного типа. Справится ли Ельцин с этим?

...Ещё раньше, до развала СССР, будучи главой парламента тогда ещё российской республики, Борис Ельцин, по его же настоянию, был наделен широкими дополнительными полномочиями. Это было сделано парламентом, чтобы дать Ельцину возможность успешнее противостоять Центру, т.е. Горбачеву. После того, как Ельцин стал Президентом России, а пост главы парламента заняло другое лицо, эти *дополнительные полномочия* не были упразднены, а автоматически перешли к новому председателю. Возникла уже знакомая ситуация «двух медведей», когда на одном пространстве командовали два лидера, обладавшие примерно равной властью. Повторялась история «Горбачев — Ельцин», но теперь борьба за лидерство разгорелась между Президентом и Парламентом.

Это двоевластие не могло продолжаться бесконечно. Раньше или позже оно должно было окончиться взрывом, вопрос был лишь во времени. В воздухе запахло импичментом Президента. Как пишет сам Ельцин: «Чем собственно страшно это слово?... Всенародно избранный Президент не может быть отстранен от власти съездом... Но... для нашего народа именно слово имеет мистическое значение. Такая у нас, у русских, психология. Не импичмента я боялся, а именно простого русского слова — «сняли». Скинули. Или еще как-нибудь похлеще». Другими словами, он боялся потери имиджа победителя, ибо побежденных, битых, народ хоть и жалеет, но президентами не делает.

Кстати, в этом замечании — «не импичмента я боялся, а... простого русского слова — «сняли». Скинули...» — раскрывается еще одно важнейшее качество Ельцина. С чувствительностью тончайшего измерительного прибора он предугадывает реакцию простого народа на слова и поступки, что даёт ему в руки мощнейшее оружие политического самосохранения. Наличие этого «дара» не связано с происхождением. Почти все советские вожди были «из низов», но далеко не все из них так тонко «ощущали» народ, как ощущает его Ельцин. Это качество не классовое, а врожденное — талант.

...21 сентября 1993 года в своем телевизионном обращении к народу, Борис Ельцин сообщает, что подписал указ о роспуске парламента. Указ этот нарушал действующую Конституцию страны, хотя, возможно, это был единственный выход из конфликтно-тупиковой ситуации, сложившейся между Президентом и Парламентом.

Из тысячи депутатов распущенного парламента большинство подчинилось указу, но около ста пятидесяти отказались, объявив указ незаконным, а себя — последними «защитниками свободы». Забаррикадовавшись в Белом доме, они отказались покидать его, проголосовав за отставку Президента.

Внешне ситуация очень напоминала события августовского путча 1991 года. История как бы подтверждала свой извечный закон, что события должны повторяться дважды — один раз в виде трагедии, второй — в виде фарса. Но в данном случае история, похоже, перепутала их местами. Если путч 1991 года безусловно был фарсовым, то теперь назревала трагедия, способная привести страну к гражданской войне.

И еще одно существенное отличие. Если путч 1991 года застал Белый дом врасплох, почти незащищенным, то теперь он в буквальном смысле слова превратился в укрепленную цитадель. Как и тогда, его окружали добровольные защитники, но теперь среди них были многие сотни вооруженных мужчин в камуфляжной форме, прошедшие не одну «горячую точку».

Шли дни, противостояние затягивалось. Страна раскололась на два лагеря. Из Белого дома, окруженного баррикадами защитников и рядами блокирующей их милиции, неслись призывы к вооруженному сопротивлению, свержению «президентской клики». Автору данной книги довелось побывать в Белом доме в последний вечер, когда туда еще возможно было попасть. Полное ощущение военного лагеря времен гражданской войны, как это показывают в кино. Во дворе горят костры. Какие-то беспрерывно дымящие сигаретами люди в телогрейках, полувоенной форме, казацких папахах, явно прибывшие издалека. Многие вооружены. Немало пьяных. В воздухе висит агрессивная напряженность, готовая каждую секунду перерасти в погром. Нарыв насилия набухал буквально на глазах...

Лопнул он в воскресенье, 3 октября. Отряды сторонников Белого дома, сняв кордоны милиции, ринулись на штурм московской мэрии. Сообщение об этом Президент получил будучи в своей резиденции под Москвой. А ещё через полчаса вертолет уже нес его окружным путем в Кремль. Окружным, чтобы «не грохнули «стингером» или чем-то в этом роде».

Окрыленные разгромом мэрии, руководители мятежников призывают с балкона Белого дома своих сторонников, не сбавляя темпа, двигаться на штурм телецентра и Кремля. «Нам нужен эфир!» — кричат они. Москвичи помнят эти жуткие часы, проведенные у телевизоров. Вечер. Яростная стрельба. Штурм. Пробитая грузовиком стеклянная стена телецентра «Останкино». Зарево пожара. Разбросивший руки мертвый видеоинженер в вестибюле у лифта. Озверелые крики пред-

«Мама умерла в половине одиннадцатого утра. А сообщили мне об этом только вечером». 23 марта 1993 года. На Кунцевском кладбище в Москве

◀ **Борис Ельцин в разных ипостасях...**

водителя штурмующих, не подозревающего, что его слова уходят в эфир: «Теперь эта гадина (телецентр) долго не заговорит!» *Сотни трупов*. И вдруг, жуткая тишина погасшего экрана. Всесоюзный телецентр прекратил трансляцию...

Глубокой ночью из запасной телестудии выступил премьер-министр. Лицо — как маска, голос трагический. Из его слов ясно, что мы стоим на краю пропасти. Выступающий призывает москвичей стать на защиту Президента и Демократии немедленно, сейчас, ночью. Место сбора — центр Москвы, площадь перед Моссоветом...

Помню, я гнал машину по пустому городу, не обращая внимания на светофоры. Была глубокая ночь, но огромный город не спал. Он не ложился. Во всех окнах светились экраны телевизоров. Все напряженно смотрели единственный секретно вещающий ка-

нал. Люди ждали выступления Президента. Почему он молчит? Растерялся? Струсил? Думает ли правительство защищать граждан, или мы должны защищаться сами голыми руками?!

Молчание Президента становилось тревожным. Впоследствии он с обидой напишет, что слухи о его растерянности и испуге не соответствовали действительности. «Я... понял со всей очевидностью, что судьба страны повисла на волоске... Не до выступления было. Я старался вывести из состояния стресса, паралича своих генералов».

Дело, конечно же, было не в стрессе и параличе. Армия, как и вся страна, разделилась на два противоположных лагеря. Не так давно, во время путча 1991 года, сам Президент провозгласил лозунг — «Армия вне политики!», солдат не должен выполнять преступных приказов. Впервые за всю историю советской власти, армии было предложено задуматься над своей ролью. И вот сейчас этот справедливый лозунг возвращался бумерангом...

Картина была более чем тревожная. Огромный город — и вооруженные, не встречающие никакого сопротивления отряды повстанцев. Какие индивидуумы попадались среди них, можно судить хотя бы по оставленной на одной из стен надписи: «Я убил пять человек и очень рад!»

3 часа ночи. В министерстве обороны продолжается совещание, на котором присутствует Президент. Он бледен и напряжен. Всем ясно, что только взятие Белого дома может разрядить обстановку. «Какие будут предложения?» В ответ мрачное молчание генералов.

Москвичи, по-видимому, до конца так и не узнают, какую ночь они пережили с 3 на 4 октября 1993 года. План штурма в конце концов все же был выполнен. Танки должны обстрелять мятежников, десантники прорывают баррикады, а за ними на штурм идет всё та же вездесущая «Альфа»... Казалось, что события 1991 года повторяются в своём зеркальном отражении...

5 часов утра. Начальник охраны обращается к Президенту с просьбой встретиться в Кремле с офицерами элитных подразделений «Альфа» и «Вымпел», которые должны участвовать в штурме. «Чувство тревоги, беспокойства, какой-то безнадежной тоски не покидало меня», — пишет Ельцин. «Вы готовы выполнить приказ Президента?» — произносит он, войдя в зал, где собрались офицеры. Звенящая тишина была ему ответом.

Красивые сильные ребята сидели молча, не желая подчиняться своему Главнокомандующему. И их можно было понять. Вторично их отправляли на штурм Белого дома. Тогда ссорились одни политики, теперь другие, а убивать и умирать предлагали им. Наконец из рядов раздался голос: «Мы не для того готовились, чтобы в безоружных машинисток стрелять.» Точка была поставлена. Дальше говорить было не о чем...

Забегая вперед скажем, что только несчастный случай (по версии Президен-

та) толкнул их на участие в штурме. Командир «Альфы» уговорил нескольких бойцов сесть в бронетранспортер и хотя бы подойти к Белому дому. Само их присутствие рядом, должно было устрашающе подействовать на осажденных. И тут произошла драма. Один из офицеров «Альфы» выскочил из бронетранспортера, чтобы помочь лежащему на дороге раненому, и сам попал под выстрел снайпера. Смерть товарища положила конец колебаниям бойцов «Альфы»... (В этой истории остается один важный невыясненный момент — чей это был снайпер?)

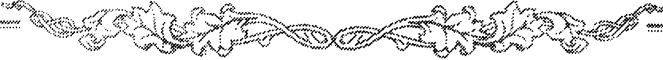
К утру танки уже стояли на «боевых позициях», наведя жерла орудий на Белый дом. Остальные события этого дня видел весь мир. Их показало американское телевидение, транслировавшее эту драму с крыши соседнего дома.

Автор книги был там с группой журналистов. Свист пуль, срезавших ветки деревьев. Глухое буханье орудий. Языки пламени, облизывающие белые стены Парламента. И застывшие в оцепенении москвичи... Всё это казалось неправдой, съемкой какого-то киноевентика... Но люди-то умирали по-настоящему, и неважно с чьей стороны. Это были россияне. Это была трагедия России...

* * *

Потом было еще много событий — Чечня... Забастовки... Голодные обмороки... Болезнь Президента... Но автор считает нужным на этом закончить очерк. История правления Бориса Ельцина ещё не завершена, она продолжается, её должно дописать время. А пока «Портрет Президента» ещё не видится мне четко очерченным, законченным, ясным. Он «плывет», то попадая в «фокус», то выходя из него. «Двоение», а то и «троение» образа Президента — это не дефект зрения наблюдателя, а отражение реального состояния нашего героя. Было бы несправедливо забывать, в какой политической среде провел он большую часть своей жизни, и какую «ломку» над собой ему пришлось вынести. А еще большей несправедливо-

стью было бы не видеть в нем человека, *мучительно двигающегося к демократии*, хотя в его характере ещё немало от народных вождей прошлого, поднимавших когда-то крестьян за вольницу, и нередко заканчивавших разбоем...

В любом случае, какими бы красками мы его ни рисовали, но именно ему поручила история поставить последнюю точку в величайшей драме нашей страны, именуемой «коммунизмом». Его фигура вошла в историю России, как вошли в нее все великие лидеры Кремля, правившие этой крепостью на крутых переделах эпох... Иван Грозный... Петр Великий... Ленин... Сталин... Рискованные сравнения, скажете вы?! Ну, что поделаешь, это наша история и другой не дано. Такова она... Исправлять надо не историю, а будущее...

Москва, 1990, 1996-1997

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авторханов А.** От Андропова к Горбачеву. — Париж, *УМСА-PRESS*, 1986
- Авторханов А.** Загадка смерти Сталина. — М.: *Слово*, 1992
- Авторханов А.** Сила и бессилие Брежнева. — *Посев*, 1980
- Аджубей А.** Те десять лет. — М.: Сов.Россия, 1989
- Аджубей А.** И страх парализует мысль. — Новое время, №14, 1991
- Алексинская Т.** 1917 год. — Новый журнал, 1968, №90-94
- Аллилуева С.** Далекая музыка. — М.: Новости, 1992
- Аллилуева С.** Двадцать писем к другу. — М.: Сов.писатель, 1990
- Анненков Ю.** Воспоминания о Ленине. — Новый журнал, 1963, №65
- Антонов-Овсенко А.** Берия. — (журнальный вариант), 1989
- Антонов-Овсенко А.** Сталин без маски. — М.: Вся Москва, 1990
- Арман де Коленкур.** Мемуары. — Таллин: Алекс, 1994
- Бажанов Б.** Воспоминания бывшего секретаря Сталина. — М.: Софинта, 1990
- Берия Серго.** Мой отец — Лаврентий Берия. — М.: Современник, 1994
- Бовин А.** Юрий Андропов. Политический портрет. — М.: 1991
- Болдин В.И.** Крушение пьедестала. — М.: Республика, 1995
- Барбюс Анри.** Сталин. — М.: Гослитиздат, 1936
- Бурлацкий Ф.** Русские государи. — М.: Шарк, 1996
- Валентинов Н.В.** Малоизвестный Ленин. — Париж, 1972
- Валентинов Н.В.** Встречи с Лениным. — Нью-Йорк, 1981
- Валентинов Н.В.** Наследники Ленина. — Вермонт, 1990
- Валишевский К.** Первые Романовы. — М.: ИКПА, 1989
- Валишевский К.** Иван Грозный. — М.: ИКПА, 1989
- Валишевский К.** Петр Великий. — М.: ИКПА, 1990
- Валишевский К.** Смутное время. — М.: ИКПА, 1989
- Васильева Л.** Кремлёвские жены. — М.: Новости, 1995

Васильева Л. Дети Кремля. — М.: Атлантида, 1996

Вождь. Ленин, которого мы не знали. — Сб., Саратов, 1992

Волкогонов Д. Ленин. 1-2 т. — М.: Новости, 1994

Волкогонов Д. Семь вождей. 1-2 т. — М.: Новости, 1995

Волкогонов Д. Триумф и трагедия. И.В.Сталин. 1-4 т. — М.: Новости, 1989

Войнов В. Отравленные пули... — Комс. правда. — 1990. — 29 авг.

Гнедин Е.А. Катастрофа и второе рождение. — Амстердам, 1977

Горбачев М.С. Августовский путч. — М.: Новости, 1991

Горбачева Р.М. Я надеюсь... — М.: Книга, 1991

Горький Максим. Несвоевременные мысли. — Мюнхен, Посев, 1975

Горюнов А. Борис Ельцин... — Свердловск: Клип, 1991

Грачев А. Кремлевская хроника. — М.: 1994

Ельцин Б.Н. Записки президента. — М.: 1994

Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. — Вильнюс: 1990

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. — М.: АПН, 1970

Забелин И.Е. История города Москвы. — М.: Столица, 1990

Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. — М.: Книга, 1990

Земцов И. Черненко. — М.: 1989

Замятин Л.М. Горби и Мэги. — М.: ВИНТИ, 1995

Зенькович Н. Покушения в Кремле: от Ленина до Ельцина. — М.: Инфра, 1995

Зенькович Н. Тайны кремлевских смертей. — М.: Надежда, 1995

Изюмова Н. «Века уж дорисуют видно...» — Моск. новости. — 1987. — 1 ноября

Иностранцы о Древней Руси. — М.: Столица, 1991

Иоффе З. Был ли Ленин отравлен Сталиным? — За рубежом. — 1990, №40

Каргалов В.В. Конец ордынского ига. — М.: Наука, 1984

Кириков Б.М. Углич. — Ленинград: Художник, 1984

Кларк Р. Ленин. Человек без маски. — М.: 1989

Ключевский В.О. Сочинения. I-III т. — М.: Мысль, 1987

Колесник А. Мифы и правда о семье Сталина. — М.: Политпросвет, 1990

Колесник А. Хроника жизни семьи Сталина. — Харьков: Интербук, 1990

Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. — М.: Культура, 1990

Конквест Р. Большой террор. — Флоренция, Аврора, 1974

Коробейников А.А. Горбачев: другое лицо. — М.: Республика, 1996

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей. Изд. П.П.Сойкина, 1915, в 2-х т.

Костомаров Н.И. Личность царя Ивана В. Грозного. — М.: Книга, 1988

Костомаров Н.И. История России. — Петроград: 1915

Костомаров, Забелин. О жизни, быте и нравах русск. народа. — Сб., М.: 1996

Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. — М.: 1972

Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. — М.: Март, 1996

Ленин Владимир Ильич. Биографическая хроника. — М.: 1970

Лигачев Е.К. Загадки Горбачева. — Новосибирск: Интербук, 1992

Ломброзо. Гениальность и помешательство. — М.: ТАМП, 1990

Любимов Л.Ю. Искусство древней Руси. — М.: Просвещение, 1974

Мальков П. Записки коменданта Кремля. — М.: Молодая гвардия, 1967

Марьямов Г. Кремлёвский цензор. — М.: Киноцентр, 1992

Медведев В. Человек за спиной. — М.: 1994

Медведев Вадим. В команде Горбачева. — М.: 1994

Медведев Жорес. Андропов. — Оксфорд, 1985

Медведев Жорес. Горбачев. — Оксфорд, 1986

Медведев Рой. Личность и эпоха. — М.: 1991

Медведев Рой. Генсек с Лубянки. — М.: 1993

Млынарж Зденек. Холодом веет от Кремля. — Нью-Йорк: 1988

Никитин Б. Роковые годы. — Париж, 1937

Новаковский В.И. Рассказы о Петре Великом. — М.: Панорама, 1992

Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. — Нью-Йорк: 1983

Осипов В. Болезнь и смерть Ленина. — Огонек, 1990, №4

Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. — М.: Мысль, 1985

Переписка Ивана Грозного с А.Курбским. — М.: Наука, 1981

Переписка Сталина с Президентом США и Премьер-Министром Великобритании. — М.: 1976

Петров А. О предках и потомках Ленина. — ЛиФ. — 1990. — 23июня

Подляцук П. Товарищ Инесса. — М., 1987

Попцов О. Хроника времен царя Бориса. — М.: Сов.секретно, 1996

Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. — Париж, 1937

Прушинский К. Ночь в Кремле. — М.: Сов.Секретно, 1989, №3

Пушкарев С. Тайный союз Ленина с Вильгельмом II. — Нов. жизнь. — 1991. — №3-4

Рассказы о русской истории. — М.: Кстати, 1995

Рейган Нэнси. Мой черед. — М.: Иностранлит, 1991, №9

Родимцева И.А. Московский Кремль. — М., 1989

Россия XV-XVII веков глазами иностранцев. — Ленинград, Ленгиз, 1986

Рыжков Н. Перестройка: история предательства. — М.: Новости, 1992

Семичастный В.Е. Как смещали Н.С.Хрущева. — АиФ. — 1989, №20

Симонов К. Глазами человека моего поколения. — Знамя, 1988, №3-5

Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». — М.: Мысль, 1985

Скрынников Р.Г. Борис Годунов. — М.: Наука, 1983

Соловьев В., Клепикова Е. Борис Ельцин. — М., 1995

Соловьев В., Клепикова Е. Заговорщики в Кремле. — М.: Центр искусств, 1991

Соловьев В., Клепикова Е. Юрий Андропов: тайный ход в Кремль. — СПб., 1995

Солоухин В.А. При свете дня. — М., 1992

Степанков В., Лисов Е. Кремлёвский заговор. — М., 1992

Соломон Г. Ленин и его семья. — М., 1992 (Париж, 1931)

Судоплатов П. Разведка и Кремль. — М.: ТОО «Гей», 1996

Тарле Е.В. Наполеон. — М.: Прогресс, 1992

Толстой А.К. Князь Серебряный. — М.: Молодая гвардия, 1986

Троцкий Лев. Сталин. 1-2 т. — М.: ИПЛ, 1990

Троцкий Лев. Ленин. — М.: ИПЛ, 1991

Ульянова М.И. О В.И.Ленине и семье Ульяновых. — М., 1989

Фишер Л. Жизнь Ленина. — Лондон,

1970

Форбс Колин. Вождь и призрак. — М.: Вагриус, 1993

Хасбулатов Р.И. Великая российская трагедия. — М.: СИМС, 1994

Хроника путча. — Ленинград, 1991

Хрущев Н.С. Воспоминания. — Нью-Йорк, Чалидзе, 1979

Хрущев Сергей. Пенсионер союзного значения. — М.: Изд. Правда, 1989

Чазов Е.И. Здоровье и власть. — М.: 1991

Чернов В. Рождение революционной России. — Прага, 1934

Чернов В. Ленин глазами соперника. — Огонёк, 1991, №17

Чернов В. Милостивый государь... — Megapolis-Express. — 1991. — 31 янв.

Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. — М.: Культура, 1993

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. — М.: Терра, 1990

Шагинян М. Предки Ленина. — М.: Новый мир, 1937, №11

Шагинян М. Семья Ульяновых. — М.: Известия, 1970

Шмидт-Хауэр. Горбачев. Дорога к власти. — Лондон, 1988

Штурман Дора. В.И.Ленин. — Париж, 1989

Шуб Д.Н. Биография Ленина. — Нью-Йорк, 1948

Эссен М. Инесса Арманд. — М.: Госиздат, 1925

Яковлев Е. Прощание. — Моск. Новости. — 1987. — 18 янв.

A.N.,R.N.& K.S. Russian Dies Laughing. —
Andre Deutsch, London,1982

Barron John. KGB. — Gorgi Books,
London, 1975

Cole David. Josef Stalin. — Rich &
Cowan, 1942

Heller & Nekrich. Utopia in Power. —
Hutchinson, London, 1988

Hingley Ronald. Joseph Stalin. —
Hutchinson of London, 1974

Hutton Bernard. The Great Illusion. —
London, 1970

Lewis J.& Whitehead P. Stalin. —
Thames Mathuen, London, 1990

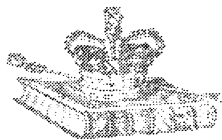
Klein M. & Klein A. The Kremlin. —
MacMillan, 1973

Khrushchev Remembers. — Andre
Deutsch, London, 1971

Roosevelt Selwa. Keeper of the Gate. —
Simon and Schuster, 1990

Sheehy Gail. The Man Who Changed
The World. — HarperCollinsPubl.,NY,1990

Wittlin Thaddeus. Commissar. —
Macmillan, NY, 1972

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
РУСЬ БАСУРМАНСКАЯ	12
ДИКИЕ МОТИВЫ ДАЛЕКИХ ВРЕМЁН	28
ЛЖЕ-КОРОЛИ	54
НАЧАЛО РОМАНОВЫХ	74
ВЕЛИКИЙ ШКИПЕР	90
НАПОЛЕОН В КРЕМЛЕ	120
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
ВОЖДЬ ОКАЯННОГО ВРЕМЕНИ	132
СТРАНА И ДЕСПОТ	176
КУЗЬКИНА МАТЬ	254
КУЛЬТ БЕЗ ЛИЧНОСТИ	306
ЖАНДАРМ В СМОКИНГЕ	344
ЛИДЕР, КОТОРОГО НЕ ЗАМЕТИЛА ИСТОРИЯ	362
«ПРИНЦ ГАМЛЕТ» НА КРЕМЛЁВСКОЙ СЦЕНЕ	374
СОКРУШИТЕЛЬ ВЛАСТИ	408
БИБЛИОГРАФИЯ.....	458

Сол Шульман

ВЛАСТЬ И СУДЬБА

Оформление Л. Дружининой

Ответственный за выпуск А. Рыбакова
Технический редактор М. Столярова
Корректор И. Объяедкова
Компьютерная верстка А. Гайс

Издательская лицензия №070512 от 9.06.97

Подписано в печать 15.12.97. Формат 70x100/16. Бумага типографская №1.

Печать офсет. Усл.п.л. 37,7. Тираж 11000 /4200 - первый завод/. Заказ № 1.

Издательство «Остожье». 107005, Москва, Бауманская ул., д. 50/12.

При участии ПИ ИПФ «Ставрополь»

Государственное предприятие издательско-полиграфическая фирма
«Ставрополь». 355012, Ставрополь, ул. Спартака, 8

OCR - Давид Титиевский, январь 2017 г., Хайфа

ΦΟΡΣΑЦ

